

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный университет
Удмуртский государственный университет
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Исторический факультет УдГУ
Кафедра дореволюционной отечественной истории

**«СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием посвященной
90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой
и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского
Ижевск, 20–21 ноября 2012 г.

Ижевск
Издательство «Удмуртский университет»
2012

УДК 94(47):316.34(063)
ББК 63.3(8)-28я 431
С 692

Рецензенты:

А.Б. Головкин – д.и.н., проф. (Киев)
Ю.В. Кривошеев – д.и.н., проф. (С.-Петербург)
Г.П. Мягков – д.и.н., проф. (Казань)

Редколлегия:

А.В. Башев, В.В. Долгов, А.Е. Загребин, М.Г. Иванова,
С.Л. Мельников, В.В. Пузанов, Н.В. Халявин

Отв. ред. и сост. В.В. Пузанов

С 692

Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20–21 ноября 2012 г. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 426 с.

ISBN

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность», посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского.

Издание подготовлено кафедрой дореволюционной отечественной истории УдГУ, Центром истории образования, науки и культуры УдГУ, Центром изучения истории Средневековой Руси. Предназначается для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, магистров, студентов специалитета и бакалавриата, учителей, всех интересующихся историей.

ISBN

© Удмуртский государственный университет», 2012

С.Л. Мельников, В.В. Пузанов
(г. Ижевск)

**ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ: МАРИЯ МИХАЙЛОВНА
МАРТЫНОВА (1922–2003)**

Мария Михайловна Мартынова родилась 5 июня 1922 г. в г. Сарапуле, здесь прошло ее детство, оказавшееся очень коротким. Маша была первенцем в семье и когда в 1929 г. умерла ее мать, она, семилетняя девочка, взяла на себя заботу о двух младших братьях. Видимо, тогда и стали закладываться те удивительные черты характера, которые всегда отличали М.М. Мартынову: необычайное трудолюбие, самостоятельность, отзывчивость, естественная потребность проявлять заботу об окружающих ее людях.

В 1930 г. Маша Мартынова перешагнула порог своей первой школы (начальная школа № 3 на Старцевой горе). Приобретенные с раннего детства педагогические способности, привычка заботиться о младших предопределили выбор дальнейшего пути. По окончании «семилетки», в 1937 г., Мария Мартынова поступила в Сарапульское педагогическое училище. В 1940 г., получив среднее специальное образование, девушка поехала в Москву, поступать на исторический факультет МГУ. Экзамены были успешно сданы, однако учиться на «факультете Соловьева и Ключевского» ей не пришлось. Медкомиссия выявила у нее «базедову болезнь» и отказала в приеме. Это была трагедия. Не только разбилась заветная мечта, но и обнаружился тяжелый недуг, который многие считали неизлечимым.

Трудно передать словами те чувства, которые пережила семнадцатилетняя девушка, получив такой «приговор судьбы». Возвратившись в родной Сарапул, она поступила работать воспитателем в детский туберкулезный санаторий. Опасность заразиться страшной болезнью ее не пугала. Было единственное желание как можно больше помочь нуждающимся.

Весной 1941 г. Мария Михайловна приехала в Ижевск и поселилась в доме своей тети. К счастью, ей повстречался настоящий врач, представитель «старой школы» — Гречков Алексей

Михайлович. Доктор посоветовал девушке неожиданное «лечебное средство» — сырую воду из водопровода («секрет» заключался в том, что водозабор осуществлялся из Ижевского пруда, куда попадала вода минеральных источников). И болезнь отступила. Пожалуй, это была первая крупная победа в жизни Марии Михайловны. Победа не только над болезнью, но и над собой.

В августе 1941 г. М.М. Мартынова поступила на исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института. Впереди были трудные военные годы. Помимо учебы студенты помогали стране и фронту: разгружали вагоны, ухаживали за ранеными, собирали средства для Красной Армии... В летние месяцы обрабатывали поля и собирали урожай в районе деревни Забегалово, а осенью вновь садились за учебные парты.

В УГПИ в военное время работал ряд видных ученых, эвакуированных с оккупированных врагом территорий СССР. Особое влияние на становление М.М. Мартыновой как специалиста оказал академик В.Н. Перцев. Образовательный процесс проходил на высоком уровне благодаря не только квалификации преподавателей, но и тому обстоятельству, что академические группы, нередко, состояли из нескольких человек. По воспоминаниям Марии Михайловны, аудитория считалась «заполненной», если в ней присутствовало два человека. Поэтому лекции и семинары зачастую превращались в интенсивное индивидуальное обучение.

В студенческие годы М.М. Мартынова вела большую общественную работу: являлась редактором институтской стенгазеты, возглавляла комсомол УГПИ, была членом райкома и членом бюро горкома комсомола.

По окончании учебы в сентябре 1945 г. М.М. Мартынова была зачислена в штат исторического факультета УГПИ ассистентом кафедры истории, разделившейся вскоре на кафедры всеобщей истории и истории СССР. К тому времени вуз испытывал серьезный кадровый голод, так как эвакуированные на время войны специалисты вернулись в родные места. На ответственного и исполнительного молодого преподавателя кафедры истории СССР взвалили огромную учебную и общественную нагрузку. С тех пор и до середины 1990-х гг. Мария Михайловна выполняла самый большой объем преподавательской работы среди сотрудников исторического факультета. Хорошая профессиональная подготовка, широкий кругозор и глубокая эрудиция позволяли ей читать самые разнообразные курсы: по отечественной истории до начала XX в., историографии, источниковедению, архивоведению, истории Удмуртии. Большим успехом у студентов

пользовались разработанные ею спецкурсы: «Аграрные отношения в России периода империализма», «Историческая география», «История русского искусства», «Образование Русского централизованного государства».

Большое внимание М.М. Мартынова уделяла работе со школой, начальной профориентации. Ее любимая поговорка: «Историка нужно готовить с детства».

В разное время М.М. Мартынова выполняла обязанности декана и зав. кафедрой, в 1949–1950 гг. была секретарем партийной организации пединститута. Она явилась одним из инициаторов создания в 1982 г. кафедры дореволюционной отечественной истории, на которой проработала до своего последнего дня.

В науке Мария Михайловна принадлежала к числу тех ученых, кто написал сравнительно немного трудов, но чьи исследования имеют непреходящее значение в изучении определенной темы. В настоящее время ни одна работа, посвященная социально-экономической истории Поволжья и Приуралья, не может не учитывать научных результатов, полученных М.М. Мартыновой.

Путь М.М. Мартыновой в большую науку был тернистым. Огромная загруженность учебной и общественной работой, тяжелый домашний быт (Мария Михайловна, рано овдовев, одна «поднимала на ноги» сына), готовность пожертвовать собственными интересами ради общего дела, интересов коллег не позволили ей в полной мере реализовать свой незаурядный исследовательский талант. Необходимо учитывать также общую атмосферу педвуза (УГПИ был реорганизован в УдГУ только в 1972 г.), в котором наука не играла существенной роли. Тем веселее выглядят результаты научной деятельности М. М. Мартыновой.

Основная сфера исследовательских интересов Марии Михайловны — аграрные отношения в Вятской губернии конца XIX — начала XX в. и удмуртская община (бускель). Ученица известного советского историка, Владимира Васильевича Адамова, М.М. Мартынова принадлежала к знаменитому «новому направлению», оформившемуся в советской историографии в 1960-е гг., последователи которого перенесли акцент с изучения зрелых форм капитализма в России начала XX века на анализ «взаимодействия» и «срачивания» передовых форм капитализма с остатками докапиталистических укладов. Особое место в научной деятельности М.М. Мартыновой занимало изучение столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии, места и роли земств в ее проведении. Значительное внимание М.М. Мартынова уделяла структуре поземельных отношений, развитию производительных

сил в сельском хозяйстве Вятской губернии, межэтническим контактам, социальной и этнической психологии. Она первой применительно к нашему региону, и одной из первых в стране, стала обращать пристальное внимание на скрытую, глубинную часть общественного сознания, ее влияние на социально-экономическое развитие деревни. Благодаря этому взгляд на ту или иную научную проблему у М.М. Мартыновой получается объемным, цельным и удивительно образным.

М.М. Мартынова была активным участником знаменитой конференции «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)», состоявшейся в мае 1969 г. в Свердловске. Конференция стала научным триумфом «нового направления» и, одновременно, «лебединой песней». Оппоненты, не одержав виктории в научном споре, задействовали административный ресурс. В марте 1973 г. отдел науки ЦК КПСС, по докладу С.П. Трапезникова, принял постановление, обвинившее «новое направление» в ревизионизме, в отступлении от ленинского анализа движущих классовых сил в Октябрьской социалистической революции и т.п. Направление было разгромлено, а главный рассадник «ереси», сектор истории СССР периода империализма Института истории СССР АН СССР — закрыт. Учитель М.М. Мартыновой, В.В. Адамов, подвергавшийся, пожалуй, наиболее ожесточенной критике, был отстранен от должности заведующего кафедрой истории СССР Уральского государственного университета¹.

Мария Михайловна тяжело переживала эти события. Ни тогда, ни после она не отказалась от своих научных убеждений. Не только в публикациях, но и в учебной работе она продолжала развивать идеи «нового направления», прививая студентам творческий подход к исследовательской деятельности, свободный от устоявшихся в науке догм и формализма.

Со студентами у нее всегда были ровные, дружеские отношения. В каждом из них она видела талантливую личность, которой только нужно помочь развить свои способности. Ее ученики, помимо глубоких знаний, привитых Учителем, получили от нее другой, более значимый жизненный урок — урок глубокой нравственности. Вспоминается маленькое помещение кафедры в 1980-е гг. (нынешняя ауд. 415), стол справа от входа, Мария Ми-

хайловна, корпящая над кипой бумаг. Но студенты, какой бы ни была загруженной, какую бы срочную работу не выполняла (а она, фактически, вела всю документацию на кафедре, составляла учебную нагрузку, писала отчеты...) — это святое. Тотчас бумаги отодвигаются в сторону, снимаются старенькие очки с затемненными стеклами, открывая добрые, с легкой лучинкой, красные от переработки и недосыпания глаза и все внимание тебе; не важно, пришел ли проконсультироваться по научному вопросу, либо просто поговорить о жизни. А к ней приходили не только по учебным или научным проблемам, но и в трудную жизненную минуту, когда было тяжело на сердце... Ее душа, знания и опыт были всегда открыты людям, как и ее домашняя библиотека, которой активно пользовались и преподаватели и студенты. На всю жизнь запомнились ее слова, адресованные нам, начинающим преподавателям: «Никогда не надо выяснять отношения со студентами. Надо выяснять отношения не со слабыми, а с равными или более сильными».

За долгую трудовую жизнь М.М. Мартынова осуществила 56 выпусков студентов, 57-й — не успела... Умерла весной 2003 г., перед началом итоговых экзаменов...

Утро, 2-й учебный корпус... Спешащие на пары преподаватели и студенты... Кажется, как всегда. Но никогда уже в потоке этого «муравейника» не поднимется медленной, усталой походкой Мария Михайловна, не улыбнется в ответ на традиционное «здравствуйте!» и не скажет мягким, негромким, с особыми интонациями, голосом: «Привет!».

В.В. Долгов, В.В. Пузанов
(г. Ижевск)

**ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ: БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
ПЛЮЩЕВСКИЙ (1912–1998)**

Борис Григорьевич Плющевский родился 10 августа 1912 г., в Санкт-Петербурге, в семье царского генерала, потомственного военного. В 1917 г. его отец перешел на сторону революционного

¹ Подр. см.: Мельников С.Л., Пузанов В.В. К 80-летию Марии Михайловны Мартыновой // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1. С. 6–12.

народа, принимал активное участие в строительстве Красной армии. В годы гражданской войны «занимал ответственные командные посты, начальник штаба 7 армии, в 1919 г. защищавшей Ленинград от Юденича и разгромившей белофинов, пытавшихся наступать на Петрозаводск (Видлицкая операция)»¹. Именно в разгар тех ожесточенных боев с маленьким Борисом и его мамой произошла курьезная история, которая вполне могла закончиться трагично. Пока генерал Плющевский воевал, его семья проживала в Гатчине и, судя по всему, вела размеренную и привычную для нее жизнь. В момент наибольшего продвижения на северную столицу, белые заняли Гатчину. Генерал Плющевский в списках их контрразведки числился как предатель, перешедший на службу к красным и подлежал ликвидации. И вот «белые особы» пожаловали на квартиру «красного генерала». Семилетнего Бориса с матерью дома не было: они пошли на традиционную ежедневную прогулку. Дверь открыла горничная. На вопрос, здесь ли проживает генерал Плющевский, она искренне ответила: «Господин генерал на фронте» (для нее он был и остался «господином генералом»). Этот ответ смутил контрразведчиков («господин», а не «товарищ генерал»), они решили еще раз проверить соответствующую информацию и... — через день другой город отбили красные².

После гражданской отец продолжил службу в Красной армии. В 1937 г. «необоснованно был репрессирован в связи с «делом Тухачевского». Умер в лагерях в 1942 г. Посмертно реабилитирован»³. Незадолго до ареста ему, как опытному штабисту, было поручено обобщить опыт боев гражданской войны. Он с энтузиазмом принялся за эту колоссальную работу, но увы...

Борис Григорьевич к тому времени закончил аспирантуру при ЛГУ (1934–1937 гг.), в которую он поступил после окончания исторического отделения (исторический факультет восстановят только в 1934 г.). Учился у известных историков: Б.Д. Грекова, М.Д. Присьелкова, С.Н. Валка, Е.В. Тарле, О.Л. Ванштейна, С.И. Ковалева и др. Арест отца помешал защите кандидатской диссертации: вместе

с мамой он, как сын репрессированного, был направлен в Киргизию в административную высылку. Из воспоминаний Б.Г. Плющевского: «Годы административной высылки оставили тяжелые воспоминания. Чувство приниженности, обусловленное нашим положением, трудности с устройством на работу (первые полгода вообще не работал), материальные трудности. Правда, положение постепенно менялось. Зарекомендовав себя, я был принят на работу в Киргизский педагогический институт, вел большую лекторскую работу среди населения. Еще до реабилитации отца, в 1949 г. административная высылка была с меня снята. В этом мне содействовал академик Б.Д. Греков, депутат Верховного Совета СССР, к которому я обратился с письмом, и который меня знал еще в годы моей аспирантуры при ЛГУ»¹.

Б.Г. Плющевскому, несомненно, была уготована судьба успешного столичного ученого, но он превратностью судьбы оказался в 1949 г. в Ижевске и был принят на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР УГПИ. Для института это было счастливое приобретение. Одним своим обликом, врожденным благородством и манерами, в которых никакая ссылка не смогла искоренить петербургской интеллигентности, он являл собой образец для подражания.

Настоящих, природных, не самозванных аристократов УГПИ–УдГУ не видел до, и не увидит никогда после проф. Б.Г. Плющевского. Это был своего рода культурный эталон для формирующейся провинциальной интеллигенции. Борис Григорьевич даже по телефону умудрялся говорить изысканно. Чего стоила одна только его исполненная достоинства фраза, произносимая совершенно непривычной для нашего ижевского уха спокойно-неторопливой интонацией: «Плющевский у аппарата».

Проф. Б.Г. Плющевский был талантливым ученым и педагогом. Лекции эти отличались великолепной структурированностью и тем, что Борис Григорьевич, даже находясь в весьма преклонном возрасте, был в курсе всех книжных и журнальных новинок (основные исторические и философские научные журналы он выписывал до конца своей жизни, изыскивая немалые средства из ставшей вдруг скудной, с началом 1990-х гг., профессорской пенсии), читал материал с учетом последних достижений отечественной науки. Правда, он иногда путался, и прочитывал одну и ту же лекцию по два раза, но студенты не перебивали его, поскольку слушать его размеренную речь было одно удовольствие.

¹ Плющевский Б.Г. Автобиография // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 2. С. 209.

² Эту историю поведала одному из авторов М.М. Мартынова, с которой Борис Григорьевич, обычно скупой на рассказы о себе, иногда делился воспоминаниями. М.М. Мартынова не только опекала Б.Г. Плющевского на факультете (вела за него рутинные кафедральные дела), но и была его соседкой по лестничной площадке в преподавательском доме на ул. Ломоносова за 2-м учебным корпусом УдГУ.

³ Плющевский Б.Г. Автобиография. С. 209.

¹ Плющевский Б.Г. Автобиография. С. 209.

Добросовестность и пунктуальность Бориса Григорьевича были образцовыми. В аудиторию он всегда входил строго по звонку, и строго по звонку заканчивал свои занятия. При этом всегда «укладывал материал», как хороший снайпер обойму в мишень, «тик в тик». Обычно он, читая лекцию, не стоял за кафедрой, а ходил между рядами и вслух не «транслировал/воспроизводил», а осмысливал материал, в форме, одновременно, и строго научной, и хорошо понятной для студентов. Истинный ценитель поэзии (Борис Григорьевич и сам писал очень хорошие стихи¹), он всегда мог найти в нужный момент в бездонных тайниках своей памяти необходимые строки... и процитировать, артистично и изящно.

О культуре речи и мысли Б.Г. Плющевского – разговор особый. Вспоминаются его консультации с дипломниками (на которые, как и на лекции, он никогда не опаздывал), когда почтенный профессор, заложив руки за спину, ходил по кафедре и диктовал нерадивому студенту текст. Поразительно, но этот импровизированный, проговоренный им текст, не требовал никаких редакционных правок. В нем не было ни лишнего слова, ни стилистической небрежности.

Борис Григорьевич был блестящим полемистом, мог «выкрутиться», казалось бы, из абсолютно безвыходного положения, за счет нестандартности и необычайной пластичности мышления. Этот свой дар он использовал не только в научных баталиях, но и в студенческой аудитории. Чего греха таить, но и прежде, и теперь, многие преподаватели, особенно «маститые ученые», не любят, когда с ними не соглашаются. Это воспринимается как неуважение, чуть ли не кровная обида. Б.Г. Плющевский, напротив, очень любил, когда с ним спорили студенты. Он поощрял полемику. Бывало, прозвонит звонок, лекция закончится, основная масса студентов разбежится по своим делам, а профессор и один или несколько студентов продолжают оживленно дискутировать. И только звонок на следующую пару прерывает эту занимательную для обеих сторон беседу.

Сфера научных интересов Б.Г. Плющевского лежала в области социально-экономической истории России I-й половины XIX в., историографии отечественной истории, философии и методология истории. Таким образом, главным объектом его исследований была не местная, а общероссийская проблематика,

что являлось нетипичным для регионального вуза. Впоследствии, являясь заведующим кафедрой дореволюционной отечественной истории, Б.Г. Плющевский будет поддерживать в начинающих исследователях желание заниматься общероссийской тематикой. В настоящее время эти два направления исследований в равной степени представлены в трудах преподавателей кафедры.

Путь Б.Г. Плющевского к ученой степени был долгим. В аспирантуре темой исследования была запланирована «История Калмыкии». В период административной высылки исследователь работать над темой «История внешней политики Анны Иоанновны». По словам самого Б.Г. Григорьевича, диссертация была практически написана, но он отказался от защиты. Причина заключалась в том, что в Киргизии у невыездного ученого не было возможности детально отслеживать историографию вопроса. Когда же автор вернулся на «большую землю», оказалось, что уже написаны работы по данной тематике и диссертация утратила элемент новизны.

В УГПИ Б.Г. Плющевский начал работу над новой темой – «Государственные крестьяне Вятской губернии и реформа П.Д. Киселева». Этот опыт оказался успешным; в 1954 г., в родном ЛГУ, Борис Григорьевич успешно защитил кандидатскую диссертацию. Там же, двадцать лет спустя была защищена докторская – «Крестьянский отход на территории Европейской России в последние предреформенные десятилетия (1830–1850 гг.)».

Своими изысканиями Б.Г. Плющевский продолжал традицию фундаментальных работ по истории «народных масс», истории крестьянства, истоки которой восходят к либеральной историографии XIX в., в контексте которой научная работа понималась как возвращение интеллигенцией долга «простому народу».

Работы его были посвящены в основном государственным крестьянам. «При разработке названия темы следует исходить из положения В.И. Ленина о своеобразном характере феодальных отношений, сложившихся на землях, занятых государственными крестьянами. В качестве феодала-эксплуататора по отношению к последним выступало само крепостническое государство, владевшее на основе феодальной формы собственности землей, взимавшее с них денежную и отработочную ренту ("отработочная подать", разнообразные трудовые повинности). Форма эксплуатации, которой подвергались государственные крестьяне, была легче, по сравнению с гнетом, ложившемся на плечи

¹ В 2005 г. Ирина Владимировна Плющевская, вдова Бориса Григорьевича, опубликовала небольшую толику его творчества: *Плющевский Б.Г.* Стихи и поэмы. Ижевск, 2005.

помещичьих крестьян, но феодальный характер ее несомненен»¹, – писал Б.Г. Плющевский.

В своих работах он прослеживал, как процесс прогрессирующего разложения крепостнической системы отражается на положении отдельных групп русского крестьянства. В реформе П.Д. Киселева Б.Г. Плющевский усматривал неудачную попытку государства показать «возможность преодоления кризиса крепостнической системы без потрясения социальных основ ее»².

Известно, с каким трудом защищались в УГПИ и первые годы УдГУ диссертации, тем более докторские. Какое внимание каждому, кто занимался написанием диссертации, уделяло руководство вуза. Некоторые не по разу уходили в так называемый «творческий» отпуск, но так и не защитились. Б.Г. Плющевский был первым в нашем вузе, кто защитил докторскую, не уходя на должность научного сотрудника. Казалось бы, «мелкая деталь», но как точно и емко она характеризует личность Б.Г. Плющевского. Нести свою ношу, какой бы она тяжелой не была, не обременяя собой окружающих – вот его жизненное кредо.

Борис Григорьевич Б.Г. Плющевский до конца своих дней оставался горячим патриотом России, верным сыном Отечества. Ни смерть отца в сталинских лагерях, ни административная высылка в Среднюю Азию, ни загубленная «столичная карьера», не поколебали его жизненные принципы, его веры в Россию.

До конца дней своей жизни он оставался верен и коммунистической партии, остро переживал развал СССР и деградацию страны. Это не была слепая, фанатическая «вера в идеологию». Это был глубоко осознанный, нравственный, гражданский и научный выбор. Его можно принимать, или отвергать. Но нельзя не приклоняться перед стойкостью и верностью своим идеалам.

¹ Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. С. 128.

² Там же. С. 150. – Подр. о научной концепции Б.Г. Плющевского см.: Мартынова М.М. Профессор Борис Григорьевич Плющевский // Вестн. Удмурт. ун-та. 2007. № 7. Сер. «История». С. 193–200.

Н.В. Халявин

г. Ижевск

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ Б.Г. ПЛЮЩЕВСКОГО В ЦЕНТРЕ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ УдГУ

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения Бориса Григорьевича Плющевского. С 1965 по 1987 гг. он был заведующим кафедрой истории СССР сначала в Удмуртском государственном педагогическом институте, а потом в Удмуртском государственном университете.

На историческом факультете многие и сейчас помнят Бориса Григорьевича, его мягкую речь, вдумчивые лекции, спокойное и внимательное ко всем отношение.

Судьба этого человека была нелёгкой. Родился Б.Г. Плющевский 10 августа 1912 г. в Санкт-Петербурге, в семье русского офицера. После школы поступил на исторический факультет Ленинградского университета, потом закончил аспирантуру, но диссертацию защитить не успел, так как отца в 1937 г. репрессировали по «делу Тухачевского», а самого Б.Г. Плющевского вместе с матерью выслали в Киргизию.

Свой «фрунзенский период» Борис Григорьевич вспоминал, как время лишений, материальной нужды. В Киргизии его долго не брали на работу, потом он работал в школе, позже удалось устроиться в местный пединститут. Как ссыльного сына арестованного офицера Б.Г. Плющевского не взяли на фронт, военные годы он провел в Киргизии. После войны административная высылка была снята, этому способствовал академик Б.Д. Греков, за помощью к которому обратился Б.Г. Плющевский. Греков был в это время уже известнейшим историком, депутатом Верховного Совета СССР, а Плющевского знал ещё по ленинградской аспирантуре. Вскоре был реабилитирован отец.

С конца лета 1949 г. Б.Г. Плющевский обосновался в Ижевске. 27 августа 1949 г. его зачислили в УГПИ на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР. В 1954 г. он защи-

тил кандидатскую диссертацию «Государственные крестьяне Вятской губернии и реформа П.Д. Киселёва», а в 1974 г. докторскую – «Крестьянский отход на территории Европейской России в последние предреформенные десятилетия (1830–1850 гг.)», работу, до сих пор не утратившую своей актуальности. Кстати, обе диссертации Б.Г. Плющевский защитил не прерывая свою преподавательскую и административную деятельность в вузе¹.

Человеческую жизнь можно уложить в пять абзацев на одной страничке, но можно ли разобраться и понять что пережил, что прочувствовал этот человек в течение своей жизни! Для истории УГПИ–УдГУ фигура Б.Г. Плющевского значит многое. По счастью, сохранился довольно большой архив учёного. Работа с ним ещё ждёт своего часа, но даже краткий обзор того, что он содержит, позволяет надеяться, что история жизни Б.Г. Плющевского, а через неё и история нашего вуза, получит новые черты.

Большую часть архива, как и положено для учёного-историка, составляют научные материалы, то, что было рабочей «кухней» Б.Г. Плющевского – текст диссертации, черновики, многочисленные выписки из источников, интереснейшие заметки на полях... Борис Григорьевич интересовался, прежде всего, историей крестьянства, но много выписок делал и по историографии истории России, истории общественной мысли, истории культуры. Для исследователя творчества учёного многое скажет аккуратность и тщательность ведения выписок, а адреса архивов и библиотечных фондов помогут составить географию поиска материалов.

Много места в архиве занимают разработки учебного материала – тексты лекций, планы семинарских занятий, даже сохранившиеся рабочие тетради по ведению семинаров – для каждой учебной группы Б.Г. Плющевский заводил собственную тетрадь, где не только отмечал присутствующих и пройденные темы, но и записывал свои замечания на полях, фиксировал возникающие вопросы. Интерес представляют и сохранившиеся курсовые и дипломные работы, написанные под руководством Бориса Григорьевича и сохранившие его замечания.

Присутствуют в архиве Б.Г. Плющевского и разного рода официальные документы – от личных (трудова книжка (где есть, например, записи на киргизском), профсоюзный билет и т.п.) до тех, что сопровождали повседневную работу (протоколы

заседания кафедры, учебные планы и пр.). Среди прочего есть выписка из заседания кафедры, на которой обсуждалась докторская диссертация Б.Г. Плющевского, с выступлением В.Е. Майера по этому поводу: *«Диссертация, благодаря отличному стилю, может быть поставлена в один ряд с лучшими работами нашей историографии по этой теме»*.

Небольшой фонд составляют личные вещи Бориса Григорьевича (профессорские портфели, настольная лампа, печатная машинка, письменные приборы, маленькие шахматы), позволяющие лучше представить быт советского учёного. Фотоматериалов сохранилось не так много, но даже эту часть фотографий, видимо, будет довольно трудно атрибутировать. Внимательному взгляду многое может сказать библиотека Б.Г. Плющевского, подаренная кафедре дореволюционной отечественной истории вдовой профессора.

Работая над диссертацией, отправляясь в командировки, Борис Григорьевич вёл дневники. В архиве осталось несколько густо исписанных тетрадок с лаконичными заметками, представляющими скорее хронику событий и краткие характеристики «для памяти», чем развернутые записи.

Особый интерес представляет эпистолярное наследие Бориса Григорьевича. Сохранилась переписка Б.Г. Плющевского с некоторыми коллегами, среди которых встречаются имена и известных советских историков: дружеское общение Борис Григорьевич поддерживал с крупным советским учёным Александром Львовичем Шапиро – у них были общие интересы, оба занимались аграрной историей и историографией истории России. *«Дорогой друг Борис!»*, - писал в поздравительной открытке к Первомаю А.Л. Шапиро, - *«Шлю Ирине Владимировне (супруга Б.Г. Плющевского – Н.Х.) и тебе наши поздравления с наступающим праздником и вместе с ними пожелания всего наилучшего. Пользуюсь случаем, чтобы известить тебя о перемене адреса: в этом месяце мы получили квартиру и притом отличную во всех отношениях, в том числе по расположению... Надеюсь теперь принять тебя в приличной обстановке»*. Друзья делились в письмах тем, что их волновало – у нас не сохранилось письма Плющевского Шапиро, в котором он выражает свою скорбь по поводу смерти Анны Ахматовой, но мы знаем, что оно было из ответа Шапиро Плющевскому: *«Да, Анну Андреевну жаль! С ней ушла в прошлое целая эпоха в русской поэзии. И какая! Я видел её ровно за 10 дней до смерти – 24.11»*.

¹ Плющевский Б.Г. Автобиография // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. № 2. 1999. С. 209–210.

Довольно обширную переписку Б.Г. Плющевский вёл с вятским историком Анатолием Васильевичем Эммаусским, здесь дружеский мотив посланий часто перекликается с деловыми вопросами. Даже в Новогодней открытке А.В. Эммаусский после поздравительных слов пишет: *«Пользуюсь случаем уточнить ссылку в статье, относительно упрощения порядка отхода вятских крестьян на горные заводы»*, но, конечно, добавляет: *«Простите за эту деловую «прозу»*. Такой «поздравительно-деловой» стиль посланий поддерживал в ответной корреспонденции и Б.Г. Плющевский.

Среди адресатов Бориса Григорьевича значатся В.В. Мавродин, М.Н. Мартынов, Г. Яровой, обменивался он письмами и с ближайшими коллегами – В.Е. Майером, А.А. Александровым, М.М. Мартыновой. Более тщательная работа с его корреспонденцией наверняка выявит и новые имена коллег-учёных.

Большую часть сохранившихся писем составляет переписка Бориса Григорьевича с его женой. Эта часть архива требует при обращении с ней, безусловно, особой деликатности. Ведь переписка не предназначалась для посторонних глаз, хотя Ирина Владимировна и передала её в архив. Надо с неизменной благодарностью принимать этот бесценный дар, сохранивший в себе свежесть эмоций двух близких людей. С каким ликованием, например, сообщает Борис Григорьевич жене о своей работе над поиском материалов для докторской диссертации в письме из Ленинграда от 3 октября 1970 г.: *«Вчера разделал одно "дело" и, даже если бы ничего другого не нашлось, и то добыча была бы завидная! Но, судя по заголовкам в описи, должно быть много однотипного материала и за другие годы, а это значит, что можно будет показать отход в динамике. Кот пританцовывает! Вечером "удил", ловил рыбку в библиотеке и тоже имел улов!»*.

Среди сохранившихся в архиве открыток довольно много приглашений от студентов на студенческие праздники, выпускные вечера. Встречаются посвящения в стихах любимому студентами преподавателю. Кстати говоря, Борис Григорьевич и сам не чужд был сочинительства. Его стихи опубликованы в небольшом сборнике 2005 г., вышедшем очень скромным тиражом. Но это далеко не вся поэзия Б.Г. Плющевского. Большая часть стихов осталась неопубликованной и таится на страницах нескольких сохранившихся в архиве тетрадей.

Свою автобиографию, рукопись которой тоже храниться в профессорском архиве, Борис Григорьевич Плющевский завершил проникновенными словами: *«На протяжении десятиле-*

тий я работал со студенческой молодежью и не ворчал на неё, как это делают иногда пожилые люди. В основном она мне нравилась. Не могу пожаловаться: студенты тоже хорошо относились ко мне. Мне много лет, но я надеюсь дожить до того времени, когда наша Родина, преодолев все трудности, снова станет процветающей и уважаемой во всём мире».

В.С. Трещев
г. Ижевск

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ М.М.МАРТЫНОВОЙ И Б.Г.ПЛЮЩЕВСКОГО В ГКУ «ЦДНИ УР»

На хранении в Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики находятся личные фонды доктора исторических наук Бориса Григорьевича Плющевского и кандидата исторических наук Марии Михайловны Мартыновой.

Борис Григорьевич родился 29 июня 1912 г. в г. Санкт-Петербурге, окончил среднюю школу в с. Гатчина Ленинградской области, учился на историческом факультете Ленинградского Государственного университета, работал младшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института Истории.

В 1938 г. окончил аспирантуру при историческом факультете Ленинградского государственного университета. После окончания аспирантуры был направлен на работу старшим преподавателем кафедры истории России в Педагогический институт г. Фрунзе Киргизской АССР.

В 1940 г. перешел на работу в Киргизскую Республиканскую школу культпросветработников, после ликвидации которой в 1941 г. работал учителем истории России в средней школе №13 г. Фрунзе Киргизской АССР, а затем – в Киргизской республиканской библиотеке.

На научную работу Борис Григорьевич вернулся в 1945 г. – старшим преподавателем кафедры истории России в Киргизском педагогическом институте. В августе 1949 г. перешел на работу в Удмуртский государственный педагогический институт на должность преподавателя кафедры истории СССР. Вся дальней-

шая его научная и преподавательская деятельность связана с Удмуртским государственным университетом.

Личный фонд Б.Г.Плющевского достаточно подробно представляет его деятельность, содержит рукописи его научных статей, отзывы и рецензии на работы его коллег, переписку по научно-исследовательской работе.

Педагогическую деятельность Бориса Григорьевича характеризуют рукописи его лекций по историографии истории СССР, истории России, СССР, Удмуртии, методологии истории.

Не менее интересны и документы, характеризующие другие стороны личности Б.Г. Плющевского. Например, его стихи, рукописный сборник которых он подготовил в 1959-м. Документы, раскрывающие его увлечение шахматам, «полюбить» которые он всегда призывал своих студентов. Судя по имеющимся в фонде дипломам и почётным грамотам, в 50-60-е годы Борис Григорьевич регулярно участвовал в чемпионатах города Ижевска по шахматам и по крайней мере дважды – в 1957-м и 1961-м – занимал первое место.

Мария Михайловна родилась в г. Сарапуле Пермской губернии в семье служащего. Окончив Сарапульское педагогическое училище в 1940-м, она год проработала воспитателем в Сарапульском детском туберкулезном санатории. В августе 1941 г. поступила на исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института, после окончания которого была зачислена ассистентом кафедры истории. С УдГУ и связана вся дальнейшая деятельность М.М.Мартыновой.

Документы личного фонда подробно характеризуют научную и педагогическую деятельность Марии Михайловны: рукописи и печатные экземпляры диссертации, научные и методические работы, список и картотеку этих работ. Также имеется коллекция диапозитивов на стекле, представляющих иллюстративный материал по изучению истории русского изобразительного искусства.

Отдельные документы ярко показывают жизнь обычного человека в советском обществе: записная книжка 50-х годов с записями о приобретении и погашении облигаций Государственных займов восстановления и развития народного хозяйства СССР, договор о продаже дома в Сарапуле 1963 года или карточка потребителя 1991-го.

Фонд содержит большое количество фотографий, представляющей М.М. Мартынову с коллегами по историческому факультету УГПИ-УдГУ в широкой исторической перспективе – от начала 50-х до конца 90-х.

Помимо документов Марии Михайловны, в фонде представлены личные документы досоветского периода её отца Михаила Степановича: аттестат, удостоверение и свидетельство Управления Сарапульского удельного округа Вятской Губернии, Самарского отделения Крестьянского поземельного банка, Сарапульского уездного по воинской повинности присутствия о стаже службы (работы) и призыве на воинскую службу М.С. Мартынова за 1908–1912 гг., исполненные на фирменных бланках этих учреждений, его расчётные книжки как счетовода Камского района лесозаготовок 1920-х гг., книжка «Золотые правила» за 1926 г., содержащая правила и требования по уходу за младенцем.

Документы личных фондов Б.Г.Плющевского и М.М.Мартыновой достаточно ярко рисуют облик создавших их людей, представляя их выдающимися учёными.

М.И. Жих

г. Санкт-Петербург

СЛАВЯНСКАЯ ЗНАТЬ ДОГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭПОХИ ПО ДАННЫМ НАЧАЛЬНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Вопрос о социально-политическом устройстве восточнославянского общества догосударственной поры является одним из ключевых для понимания древнерусского политогенеза, соответственно, нельзя сказать, чтобы он был обойдён вниманием в исторической науке. Но источниковая база, на которую приходится опираться историкам в его решении, весьма скудна: собственно восточнославянское общество этого времени, если учитывать аутентичные источники, описано только в арабской «Анонимной записке», в рассказе о славянах. Поэтому опираться учёным приходится в основном на сравнительно-исторические материалы и на данные древнерусских летописей (Повести временных лет [ПВЛ], Новгородской первой [Н1Л] и др.). И хотя вопрос о правомочности использования летописей для характеристики восточнославянского общества догосударственной поры сложен, на наш взгляд, есть серьёзные основания для его положительного решения: во-первых, археология подтвердила в общих чертах этногра-

фическую карту, нарисованную в ПВЛ¹, во-вторых, первые летописцы ещё застали славянские этнополитические союзы на завершающей стадии их существования². К тому же летописные данные можно проверять данными других источников и сравнительно-историческими материалами, относящимися, в первую очередь, к другим регионам славянской ойкумены.

Древнерусским летописям известны крупные славянские этнополитические объединения догосударственной поры: поляне, древляне, кривичи, вятичи и т.д., каждое из которых, в свою очередь, состояло из ряда более мелких этнополитических единиц, которые в силу своей локальности не попали на страницы летописей. Думается, что наиболее корректно называть летописные группировки восточных славян *этнополитическими объединениями* или *союзами* (для краткости – *этнополитиями*), так как они обладали политическим и, в известной мере, этническим единством и состояли из более мелких структурных единиц, которые условно можно называть «племенами». По справедливому замечанию А.П. Новосельцева, «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским “племенам”, как франки, саксы, бавары и т.д. которые на деле представляли уже союзы племён, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени»³.

О том, какой характер носила общественно-политическая организация восточнославянских этнополитий, в исторической науке было немало споров. По словам А.Ю. Дворниченко, «что касается летописных “племён”, то более или менее бесспорным является их “этнографический характер”. Определение остальных сущностных их черт находится на уровне известной английской пословицы: “сколько голов – столько и умов”»⁴.

Недавно А.А. Горским была выдвинута гипотеза, согласно которой общественная структура славянского общества, начиная

с VI–VII вв., носила не «племенной», а территориальный характер, так как «племенные» структуры славян были разрушены в ходе их великого расселения, в результате чего сложились новые общности на территориальной основе. Однако в свете построений А.А. Горского затруднительно объяснить один немаловажный факт: названия разных славянских этнополитий, расположенных в разных частях славянского мира, нередко повторяются. Это даёт право говорить, что они, в большинстве своём, являются осколками древних праславянских этноплеменных союзов, существовавших в эпоху, предшествующую расселению славян¹. При этом славяне сохранили старые названия, соответствующее им самосознание и субъектность, не растворились в «новых общностях», как то должно было произойти в рамках конструкции А.А. Горского. Когда на рубеже X–XI вв. в Восточной Европе произошла смена этнополитонимии, она носила поистине тотальный характер: на смену *полянам* пришли *кыяне*, на смену *словенам* – *новгородцы*, *кривичам* – *смоляне* и т.д. **Единственным** исключением были *вятичи*. При этом понятно, что сама эта тотальная смена этнополитонимов отражала какие-то глубокие сдвиги в древнерусском обществе. И есть основания полагать, что она как раз и связана с переходом от «племенных» к территориальным общественным структурам.

Одним из важнейших аргументов историка является то, что у славян, якобы, отсутствовала какая-либо недружинная («племенная») знать, а верхушка общества была представлена только князем и дружинной, служилой знатью². При этом учёный не анализировал самостоятельно данные о славянской «племенной» знати (*старцах/старейших градских/людских*³), сообщаемые русскими летописями, а сослался, как на доказанный факт, на гипотезу С.В. Завадской о книжном характере данных наименований, за которыми, согласно А.А. Горскому, не стоят какие-либо реальные категории славянского и древнерусского общест-

¹ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; *Он же*. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

² Мы считаем убедительно доказанной датировку начала древнерусского летописания как постоянного явления концом X века (Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, А.Г. Кузьмин и т.д.). При этом отдельные славянские этнополитические союзы как реальность существовали и позднее – вплоть до XI, а то и до XII в. (вятичи).

³ Новосельцев А.П. Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времён до конца XVII в. / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 2000. С. 49.

⁴ Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica antiqua*. 2006. С. 188.

¹ Трубочёв О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.

² Горский А.А. 1) О «племенной» знати и «племенах» у славян // *Florilegium*: к 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000; 2) Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9–19; 3) Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 2011. С. 129–180.

³ Большинство историков понимало их именно как некую славянскую «догосударственную» знать. Историографический обзор см.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 89–95.

ва¹. Но так ли прочен этот вывод? Важность темы заставляет нас обратиться к его критической проверке и заново рассмотреть все данные о славянской знати догосударственной поры, которые содержатся в летописях. Рассмотренные А.А. Горским источники о знати южных и западных славян требуют отдельного изучения, так созданы внешними наблюдателями, описывающими славянское общество сквозь призму тех социумов, к которым они сами принадлежали. Поэтому летописные, «внутренние», данные выходят на первый план.

Собственно, аргументация С.В. Завадской сводится к тому, что термины *старейшины* или *старцы градские*, во-первых, не являются синонимами, а во-вторых, восходят к переводной, либо церковной литературе, откуда и попали в летописи, где они употреблялись «ассоциативно», в соответствии с «понятийным восприятием древнерусского человека», чтобы таким образом «соотнести события отечественной (или излагаемой им) истории с назидательными примерами из библейской истории»². Примерно тоже самое утверждал и А.С. Львов, по мнению которого соответствующие термины употреблялись обычно «в подражании книжным оборотам речи»³.

Ранее к близкому выводу пришли В.Н. Строев и М.Н. Тихомиров. По мнению последнего, сообщения о *старцах градских*, которые ограничены исключительно временем Владимира Святославича, попали в ПВЛ из рассказа о крещении Владимира в Корсуни, существовавшем первоначально отдельно от летописи⁴. Однако, во-первых, нет оснований ограничивать рассмотрение только временами Владимира и отделять *старцев градских* от *старейшин города*, с которыми расправилась Ольга, взяв Искоростень, во-вторых, текстологическое происхождение соответствующих терминов не решает само по себе вопроса о том, отражают ли они некие реалии или нет, тем более что указанный М.Н. Тихомировым источник является вполне аутентичным.

Мнение Н.М. Тихомирова было подвергнуто критике Г. Ловмянским, который указал, что «Слово о том, како крестися Владимир, возмзя Корсунь» было не источником ПВЛ, а извлечени-

¹ Завадская С.В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; Она же. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989.

² Завадская С.В. К вопросу о «старейшинах»... С. 41–42.

³ Львов А.С. Лексика Повести временных лет. М., 1975. С. 186.

⁴ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 160.

ем из неё, согласившись при этом с литературным происхождением самого термина *старцы градские*, но справедливо указав, что из этого «не вытекает, что он не отражал действительные атрибуты этой социальной категории». Сам Г. Ловмянский считал *старцев градских* «племенными правителями не только города, но и его области»¹.

Аналогичным был и ход рассуждений А.Н. Насонова, который, приведя мнение В.Н. Строева о том, что *старцы градские* – это калька греческого обозначения советников Соломона, с которым летописец сравнивает Владимира², отметил: «быть может, прибавление “градские” навеяно литературными воспоминаниями. Но без сомнения “старцы” киевских городов – вполне реальный и характерный институт общественного быта, вскоре исчезнувший в Поднепровье как пережиток древности». В подтверждение своего тезиса он указал на *знать и старцев (primates natuque maiores)*, выступавших в качестве правящего слоя в поморских городах³.

Итак, по справедливому мнению Г. Ловмянского и А.Н. Насонова, книжное происхождение термина никоим образом само по себе не может свидетельствовать о том, что не существовало самого обозначаемого им явления⁴. А.А. Горский, к сожалению, полностью игнорирует это обстоятельство. Но дело не только и не столько в этом. Из того факта, что рассматриваемые термины помимо летописи используются в церковных и переводных памятниках, никоим образом не следует автоматический вывод об их искусственном, книжном происхождении⁵. На наш взгляд, всё было ровно наоборот: реальный древнерусский термин использовался переводчиками для наименования определённой социальной категории, которая представлялась им

¹ Ловмянский Г. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. С. 99, примеч. 23.

² Строев В.Н. По вопросу о «старцах градских» русской летописи // Известия Отделения русского языка и литературы. Т. 23. Кн. 1. Пг., 1919.

³ Насонов А.Н. История русского летописания. XI – начало XVIII века. М., 1969. С. 25.

⁴ Взгляды Г. Ловмянского и А.Н. Насонова нашли ныне поддержку у П.В. Лукина, хотя работа первого осталась ему неизвестна и в качестве своего историографического предшественника он называет только А.Н. Насонова: Лукин П.В. Нарочитые мужи и старцы. О терминологии славянской «племенной знати» // Россия и Удмуртия: История и современность. Ижевск, 2008; Он же. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2.

⁵ Ср.: Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 94; Несин М.А. К истории происхождения Галича // Русин. 2010. № 3 (21). С. 67–68.

аналогичной какой-либо категории древнерусского общества. Такое явление вполне соответствовало ментальности древнего и средневекового человека. Ю.В. Андреев заметил, что древние греки представляли свой полис единственно возможной формой человеческого общежития, поэтому, Гомер «поселяет» в полисах все известные ему народы вплоть до киммерийцев¹. По всей видимости, аналогично мыслили и в Древней Руси, представляя свои порядки единственно возможными. Так, летописцы приписывали коллективный вечевого характер принятия решений, существовавший на Руси, обществам, заведомо не имевшим народных собраний («почаша греци мира просити», «реша козари» и т.д.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что древнерусский социально-политический институт *старцев/старейшин градских* представлялся летописцам универсальным и соответствующий термин использовался для обозначения определённых политических структур других народов. Такой вывод позволяет использовать переводные памятники, в которых используются интересующие нас термины, как источник для уточнения летописных сведений о функциях *старцев/старейшин градских*.

Рассмотрим все данные о славянской знати догосударственной эпохи, содержащиеся в летописях.

В Новгородской четвертой (Н4Л) и Софийской первой летописях (С1Л) читаем: «Словене же, пришедше съ Доуная, седоша около озера Ильмеря, и прозвашася своимъ именемъ. Зделаша градъ и нарекоша и Новгородъ и посадиша и старешинуу Гостомысла»².

Не смотря на то, что в ПВЛ и Н1Л этих слов нет, данное известие, по мнению А.А. Шахматова, присутствовало уже в древнейшем Новгородском своде середины XI в.³ В пользу того, что данный летописный текст отражает древнюю традицию, свидетельствует само имя Гостомысла, встречаемое и в перечне посадников Н1Л⁴, известное только у западных славян, но совершенно неизвестное у славян восточных. Соответственно, едва ли

оно могло быть искусственно вставлено поздними летописцами, так как в их времена его на Руси просто не существовало. По данным современной науки жители новгородчины – это в значительной своей части выходцы из западнославянских земель¹, у которых в древности могли быть в ходу подобные имена. И записано одно из таких имён могло быть только летописцами древнейшей поры, до того как они вышли из оборота. В середине IX в. франкским источникам известен ободритский правитель *Gostomuizli (Gestimulus, Gostomuizli)*. Ряд исследователей отождествляет его с Гостомыслом древнерусских летописей. По мнению С.Н. Азбелева, в условиях усиления франкского натиска, Гостомысл возглавил одну из волн переселения балтийских славян на северо-восток, в будущие новгородские земли². Как бы то ни было, но само имя Гостомысла вполне надёжно свидетельствует о древнем происхождении известий Н1Л и С1Л. На то же указывает именование его в этом летописном пассаже *старейшиной*, ведь как мы увидим, именно так стабильно именовали ранние летописцы восточнославянскую знать догосударственной эпохи³. Любопытно и то, что в Н4Л Рюрик именуется как князем, так и старейшиной⁴, видимо, этим летописец хотел подчеркнуть, что *князь* Рюрик занял в словенском обществе то место, которое ранее принадлежало местным *старейшинам*, которых он оттеснил на второй план.

Второе известие является несколько более спорным с историковедческой точки зрения. В Архангелогородском летописном своде сохранился подробный рассказ о взятии Олегом Смоленска. Формально этот памятник является поздним, но при этом многие исследователи русского летописания, в частности А.А. Шахматов и М.Н. Тихомиров, отмечали его важное значение для реконструкции древнейших этапов русского летописания, так как он зачастую лучше сохранил чтения свода конца XI

¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб., 2003. С. 69-70 и сл.

² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 3; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 3.

³ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 457. – См. также дополнительную аргументацию Б.А. Рыбакова в пользу существования Новгородского свода середины XI в., связанного с личностью новгородского посадника Остромира: Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 193–206.

⁴ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 164; 471. В более поздних источниках личность Гостомысла начала обраться легендами.

¹ Седов В.В. Избранные труды. М., 2005. С. 354–394; Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 206–207.

² Азбелев С.Н. Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. В этой связи интересно, что по подсчётам А.М. Микляева в Приильменье насчитывается несколько десятков топонимов с *-гост-*; *-гощ*, которые могут относиться к эпохе расселения здесь словен: Микляев А.М. О топо- и гидронимах с элементом *-гост*, *-гощ* на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.

³ Видимо, летописец не назвал Гостомысла князем потому, что в соответствии с его картиной мира первым новгородским князем был Рюрик. До него у словен могли быть только знатные люди – *старейшины*.

⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 11-12.

века, чем НЛ. Но пока вопрос о месте Архангелогородского свода в истории русского летописания детально не изучен, делать уверенных выводов о том, что в нём восходит к ранней летописной традиции, более нигде не сохранившейся, а что является плодом позднейшего переосмысления и редактирования, нельзя. Тем не менее, есть определённые основания полагать, что основа интересующего нас известия, хотя в нём наличествуют и явные позднейшие вставки, отражает раннюю летописную традицию. Согласно Архангелогородскому своду Олег в 881 г. «налезоста Днепр реку, и приидоста под Смоленск, и сташа выше города и шатры иставиша многи разноличны цветы. Уведавше же смольняне, и изыдоша старейшины их к шатром и спросиша единого человека: “кто сей прииде, царь ли или князь в велицей славе?” И изыде из шатра Ольг, имьи на руках у себя Игоря, и рече смольняном: “сей есть Игорь, князь Игоревич руский”. И нарекоша его смольняне государем, и вдася весь град за Игоря»¹.

Оборот «царь ли или князь в велицей славе» выдаёт своё позднее происхождение и следы позднейшей редактур², но сам рассказ о мирном вокняжении Олега в Смоленске и о решающей роли в этом *старейшин* как бы объясняет краткое сообщение ПВЛ, согласно которому Олег **принял** Смоленск, но **взял** Любеч³, показывая, как происходил сам процесс «принятия» города князем. Судя по этому известию, *старейшины* представляли собой правящую верхушку Смоленска, ведущую с князем переговоры от имени всего города. Это вполне согласуется с другими летописными данными. *Старейшины* здесь не названы прямо *градскими*, но по факту являются таковыми, будучи **старейшинами города Смоленска**.

Впервые на страницах ПВЛ восточнославянская знать появляется в рассказе о восстании древлян 945 г. Убив Игоря, древляне решили предложить Ольге выйти замуж за их князя Мала и «послаша... лучшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользе, и пристаха подъ Боричевымъ в лодьи»⁴.

Расправившись с первыми древлянскими послами, сватавшими её за князя Мала, Ольга послала сказать древлянам: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в величии приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людье киевстии».

Се слышавше древляне, собрашася [в Радзивилловской, Академической и Ипатьевской летописях написано – «избраша – М.Ж.】 лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню»¹.

Затем Ольга отправилась в поход на Древлянскую землю и «взя градъ и пожже и, старейшины же града изьнима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань»².

Любопытное разночтение относительно судьбы древлянских *старейшин* даёт Ипатьевская летопись, согласно которой Ольга «старейшины же города ижже»³. Как бы то ни было, древлянская знать в качестве политического субъекта и оплота древлянской независимости была в первую очередь устранена Ольгой с политической сцены.

Что эти известия могут нам дать для понимания социальной природы древлянской знати, её функций и места в обществе? Во-первых, то, что именно знать была оплотом политической субъектности древлян. Ликвидировав элиту древлянского социума, Ольга, очевидно, разрушила всю систему вертикальных связей древлянского общества, его привычную структуру, которая поддерживала целостность всего их этнополитического союза, что стало толчком к началу утраты древлянами своего самосознания и к их растворению в составе формирующейся древнерусской народности. Во-вторых, из этих летописных свидетельств следует, что древлянская знать не была жёстко отделена от народа: князь Мал советовался не только со знатью, но со всеми древлянами (более того, в летописных известиях о древлянских народных собраниях знать вообще не выделена, говорится просто о том, что древляне «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ»⁴), вопрос о выборе тех знатных людей, которых следует отправить послами к Ольге, рассматривался древлянами, очевидно, на народном собрании, которое легко могло превратиться в народное войско (посоветовавшись, древляне отправляются на войну с Игорем). Таким образом, мы видим у древлян трёхступенчатую структуру управления: князь, знать и народное собрание, представлявшее собой фактически вооружённый народ, соответ-

¹ Устюжский летописный свод. М.: Л., 1950. С. 21.

² Ср.: Мавродин В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 30.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; Т. 2. Стб. 15.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; Т. 2. Стб. 43; Т. 3. С. 110.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56-57; Т. 2. Стб. 45; Т. 3. С. 111.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 59-60.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 48. Если эта версия верна, то, по мнению И.Я. Фроянова, речь тут идет о ритуальном сожжении: Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.: СПб., 1995 С. 80.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54; Т. 2. Стб. 43; Т. 3. С. 110.

вующую той предгосударственной стадии общественного развития, которую Л.Г. Морган именовал «военной демократией».

Обратим внимание на то, что для обозначения «племенной» знати нет специального термина, ограниченного одним словом (подобно древнерусской «государственной» знати – боярам). Все её обозначения состоят из двух слов (*старейшины города, лучшие мужи, мужи нарочитые*), являясь как бы описательными: **лучшие из мужей, старейшие в городе**, что также указывает на то, что процесс отрыва знати от простого народа зашёл ещё не слишком далеко. Подобная терминология будет и позже распространена на Руси на раннем этапе институционализации определённых социальных и должностных единиц: «старейшина конюхам», «старейшина огородникам», «старшина гридям», «старейшина воеводам» и т.д. Никаких оснований считать древлянскую знать служило-дружинной летопись не даёт.

В.В. Пузанов сделал интересное наблюдение, указав, что в иерархии, выстроенной летописцем, *нарочитые мужи* стояли выше *лучших*, так как составляли лишь их часть. Ту часть, которая связана с управлением: *нарочитые мужи* – это «лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю»¹. Возможно, это были главы отдельных «племён», составлявших древлянский союз, а возможно это аналог тех же *старейшин города* – высшей знати Древлянской земли.

Важен и следующий вопрос: *старейшины города* – это атрибут только столиц восточнославянского этнополития или они имелись во всех городах, играя роль местных правительств, а в столице находилось как бы «центральное правительство»? Учитывая летописное свидетельство о *старейшинах по всем градам* (см. ниже) можно отдать предпочтение второму варианту.

Ряд упоминаний о славянской догосударственной знати относится к времени Владимира Святославича:

1) В 983 г. после победы над ятвягами «реша старци и бояре», что надо кинуть жребий и принести в благодарность богам человеческую жертву²;

2) При принятии решения о крещении Руси «созва Володимер бояры своя и старци градския»; «созва князь бояры своя и старца» и совещался с ними³;

3) При освящении Десятинной церкви Владимир устроил большой праздник «боярам и старцам людским» согласно Лаврентьевской летописи¹ или «боярам и старцам градским» согласно Ипатьевской и Новгородской первой летописям²;

4) Решение Владимира о восстановлении виры за убийство было принято по совету старцев и епископов³;

5) В рассказе о пирах князя Владимира сказано, что он «съзываше бояры своя, и посадники, старейшины по всем градомь»⁴;

6) Также в рассказе о пирах Владимира сказано, что он «оустави в гриднице пирь творити и приходити бояром и гридем, и съзьскимь, и десяцьским, и нарочитымь мужемь при князи и безь князя»⁵.

В этих известиях показательны то, что киевские *старцы градские*, совещающиеся с князем и участвующие в принятии ключевых государственных решений, тождественные, как показывает известие (5), в котором они заменены на *старейшин по градам*, древлянским *старейшинам города*, отделены от бояр. По всей видимости, перед нами две группы знати: княжеские приближённые, старшие дружинники (*бояре*) и местная киевская, полянская знать, представлявшее киевскую общину, без поддержки которой Владимир не мог бы держать под своей властью подвластные Киеву земли, ведь сил для их подчинения у одной дружины было явно недостаточно, на это было способно только войско всей киевской земли⁶. Интересна важная роль старцев в принятии решения о Крещении Руси, которое, очевидно, рассматривалось и Владимиром и киевской общиной как действенное средство в общем комплексе мероприятий, направленных на укрепление единства Восточной Европы под властью Киева⁷.

Интересен и синонимичный ряд: *старцы градские/старцы людские*. Последний термин семантически близок к *лучшим мужам*, державшим Древлянскую землю: **лучшие из мужей/старейшие из людей**. Термин *старцы людские* не является случайным, поскольку читается и в некоторых других лето-

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 109; Т. 3. С. 166.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127; Т. 2. Стб. 111–112; Т. 3. С. 167.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125; Т. 2. Стб. 109; Т. 3. С. 166.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 110–111; Т. 3. С. 167.

⁶ Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 501–502.

⁷ Он же. Начало Христианства на Руси. Ижевск, 2003; Пузанов В.В. Указ. соч. С. 202–204; 257–260; Жих М.И. О происхождении Новгорода и начале новгородской государственности: URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/2351>

¹ Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск, 2007. С. 568.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82; Т. 2. Стб. 69; Т. 3. С. 130.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 106–108; Т. 2. Стб. 93–94; Т. 3. С. 148–149.

писных списках¹, а также в других древнерусских памятниках, на что обратила внимание С.В. Завадская². Очень важна зафиксированная самим термином *старцы градские* связь их с городами, ведь именно города (летописные *грады*) были организующими центрами славянских этнополитических объединений³. Соответственно, вполне логично полагать, что *старцы градские* представляли собой не просто городской ареопаг, но правящую знать славянских этнополитий. В этой связи становится понятной и взаимозаменяемость терминов-понятий *старцы градские* и *старцы людские*. Характерен и оборот «старейшины по всемь градомъ», свидетельствующий о том, что город в то время не мыслился без своих *старейшин*. Из известия (6) можно заключить, что здесь под нарочитыми мужами понимается полянская знать, вероятно, более низкого уровня, чем «старцы градские».

В качестве одного из ключевых аргументов в пользу того, что летописные термины *старцы градские* и *старейшины градские* не являются синонимами, С.В. Завадская приводит следующий аргумент. Рассмотрев случаи употребления терминов «старцы» («старцы избранные», «старцы Израилевы» и т.д.) и «старейшины» («старейшина конюхам», «старейшина воеводам» и т.д.) в древнерусских памятниках, она делает вывод, что «приведённое наблюдение указывает на формальное отличие термина-словосочетания “старейшина (-ны) градский (-ие)”, заключающего в себе единичное и общее понятие, от термина “старцы градские”, который упоминается в источниках только во множественном числе и имеет собирательное значение»⁴. Этот аргумент, на наш взгляд, несостоятелен, поскольку существует ещё одно известие, касающееся *старцев/старейшин градских*, не попавшее в поле зрения С.В. Завадской. В рассказе об осаде Белгорода в 997 г. печенегами летописец повествует о том, что белгородцы, изнемогая от осады, созвали вече и решили сдать город врагам, но тут: «Бе же единъ старецъ не бысть на вечи томъ, и выпрашаше: “Что ради вече было?”. И людье поведаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенегомъ. Се слышавъ, посла по старейшины градъ-

ския, и рече им: “Слышашъ, яко хочете ся передати печенегом”. Они же реша: “Не стерпяте людье глада”. И рече имъ: “Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите”»¹

Итак, перед нами *старец*, созывающий на совещание *старейшин градских*. Более красноречивого доказательства взаимозаменяемости соответствующих терминов представить сложно. Тождество *старцев градских* и *старейшин по градам* ясно видно и из сообщений о князе Владимире, где в известии (5) последние стоят на том месте, на котором в известиях (1)-(4) указаны первые.

О том же говорит и легенда о полянской дани хазарам: в диалоге между хазарскими воинами, обложившими данью полян и хазарским правительством последнее именуется как «старцами», так и «старейшинами»². С.В. Завадская попыталась нейтрализовать это обстоятельство указанием на то, что образцом для летописца в данном случае был библейский рассказ о Моисее и фараоне, который цитируется в соответствующем месте ПВЛ и в древнерусском переводе которого также использованы взаимозаменяемые термины *старейшины*³/*старцы*⁴, но это никак не отменяет того, что для древнерусских книжников слова «старцы» и «старейшины» были синонимами, более того, оно даёт ему дополнительное подтверждение.

Из рассмотренного известия напрашивается ещё один важный для понимания общественного статуса *старцев/старейшин градских* вывод: в восточнославянском обществе помимо народного собрания существовал особый орган управления – совет *старцев/старейшин градских*, на котором они могли оперативно решать разные вопросы, ведь народное собрание не могло собираться постоянно.

После 997 г. упоминания о *старцах/старейших градских/людских* исчезают со страниц летописей. И это весомый аргумент против книжного характера данных терминов, так как в этом случае они должны были бы употребляться в летописях и дальше, но этого нет. Поэтому гораздо логичнее полагать, что исчезновение данных терминов отражает исчезновение обозначаемого ими явления – восточнославянской догосударственной («племенной») знати⁵. При этом применительно к другим обще-

¹ ПСРЛ. Т. 71. С. 315; Т. 25. С. 367.

² Завадская С.В. О «старцах градских»... С. 103.

³ Фроянов И.Я. Начала Русской истории... С. 694-702; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 22-40; Жих М.И. Летописная статья 6714 года Ипатьевской летописи и вопрос о возникновении Галича // Русин. 2009. № 4 (18); Он же. О происхождении Новгорода...; Несин М.А. К истории происхождения Галича. С. 58-64.

⁴ Завадская С.В. К вопросу о старейшинах... С. 38.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127-128; Т. 2. Стб. 112.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17; Т. 2. Стб. 12.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17; Т. 3. С. 106.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 12.

⁵ Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 33; Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 104-105.

ствам, у которых «племенная» знать продолжала существовать, соответствующая терминология использовалась древнерусскими книжниками и дальше: так современник Александра Невского Пелгусий именуется ими «старейшина в земли Ижерьской»¹.

Это объяснение исчезновения *старцев градских* из источников можно и дополнить. Л.В. Черепниным была высказана обстоятельная гипотеза, развитая Б.А. Рыбаковым, о первом древнерусском летописном своде, составленном в 996 г. в Десятинной церкви², логично объясняющая огромную цезуру в летописном повествовании, охватывающую фактически последние 17 лет (!) правления Владимира при том, что за предшествующие годы оно освящено очень подробно. И именно с этим сводом связан тот ряд упоминаний о *старцах градских/людских*, который мы только что рассмотрели. Данное обстоятельство, если гипотеза о своде 996 г. верна, существенно повышает доверие к соответствующим известиям, принадлежащим перу современника тех *старцев*, с которыми совещался Владимир.

В «Чтении о Борисе и Глебе», датированном 70–80-ми гг. XI в., упоминается «старейшина, иже бе властелинъ граду тому»³. Это известие полностью согласуется со всеми, рассмотренными выше, а события, описываемые в «Чтении» происходят в период, когда старые общественные институты ещё существовали, доживая свой век.

Не подтверждают предположения С.В. Завадской о книжном происхождении *старцев/старейшин градских/людских* и анализ внелетописных древнерусских памятников и переводных произведений. Гораздо логичнее рассматривать их упоминания в такой литературе как перенос древнерусского термина и стоящей за ним социально-политической реалии на библейские и прочие книжные реалии. Соответственно, мы рассматриваем упоминания *старцев градских/людских* в церковной и переводной литературе как полноценный источник, способный помочь прояснить место данной социальной категории в древнерусском обществе, хотя и надо иметь в виду, что терминология переводных памятников могла носить нерегулярный характер из-за то-

го, что разные книжники могли соотносить одни переводимые ими термины с разными древнерусскими реалиями. Так, в «Палее Толковой» рассказывается о том, как Вооз у ворот Иерусалима обратился к своему родственнику: «Сяди въскрай мене, имамаъ бо ти глаголь рещи». И приведе же ту 10 мужъ от от старецъ градскихъ и рече к ужице предъ старци: “часть села, еже есть братъ нашъ Елимелха, отдала есть Ноеминъ, жена его; азъ же рекохъ, да ти явлю во оухо твое предъ старци люди моихъ: аще бо оужичеству оужичествуй, аще ли ни, то повежь ми, да оувемъ, несть бо иного оужики, разве тебе, да мене, ему же пояти Руфь...”. И отвеща Вооз к старцемъ людскимъ: “Послуси вы днесъ”. И рекоша вси людие стоящи оу врат: “Послуси мы днесъ и даже господь входящий жене в домъ твой...”¹.

Как видим, для этого книжника, понятия *старцы градские* и *старцы людские* тоже были синонимами², а функции их аналогичны функциям их «коллег» в летописях: они представляют собой социальную и политическую верхушку Иерусалима.

Сам по себе термин «старейшина» был в древнерусских памятниках достаточно полисемантический и обычно обозначал просто некое главное лицо в определённой сфере³, примеры чего были приведены выше. Однако это никоим образом не может свидетельствовать об искусственности и книжном происхождении термина-понятия *старейшины города*, точно также как и о книжности таких терминов как старейшина конюхам или огородникам. Можно провести условную аналогию с современным термином «директор», который также уточняется в каждом конкретном случае (директор чего?).

После исчезновения института *старцев/старейшин градских/людских* соответствующие лексемы, претерпев определённые изменения, продолжали использоваться для обозначения определённой категории должностных лиц. Особый интерес здесь представляет новгородская берестяная грамота № 831, относящаяся ко второй четверти XII в., адресованная «Отъ коузъме и отъ дети его къ рагоуилови ко старьшоум[о](у)».

А.А. Зализняк, на наш взгляд, верно констатировал, что «слово “старший” в данном контексте скорее всего обозначает не

¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 292.

² Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», её редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. Вып. 25; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 173–192; 2) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 116–118.

³ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / пригот. к печати Д.И. Абрамович. Пг, 1916. С. 17.

¹ Палея толковая. М., 2002. С. 466.

² О том же говорит характерный оборот, встречающийся в Ефремовской кормчей: «градский людский закон» (Завадская С.В. О «старцах градских»... С. 103).

³ Завадская С.В. К вопросу о старейшинах... С. 37–38; Несин М.А. К истории происхождения Галича. С. 67–68.

возраст, а должность»¹. Что именно это была за должность, уверенно сказать сложно, возможно, тоже, что и староста², а возможно и нет, но генезис её вполне логично связывать с трансформацией института древних *старцев/старейшин*³.

Итак, летописи рисуют трёхступенчатую структуру восточнославянского общества предгосударственной эпохи: народное собрание/народное войско, знать/совет знати и княжеская власть, типичную для эпохи «военной демократии». Видимо, совет знати осуществлял наряду с князем оперативное управление делами славянских этнополитий и решал важные вопросы в перерывах между народными собраниями, а на позднем этапе *старцы градские* стали связующим звеном между князем и его дружиной (боярами) с одной стороны и народом – с другой. Данных о том, что знать восточнославянских этнополитий носила преимущественно дружинно-служилый характер источники не содержат, более того, отграничивают её от бояр, что, разумеется, не говорит о том, что она не принимала участия в военных действиях на «командных должностях», но её отношения с князем носили, очевидно, иной характер, нежели отношения князя с дружинниками: будучи лидерами славянских «племён», *старцы/старейшины градские/людские*, вероятно, были лидерами и народного войска – ополчения. Отмечена в летописи и роль *старцев градских* в проведении языческих религиозных обрядов, что также вполне соответствует духу эпохи: общественные лидеры одновременно выполняли и культовые функции⁴. В период борьбы Киева за подчинение восточнославянских этнополитий именно их знать возглавляла антикиевскую борьбу, поэтому беспощадно истреблялась завоевателями-киевлянами, менявшими её на своих представителей⁵, что разрушало субъектность восточнославянских «племён». При этом, вероятно,

судьба знати тех славянских этнополитий, которые составили ядро формирующегося древнерусского государства была иной: она стала основой для формирования «государственной» элиты Древней Руси. При этом часть знати славянских этнополитий тоже могла влиться в её состав, но в основном за счёт разрыва со своей привычной средой, за счёт отрыва от своего «племени», которые также зачастую осуществлялись насильственно. ПВЛ свидетельствует о том, что Владимир «нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубешеву, и по Суле, и по Стугне и поча нарубати муже лучшие от словень и от кривичь, и от чуди, и от вятич и от сихъ насели грады»¹.

Как видим, в состав гарнизонов пограничных крепостей, строившихся для защиты от печенегов, Владимир привлекал не население Южной Руси, а представителей подчинённых Киеву славянских этнополитий и иных подвластных ему этносов, преимущественно представителей их знати – *лучших мужей*, с которыми мы уже знакомы на примере древлян. Тем самым, знать славянских этнополитий, не уничтожаясь физически, отрывалась от своего социума, теряла по ходу смены поколений старое самосознание и вливалась в состав древнерусской элиты². В свою очередь, оставшийся без своей элиты этносоциум тоже быстро дезинтегрировался и вливался в состав древнерусской народности.

В то время как в центральных регионах Руси процесс исчезновения знати восточнославянских этнополитий и её замены знатью «государственной» (в силу трансформации или карательных акций Киева) в основном уже завершился, на окраинах какое-то время ещё сохранялась традиционная структура общества, которая эволюционировала медленнее. Об этом свидетельствует известный летописный рассказ о событиях в Суздале в 1024 г.: «Въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь къ дьяволу наоущенью и бесованью глаголяще, яко си держать гобино. Бе мятежь великъ и голодъ по всеи той стране. Идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша [жито] и тако ожиша.

¹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 304.

² Там же.

³ Здесь мы не рассматриваем специально проблему генезиса древнерусского института *старост* и его возможной связи с догосударственной эпохой. Вполне возможно, что древнерусские старосты – наследники архаичной знати более низкого уровня, чем правители славянских этнополитий, такой, как упомянутая в летописи под 1024 г. *старая чадь*.

⁴ Мнение Л.Т. Мирончикова о том, что *старцы градские* были языческими жрецами, входившими в состав древнерусской элиты (Мирончиков Л.Т. Дохристианское жречество Древней Руси. Автореф. канд. дисс. Минск, 1969. С. 4, 6, 7, 22) представляется преувеличением их жреческих функций.

⁵ Жих М.И. «Реформа Ольги» и создание сети киевских опорных пунктов «погостов» на Руси: URL: <http://www.ruspole.info/node/2353>

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; Т. 2. Стб. 106; Т. 3. С. 159.

² Также в ПВЛ и НЛ сохранилось ещё одно любопытное известие, показывающее возможный путь нейтрализации знати славянских этнополитий через пополнение за её счёт рядов монашества и книжников: в рассказе о крещении Руси сообщается о том, что Владимир начал отдавать детей *нарочитой чади* на «ученье книжное» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118-119; Т. 2. Стб. 103; Т. 3. С. 157), причём родители плакали по ним как по мёртвым, что указывает на то, что им предстояло стать монахами. Учитывая то, что в 1024 г. летопись называет *старой чадью* славянскую региональную знать, можно полагать, что и в этом известии фигурирует она же.

Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю, изымавъ волхвы расточи, а другими показани, рекъ сице: “Богъ наводитъ по грехомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вестъ ничтоже”»¹

В этом рассказе названа некая *старая чадь* – очевидно, местная знать. Наименование *старая чадь* звучит архаично и типологически сходно с такими обозначениями как *лучшие/нарочитые мужи* из рассказа о мести Ольги древлянам. Обращает на себя внимание и использование лексемы *старая*, сближающее эту социальную категорию со *старцами/старейшинами градскими/людскими*.

Чтобы ответить на вопрос, кем была эта *старая чадь*, надо сначала решить вопрос о том, в какой этнической среде происходили описываемые события. Дело в том, что в историографии распространено мнение о том, что и события 1024 г. и похожие события 1071 г. происходили в финской или смешанной славяно-финской среде². Но основывалась данная точка зрения, к сожалению, как было недавно выяснено, на фальсификате: обрядах, похожих на действия волхвов в 1071 г. и будто бы ещё в XIX в. существовавших у мордвы, зафиксированных П.И. Мельниковым-Печерским, а также мордовских мифах о сотворении человека, похожих на слова волхвов, зафиксированных тем же автором. На самом деле пакого мифа, который приводит П.И. Мельников-Печерский и с которым сопоставляют слова волхвов 1071 г. у мордвы нет, он является плодом авторской обработки³. Как нет ни у мордвы, ни у её соседей обычаев, схожих с действиями волхвов – ни одним этнографом они не зафиксированы и, очевидно, также представляют собой плод творчества П.И. Мельникова-Печерского. С другой стороны, слова, влагаемые летописцем в уста волхам, являются, в значительной степени, плодом литературного творчества летописца⁴, а обряды, проводимые волхвами, как убедительно показ Л.Р. Прозоров, находят параллели как в русском

фольклоре, так и у других индоевропейских народов¹. Соответственно, никаких оснований подвергать сомнению то, что события и 1024 и 1071 гг. происходили в преимущественно славянской этнической среде, нет. Тем более, что и летопись ни слова не говорит о принадлежности волхвов, идущего за ними люда и противостоящей им знати к финно-угорским народам, на что справедливо указывал М.Н. Тихомиров².

Соответственно, вполне логично заключить, что и *старая чадь* – это нечто иное, как местная славянская знать. Знать более низкого уровня, чем *старцы/старейшины градские/людские*: если первые представляли собой высшую знать славянских этнополитических союзов, то *старая чадь* – знать локального уровня, уровня отдельных славянских «племён». Существует два объяснения конфликта между *старой чадью* с одной стороны и возглавляемым волхвами народом – с другой. Согласно одному из них, это было народное восстание против феодализирующейся элиты, обладавшей в голодный год запасами продовольствия, но, естественно, не спешившей делиться ими с голодающим народом, принявшее форму языческой реакции³. Согласно другому речь идёт о языческих представлениях, в соответствии с которыми общественная элита, выполнявшая не только социальные, но и культовые функции, несла ответственность за неурожайный год⁴. Как бы то ни было, но очевидно, что локальная «догосударственная» знать в ряде регионов сохраняла своё влияние ещё как минимум в первой половине XI в. Какова была её дальнейшая судьба? Вероятно, по мере трансформации древнерусского общества трансформировалась и она, став основой боярства древнерусских земель и пополняя ряды княжеских дружинников и представителей административного аппарата. После 1024 г. мы уже не находим в летописях терминов, обозначавших славянскую «догосударственную» знать.

В источниках просматривается и определённая стратификация догосударственной элиты славянского общества, для описания которой используются три группы терминов:

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147-148; Т. 2. Стб. 135. Несколько иная редакция этого сообщения содержится в НВЛ: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 111-112.

² Мавродин В.В. Очерки феодальной России. Л., 1949. С. 154-158; Фроянов И.Я. Древняя Русь. С. 120-121; 144-145.

³ Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: Религиозная жизнь Древней Руси в IX-XI веках. СПб., 2008. С. 112.

⁴ Тихомиров М.Н. Русская культура X-XVIII вв. М., 1968. С. 94; Прозоров Л.Р. Диалоги с волхвами в «Повести временных лет»: к вопросу о достоверности // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «История». 2003.

¹ Прозоров Л.Р. Мятажи волхвов в Верхнем Поволжье XI в.: индоевропейские параллели // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.

² Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 92.

³ Там же. С. 86-99.

⁴ Фроянов И.Я. Древняя Русь. С. 113-139.

1) Такие общие обозначения как *лучшие мужи* или *мужи нарочитые*, вероятно, охватывавшие всю знать *in corpore*: конкретный социальный статус названных лиц зависит от контекста;

2) Термин(ы) *старцы/старейшины градские/людские*, охватывавшие верхушку знати восточнославянских этнополитических союзов. В формировании данной социальной страты можно предполагать определённую роль выборного начала;

3) Термин *старая чадь*, обозначающий славянскую «региональную» знать.

Сделанные в статье на основе летописных данных выводы о социальном статусе восточнославянской «племенной» знати, представляют собой первую часть нашей работы, вторая часть которой будет посвящена анализу иностранных источников, повествующих о социальной элите славян догосударственного времени.

М.А. Несин

г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В X–XI ВЕКАХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ЛЕТОПИСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В исторической науке неоднократно высказывалась мысль о том, что в X–XI вв. восточнославянском обществе произошли значительные социальные перемены. Одни ученые связывают это с переходом от родового строя к территориальному¹, другие –

¹ См. напр.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; Он же. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Петров А.В. От язычества к Святой Руси: Новгородские усадьбы (к изучению древнерусского веча). СПб., 2003; Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск., 2007; Котышев Д.М. Особенности политического развития Южной Руси в X–XI вв. // Вестн. ЧелГУ. 2008. № 18 (96). История. Вып. 21.

с новым этапом древнерусской феодализации, началом наступления феодальной раздробленности¹.

Мы тоже думаем, что есть основание говорить о заметных социальных сдвигах у восточных славян. Как показывают археологические исследования, в этот период в разных областях кардинально изменяется тип городской инфраструктуры², что явно свидетельствует о сильных изменениях общественного уклада. Однако весьма важно и плодотворно было бы, на наш взгляд, обратиться к письменным источникам, в первую очередь, к русскому летописанию. Несмотря на то, что информация в них по интересующему нас периоду относительно лапидарна, тем не менее, они отразили важные изменения в социальной терминологии, которые свидетельствуют о сильных трансформациях внутри древнерусского общества.

В данной небольшой статье мы хотели бы рассмотреть два важных сюжета, уже привлекавших в историографии в качестве важнейших критериев общественной эволюции. Речь идет о смене «племенных» терминов городскими, и категории старцев градских, которые резко выпадают из поля зрения летописцев после конца X в. Известно, что в X–XI вв. городские термины: «новгородцы» «кыяне», «людые киевское» и т.д. вытесняют старые, т.н. «племенные»: «словене», «поляне», древляне и т.д. Впервые «людые киевстии» упоминаются еще под 945 г. На них ссылается княгиня Ольга в ответе древлянским послам: мол, рада бы де выйти за вашего князя, но не допустят «людые киевстии»³. Если до этого, включая недавний договор Игоря с Греками 944 г.⁴, летопись именовала их «племенным» название поляне, то теперь они начинают сплошь упоминаться в городском значении: «людые киевстии», «кыяне» и т.д. Иная, однако, судьба у словен. Под 970 г. они впервые упоминаются уже в городском виде как «людые новгородстии» в связи с обращением к

¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь. Археологические очерки. Л., 1982; Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина. М., 1985; Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006.

² Котышев Д.М. Эволюция территориальной структуры среднеднепровского правобережья в конце X – начале XI в. // Вестн. ЧелГУ. 2009. № 38 (176). История. Вып. 27. В хорватском Поднестровье в XI в. кардинально меняются типы городских поселений (Корчинский О. Про один тип городищ IX – початку XI ст. у Верхньому Подністров'ї // Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій. Тези Міжнарод. іст.-арх. семінару. Чернівці, 1994).

³ ПСРЛ. Т. 1. М., 2000. Стб. 56.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 50.

князю Святославу¹. Далее летопись часто именуется их «новгородцами», но вплоть до 1036 г. включительно порой называет их старым «племенным» именем «словене»². Интересна в этом плане статья 1036 г., где в одном и том же рассказе они называются то «словенами», то «новгородцами»³. Кроме того, во второй половине X – первой трети XI в. упоминаются «племенные» понятия «древляне»⁴ (последний раз — под 1015 г.)⁵ и «северяне» (последний раз под 1024 г.)⁶.

Историки уже отметили это обстоятельство. В.В. Мавродин связывает это с развитием феодализации, усилением роли городов, к слову сказать, в старые, т.н. «племенные» названия словен и полян он не вкладывает племенного значения, считая их уже фактически территориальными образованиями⁷. И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, наоборот, считают полян, словен и т.д. племенными союзами, а появление городских названий — признаком новых территориальных связей, возобладавших, по их мнению, на рубеже X–XI вв. Важно отметить, что и общество XI в. названные ученые считают общинным, однако, общинным без первобытности, и города в нем, по их мнению, не правят, а лишь лидируют, так как ключевую роль по-прежнему играет вся область⁸.

Эту концепцию во многом поддержал и М.И. Жих, хотя, процесс распада родовых связей он предлагает рассматривать более постепенно, начиная его, вслед за А.А. Горским, еще со времен славянского расселения, а рубежом X–XI вв. датирует лишь его окончание⁹. При этом, смену в Киеве и Новгороде «племенных» структур на городские исследователь связывает с результатами знаменитой погостной реформы княгини Ольги, датируемой в ПВЛ 947 г., которая, по его мнению, сильно повлияла на древнерусскую социальную трансформацию¹⁰. Однако важно особо ого-

ворить, что из источников мы знаем лишь об установлении погостной системы в подвластных Киевскому Поднепровью областях древлян и ильменских словен новгородских. Именно там Ольга устанавливает уроки, ловища, перевесища и села¹. Об учреждении этой системы в центральной Киевской земле мы не знаем ничего. При этом люди «киевстии» упоминаются в ПВЛ до погостной реформы Ольги, так что, по крайней мере, в пределах Киевщины реформа Ольги никак на подобную социальную трансформацию не повлияла, хотя сам факт, что княгиня владела селами, уже показывает, что к этому времени едва ли следует вести речь о развитом родовом строе у восточных славян. В Приильменье у словен в результате погостной реформы возникает новый город — Новгород, основанный как опорный пункт киевской власти². В этой связи и название его граждан — «людие новгородстии» — безусловно опосредованно связано с деятельностью Ольги. Но связан ли с ней сам процесс перехода от «племенных» отношений к городским? Как видно из сказанного, словене по уровню развития шли вровень с полянами.

Да и являлись ли к тому времени такие понятия, как поляне, или те же словене и древляне, племенными по своей сущности? Вообще, понятия племени (да и других понятий, обозначающих уровень социального развития) древнерусские источники не знают, что не помешало восточнославянским «племенам» стать широко распространенным историографическим штампом и кочевать даже по тем трудам, где их племенная сущность реально не признается³. Как убедительно, на наш взгляд⁴, показал А.А. Горский, возникшие в VIII–IX вв., данные общности уже фактически являлись территориальными образованиями⁵. Их

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74–75, 150–151.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150–151.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 70, 74, 121.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149.

⁷ Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 65–66.

⁸ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Указ. соч.

⁹ Жих М.И. К проблеме генезиса социальной топографии древнего Новгорода // Новгородика — 2008. Вечевая республика в истории России. Великий Новгород, 2009.

¹⁰ Жих М.И. «Реформа Ольги» и создание сети киевских опорных пунктов — «погостов» на Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. 2011 г. (в печати). Выражаем благодарность автору за возможность ознакомиться с данной статьёй.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

² Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004; 2) О начале Новгорода // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб., 2007. С. 210–211; Жих М.И. «Реформа Ольги»...; Несин М.А. История происхождения Новгорода как проявление общих и частных закономерностей процесса градообразования // X Плехановские чтения «Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций». 30 мая — 1 июня 2012 г., г. С.-Петербург. СПб., 2012 (в статье мы высказываем гипотезу, что само название Новгорода было исконно связано с этой его новой ролью в Приильменье).

³ Подр. об этом см.: Несин М.А. К истории происхождения Галича // Русин. 2010. № 3 (21). С. 58.

⁴ Там же. С. 58–60 и др.; См. также: Несин М.А. История происхождения Новгорода...

⁵ Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9–19.

появление было вызвано качественной победой территориальных связей над уходящими родовыми. Другое дело, что, как в свое время отметил М.И. Жих, это не противоречит возможности постепенного процесса разложения племенного уклада и правоте историков, датирующих его завершение на рубеже X–XI вв.¹ Ведь процесс общественного развития протекает не вдруг и новые явления могут появляться и сосуществовать со старыми довольно долго до полного ухода последних.

Примечательно, что несмотря на то, что процесс деструкции родовых связей начался еще со времен расселения славян, летописные общности словен, полян и т.д., пришедшие им на смену в VIII–IX вв., существенно отличались по своему социокультурному типу. Как мы отмечали, даже если «племя» возникало не при распаде одной большой общности, как поляне, а из локального одноименного образования, как хорваты, в указанный период оно переживало соответствующие социальные сдвиги, вплоть до смены материальной культуры². Если приднестровские хорваты VI–VIII вв. представлены культурой пеньковского типа, то в VIII–IX типа – собственно ховатской³.

Одновременно с появлением в VIII–IX вв. этих новых общностей полян, древлян и т.д. у восточных славян появляются полифункциональные⁴ городские центры⁵. Причем, уже во времена первых Рюриковичей они играли правящую роль в древнерусском обществе. Показательны в этом плане отмеченные уже нами летописные известия о господствующей роли городов у словен и древлян в IX – 40-х гг. X в. (в первом случае ссора сло-

вен и их соседей оказалась восстанием «град на град», во втором совет древлян с князем оказывается внутри Искоростеня, а покорение древлян сопряжено с усмирением градских «старейшин»), а также тот факт, что взятие юго-западных городов Руси в 981 г. при Владимире автоматически считалось синонимом покорения края¹. Интересны и отмеченные М.И. Жихом сведения арабского источника середины X в. о социальной иерархии волыньских поселений². Добавим также, что любопытны в этом плане и известия о взятии еще Олегом вещем кривичского Смоленска и полянского Киева. В последнем рассказе «поляне» прямо соответствуют именно киевским гражданам, а не всем полянам вообще³. Интересно также сообщение Константина Багрянородного середины X в. о том, что полянский Витичев был «пактиотом» (данником) киевских росов, которые приходили в него каждый июнь⁴. Даже города внутри восточнославянских общностей имели между собой четкую иерархию, регулярно платя дань столице. Значит, и при первых Рюриковичах такие понятия, как поляне, словене, древляне и т.д. не имели уже общеплеменного значения.

Происходившее в X–XI вв. их постепенное изживание и замещение городскими социальными терминами не означало падения племенного строя. Тем более что в уже отмечаемых нами выше случаях летописи под 862 г. прямо привязывают тех же словен к градам, как и полян под 882 именно к Киеву, а словене последний раз прямо упомянуты под 1036 г., как синоним новгородцев. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что если в Киеве поляне последний раз упомянуты в 944 г., а люди киевские первый раз упоминаются после тех событий, то за пределами Киевской области «племенные» названия сохраняются дольше, как например, в Новгороде, где словене упоминались по 1036 г. включительно, уже после появления понятий «люди новгородские», «новгородцы».

Это и понятно. Для стольного Киева не было большой разницы, как называть иные подчиненные ему восточнославянские общности. Иногда могли пускаться в ход и архаичные этнополи-

¹ Жих М.И. К проблеме...

² Несин М.А. К истории... С. 58.

³ Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

⁴ Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (К проблеме градообразования). Вып. 3 / под ред. В.Л. Янина. М., 1980. С. 83; Куза А.В. Социальная типология древнерусских городов // Русский город (исследования и материалы). Вып. 6 / под ред. В.Л. Янина. М., 1983. С. 14; Рапов О.М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 30; Толочко П.П. Древний Киев. К., 1983. С. 30; Он же. Происхождение древнейших восточнославянских городов // Земли южной Руси IX–XIV вв. К., 1985; Фроянов И.Я. Дворниченко А.Ю. Города-государства... С. 25–26.

⁵ Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Фридрих Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20; Фроянов И.Я., Михайлова И.Б. Город или протогород? (об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999. Там же историография вопроса.

¹ Несин М.А. Галицкое вече при Ярославле Осмомысле // Русин. 2010. № 1 (19). С. 90, примеч. 47. См. также ПСРЛ. Т. 3. М. 2000. С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58–59, 69.

² Жих М.И. О предыстории Волынской земли (VI – начало X века) // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 34–37.

³ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 21.; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51.

тические обозначения. Иногда племенные названия упоминаются даже в XII в. Так, последний раз летопись упоминает кривичей в 1127 г., дреговичей – в 1149 г., радимичей – в 1169 г., северян – в 1183 г., вятичей – в 1197 г.¹ Однако, тогда такие названия упоминаются уже эпизодически, а в X – первой половине XI в. достаточно интенсивно. Несомненно, это связано с определенным процессом общественной трансформации, переходом общества к новой фазе развития, с фактическим изживанием старых социальных понятий и заменой на новые. Интересна в этой связи судьба понятия «старцы градские» или «старейшины градские/людские», которое достаточно часто упоминалось в летописях до конца X в., а потом резко исчезает из древнерусских источников. В историографии спор об их сущности идет уже не одно столетие². Ныне их считают или старой племенной знатью³, или неким сугубо книжным понятием⁴. Недавно мы рассмотрели этот вопрос и пришли к выводу о том, что это должностные лица, городские вечевые выборные, противопоставляемые князьим боярам, но не представлявшие собой всю городскую знать⁵. Примечательно в этом отношении предание о белгородском киселе, помещенное в ПВЛ под 997 г. Там пришедшему на вече старцу и прочим старейшинам противостоит все городское вечевое «людье» в целом:

«Володимеру же шедшу к Новугороду по връховнии вой на Печенегы, бе бо рать велика зело в се время, оуведаше Печенежи, яко князя нетоу, приидоша и сташа около Белагорода и не дадыху вылести изъ града. И бѣ гладь великъ во граде. И не бе

¹ См.: *Земцов Б.Н.* История Государства и права: учебно-методический комплекс. М., 2009. С. 21.

² Историографию вопроса см.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 90–102.

³ Историографию вопроса см.: *Там же*.

⁴ *Завадская С.В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *Он же*. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989; *Горский А.А.* О «племенной» знати и «племенах» у славян // *Florilegium*: к 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000; *Он же*. Русь... С. 9–19; 3) Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 2011. С. 129–180. Недавно частично идею С.В. Завадской поддержал П.В. Лукин, хотя, в целом он все-таки их признал реальной социальной силой, старой знатью, это помогло ему наиболее выгодно проиллюстрировать тезис о посещении белгородского вечера в 997 г. простыми людьми (туда ходили не только знатные старцы, но и простые «люди»). См.: *Лукин П.В.* Вече... С. 91, 95.

⁵ *Несин М.А.* К истории... С. 58–67.

лзе Володимеру помощи, не бе бо вой оу него, Печенегъ же множество. И оудолжися осада въ граде, и бе гладь великъ. И сътвориша вече в городе, рекше: "Се оуже хощемъ помрети отъ глада, а отъ князя помочи нету. Да лоуче ны помрети, владимся Печенегомъ, кто живъ боудеть или мертвъ, уже бо помираемъ отъ глада". И тако сътвориша. Бе же единъ старецъ не былъ на вечии томъ и вопросы, что ради вечие было. И людие поведаша емоу, яко оутре хотятъ предатися Печенегомъ. Се же слышавъ, посла старейшины градския и рече имъ: "Слышахъ, яко хочете ся предати Печенегомъ". Они же реща: "Не стерпятъ людие глада". И рече имъ: "Послушайте мене и не предайтеся за три дни, и азъ что вы велю, то сътворите". Они же ради, обещася сътворити». Они же шедше ради снискавша»¹.

Итак, люди нарочно «заутра» сошлись на вече без своих привычных координаторов – старейшин, чтобы принять меры без их вмешательства. Но один старец все таки разыскал их, пришел на их сход и спросив, о чем была речь, вызвал прочих старейшин и в их присутствии отменил вечевое решение². Ныне с нами вступил по этому поводу в полемику М.И. Жих, предложивший иной вариант прочтения этого сообщения. Согласно ему, старец пришел уже после вечера, поэтому и спросил, зачем вече «было». А потом созвал старейшин и уже с ними обсудил свой план, который потом привели к исполнению³. Однако, на наш взгляд, это лишь усложняет интерпретацию данного известия, текст которого нам кажется достаточно ясным. Тот первый старец, что разыскал людей, явился к ним поздно, когда все пришли к соглашению (потому и спросил, что было на вече), но пришел-то он к тому же людью, т.е. на то же собрание. Туда он и призвал прочих старейшин и с ними в согласии продвинул свой замысел. При этом, оные старейшины говорят, что не стерпят «людие глада»⁴, именно «людие» в целом, то есть включая знать. Значит, старцы/старейшины не олицетворяли всю знать в целом, а были вечевыми координаторами, которые в условиях традиционного общества обладали на правах председателей определенным влиянием. Вот люди поначалу и сошлись, чтоб без них спокойно сделать свое дело, но как только один старец нашел их и призвал в поддержку прочих старейшин, он смог отменить вечевое решение и продвинуть свой хитроумный план.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127–128.

² *Несин М.А.* К истории... С. 67–68.

³ См. выше.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.

Любопытно и известие о мести Ольги древлянам, когда она призывает к себе послов от древлянской знати, избивает их, а потом, во время похода, уже избивает старейшин по градам. Если понятия лучших, нарочитых мужей тут явно синонимы и прямо взаимозаменяемы, то старейшины поставлены обособлено, подчеркнута их связь с градами, правящими центрами древлянкой земли¹. Если лучшие/нарочитые мужи были связаны со знатью вообще и представляли в полянском Киеве Древлянскую землю, то градские старейшины были убиты целенаправленно, как вечевые координаторы в городах, для ослабления вечевого мощи древлян вообще. С этим была сопряжена акция переноса столицы из Искоростеня в новый, подвластный Киеву центр – Овруч, где в X в. уже сидел наместником один из князей Рюриковичей.

Примечательно, что говоря об отправке древлянских послов из лучших мужей, летописец подчеркивает, что это те мужи «иже дерьжаху Деревьску землю»². Значит, была и та знать, что не «держала», не была специально связана с управлением, а таких едва ли называли старцами градскими, ведь те всегда упоминаются именно в связи с управленческой деятельностью. Это ставит под сомнение саму идею о наличии на Руси недружинной знати, поголовно объединенной в верховные городские советы старейшин. При этом выбирали этих старцев-координаторов, видимо из местной знати. Любопытно и то, что в 996 г., когда Владимир созвал пир, туда пришли бояре, десятские, сотские, нарочитые³, но не старцы/старейшины, хотя князь то и дело с ними советовался вместе со своими боярами. Если теперь сотские, десятские, бояре (старшие дружинники), гриди (младшие дружинники), а также нарочитые люди (видимо из местной вечевого знати) были приглашены, то как же забыли старцев? Тем более, что однажды их уже с князьми «боярами» звали на пир, по случаю освящения Десятинной церкви⁴. Видимо, старцы были в числе нарочитых, недружинных знатных, нарочитых людей, хотя и не составляли их всех поголовно. Любопытно, помещенное рядом еще одно известие, где князь созывает на пир уже «боляры своя, и посадники, старейшины по всемь градом»⁵. Здесь, наоборот, отсутствуют нарочитые люди, но присутствуют

старейшины. Видимо, на этот раз призвали не нарочитых людей вообще, а только ту часть, которая занимала посты старцев.

При этом понятие старейшин сохраняется в этом значении до XV в. Как мы отмечали, в 1448 г. новгородские волощане ругали как город, так и его «старейшин»¹. Но после X в. кроме этого случая понятия старейшин, старцев, резко сходит с летописных страниц. Это было явно не просто так. Сохраняя свое значение в веках, они при этом внезапно стало реже применяться на практике. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если князь Владимир советовался с градскими старцами и своими боярами – дружинниками перед принятием важных решений, то уже в второй половине XI–XII в. в Киеве, Галиче и по всей Руси вообще, связующим элементом между вечем и князем является дружина, с ней князь предварительно обсуждает выносимые на вече вопросы, отсутствия совещания князя со старшими дружинниками автоматически приводило к разрыву князя с вечем, нарушению вечевого законности и вызывало гнев вечников, как в Киеве XI в., так и в Галиче в XII². При этом, вече сохраняло видную роль в управлении землей, без него не обходились важные вопросы распоряжения черными землями, неугодного князя вечники то и дело гнали из города, но былая связь между вечевыми выборными старейшинами и княжеско-дружинными советами в первой половине XI в. исчезла. Это, как и произошедшее в тоже время резкое сокращение архаичных названий типа «словене», «поляне» и т.д., безусловно, связано с определенными сдвигами в общественном развитии древнерусского общества того времени.

Но только что это были за перемены? Едва ли стоит говорить о замене родового строя на территориальное «общинное без первобытности» общество, само появление известных восточнославянских общностей вроде словен, древлян, полян и т.д. с их первыми городами было вызвано преобладанием территориальных связей над родовыми. Эти города уже при первых Рюриковичах привычно играли правящую роль, что с подлинным родовым строем несовместимо. Кроме того, при рассмотрении социальной организации древнерусского веча нам удалось выявить

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56–57, 59.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56–57.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 125.

¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч.1. М., 2000. С. 446.

² Несин М.А. Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Русин. 2009. № 3 (17). – О событиях в Киеве XI в. близкого мнения придерживается также А.В. Майоров: Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община СПб., 2001. С. 276.

господство знати на вече уже в XII в.¹ «Общинным без первобытности», как его именуют И.Я. Фроянов и его последователи, такое общество назвать сложно.

При этом еще в начале XI в. новгородские горожане делятся на знать, привычно занимавшую лидирующую роль в городских акциях, и худородных плотников само сравнения с которыми звучит, как оскорбление всего города². Однако, в историографии неоднократно высказывалась верная мысль о том, что между родовым и раннеклассовым обществом должен был быть доклассовый переходный период³. Вопрос в том, когда он наступил на Руси. Если начало его стоит связывать с рубежом VIII–IX вв., с возобладанием у восточных славян территориальных связей, то в конце X – первой половине XI в. происходит качественный переход от предклассовому к раннеклассовому периоду. В свое время к подобной периодизации древнерусской истории склонялись такие исследователи, как С.В. Бахрушин, С.В. Юшков и В.В. Мавродин⁴. Это отразилось и на резком изменении в городской инфраструктуре древнерусского общества и в изменении социальной терминологии в древнерусских летописях. Естественно, при этом могли уходить и какие то пережитки племенного строя, которые (в сильно трансформированном виде) прослеживаются даже в вечевом укладе XII–XIII вв.⁵

¹ Несин М.А. 1) Галицкое вече в событиях...; 2) О социальной организации Новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. 2011 (в печати).

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140; ПСРЛ. Т. 3. С. 175. См. также: Несин М.А. История происхождения Новгорода...

³ Историографию см.: Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 5–20.

⁴ Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1946; Мавродин В.В. Основные моменты развития русского государства до XVIII в. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 3. Подробнее об этом См.: Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород... С. 10–11.

⁵ Например, сохранявшиеся в некоторых городах домонгольской Руси до XIII в. традиция приглашать в город представителей волостей для решения дел государственной важности. О характере этих представительств см.: Несин М.А. Галицкое вече в событиях...

А.А. Кузнецов
г. Нижний Новгород

МОБИЛЬНОСТЬ В СРЕДЕ РЮРИКОВИЧЕЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XII В. (на примере Михалка Юрьевича)

Социальная мобильность обычно рассматривается применительно к перемещениям из одной общественной страты в другую. Такая традиция затеняет, зачастую, еще один аспект социальной мобильности – внутри определенной страты. Это замечание справедливо по отношению к общественным группам в доиндустриальное, традиционное время.

Из социальных групп Древней Руси в домонгольское время в летописях наиболее полно представлен княжеский слой Рюриковичей. Несмотря на то, что они формально сообща управляли Русью, в их среде наблюдается групповая иерархия. Она, впрочем, не исключала возможностей перемещаться в ее разных направлениях. Ярким примером того могут являться князья Северо-Восточной Руси. Из них примечателен Михалка Юрьевич. Обычно внимание исследователей останавливается на нем после его утверждения в Залеской земле. Между тем, изучение его «карьеры» до 1175 г. дает представление о социальной мобильности в княжеской среде второй половины XII в.

По мнению ряда историков, следующих известию В.Н. Татищева, впервые Михалка упоминается в 1155 г.¹ Однако сравнение этого сообщения со сведением первой редакции «Истории Российской» и летописными известиями показывает, что во второй редакции Татищев нарастил сведение упоминанием Михалка и Всеволода. Всеволод родился в 1154 г. Поэтому множественное число детей Юрия Долгорукого в 1155 г. позволяет принять эту догадку Татищева о первом косвенном упоминании Михалка.

В.А. Кучкин на основании данных и косвенных указаний попытался найти место для Михалка Юрьевича в 1150-х и 1160-х гг.

¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М., 1963. С. 53.

По его мнению, в Лаврентьевской летописи при описании событий 1174/1175 г. упрекаются ростовцы, суздальцы, переяславцы в призыве после смерти Андрея Боголюбского внуков Юрия Долгорукого – Ростиславичей, а не младших Юрьевичей – Михалка и брата; ведь они целовали крест Юрию Долгорукому на верность его младшим сыновьям. А эта клятва была нарушена, когда в Северо-Восточной Руси утвердился Андрей Юрьевич¹. В.А. Кучкин доказывает, что речь в этом летописном комментарии идет о клятве, данной между началом 1156 г. и 15 мая 1157 г.² Однако упоминается клятва под 1175 годом. Эта запись могла появиться во время княжения Всеволода Большое Гнездо, еще долго боровшегося с племянниками и их детьми.

Надо рассмотреть версию о том, что Михалко Юрьевич был изгнан вместе с Всеволодом Юрьевичем их братом Андреем (Боголюбским) из Суздальской земли³. Опора для такого суждения есть в Ипатьевской летописи: в начале 1169 г. киевский князь Мстислав Изяславич (в это время двинулась на Киев рать, сколоченная Андреем Боголюбским) направил Михалка на помощь к своему сыну в Новгород, Михалко был перехвачен верными тогда Андрею Юрьевичу смоленскими князьями⁴.

Предположение об изгнании Михалка строится на том основании, что он значится в стане врага Андрея Юрьевича в 1168–1169 гг. – киевского князя Мстислава Изяславича. Однако ранее указывается, что владимирский князь послал на Киев рать, где были Всеволод Юрьевич, Мстислав Ростиславич, внук Юрия Долгорукого⁵. Мстислав Ростиславич точно был изгнан Андреем Боголюбским в 1161 г.⁶ Для Всеволода Юрьевича там могло не оказаться места уже после вокняжения в Залесской земле Андрея Боголюбского. И, тем не менее, они оказываются на стороне своего старшего брата, а Михалко воюет во враждебной ему коалиции. Поэтому вывод, сделанный на основе такой интерпретации лаконичного летописного сообщения, видится шатким.

Примечательно умолчание источников о судьбе Михалка в 1161–1168 гг. О его предполагаемом уходе в Византию молчат

источники. Даже В.Н. Татищев, для которого уход Михалка в Византию мог быть очевидным фактом при отсутствии источников, сначала вписал его имя в рукопись второй редакции, а затем вычеркнул¹. Примечательно и то, что в сообщении, приведенном В.А. Кучкиным как аргумент в пользу версии изгнания Михалки в 1161 г., сторону Андрея Боголюбского занимал и Глеб Юрьевич, княживший в Переяславле-Русском². Хотя впервые Михалко Юрьевич упомянут вместе с ним среди участников совещания князей по поводу похода против половцев в марте 1168 г.: «...и совокупившися все братья Киеве... Глебъ ис Переяславля. братъ его Михалко и инии мнози»³.

Таким образом, вопрос о жизни Михалка Юрьевича в период 1161–1168 гг. открыт. Источники позволяют делать гипотетический вывод, что в Византию он не уезжал. Возможно, это было связано с состоянием его здоровья, о чем летописи красноречиво упоминали при описании событий 1174–1176 гг. Но, где он пребывал, принимал ли участие в политических событиях 1161–1168 гг. и на чьей стороне, сказать нельзя. Также нельзя не упомянуть то, что в летописях он вновь появляется одновременно с младшим братом Всеволодом, который в 1162 г. оказался в Византии. Ясно и то, что он не показывался в Суздальской земле. Даже когда в 1169 г. объединенные рати взяли Киев, и там утвердился Глеб Юрьевич, Михалка остался на юге Руси и подчинился именно киевскому князю.

С 1168 г. по 1174 г. Михалко Юрьевич проявлялся в южнорусских событиях. В 1168 г. он был на совете, созванном по инициативе Мстислава Изяславича. В 1169 г. Михалко был послан к Новгороду Мстиславом Изяславичем, когда против последнего уже двинулась рать Андрея Боголюбского. Михалка перехватили смоленские князья, союзники Андрея Боголюбского⁴. С 1169 г., когда в Киеве вокняжился Глеб Юрьевич, его брат Михалко был при нем, возглавлял берендеев, боролся с половцами⁵. В обращении берендеев к Глебу Юрьевичу можно увидеть взаимоотношения Глеба и Михалка: «Глебъ же ехавъ слыша и хоте на не сам ити и Берендееве яша коне за поводъ рекуще княже не ездъ тебе лепо ездити въ велике полку и егда совокупишася съ братьею а ныне пошли брата которого любо Берендеевъ. неколио Глебъ же посла

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. М., 1997 (далее – ЛЛ). Стб. 87.

² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 87.

³ Там же. С. 88.

⁴ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1997 (далее – ИЛ). Стб. 544.

⁵ ИЛ. Стб. 543.

⁶ ИЛ. Стб. 519.

¹ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 78, 281.

² ИЛ. Стб. 543.

³ ИЛ. Стб. 538–539.

⁴ ИЛ. Стб. 544.

⁵ ЛЛ. Стб. 358–360. ИЛ. Стб. 555–559.

брата своего Михалка. и съ нимъ Переяславецъ. сто. а Берендеевъ полторе тысяць Михалько же послушанье створи братне а дружине его не сущи с нимъ... Михалько же целовавъ брата своего Глеба. и всю дружину братню. иде по Половьцехъ»¹.

Михалко подчинен Глебу, вероятно, как киевскому князю, но летописец подчеркивает клятву брату на верность. Такое подчеркивание было связано, очевидно, с тем, что Глеб Юрьевич в 1168 г. занимал сторону Андрея Боголюбского, а Михалко был в стане их противника – Мстислава Изяславича.

В событиях 1168 и 1169 гг. Михалко предстает вместе с кочевниками-конфедератами: в 1168 г. он шел к Новгороду с ковуями (они его и предали)². В 1169 г. он воевал с половцами, возглавляя берендеев (это произошло по их желанию), воеводой у него был Володислав, брат Яна³. Эти обстоятельства важны при оценке событий рубежа январских 1170–1171 гг.: зимой пришли половцы к Киеву, воспользовавшись болезнью Глеба. Будучи больным, киевский князь вызвал братьев Михалка и Всеволода. Они устремились на кочевников. Основную боевую силу Юрьевичей составляли кочевники – торки и берендеи «с воеводою своим Володиславом». Они отбили полон, а с половцами жестоко расправились. Затем Михалко и Всеволод отпустили союзников и вернулись к Киеву⁴.

Откуда прибыли Всеволод и Михалко Юрьевичи по зову брата? Судя по участию в походе кочевников-конфедератов, то возможно, что князья выдвинулись с ними к Киеву. Иначе, надо объяснить вызов торков и берендеев в Киев в кратчайшее время. То есть, и торки, и берендеи, и князья выдвинулись из места дислокации первых – Поросья. Вероятно, что Глеб Юрьевич разместил младших братьев в Поросье. Как дальше сложилась судьба их владения на юге? Михалко с Всеволодом, видимо, оставались в Поросье, невзирая на факт княжения в Киеве иных князей. Так, в начале 1173 г. Михалко не вышел из Торческа, чтобы занять киевский стол вместо ушедшего Романа Ростиславича, а направил вместо себя брата Всеволода⁵. Как владелец Торческа Михалко упоминается в том же 1173 г., когда Владимир Ярославич прибыл с матерью Ольгой (сестра Михалки) в Торческ к Михалку, когда Ростиславичи, утвердившиеся в Киеве, совершили поход против Ми-

халка; там же указывается, что на переговорах с Ростиславичами Михалко запросил к Торческу еще Переяславль¹.

После смерти в Киеве утвердился Владимир Мстиславич, сын Мстислава Великого, но 30 мая 1171 г. он умер². Его сменил Роман Ростиславич, посаженный по воле Андрея Боголюбского³.

Вскоре отношения владимирского князя Андрея Боголюбского со смоленскими Ростиславичами разладились. Андрей Боголюбский потребовал от Романа, чтобы он ушел из Киева, вывел Давыда из Вышгорода, Мстислава из Белгорода. Ростиславичи покинули Киев, переживая, что владимирский князь отдал престол в Киеве брату Михалку. Однако в феврале 1173 г. тот направил в Киев младшего брата Всеволода и племянника Ярополка Ростиславича. Всеволод Юрьевич прокняжил в Киеве 5 недель, после чего смоленские князья въехали ночью в город, захватили Всеволода с племянником, и в Киеве 24 марта 1173 г. утвердился Рюрик Ростиславич⁴.

Вернув Киев, Ростиславичи попытались ликвидировать опасность, исходившую от Михалка. Он находился в том же Торческе (там он приветил сестру Ольгу, бежавшую вместе с сыном Владимиром из Галича). Ростиславичи осадили Торческ. Через 6 дней в ходе переговоров был заключен договор, одним из пунктов которого было получение Михалкой Переяславля: «лишися Аньдреи брата своего и Святослава Всеволодича Черниговского. а к Ростиславьчемь приступи. Бе бо тогда Рюрикъ в Кыеве бяше бо тако урядилься якоже Володимера Ярославича Галичькаго сестричича Михалькова дати Ростиславичемь и пустити и къ отцю а Ростиславичемь пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину. Всеволода же пустиша а Ярополка не пустиша не вмениль ны еси ого темь же путем идуче и сыновьца его выгнаша Мьстислава. ис Треполя Ростиславичи. Мьстислав же отуда иде къ Чернигову а Михалько не прия его»⁵.

В этом узле завязаны судьбы жены и сына Ярослава Владимировича (Осмомысла). О них сообщается раньше: Владимир Ярославич бежал к Ярославу Луцкому; Ярослав Осмомысл потребовал вернуть сына. Луцкий Ярослав отослал Владимира вместе с матерью княгиней Ольгой к ее брату Михалку в Торческ. Из Торческа их «повабил» Святослав, «тесть его въ Черниговъ»,

¹ ИЛ. Стб. 556–557.

² ИЛ. Стб. 544.

³ ЛЛ. Стб. 359–361; ИЛ. Стб. 557–558.

⁴ ЛЛ. Стб. 363. ИЛ. Стб. 562–563.

⁵ ИЛ. Стб. 570.

¹ ИЛ. Стб. 571.

² ИЛ. Стб. 566–567.

³ ЛЛ. Стб. 364–365; ИЛ. Стб. 567–568.

⁴ ИЛ. Стб. 569–571.

⁵ ИЛ. Стб. 571–572.

желая жену и сына галичского князя отправить в Суздаль к Андрею Боголюбскому, но не сделал этого¹. Получается так, что Андрей Боголюбский был ущемлен в правах своим сводным братом Михалком и черниговским князем Святославом. Он не дал Андрею Юрьевичу получить Ольгу Юрьевну с сыном Владимиром. Та легкость, с которой Михалко отдал сестру и племянника черниговскому князю, может свидетельствовать, что Ольга Юрьевна была ему сводной сестрой, то есть дочерью Юрия Долгорукого от первого брака. Владимир Ярославич, сын галичского князя, племянник Михалка и Всеволода Юрьевичей, стал разменной монетой в руках черниговского князя.

Святослав Всеволодович передал Владимира смоленским Ростиславичам, направившим его к отцу, и взамен отпустившим Всеволода Юрьевича. Это нарушило планы Андрея Юрьевича, как явствует из летописи (он «лишился» брата и Святослава Всеволодовича). Вероятно, что Михалко через Святослава Всеволодовича пытался освободить брата Всеволода и племянника Ярополка Ростиславича, попавшего в плен к смоленским князьям. Знаменательно, что последнего освободить не удалось, что другой племянник, Мстислав Ростиславич, был изгнан из Треполя, а Михалко его не принял. Видимо, в непростом отношении Всеволода и Михалка Юрьевичей к своим племянникам определяющую роль сыграл фактор, что у первых и отца вторых были разные матери.

Сговором с Ростиславичами, попыткой получить Переяславль Михалко во второй раз оказался в стане врагов Андрея Боголюбского. Туда же мог и переместиться и его брат Всеволод.

Причиной того, что Михалко вторично противодействовал Андрею Юрьевичу, стало получение Переяславля. Видимо, после смерти Глеба Юрьевича владимирский князь хотел удержать Киев под контролем. Михалко перечеркнул эти планы: Андрей Юрьевич не дождался своего сестрича Владимира Ярославича, Всеволод Юрьевич был освобожден. Источники позволяют говорить о том, что Михалко Юрьевич на юге Руси действовал самостоятельно и решал, прежде всего, свои задачи.

Итак, в 1173 г. Михалко оказался потерянным для старшего сводного брата Андрея Боголюбского, но способствовал освобождению брата (вероятно, родного) Всеволода Юрьевича. Михалко, получив Переяславль, сохранив Переяславль, способствовал

прекращения влияния старшего сводного брата на юге Руси и был лоялен Ростиславичам.

Вскоре с ними разгорелся конфликт Андрея Боголюбского. Он направил полки к Киеву¹. Ольговичи тоже привели свои силы. К коалиционному войску присоединились Михалко и Всеволод Юрьевичи, Мстислав и Ярополк Ростиславичи (внуки Юрия Долгорукого), Глебович (видимо, Владимир Глебович), вместе с ними в одном ряду упоминаются переяславцы². Видимо, все эти потомки Юрия Долгорукого вместе владели Переяславлем. После того, как Ростиславичи покинули Киев, уйдя в ключевые окрестные пункты, Михалко с Всеволодом Юрьевичем и племянниками наравне со Святославом Всеволодовичем вели дружины и киевлян, берендеев и всей Русской земли от Киева к Вышгороду. Там укрепился Мстислав Ростиславич³.

То есть, что версия о Михалке как возможном ставленнике Андрея Боголюбского на киевский престол не достоверна. Мотивы присоединения Михалка и Всеволода Юрьевичей, их племянников Ростиславичей к коалиции, созданной Андреем Боголюбским, были иными и не зависели от отношений с владимирским и смоленскими князьями. Возможно, здесь сыграла роль родственная связь с черниговскими князьями и, прежде всего, со Святославом Всеволодовичем. Можно даже предположить, что Михалко Юрьевич после смерти Глеба Юрьевича претендовал на старейшинство среди детей Юрия Долгорукого, находившихся на юге Руси.

Следующее возможное упоминание Михалка носит косвенный характер. После вокняжения в Киеве Ярослава Изяславича началась его борьба с черниговским князем Святославом Всеволодовичем. Внутри Ольговичей начался конфликт за лидерство⁴. Этой борьбой поспешили воспользоваться смоленские князья. Они попросили Андрея Боголюбского, чтобы он одобрил вокняжение в Киеве Романа Ростиславича. Андрей Юрьевич ответил, что ему нужно посоветоваться с братьями (находившимися на юге Руси)⁵. Среди этих братьев, наверняка, был и Михалко. Ответ Андрея Боголюбского Ростиславичам является еще одним аргументом в пользу того, что дети и внуки Юрия Долгорукого, находившиеся на юге Руси, играли самостоятельную роль и имели

¹ ИЛ. Стб. 573.

² ИЛ. Стб. 574–575.

³ ИЛ. Стб. 575.

⁴ ЛЛ. Стб. 366–367; ИЛ. Стб. 578–579.

⁵ ЛЛ. Стб. 367. ИЛ. Стб. 580.

¹ ИЛ. Стб. 571.

интересы, отличные от своего родственника, сидевшего во Владимире. Вероятно, они держались стороны черниговского князя Святослава Всеволодовича. Предполагать это позволяет сведения о событиях, последовавших после убийства Андрея Боголюбского в 1174 г.

После него съехавшиеся во Владимир дружинники, ростовцы, суздальцы и переяславцы (разумеется, и владимирцы) решили звать на княжение Ярополка и Мстислава Ростиславичей¹. Послы застали Ростиславичей вместе с Михалком и Всеволодом Юрьевичами в Чернигове у Святослава Всеволодовича. Они, Юрьевичи и Ростиславичи, решили идти в Залесскую землю. Михалка и Ярополк были в Чернигове, что является косвенным аргументом в пользу того, что потомки Юрия Долгорукого в 1174 г. ориентировались на Чернигов. Ярополк, получив приглашение, разделил его с дядей Михалком, что свидетельствует о лидерстве последнего. Более того, в летописи сообщается, что старейшинство Михалка было закреплено крестным целованием у черниговского епископа. Признание этого старейшинства шло вразрез с интересами приглашавших, а потому они велели Михалку оставаться в Москве, но тот устремился во Владимир².

После смерти Андрея Боголюбского Михалко Юрьевич начал восстанавливать свои позиции в княжестве отца. В этой деятельности он, поддержанный братом Всеволодом, столкнулся с противодействием племянников. Для всех их гибель Андрея Боголюбского стала счастливым шансом вырваться из когорты второго и третьего уровня политической иерархии Рюриковичей. Поэтому развернувшаяся борьба отличалась ожесточением и бескомпромиссностью. Уже после смерти Михалка в 1176 г. и продолжения братом Всеволодом его борьбы с племянниками Ростиславичами и их детьми последние преследовались долгое время. То есть, сама по себе социальная мобильность во второй половине XII в. в слое Рюриковичей была исключительным явлением. Об этом свидетельствует и сохранение неофициального имени князя – Михалко (не Михаил), даже когда он станет князем. В 1169 г. летописи неформальным именем Дмитр(ок) называют и Всеволода Большое Гнездо³. Такое «непочтительное» упоминание летописцами Юрьевичей может указывать на их

статусное положение в роде Рюриковичей до утверждения в Залесской земле.

Политико-династическая история Северо-Восточной Руси в XII в. являет примеры неординарной для Рюриковичей социальной мобильности. Юрий Долгорукий, вступив в борьбу со своими старшими братьями, их сыновьями и Ольговичами, добился того, что стал одной из главных фигур в княжеской среде. Его сын Андрей Боголюбский, самовольно занявший в 1155 г. захолустный Владимир, только после внезапной смерти отца в 1157 г. начал вхождение в высший круг Рюриковичей. Его младшие сводные братья, среди которых был и Михалко, пребывали на юге Руси в подчинении различным группировкам Рюриковичей. При этом они часто действовали без учета политики Андрея Боголюбского, но в контексте развития политической борьбы на Руси и ее юге. Некую тяжеловесность им придавало нахождение в Торческе, откуда они контролировали кочевников-конфедератов.

Внезапное перемещение Михалка на более высокие позиции потребовало его легитимизации в летописании и литературной традиции XV–XVII вв. Там Михалко предстает мстителем убийцам своего брата. Такое же недостоверное сведение встречается и по отношению к Всеволоду Юрьевичу¹. Так выстраивалась преемственность: Андрей Боголюбский – Михалко Юрьевич – Всеволод Большое Гнездо. То же внезапное перемещение, подобное михалковскому, определило и создание генеалогии жены Всеволода Большое Гнездо. Она стала дочерью «сконструированного» летописцами XV–XVI вв. чешского князя Шварна, тогда как есть более оснований считать ее ясыней без указания ее родословия². Брак с ней выглядит весьма логичным для князя Дмитр(ок)а (Всеволода), вместе с Михалком находившимся вне элиты Рюриковичей.

¹ См. подробнее: Кузнецов А.А. Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Бутанова. М., 2012. С. 24–26, 30–31.

² См. подробнее: Кузнецов А.А. Источниковедческие аспекты проблем биографии Георгия Всеволодовича // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 277–290, 302–307.

¹ ЛЛ. Стб. 372.

² ЛЛ. Стб. 372–373.

³ ЛЛ. С. 354; ИЛ. Стб. 543.

К.Н. Соловьева
г. Ижевск

СОЦИАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ «МУЖЕЙ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В историографии определились две основные точки зрения на «мужей». Согласно одной из них мужи – это представители высшего класса древнерусского общества. Согласно другой – свободные общинники, основная масса населения древней Руси. Вторая точка зрения базируется на предположении, что процесс классообразования в Древней Руси еще не завершился и основная масса населения оставалась лично свободной. Современное состояние науки не располагает к оптимистичным надеждам на скорое разрешение этого спора, который тянется уже не одно столетие. Однако решение вопроса о социальных координатах «мужей» может способствовать продвижению исследований этого вопроса.

Пожалуй, сделать более или менее аргументированные выводы о социальном положении «мужей» можно только анализируя текст «Русской Правды». Нарративные источники могут использоваться лишь как вспомогательные тексты, задающие культурный фон и языковую среду нормирующего документа.

Краткая Правда: «Оубьеть моужь мужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу (а), либо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусинъ, либо гридинъ, либо коупчина (б), либо ябетникъ, либо мечникъ, аще (в) изъгой боудеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положить за нь»¹.

Пространная правда: «Аже оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, либо отцю, ли сыну, либо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положить за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь, либо купецъ, либо тивунъ боярескъ, либо мечникъ, либо изгой, ли словенинъ, то 40 гривенъ положит и за нь».

А.П. Толочко были высказаны весьма любопытные суждения о соотношении Краткой и Пространной редакций Русской прав-

ды¹. Однако, как бы то ни было, логика построения заглавной статьи в обеих редакциях сходна: безо всяких уточняющих характеристик объектом действия этой статьи определены «мужи». Поскольку в целом Русская Правда не имеет признаков узкословного документа, то логичным будет предположить, что в первой статье объект действия его определяется максимально широко.

Кроме того, чрезвычайно важным является перечень исключений из изначально заданной группы. Следует отметить, что логика средневекового человека подчас весьма существенно отличалась от современной. То есть, она в гораздо меньшей степени подчинялась правилам так называемой формальной логики. Статьи в «Русской Правде» часто строятся по принципу: N – {a, b, c}, где N – это максимально широко группа очерченная группа населения, а {a, b, c}, – это подгруппы, которых законодатель выводит из числа объектов нормы.

Именно таким образом строится, например, статья о послушестве холопа: «А послушства на холопа не складають, но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инехъ не складывати. А в мале тяже по нужи възложити на закупа»². Таким образом определено, что в принципе холоп не может свидетельствовать в суде, но в отдельных случаях в качестве свидетеля могут выступать боярский тиун или закуп. Таким образом, видно, что по мысли автора текста и боярский тиун и закуп тоже в некоторой степени холопы.

Если подойти к статье за убийство с таким шаблоном, то можно сделать вывод, что все категории населения, упоминаемые законодателем, так или иначе, в том или ином смысле могли быть отнесены к мужам. Следовательно, муж может быть просто «мужем», а может быть и «княжим мужем», и «мечником», и «купцом». Таким образом термин «муж» является для них для всех видовым.

Точно сказать, что означают отдельные категории, упоминаемые в статье сложно. Не понятно, каким образом в славянском государстве в качестве отдельной группы населения могли выделяться «славяне», если только речь не идет о племени словен новгородских. Однако и в этом случае ясности больше не становится. Поскольку «летописных племен» было больше десятка и почему именно словене получили особое упоминание в

¹ Толочко А.П. Краткая Редакция Правды Русской: происхождение текста. Киев, 2009.

² Там же.

¹ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

русской правде – не ясно. Не ясно, кем в контексте «Русской Правды» предстают «русины». Не до конца ясен статус ябетников и мечников. Но при всех этих неясностях совершенно точно можно утверждать, что среди всех этих категорий нет зависимых или иным образом социально неполноценных. даже «изгой», в котором в свете этимологии этого слова и Устава Всеволода можно подозревать социально ущербных людей охраняется полноценной вирой в 40 гривен. Вывод напрашивается в общем-то банальный, но, теме не менее, необходимый: «мужи» «Русской Правды» максимально широкая социальная категория, включавшая в себя не только свободных полноправных общинников, но и иные категории древнерусского населения, отличительной чертой которых была личная свобода или зависимость от персон, причастных к высшей публичной власти: от князей их княжеских тиунов. При этом в границы этой группы не входят рабские и полурабские категории: холопы и закупы. Вопрос о смердах будет разобран ниже.

Анализ нарративных источников подтверждает этот вывод, внося в него некоторые уточнения. Рассмотрим использование этого слова в ПВЛ. Самое первое упоминание «мужей» уже вполне ясно обозначает его смысл: «Бяху мужи мудри и смыслени и нарицахуся поляне»¹. Таким образом *все* поляне без различия их социального положения названы летописцем «мужами». Следует обратить внимание на то, что парадоксальным образом в этом случае в число «мужей» входят и женщины, поскольку в племени, конечно, были не одни мужчины. Понятно, что такого быть не может и это еще одна иллюстрация «нелинейной», неформальной логики летописца. То есть «мужи Поляне» в данном случае являются синонимом всего Полянского племени, его «законными представителями». Под их эгидой «укрывается» весь «личный состав» – и женщины, и дети, и старики.

В летописном рассказе о загадочном народе – гилийцах слово «муж» выступает уже в гендерном аспекте, обозначая просто мужчин вне связи с их социальным положением, а в противопоставлении с женщинами: «инъ же законъ Гилиомъ. Жены в них орют зиждют храми и мужьская дела творять, но любы творять елико хочеть, не въдержаеми от мужий своихъ весьма ли зрять. В них же суть храбрья жены – ловити зверь крепко. Владеют же жены мужи своими»². Таким образом и в этом слу-

чае слово «муж» имеет максимально широкий спектр значений. Если бы это слово приобрело узкосоциальный смысл, то оно бы вытеснило из языка иные элементы значения. Так некоторое время спустя слово «дворяне», которое изначально обозначало разнообразных челнов княжеского «двора» приобрело более строгое значение и тогда в прежнем широком значении стало употребляться слово «дворня». Как видим, в языке XII в. этого не происходит.

То же самое мы видим и в следующем фрагменте – где речь идет об амазонках. В данном случае слово «муж» используется даже не в гендерном, а в физиологическом значении. То есть речь не идет как в случае с гилийцами о социо-культурном поле («мужские дела», «мужские права» и пр.), а об элементарной биологической роли мужчин в зачатии детей.

Иной набор значений открывается нам в летописной легенде о призвании варягов. В ней словом «мужи» обозначаются дружинники Рюрика, прибывшее вместе с ним к славянами из-за моря варяжского. Во-первых, именно термином «мужи» обозначены лица, которым варяжский князь раздает «грады»: «овому Полотескъ, овому Ростов, другому Белоозеро»¹.

Таким образом, в этих «мужах» можно заподозрить достаточно высокопоставленных персон, раз им в управление даются целые города. Далее тем же термином названы Аскольд и Дир. Причем, в разных рукописях об их положении говорится по-разному. В Лаврентьевской летописи сказано, что Аскольд и Дир были «не племени его, ни боярина»², а в Ипатьевской: «не племени его, но боярина»³. Понятно, что разночтение объясняется ошибкой в написании одной буквы («но» или «ни»). Это, однако, не смущало летописцев по крайней мере в XIV – XV вв. То обстоятельство, являются ли Аскольд и Дир боярами никак не влияет на то, являются ли они мужами.

«Мужем» назван отец славянских первоучителей Кирилла и Мефодия – Лев⁴. В сюжетах, изображающих момент международных контактов, слово «мужи» используется летописцем как синоним слову «послы»⁵ для избегания тавтологических повторов. Интересный синонимический ряд содержится в летописной статье под 1076 год. «В се же лето придоша сли из Немец к

¹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 9.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 15.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

³ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1997. Стб 15.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 26.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 53.

Святославу. Святослав же величяся показа им богатство свое. Они же видевшя бецисленное множество злато и серебро и паволокы и реша: "се ни въ что же есть. Се бо лежит мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего"»¹. В данном фрагменте слово «мужи» использовано в качестве замены для термина «кметы». Как известно, слово это общеславянское и спектр значений его в славянских языках весьма широк². В древнерусском языке XII в. оно приобрело значение «воин» или, как определил это слово И.И. Срезневский, «витязь»³. Между тем, изначальное значение этого слова было установлено в небольшой, но чрезвычайно интересной работе И.Г. Добродомова. По его мнению, отождествление слова «къмет» исключительно с воином неверно: «Фактически общеславянское слово къметь/къметъ появилось как обратное образование (редеривация) из латинизма къметѣя - «хозяйство» (сохранилось в сербскохорватском и, особенно, в словенском языках – kmetija), восходящего к народнолатинской форме классического comitia, что заставляет признать за исходное значение слова къметь/къметъ значение «хозяин, крестьянин»⁴.

Таким образом появление этого слова отсылает нас ко временам, когда свободная хозяйствующая единица, свободный общинник был одновременно и воином. К XII в. распределение значений внутри смыслового поля изменилось. В древнерусском языке акцент сместился с хозяйственной на военную составляющую. Однако, в качестве конотации изначальное значение не могло исчезнуть абсолютно. Использование его в качестве синонима слову «муж» весьма показательно.

Интересные суждения о термине «муж» содержатся монографии А.С. Львова, посвященной терминологии «Повести временных лет». По его мнению, слово это имеет три основных значения: 1. «Супруг»; 2. «Человек, мужчина»; 3. «Приближенный к князю».

Первые два значения от отделял от третьего, считая их древнеславянским наследием в древнерусском языке⁵. То есть, следуя

логике, третье значение было специфически древнерусским. «В последней группе предложений слово *моужь* выступает в общественно-политическом значении, поскольку *мужь* здесь то является воеводой, то послом особых поручений князя»¹.

При этом А.С. Львов отмечает, что для того, «чтобы отличить этих *мужей* от всех *мужей* (обыкновенных мужчин), как видно, применялись различные определения: *къняжь моужь* (Берест. грамм. № 109; Рус. Пр., ст. 1 и др.), *великьи моужь*, *вячьшии моужь*, *лоучьшии моужь*, *добрый моужь* и т.д. Постепенно эти мужи с различными эпитетами стали именоваться *боярами*»².

Рассуждения исследователя логичны, однако, из них делается совершенно нелогичный вывод. С его точки зрения, «мужи» Русской правды – это представители социальных верхов, хотя там, как известно, «мужи» выступают безо всяких дополнительных эпитетов. «Надо полагать, что статья 1 Рус. Пр. имеет в виду этих самых мужей (т.е. воевод, послов – К.С.), когда констатирует: "оубьеть моужь моужа, то мьстити братоу брата...; оже ли не боудеть кто его мьстя, то положити за голову м грвнь (л. 615 об). Позже штраф этот был увеличен до 80 гривен».

То есть, ученый причислял к социальным верхам тех «мужей», которые охраняются в Краткой Правде вирой в 40 гривен и считал, что в Пространной Правде те же самые мужи уже охраняются 80-гирвенной вирой, что противоречит буквальному прочтению этих статей. Еще более странным выглядит замечание в свете того, что «княж муж» выделен в Пространной Правде в отдельную подкатегорию.

Очевидно, рассмотрение вопроса о социальной стратификации не слишком интересовало А.С. Львова (книга его посвящена исследованию в первую очередь сугубо филологических вопросов) и он пошел в своих рассуждениях в кильватере доминировавшей в то время точке зрения на природу древнерусского общества как раннефеодального.

Однако, материал, собранный и подытоженный в книге А.С. Львова однозначно свидетельствует, что и в XI, и в XII вв. в древнерусском языке слово «муж», не снабженное уточняющими характеристиками, по-прежнему имело весьма широкое значение.

Между тем, нелогичный вывод А.С. Львова ввел в заблуждение его последователей. Со ссылкой на означенную работу рассуждает другой филолог, автор в общем-то глубокого и интерес-

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 198–199.

² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 1390.

⁴ Добродомов И.Г. Иллюзорная семантика в русских исторических словарях и ее последствия (на примере слова къметь) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 26–27.

⁵ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 221.

¹ Там же. С. 222.

² Там же.

ного исследования о древнерусском языке В.В. Колесов: «Социальная принадлежность человека также устанавливается с помощью слова *моужь*; муж всегда противопоставляется холопу, рабу, тогда как человеком могут называть и холопа (Бенвенист, 1974, с. 366–386). В древнерусских текстах слово *мужь* всегда имеет такие определения, как *досточюдный*, *правденый*, *избранный*, *богатый* <...> Такие определения к слову отражают новое – средневековое – представление о муже: он высок по рангу, приближен к князю. Такое значение слова неизвестно старославянским текстам, оно является древнерусским»¹.

Налицо тот же логический сбой, что и в работе А.С. Львова: то, что высокое социальное положение является исключительно древнерусским элементом значения слова «муж» не означает, что значение это является единственным древнерусским. Как видно в ПВЛ и других текстах древнерусского происхождения, слово «муж» без дополнительной квалификации продолжало сохранять весь спектр значений, существовавший в славянских языках. И уж говорить о том, что слово это *всегда* выступает в связке с качественным определением не приходится.

В ситуации, когда древнерусский язык существовал в тесной связи с другими славянскими языками, иную ситуацию сложно вообразить: Б.А. Успенский определил языковую ситуацию в Древней Руси как ситуацию диглоссии². То есть в рамках одной культуры сосуществовали два языка: церковнославянский и собственно древнерусский. Языки эти выполняли разные функции: церковнославянский (древнеболгарский по своей природе) использовался для богослужения и «литературы», а в качестве разговорного, делового и «государственного» – русский. Человек «переключался» с языка на язык, не отдавая себе в этом отчета, в зависимости от ситуации. Мог ли он в таком случае совершенно изолировать в своем сознании общеславянское и специфически русское значение слова «муж»? Вряд ли такое можно себе представить. Во всяком случае, анализ русских текстов не дает для этого никаких оснований.

Показательно словоупотребление в Изборнике 1076, По мнению многих исследователей, составивший его древнерусский книжник, «подвергал включаемые в сборник тексты стилистической и языковой правке, лишая их подчеркнутой монашеской

ригористичности, русифицируя язык, вводя в текст отдельные слова и выражения, отражающие древнерусский быт»¹. Между тем, Изборнике слово «муж» далеко не всегда обозначает представителя социальных верхов: «душа алчущта не оскорби и не разгневай моужа въ нищете его»². Судя по тому, что книжник не счел необходимым внести правку в перевод, мысль о том, что и «моужь» может пребывать в нищете не казалась ему нелепой.

Можно согласиться с А.С. Львовым и В.В. Колесовым в том, что в оригинальных древнерусских текстах не встречается отождествления «мужей» и «холопов». Все-таки «муж» – это лично свободный человек, полноценный член общества.

Однако, есть в летописи сюжет, позволяющий под несколько иным углом взглянуть на социальную реальность древнерусского общества. Помещен он под 1096 г. Речь идет о конфликте Великого князя Святополка Изяславича и Владимира Всеволодича Мономаха с одной стороны, и Олега Святославича – с другой. Святополк и Владимир предложили Олегу прийти к Киеву и заключить договор: «поряд положимъ о Русьстей земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отець нашихъ и пред людьми градскими да быхом оборонили Русьскую землю от поганыхъ»³. Олег, однако, отказался. Причем, отказ он оформил в грубой и высокомерной форме: «Олег же въсприим смысл буй и словеса величава, рече сице: “несть ми лепо судити епископу ли, игуменом ли, смердом”»⁴.

Понятно, что ответ Олега был намеренно оскорбительным. Однако, логика построения инвектив с тех далеких пор не претерпела сильных изменений. Обычно оскорбления строятся на гипертрофии отрицательных качеств объекта. Оскорбление должно быть связано с реально существующими его характеристиками, иначе оно не будет действенным. Так, например, полного человека обзывают, называя, например, «жирдяем», а худощавого – «щепкой» или «дистрофиком». Если полного называть «щепкой» – оскорбления не получится. Семиозис оскорбительных речей Олега чрезвычайно интересен: с его точки зрения, «мужи отец» (то есть, нужно полагать, «княжеские мужи») и «люди градские» малодифференцированные группы, которые он «припечатывает» одним словом «смерды».

¹ Творогов О.В. Изборник 1076 года // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.) Л., 1987. С. 197.

² Там же. С. 417.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 230.

⁴ Там же.

¹ Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 164.

² Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 32.

Из этого фрагмента можно сделать несколько выводов. Во-первых, о том, что «смерды» стоят гораздо ниже «княжеских мужей» и «градских людей», но все-таки имеют с ними точки социального соприкосновения, существующая между ними качественная разница не носит принципиального характера. Во-вторых, что с точки зрения князя, прирожденного аристократа «княжеские мужи» и «люди градские» мало чем различаются. Очевидно и те и другие с его точки зрения – простонародная масса.

В Ипатьевской летописи речь князя предстает в еще более виде¹. От оскорбительного «снижения» оказывается освобожден уже только епископ (что понятно: он «князь церкви» и, несмотря на то, что Олег не признает за им право судить, но не может не видеть в нем в некотором смысле себе равно). Игумены, которые в варианте Лаврентьевской летописи названы игуменами, в Ипатьевской – уже просто «чернецы». Понятно, что игумены безусловно являются «чернецами», но непростыми. Их статус не искажен полностью, но существенно снижен. Логично предположить это и в отношении «княжеских мужей» и «горожан».

Категории населения, перед лицом которых Святослав и Владимир предлагают Олегу заключить договор:	Ивективное снижение статуса в «речи Олега»:
епископ	епископ
игумены	игумены (Лаврентьевская летопись) чернецы (Ипатьевская летопись)
княжеские мужи люди градские	смерды

Таким образом, вряд ли стоит видеть в «княжеских мужах» непременно зарождающуюся феодальную аристократию, среди которых князья были *primus inter pares*. Очевидно, «княжеские мужи» – это свободные люди, служившие князю, что, конечно, обеспечивало им некоторые преимущества, но не делало их всех автоматически представителями отделившейся от народа элиты.

Следовательно «смерды» – это низший предел группы, верхним пределом которой выступали «княжеские мужи». Участие смердов в военных походах является косвенным тому под-

тверждением. Важным является так же и то, что Олег не обозвал их, например, холопами.

При анализе летописи следует учитывать то, что в терминологии тартуско-московской семиотической школы именовалось «точкой зрения текста». Стандартным является вариант, когда мы видим древнерусское общество глазами летописца. Это взгляд из средних городских слоев, для которого характерно наличие как вышестоящих (князей, бояр), так и нижестоящих (смердов, холопов, нищих, убогих). Разобранный сюжет с «величавыми словесами» Олега интересен тем, что летописец смещает привычную точку зрения и показывает нам социум из позиции «сверху», глазами князей. Причем, как с вполне корректной по оценке летописца позиции князей Святослава и Владимира, так и с позиции чрезвычайно высокомерного (опять же, в оценке летописца) Олега. Для Святослава и Владимира «мужи» – дружинники, служившие еще «отцам», горожане же – просто «люди». С запредельно вознесенной точки зрения Олега и «княжеские мужи» и «люди градские» превращаются в «смердов».

Вместе с тем, когда летописец взирает на общество со своей, срединной, позиции, для него и горожане – мужи. Это хорошо видно в историях о Кожемяке¹ или «Белгородском киселе»². Центральными персонажами этих историй являются обычные горожане, которых летописец, однако, именует именно мужами.

Источники не дают нам возможность взглянуть на мир глазами смерда. В пределах древнерусских текстов смерд всегда остается в низкой позиции. Именно поэтому мы не имеем примеров того, чтобы смердов называли мужами (хотя обратная ситуация, как мы видели, имела место быть).

Все вышеизложенное позволяет предположить, что древнерусский термин «мужи» обозначал не столько социальную группу, сколько социальное отношение между равными мужчинами. Наименование «муж» означает, что говорящий (пишущий) относится к объекту своей речи как к равному, признает его достоинство и проявляет уважение.

М.С. Ильин

¹ ПСРЛ Т. 2. Стб. 220.

¹ ПСРЛ Т. 1. Стб. 122; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 107.

² ПСРЛ Т. 1. Стб. 128; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 113.

г. Пермь

**ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО
МОНАШЕСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ («ИГРАЮЩИЙ» И «ТРУДЯЩИЙСЯ»
КАК СТАТУСЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)¹**

Исследование такого вопроса как поведение человека, человека «из прошлого» по данным агиографической (житийной) литературы в аспекте анализа деятельности и этоса труда предполагает сложный и многоступенчатый процесс. Этот процесс требует раскрытия ряда сопутствующих вопросов, связанных: с агиографическим текстом, особенностями его прочтения и интерпретации, соотношением текстового «мира» и мира, который в нём отражается, выделением тех идей и образов, что повлияли на становление последующих исторических реальностей, образов мышления, мировоззрения в целом. В данной работе, посредством анализа житийной литературы, предлагается рассмотреть тот круг идей, образов и моделей (на примере отношения к деятельности и труду), что, по мнению автора, в той или иной степени повлияли на функционирование средневекового социума, поведение части этого социума – монашества. Формирование христианского сообщества, предполагает некую нормативность по отношению к деятельности человека, следованию определённой религиозной морали, образцу, реализации или не – реализация которого ведёт к появлению как минимум двух поведенческих полюсов – идеала и антиидеала. Религия, воспринятая обществом на разных уровнях (от бытового до теологического) формирует этос этого общества, как сумму норм, согласно которым осуществляется его функционирование, оформляется его структура.

Исследуя «этос» как определённый вариант человеческого существования (направленность) в пространстве культуры, философом и культурологом М. Оссовской рассматривался ряд терминов, которые бы максимально полно могли отразить поведенческие реализации всевозможных групп. К ним можно отнести: «*направляющие образы*» (imagesguides), «*идеалы лично-*

сти» (ideal de la personne), «*человеческий образ, представляющий предмет притязаний*» (enviable human figure), «*идеальный тип человека в данной культуре*» (human ideal-type of a given culture), «*образ, вызывающий восхищение*» (admirable human figure), «*vorbild*» (пример, образец), «*идеальный тип группы*» (ideal – typus der gruppe)¹. С особой осторожностью, по мнению М. Оссовской, следует подходить к термину «*модель*», который вслед за А. Клосковской, предлагается различать с «*образцом*», где «*находит выражение повторяемость человеческого поведения, повторяющаяся структура этого поведения...*»². В то время как «*модель - это «словесное, наглядное или какое-либо иное изображение человеческого поведения (общественных институтов, личностей), которое может служить примером, а также объектом соотнесения оценок и которое сконструировано для практических общественных целей*»³. Следовательно, поведенческая «*модель*», нашедшая подтверждение в социуме может стать «*образцом*», т.е. последовательно воспроизводится какой – то его частью, но может и просто оставаться на уровне прецедента или же «*застыть*» в агиографическом тексте. Возможно, такой подход позволит преодолеть те терминологические противоречия, о которых писала в своё время М. Оссовская (предпочитая использовать в работе термин «*образец*», а не «*модель*»)⁴. Следует сказать, что поведенческих моделей существует значительно больше, которые могут: сосуществовать между собой, противоречить друг другу, становится «*образцом*» или антиидеалом. В данной статье попытаемся представить русское средневековое монашество, которое, безусловно, являясь «*образцом*» для православного христианина (?), как ряд поведенческих моделей. Предположим, что «*образец*» – это сложносоставная структура, объединяющая несколько моделей, отношения между которыми с течением времени могут меняться. Какие – то модели становятся приоритетными, значение и роль других падает, уступая новым или актуальным традиционным. Так, например, выделяемые автором далее поведенческие модели, являлись в совокупности «*образцом*», но вот модель «*обывателя*» такой не была, как не была и антиидеалом. Значит, при

¹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали: Пер. с польск. К.В. Душенко. М., 1987. С. 26–27.

² Там же. С. 27; См.: Kłoskowska A. Modele społeczne i kultura masowa // Przegląd socjologiczny. 1959. T. 13, zes. 2. S. 48, 50.

³ Оссовская М. Указ. соч. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

¹ Статья подготовлена по проекту O29a_Ф в рамках реализации ПСР ПГТПУ Home laboraus.

анализе с позиций идеал – антиидеал, теряются модели, чьи признаки не так ярко выражены, а, как правило, именно они составляют большинство. В работе М. Осовской есть и ещё один термин, заслуживающий пристального внимания – «личностный образец». Под личностным образцом предлагается понимать *«реальное или вымышленное лицо, которое побуждает или должно побуждать к подражанию»*. Иным образом: *«личностным образцом для данного индивида или группы будет образ человека, который должен служить или фактически служит для этого индивида или для этой группы объектом притязаний»*¹.

Труд – это базисное понятие, присущее обществу и человеку на протяжении всего его существования. Изменяется общество (человек) – изменяется отношение к труду (или же обратная связь), его ценностная составляющая. Вместе с тем, согласно мнению П.С. Гуревича: *«... ни одна из религий не исповедовала отрицательного отношения к деятельности»* – а, следовательно, и *«не отвергала труда»*².

Труд – понятие «длительной истории», в традиционном обществе изменения в этой области культуры проходили наиболее медленно. Однако следует признать, что с появлением определённых культурных артефактов и технологий всё же происходили «революционные прорывы». В данном исследовании речь пойдёт даже не об изменении самих орудий труда, а о деятельности как таковой, понимании и осознании человеком этой деятельности – коллективного и индивидуального труда. История труда является важным направлением особенно в исторической и культурной антропологии, которое позволяет определить *«как по – разному воспринимали люди труд, на них возложенный или возложенный ими на себя»*. Ещё Л. Февр заметил, что *«наши познания об этом отрывочны, недостоверны и бессвязны»*³. Особенно работа историка усложняется, когда предметом исследования становится труд и его место в монастырской жизни. Во многом, соглашаясь Ж. Ле Гоффом, это следует из двойственного (двусмысленного) статуса труда на протяжении всего средневековья.⁴ В чём же заключается двойственность? Попытаемся определить многообразное поле трудовой деятельности.

Труд может быть индивидуальным или коллективным, может восприниматься как благо или как проклятие за первородный грех (даже одновременно), может принимать интеллектуальную или физическую форму, при этом быть направленным на желанный результат, а может и на сам процесс. Когда же труд имеет целью процесс «на себя», он может быть духовным, когда на получение материального результата – мирским, однако, между ними существует очень тонкая грань, каждый раз зависящая от контекста ситуации. Трудовая деятельность за прилагаемые усилия может оплачиваться, а может и оставаться безвозмездной (что повышает моральный престиж деятеля). Но признаем, что труд – это всегда приращение, всегда повседневность, всегда преобразование.

Вообще, человек сквозь историю, минуя многочисленные стадии, периоды, эпохи, цивилизацию стремился с одной интенсифицировать свой труд (меньше операций – больше результат), с другой – определить себя в этом процессе. Особый интерес представляет труд в эпоху средневековья – времени, когда труд невозможно разложить лишь на профессии, технологии и последовательные операции (труд как нечто большее), поскольку отношение к труду как ценности или вынужденной реальности определяется религией (в данном случае христианство), которая отвечает на главный вопрос – вопрос о смысле деятельности как таковой.

Отношение к труду формируют не сами трудящиеся, например, крестьянин – землепашец, а наиболее образованная, мыслящая часть общества и, прежде всего, монашество. Ценности, вырабатываемые в среде христиан, неравномерно распределяются в социуме, создавая сложный ландшафт христианского мировоззрения. Возникают культурные полюса – идеал и антиидеал, в пространство которых уместается повседневная жизнь общества с его прецедентами, казусами и образами, скорее напоминающими «оживлённые» добродетели и пороки, нежели реальных людей. Появляется этика христианского труда, отвечающая на основные и злободневные вопросы о человеческой деятельности, поступках, оценках или отказа от них.

Труд – не игра, игра как труд. Следует отметить, что противопоставление игровой и трудовой деятельности является общераспространённой и устойчивой чертой русской агиографической литературы средневековой Руси¹. В житиях Феодосия

¹ Там же.

² Гуревич П.С. Культурология. М., 2003. С. 153.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 364.

⁴ Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007. С. 224.

¹ Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 9.

Печёрского (первая четверть XIII в.), Авраамия Смоленского (первая половина XIII в.) и Сергия Радонежского (первая половина XV в.) святые, будучи ещё детьми, сознательно (или по воле автора жития) отказываются от игровой деятельности, предпочтя игре труд¹. В.М. Живов полагает, что отказ от игровой деятельности можно отнести к «многочисленным стандартным мотивам», на которых и строится агиографическая литература². Однако прежде чем стать частью схемы в композиции, игре предстояло, в пространстве христианской литературы, получить негативную оценку как «несерьёзного», пуерилистического, исключённого для становления нового типа духовно – нравственной личности – христианина.

Согласно культурологической концепции Й. Хёйзинга «человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра»³, где деятельность носит игровой характер, а форма игровой деятельности предшествует появлению культуры, являясь её неотъемлемой составляющей или реальностью. «Игра» и «серьёзность», определяемые Й. Хёйзинга, как «взаимодополняющее противопоставление» наполняют повседневное существование человека. Автор концепции убеждён, что «...игре противостоит серьёзность, а также, в особых случаях, труд»⁴. Вероятно, что понятие «труд» следует рассматривать как некий вариант именно «серьёзности», а не «игры». Следовательно, труд также возможно противопоставить игре (проблемным полем для такого противопоставления выступают повседневность и конкретное поведение человека).

Рассмотрим несколько типичных ситуаций на примере житий Феодосия Печёрского, Авраамия Смоленского и Сергия Радонежского.

Противопоставление игра – труд, как правило, встречается на стадии детства святого. В житии Феодосия Печёрского это противопоставление начинается с конфликта с родителями, приглашающими его присоединиться к сверстникам: «*О сем же многажды родителема его нудящема и облещися въ одежду чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о сем не послушааше*

*ю, нѣ паче съ дѣтьми изити»*¹. Феодосий же оставался не преклонным: «*къ дѣтьмъ играющимъ не приближаешя, якоже обычай есть унымъ, нѣ и гнушаешя играмъ ихъ»*². В данном случае, игра исключена из процесса становления личности, её место занимает интеллектуальный труд – «*учение божьствъныхъ книгъ единому от учитель; якоже сотвори»*. Вместе с тем, полагает В.В. Долгов, «*по общему принципу формирования – дети играют, копируя формы трудовой и военной деятельности взрослых»*, входя, таким образом, в «*символическую систему культуры»*³.

«*Молчаливость и задумчивость»*, по мысли Н.И. Костомарова, характеризуют Феодосия как «*сосредоточенную натуру»*⁴. Постигнув «*въскорь извыче вся граматикия»*, Феодосий (уже после смерти отца) «*начать на труды паче подвижнѣи бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякъмъ съмрениемъ»*⁵ – по сути, труд физический. Подобная деятельность вызывает осуждение в лице матери святого, которая во-первых, «*не велящи ему тако творити»*, а, во-вторых, призвала «*облачитися въ одежду свѣтлы и тако исходити ему съ свѣрьстьныкы своими на игры»* – т.е. обратиться к игровой деятельности, очевидно, более соответствующей юноше его положения и статусу в городском сообществе. Согласно тексту жития: «*...такъ ходя, укоризну себе и роду своему твориши»*⁶. Таким образом, ручной, аграрный труд в поле – дело челяди и рабов, а не сына приближённого к княжеской среде. В данном контексте, труд – это деятельность, соответствующая человеку низкого социального статуса, воспроизводство которой оскорбляет, унижает достоинство, вызывает неприятие со стороны городской элиты. Несоответствие святого принятым традициям, свидетельствует об отказе воспроизводить принятые обществом нормы, в результате чего он становится объектом насилия со стороны матери и насмешек со стороны сверстников⁷. Именно в этом эпизоде, вероятно, встречаются по сути два пласта мировоззрения: с одной стороны «христианское», основанное на но-

¹ Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI–XII века. М., 1978. С. 308.

² Там же. С. 308.

³ Там же.

⁴ Костомаров Н.И. История Руси Великой: в 12 т. Т. 1: Русская история в биографиях её главнейших деятелей. М., 2004. С. 30.

⁵ Житие Феодосия Печерского... С. 308.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же.

¹ Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я.Н. Шапова. СПб., 2003. С. 214–215.

² Живов В.М. Указ. соч. С. 9.

³ Хёйзинга Й. Homo ludens / Человек играющий. СПб., 2007. С. 15.

⁴ Там же. С. 74.

вых ценностях, — «человек трудящийся», с другой стороны — «светское», строящееся на представлениях об воинских и героических идеалах военно — политической элиты — «человек играющий» (в данном контексте).

Житие Авраамия Смоленского даёт немного иное описание случившегося со святым. В отличие от предыдущей ситуации: «...родителя же его даста и книгамъ учити. Не бо унывааше, яко и прочая дѣти, но скорымъ прилежаньемъ извыче, к сему же на игры съ инѣми не исхожааше, но на божественное и на церковное пѣние и почитание прежде инѣхъ притекая, яко о семъ родителема радоватися, а инѣмъ чюдитися таковому дѣтица разуму»¹. Весьма показательно, что отказ от игры продолжается, а ребёнок «трудится», постигая книжное учение. Аналогичное описание представлено и в житии Сергия Радонежского: «...къ дѣтемъ играющим не исхожааше и к ним не притавааше; иже в пустошь текущим и всуе тружующимся не вѣнмаше; иже суть сквернословци и смѣхотворци, с тѣми отнудь не водворяшешя. Но развѣ токмо упражняшешя на словословіе божие и в томъ наслажашешя, къ церкви божии прилѣжно пристоюще, на заутренюю, и на литургию, и на вечерню всегда исхождааше и святые книги часто почитающее»². В житии святого есть и эпизод о молодом иноке Фёдоре (10—12 лет на момент пострижения), который «от млад ноготь въспитанъ бысть в постничествѣ, и въ всемъ благочестии, и въ чистотѣ ... всѣми доброизволенни мнишескыми исплъненъ и украшенъ...»³. По мнению, В.В. Долгова, приобщение к трудовой деятельности является важным этапом в жизни человека традиционной культуры⁴. И так, образ ребёнка представлен «трудящимся», а не «играющим». Возможно, что рассмотрение подобных ситуаций через призму «психогенной теории истории» Л. Демоз позволило бы найти ответы на многие вопросы. Поскольку, согласно Л. Демоз «история включает проигрывание взрослыми групповых фантазий, основанных на мотивации, которая в исходном виде является результатом эволюции детства»⁵. Однако, как

заметил Д.С. Лихачёв, существенную проблему в этом направлении представляет игнорирование авторами житий «психологии возраста», а, следовательно, для читателя жития «будущий святой — уже в детстве аскет с книгой и молитвой»¹.

Логичным было бы утверждать, что противопоставление игра — труд, с течением времени, соглашаясь с В.М. Живовым, становится композиционной составляющей агиографической литературы и теряет при этом информационную содержательность.

Анализируя теорию «казней божиих» в контексте общественно-политической мысли Древней Руси И.У. Будовниц приходит к мысли, что «авторы-монахи видят общественное зло в суевериях и предрассудках, в посещениях игрищ, в увлечении гуслиями и скопорахами»². С течением времени, теория «казней божиих» становится «способом осмысления» истории, событий происходящих с обществом и человеком³. Игровой характер деятельности в агиографической литературе уступает место непрекращающемуся труду, «серьёзному» как идеалу монашества. В.В. Мавродин обратил внимание на изменения в восприятии самого христианства, отмечая, что на смену «религиозному оптимизму» и жизнерадостности времён князя Владимира I (980—1015гг.) приходит «аскетическое христианство» монастыря⁴. Характеризуя состояние и влияние Киево-Печёрского монастыря на древнерусское общество в третьей четверти XI в., историк Церкви Н.К. Никольский заключил: «Взгляд на жизнь становится мрачным»⁵. Аскетический монашеский труд становится реальностью для агиографической литературы, но для реальности ли исторической? Так, например, в XI—XII вв. игровая деятельность представлена «фресками на чисто светские мотивы, ... княжеской охоты, игр и других увеселений, которыми по заказу князей украшались их церкви, точно залы их дворцов». Убедительным представляется мнение Б.А. Романова, полагавшего, что «игрища — основная форма общественной жизни», в то время как храмы остаются мало посещаемыми⁶. В Повести временных лет под 6576 годом (1068г.) читаем: «Видимъ бо

¹ Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 70.

² Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 286.

³ Там же. С. 336.

⁴ Долгов В.В. Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI—XVI вв. Ижевск, 2004. С. 114.

⁵ Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 8.

¹ Долгов В.В. Указ. соч. С. 119—120.

² Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.) М., 1960. С. 110.

³ Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 50—62.

⁴ Будовниц И.У. Указ. соч. С. 108—109.

⁵ Никольский Н.К. О древнерусском христианстве. М., 1913. С. 11.

⁶ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. 2-е изд. М.: Л., 1966. С. 174.

игрища утолчена и людии множество на нихъ, яко упихати начьнуть другъ друга, позоры дьюще ... а църкъви стоять; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрътается въ църкъви»¹. Обществу, живущему по принципам игры, противостоит «собрание верующих и церкви» как основному сопернику².

Известный исследователь Л. Мулен, описывая повседневность европейского монастыря, особо подчёркивал принижённый статус игры, выражающийся в уравнивании её с преступлением, «влекущим за собой отлучение от церкви наряду с такими грехами, как... содомия, обращение к гражданскому суду или ссылка на несуществующие долги...»³.

Таким образом, противопоставление игра – труд имеет место в агиографической литературе, становясь с течением времени частью композиции жития. Из обозначенной дихотомии следует, что для элиты XI в. игровой принцип деятельности ближе, нежели трудовой. Труд как таковой не является ценностью. «Человек трудящийся» характеризуется как обладающий низким социальным статусом, который трудиться вынужден. С установлением монашеской культуры и под её влиянием в среде древнерусского общества происходит трансформация труда в пространстве общественных ценностей, зафиксированных в житийной литературе в качестве некоего идеала на пути к спасению. Отметим, что отказать от игры как формы невозможно, но можно отрицать её содержание, смысл и ценность (что и было предпринято в агиографии). Заключая, можно сказать, что «...серьёзность стремится исключить игру, игра же с лёгкостью включает в себя серьёзность»⁴.

¹ Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее летописание XI–XII в. СПб., 2003. С. 794.

² Романов Б.А. Указ. соч. С. 174.

³ Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века. М, 2002. С. 64.

⁴ Хейзинга Й. Указ. соч. С. 75.

Д.В. Пузанов
г. Ижевск

АНТИУДЕЙСКАЯ ПОЛЕМИКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В условиях глобализации и всплеска межнациональных конфликтов изучение истории этнокультурных контактов приобретает все большую актуальность. Особый интерес представляют отношения между авраамическими религиями, близость которых заставляет представителей ортодоксальных течений ревностно охранять свою идентичность. Не случайно уже для ранней христианской традиции характерна жесткая антииудейская полемика, которая красной нитью проходит через всю историю взаимоотношения этих двух конфессий. Крещение Руси в конце X столетия актуализировало полемику с иудаизмом и в нашей стране. Являясь порождением вселенской христианской традиции, древнерусская полемика имела свои особенности, важные для понимания процессов и механизмов внедрения православия в традиционную культуру восточных славян, характера межконфессиональных отношений в средневековой Руси.

Изучение рассматриваемой проблемы уходит корнями в до-революционную историографию. Так, И.И. Малышевский связывал остроту антииудейской полемики в «Слове о Законе и Благодати» с существованием самих евреев в Киевской Руси¹. В.М. Истрин, опираясь на более обширный круг источников, выделял в развитии антииудейской литературы две стадии. На первой антиеврейские полемические произведения создавались как часть догматической литературы, подражая византийским прототипам. На второй стадии (XIII век) появились произведения («Палея Толковая», «Словеса святых пророков»), обусловленные историческими изменениями, не зафиксированными в пись-

¹ Малышевский И.И. Евреи в южной Руси и Киеве в X–XII веках // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1878. С. 63–64.

менных источниках¹. Эти исторические изменения, по мнению исследователя, есть ничто иное, как особое «возбуждение» евреев, вызванное гонениями на них в Западной Европе во время крестовых походов. Гонения увеличили в среде евреев тягу к знаниям, способствовали повышению образованности². В.М. Истрин предположил возможность существования в этот период иудейской секты, ожидающей скорый приход мессии, которая широко развернула свою пропаганду, что и стало причиной появления антииудейской литературы³.

Главный недостаток концепции В.М. Истрина состоит в том, что он не привел весомых доказательств в пользу своих многосложных конструкций.

В советскую эпоху уделяли мало внимания как истории евреев, так и истории религии. Ситуация изменилась на рубеже тысячелетий. Появились работы, посвященные истории евреев в Древней Руси, развернулись дискуссии по интересующей нас проблеме. Так, С. Дудаков «еврейский погром» 1113 г. связывал с взрывом христианского фанатизма⁴ и прослеживал преемственность древнерусской полемической традиции с мировой христианской. Оригинальным является вывод исследователя о том, что полемика с иудаизмом неразрывно связана с концепцией богоизбранного народа, бытовавшей на Руси: «осознанием собственной истории и собственной значимости в ней, ибо только в том случае, если Божья благодать по "отверженьи жидовьсте" была воспринята святым Владимиром, следовало считать, что "богоизбранность" стала атрибутом православной церкви»⁵. По мнению С. Дудакова, антииудейская направленность древнерусских произведений объективно способствовала консолидации древнерусской народности⁶.

В.В. Мильков указывал на сходство «Палеи» с полемическими христианскими произведениями в целом. В то же время отмечал, что антииудейская концепция в «Палее» слишком броска и тенденциозна, сравнима только со «Словом о законе и благодати»⁷.

¹ Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI – XII вв.) / под ред. О.В. Никитина. М., 2002. С. 265.

² Там же. С. 266–267.

³ Там же. С. 268.

⁴ Дудаков С.Ю. История одного мифа: очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Мильков В.В. Религиозно-философское значение «Палеи Толковой» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 109–110.

Особый интерес к данной проблематике в отечественной литературе в 2000-е годы подстегнула двухтомная монография шведского историка А. Пересветова-Мурата «Ухмылка отсутствующего кота. Антииудейские тексты в литературе средневековой России 988–1504»¹. Проанализировав огромный пласт оригинальной и переводной литературы, известной древнерусским книжникам, историк пришел к выводу, согласно которому попытки использования антииудейской литературы в качестве свидетельств реальной полемики с евреями методологически неверны и идеологически предвзяты². Исследователь рассматривал хождение на Руси переводных и оригинальных антииудейских произведений в рамках общего христианского литературного поля, связывая появление оригинальных произведений с литературным клише. Так, «Слово о Законе и Благодати», по мнению А. Пересветова-Мурата, схоже по содержанию с проповедью Псевдо Епифания из Саламина, перевод которой был известен древнерусскому образованному населению³.

Подобная точка зрения, а также провокационное название монографии вызвали дискуссию, которая развернулась как на страницах научных изданий, так и в интернет-сообществе. Исследование проблемы антииудейской полемики перешло в русло спора о наличии или отсутствии влияния на нее реальных иудеев. Дискуссию начал Д. Иоффе. Не углубляясь в древнерусские источники и не учитывая тех задач, которые стояли перед А. Пересветовым-Муратом, он поспешно и беспочвенно обвинил шведского историка в антисемитизме⁴. Бытование же антииудейской полемической литературы Д. Иоффе связал с существованием значительного еврейского присутствия в Древней Руси, в Крыму, на территориях Хазарского каганата⁵.

В дискуссии Д. Иоффе и А. Пересветова-Мурата принял участие В. Петрухин. Возражая против поэтичного сравнения Д. Иоффе следов еврейской диаспоры, оставшихся в древнерус-

¹ Pereswetoff-Morath A. Grin without a Cat. 'Adversus Iudaeos' Texts in the Literature of Medieval Russia 988–1504. Lund, 2002.

² Idem. Grin without a Cat. 'Adversus Iudaeos' Texts in the Literature of Medieval Russia 988–1504; Idem. "Simulacra of hatred": on occasion of an historiographical essay by Mr. Dennis Eoffe // Ad Imperio. 4/2003. P. 640.

³ Idem. "Simulacra of hatred": on occasion of an historiographical essay by Mr. Dennis Eoffe. P. 645.

⁴ Иоффе Д. Еврейство и Русь на gender vous межэтнического политизма: о некоторых примечательных случаях современной историографии еврейского вопроса (на материале раннесредневековой Руси) // Ad Imperio. 4/2003. С. 601.

⁵ Там же. С. 581–602.

ской литературе, с «айсбергом» у которого на поверхности лишь вершина, исследователь справедливо заметил: «Речь может идти, скорее, не об 'айсберге', а о 'льдинках' еврейско-хазарской диаспоры, которые 'таяли' в океане Северной Евразии»¹. Не только антииудейскую полемику, но и осуждение двоеверия В. Петрухин считает историографическими фантомами, порожденными ригоризмом древнерусских книжников, которые опирались на древнюю святоотеческую традицию². При этом ряд конкретных трудов (сюжет о Никите затворнике в Киево-Печерском патерике) В. Петрухин увязывает с крестовыми походами³. Следствием данного рода произведений, по мнению автора, стал еврейский погром 1113 года⁴.

К критике А. Пересветова-Мурата присоединился А. Грищенко. На основе лексического анализа «Палее Толковой», исследователь прослеживает влияние на это произведение как святоотеческой традиции⁵, так и непосредственных заимствований из разговорного еврейского языка⁶.

Напротив, Е.Г. Водолазкин, опираясь на указанное сочинение А. Пересветова-Мурата, пришел к выводу об отсутствии антииудейской полемики в древнерусской литературе. «Палее Толкову» и «Слова святых пророков» исследователь считал апологетическими⁷.

Следует отметить, что роль и масштабы полемики с иудаизмом некоторыми историками явно преувеличиваются. Так, В. Петрухин пишет, что древнерусская литература начинается с антииудейской полемики⁸. При этом автор ссылается лишь на «речь философа» и «Слово о Законе и благодати». А.В. Кожин и вовсе признает всю «важнейшую» древнерусскую литературу

¹ Петрухин В. К дискуссии о евреях в древней Руси: национальный романтизм и «кулыбка чеширского кота» // *Ad Imperio*. 4/2003. С. 656.

² Там же. С. 657.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Грищенко А. Наименование евреев в древнерусских антииудейских сочинениях: к истории экспрессивности этнонима *жидове* // Научные труды по иудаике: Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2011. Т. 1. С. 193.

⁶ Он же. О гебраизме машлֹחַ 'Messias' в Палее Толковой // Вестник литературного института им. А.М. Горького. 2012. № 1. С. 20.

⁷ Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материалах хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). СПб., 2008. С. 150.

⁸ Петрухин В. Указ. соч. С. 655–656.

XI – начала XII в. антииудейской, объясняя ее появление необходимостью борьбы с Хазарским каганатом¹.

Несмотря на накал полемики и ряд интересных наблюдений и выводов, современная историография проблемы не отличается высокой конструктивностью исследований. Возникновение антииудейской полемики в Древней Руси исследователи объясняют либо присутствием самих евреев, либо общехристианской традицией, либо влиянием внешнеполитических процессов. При этом не учитываются в должной мере коренные особенности древнерусской цивилизации. Антииудейская полемика нередко рассматривается изолированно от общепроповеднической деятельности. Следует особо отметить малую изученность «Палее Толковой» – основного источника по антииудейской полемике в Древней Руси, что серьезно препятствует поиску причин и источников антииудейской полемической литературы. Насущной потребностью является привлечение новых источников и поиски новых методов их исследования, тщательный анализ нюансов полемики в отдельных сочинениях.

В настоящей статье предпринимается попытка поиска новых ракурсов рассмотрения антииудейской полемики в Древней Руси. Наряду с источниками, традиционно привлекающимися для изучения данной проблемы, привлекаются и достаточно «нейтральные» произведения, помогающие, однако, лучше понять природу рассматриваемого явления.

Следует отметить, что полемика с иудаизмом в древнерусских произведениях представлена не равномерно. В некоторых из них, не смотря на антиеврейскую риторику, осуждение евреев как таковое отсутствует. Показательно в этом плане «Слово о любви и о посте» Феодосия Печерского, в котором, как и в «Палее», наличествует прямое сопоставление современных реалий с ветхозаветной историей. Феодосий предостерегает братию от стяжательства, ропота и чревоугодия, проводя параллели с ветхозаветными евреями, выведенными из египетского плена и тут же поднявшими ропот на Моисея и воздвигнувшими золотого тельца. Указывает преподобный и на превосходство веры Нового Завета: «И не изведе ли насъ акы изъ Египта, от мира въ пустыню сию безводную, не рукой Моисевою, но благодатию Божию».

¹ Кожин В. Книга бытия небеси и земли // Волшебная гора: философия, эзотеризм, культурология. Т. 7. М., 1998. С. 209; Он же. Книга бытия небеси и земли // Палее Толковая. М., 2002. С. 209.

ею»¹. Однако непосредственная критика евреев при этом отсутствует. Более того, фрагменты из Ветхого Завета не служат доказательством истинности христианской веры, а лишь являются элементом назидания братии.

Имеют место и ярко выраженные тенденциозные произведения, например – «Слово о Законе и Благодати» Илариона и «Толковая Палея» неизвестного автора, цель которых состоит в том, чтобы показать превосходство нового учения над иудаизмом. Этим произведениям необходимо уделить пристальное внимание. Только при их детальном исследовании можно приблизиться к ответу на вопрос о характере антииудейской полемики, в контексте спора между Д. Иоффе и А. Пересветовым-Муратом.

Прежде всего, обращает на себя внимание принцип построения текстов. Если бы влияние поздних еврейских текстов или устных приданий на Руси было существенным, то это сказалось бы и на стиле изложения русского книжника. Известно, что талмудические тексты строятся по типу вопрос–ответ. Ничего подобного не встречается в древнерусской литературе. Например, для древнерусской «Палеи» характерны вопрошания типа: «Инь и се слышы», «Смотри же оубо» и пр.². Этот прием, как убедительно показал А. Грищенко, был заимствован у отцов церкви³. Основная же аргументация, как в «Палее», так и в «Слове о законе и Благодати» построена не на споре как таковом, а на проведении параллелей между ветхозаветной и новозаветной традицией. Начало «Слова» посвящено аллегорическому сравнению закона с Агарью, а благодати с Сарой⁴, Исаака с христианами, Измаила с иудеями⁵. Присутствует косвенное сравнение иудеев и Иуды Искарюта⁶. О Христе пророчествовали: Исаия, Даниил, Давид⁷. Подобную тенденцию на новом уровне развила «Палея Толковая». Комментируя Ветхий Завет, книжник ищет знаки будущего пришествия Христа буквально в каждой его

строке. О Христе проповедуют библейские герои Давид¹, Соломон², Исаия³, Авраам⁴, Исаак⁵, Иосиф⁶, Дан⁷, Иаков⁸, Рувим⁹, Семон¹⁰, Левий¹¹, Завулон¹², Неффалим¹³, Гад¹⁴, Асир¹⁵, Енох¹⁶, Белиам¹⁷, Иисус Навин¹⁸, Анна¹⁹. Отмечает автор параллели между поведением новозаветных и ветхозаветных героев: Авель²⁰, Исаак²¹, Иосиф²², Иисус Навин²³ сравниваются с Христом; Иуда Искарют – с иудеями²⁴, Потифар с Пилатом²⁵. Более того, все поведение естественной и сверхъестественной природы тоже знаменует пришествие «Сына Человеческого»: непаханая земля, прорастившая семя по Божьему слову – знаменует непорочное зачатие²⁶; то же самое знаменуют сверхъестественное осушение земли при сотворении мира²⁷ и роса небесная²⁸. Солнце и Луна так же были созданы в ознаменование пришествия Спасителя²⁹. Наконец райское дерево являлось прообразом креста, на котором был распят Иисус³⁰. Проскальзывают параллели между Новым Заветом и поведением пророков – их жестами, обрядами³¹.

¹ Поучения и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 1. XI–XII века СПб., 2000. С. 436

² Палея Толковая. М., 2002.

³ Грищенко А. Наименование евреев в древнерусских антииудейских сочинениях... С. 193.

⁴ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. Т. 1. С. 28.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 42.

¹ Палея Толковая. С. 55, 489–509.

² Там же. С. 75, 522–524.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ Там же. С. 229, 258.

⁷ Там же. С. 249–251, 290–292.

⁸ Там же. С. 252.

⁹ Там же. С. 262.

¹⁰ Там же. С. 265.

¹¹ Там же. С. 274–277.

¹² Там же. С. 287–290.

¹³ Там же. С. 293–295.

¹⁴ Там же. С. 295–298.

¹⁵ Там же. С. 298–300.

¹⁶ Там же. С. 304.

¹⁷ Там же. С. 368–369.

¹⁸ Там же. С. 419–420.

¹⁹ Там же. С. 469–472.

²⁰ Там же. С. 134.

²¹ Там же. С. 184–185, 189, 190.

²² Там же. С. 223–226.

²³ Там же. С. 358.

²⁴ Там же. С. 197.

²⁵ Там же. С. 228 – 229.

²⁶ Там же. С. 22.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Там же. С. 201.

²⁹ Там же. С. 28–31.

³⁰ Там же. С. 111, 117.

³¹ Там же. С. 174, 221, 331–332, 419–420 и пр.

Все эти сюжеты могут говорить лишь о копировании святоотеческой традиции, они вовсе не предполагают реального диалога с иудеями.

Кроме того, помимо полемики, «Палея Толковая» содержит справочную информацию и сведения естественнонаучного характера; осуждение эллинской (языческой, по мнению книжника) космогонии; критику ислама (Мухаммед называется в «Палее» рабом иудеев¹). Нельзя не отметить ту роль, которую могла играть «Палея Толковая» для древнерусского человека, ибо в ней как в учебнике подробно излагалась история Ветхого Завета, дополненная апокрифическими свидетельствами, житийной и догматической литературой, пришедшей из Византии. Полных списков Ветхого Завета до Геннадиевской Библии не существовало, что делало значение «Палеи» более актуальным. Особую роль для земледельческой цивилизации играли астрологические сведения, содержащиеся в «Палее», многочисленные приметы. В этом плане можно согласиться с В.В. Мильковым в том, что «основной задачей произведения было изложение доктринально-правильного взгляда на бытие вообще и историю в частности, в том числе и историю взаимоотношения христианства и иудаизма»². И в этом доктринально-правильном взгляде все же особая роль отводилась христианско-иудейским противоречиям. Однако указания на причины их актуальности нет смысла искать ни в «Палее», ни в «Слове о Законе и Благодати», в силу особой тенденциозности этих произведений и их зависимости от переводной литературы. Куда большую информацию дают те тексты, в которых осуждение иудаизма не является самоцелью.

Одним из таких произведений следует признать «Послание князю Изяславу о Неделе». Документ представляет собой ответ Феодосия Печерского на «Вопрошание» князя Изяслава Ярославича, текст которого не сохранился. Из ответа игумена следует, что князь спрашивал, «аще есть подобно въ день въскресный, еже есть неделя, заклати ли волъ, ли овенъ, или птицю, или что от техъ и аще подобно мяса ихъ ясти въ день въскресения, въ неделю!»³. Отвечая, преподобный детально объясняет князю противоречия между Новым и Ветхим Заветами, предостерегая: «Аще бо таковъ нравъ примем, еже въ субботу резати, а въ неделю ясти, то яве жидовствуем»⁴. Примечательно, что при этом

Феодосий Печерский не предполагал наличие прямого духовного влияния иудеев на князя: «А иже рекль ти во неделю не резати, ни того ясти, то не от Святого Писания рекль, нъ от своего сердца (выделенно мной)»¹. Как видим, опасность жидовствования исходила не от самих евреев, а от неверного понимания текстов Святого Писания. Реальную же угрозу Феодосий Печерский видел в проповедческой деятельности не евреев, а католиков: «И ина многа суть иже въ техъ злая и неправая и развращенная, и погыбели полна вера ихъ и делеса ихъ; егоже ни жидове творят, то они творят, много же и въ Савьску ересь всупають»².

Вольное прочтение Библии было явлением, свойственным не только князьям. Киево-Печерский патерик повествует о том, как к Никите Затворнику, будущему епископу Новгорода, явился бес в образе ангела и советовал вместо молитв читать книги, а взамен бес молился за него. При этом Никита преуспел в изучении книг Ветхого Закона: «весь бо изусть умеяше: Бытие, Исход, Левиты, Числа, Судьи, Царства и вся пророчества по чину, и вся книги жидовскыя добре сведяше. Евангелия же и Апостолы, яже въ благодати преданыя нам святыя книги на утверждение наше и на исправление, – сих николиже восхоте видети, ни слышати, ни почитати, ни иному дасть беседовати к собе. И бысть разумно всем от сего, яко предценъ есть от врага»³.

Как видим, данный сюжет предостерегает не от чтения вообще, а от особо усердного чтения книг Ветхого Завета, что грозит жидовствованием. При этом Никита обратился к их изучению сам; указания на влияние евреев в тексте отсутствуют.

Из сказанного вырисовывается довольно интересная картина. Опасность жидовствования действительно остро вставала перед древнерусским населением уже в первые века крещения. Из близости двух религий, общего почитания Пятикнижия (письменная Тора) исходила угроза опасного и нежелательного для обеих конфессий сближения. В первые века н.э. ожидания мессии среди еврейского народа и проповедь христианских и близких к ним иудейских сект грозили уничтожению ортодоксального иудаизма, что подвигло его последователей к записи «устной Торы». После этого иудеи закрываются в себе. Показателен рассказ из Вавилонского Талмуда, когда к раввину Симлаи приходят последователи некой религии (возможно христиане) и

¹ Там же. С. 155.

² Мильков В.В. Указ. соч. С. 109.

³ Поучения и молитва Феодосия Печерского. С. 446.

⁴ Там же.

¹ Там же.

² Там же. С. 450.

³ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики / под ред. Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова. М., 1999. С. 37.

задают типичный для христианина вопрос о том, почему в Бытие Господь обращается во множественном числе: «сотворим человека». И раввин объясняется нарочито неказистыми аргументами: мол там написано не сотворим, а сотворю. Цель подобного объяснения – отвязаться от нежелательного спора, – поддерживается учениками. Но после ухода «еретиков» ученики требуют, чтобы раввин им ответил на поставленный чужаками вопрос. И Симлаи говорит уже совсем другое¹.

Как бы там ни было, во времена Древней Руси иудаизм представлял собою замкнутую, обособленную религию. Конечно, нельзя исключать того, что иудаизм в Восточной Европе мог быть более прозелитичен, чем иудаизм вавилонский, где еврейская диаспора встретила с поликультурным фоном, среди которого было легче потерять свою идентичность. Тем более что в «Палее Толковой» содержатся сведения из Мидрашей и еврейских апокрифов². Однако нам доподлинно не известно, каким образом и когда именно (возможно это более поздняя вставка) отрывки этих знаний дошли до книжника. Древнерусская же литература не дает нам оснований полагать, что со стороны иудеев было проявлено рвение в диалоге с русскими христианами. Согласно житию Феодосия Печерского, преподобный уходил ночью спорить с евреями. Однако, судя по записи Нестора, целью этих походов не являлось привлечение иудеев в христианство: «исхожааше къ жидомъ, и техъ еже о Христе препирая, коря же и досажая темъ, и яко отметьники и безаконьники техъ нарицаая, жьдаше бо еже о Христове исповедании убиень бытии»³.

А вот древнерусская общественность едва ли могла устоять от архаичного обаяния Ветхого Завета. Стереотип поведения его героев был знаком и одобряем архаичным сознанием. Да и воспринять цитату из Пятикнижия «да не пренощуеъ тѣло егѡ на дрѣвѣ, но во грѣбѣ погребите егѡ въ тойже дѣнь: яко прѡклять естъ от Бѡга всякъ вѣсяй на дрѣвѣ: и да не оскверните земли, юже Господь Бѡгъ твоѣ даеъ тебѣ во жребѣй» (Втор. 21:23) было куда легче, чем держать в голове аллегория о Христе, погибшем смертью рабов во искупление такой абстрактной категории как первородный грех. Неслучайно в «Слове о блаженном о блаженном Евстратии» из Киево-Печерского патерика евреи приводят единст-

венный аргумент в пользу принятия своей веры: «Ныне насытиса законныя пища, безумнее, да живъ будеши, ибо Моисей закон приим от Бога и нам да, и се въ книгах речеса: 'Проклят всяк, вися на древе'»¹. Показательно, что даже в этом ярко выраженном идеологическом рассказе, евреи не ведут себя как активные проповедники, а предлагают перейти блаженному в иудаизм только после того как Евстратий провисел на кресте 15 дней.

Если в Патерике святой посрамляет врагов радостью о своей смерти за веру, то «Палея» объясняет отрывок из Библии более популярно: «да разумеи добре божественаго древа образъ, яко крестъ Христов вдружиса посреде земля»². Таким образом, простое дерево превращается в символ древа райского, воздвижение его в центре земли может соотноситься с воздвижением новой мировой вертикали. А сами христиане поклоняются уже не орудию смерти, а дереву жизни³. По иному выглядит сам факт самопожертвования – оно не только искупает грехи, но изменяет сам миропорядок, открывает потерянную связь с раем. При этом важное внимание уделяется механизму этого обряда: «испадын Адамъ грехомъ возведенъ бысть, крестомъ бо разбоиник отверзе рай входа»⁴. Подобная трактовка распятия должна быть предельно понятной вчерашнему язычнику: она действительно подходит на жертвоприношение со стороны языческих богов и героев: из расчлененного Пуруши возникает земля, Один повесился на мировом дереве и проткнул себя копьем ради получения мудрости⁵. При этом Иисус воспринимается не только как божество, но и как новый Адам, духовный прародитель христиан⁶. Конечно, книжник здесь не оригинален. В определенной мере он копирует греческие образы. Но делает это выборочно, уклоняясь от излишней абстракции. «Книга бытия небеси и земли», как по-другому называли «Палею», добросовестно изъясняет историю Ветхого Завета, по возможности решая противоречия между ним и Новым Заветом, отсюда, надо полагать, особая антииудейская тенденциозность этой книги.

Не стоит недооценивать и тот факт, что на любое произведение оказывает решающее влияние личность его автора. Русское

¹ Киево-Печерский патерик. С. 24.

² Палея Толковая. С. 111.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Топоров В.Н. Пуруша // Мифы народов мира. М., 2000. Т. 2. С. 351; Мелетинский Е.М. Один // Там же. С. 242.

⁶ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., . Т. 3. 2000. С. 120.

¹ Midrash Rabbah. Genesis VIII:9: URL: <http://media.peterstevens.nl/manvrouw.doc>

² Палея Толковая. С. 74–75. Можно сравнить с аналогичными сообщениями в Midrash Rabbah (Genesis VIII:3–4).

³ Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т.1. С. 418.

духовенство могло в своей практике встречаться с неканоническим трактованием дохристианской истории Иудеи, что и явилось причиной антииудейских трудов. Уровень грамотности на Руси позволяет делать такое предположение. Интересный пример – граффито XII в. на стене Софийского собора в Новгороде, в котором автор надписи спорит с теми, кто утверждает, что причиной небесных явлений является бес¹. Показательно, что надпись с догматической точки зрения построена более грамотно, чем сообщения «Палеи», которые дают на откуп бесам управленческие воздушные стихии².

Гипотеза о большем соответствии Ветхого Завета психологическим стандартам древнерусского человека подтверждается широким использованием ветхозаветных образов в летописях и других произведениях Киевской Руси. Антииудейская литература должна была считаться с этим казусом и предостерегать от излишнего увлечения Пятикнижием. Но могла ли она стать причиной еврейских погромов, как считают некоторые авторы?

Феодосий Печерский призывал не только не бить евреев, а при случае оказывать им милостыню: «Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бедою одержима, аще ти будеть ли жидовинь, ли сорочининь, ли болгаринь, ли еретикъ, ли латининь, ли от поганыхъ, – всякого помилуй и от беды избави»³. К категории еврейских погромов, известных в Древней Руси, можно отнести только события 1113 года, которые одновременно являлись восстанием против княжеской администрации. Опровергая возможность экономической причины еврейского погрома, В. Петрухин указывает на то, что в древнерусских правовых текстах нет речи ни о каких привилегиях евреям, в отличие от документов Западной Европы⁴. Сам погром исследователь связывает с распространением антиеврейских наветов, вроде рассказа о блаженном Евстратии, которые распространялись и в Европе, и были связаны с началом крестовых походов⁵.

В. Петрухин рассматривает древнерусскую цивилизацию в контексте европейской, забывая ее коренные отличия. На территории Древней Руси господствовало устное право. Поэтому сопоставлять юридические акты средневековых стран Запады (для которых характерна была «многовековая непрерывность архив-

ных фондов»¹) с древнерусскими актами опрометчиво. Сам летописец, если и не дает право утверждать, что евреи занимались ростовщичеством, то, по крайней мере, не отделяет их погром от избиения представителей княжеской администрации и общих беспорядков: «Киіани же разъграбиша дворъ Путѣтинъ тысѣчького, идоша на Жиды и разграбиша я. И послашасѣ паки Киіане к Володимеру глуще: “пойди кнѣже Киеву. аще ли не поидеши, то вѣси ѣко много зло оудвигнетсѣ, то ти не Путѣтинъ дворъ, ни соцькихъ, но и Жиды грабити, и паки ти поидуть на іатровъ твою и на боіары, и на манастырѣ, и будеши ѣвѣть имѣль кнѣже...”»². Примечательно, что факт избиения евреев и должностных лиц используется киевлянами для своеобразного «шантажа» Владимира Мономаха.

Не стоит связывать с крестовыми походами и рассказ о блаженном Евстратии, ведь помимо параллелей с подобными сюжетами на Западе, это произведение несет в себе два мощнейших этнопсихологических комплекса. Первый – отражение многовековой беды славянского народа – уведение в полон³. Что становится с теми, кого берут в плен половцы? Где и как они оканчивают свой путь в дали от родины на положении рабов (особенно если они оказывались в рабстве у нехристиан). Книжнику хотелось обрисовать поведение соотечественников-единоверцев в плену героическими красками, а возможно, дать дополнительное идеологическое обоснование той бескомпромиссной борьбе с кочевниками, которую повели русские князья после Любечского съезда. Второй комплекс – это восприятие трагедии страстей Христовых, актуальное для всех христиан, и связанное с ним стремление окончить жизнь как Иисус. С таким желанием пострадать за веру, по мысли Нестора, ходил Феодосий Печерский спорить с евреями⁴. Последний комплекс сливался с полу-языческими представлениями о якобы имевшем место еврейском обычае приносить в жертву христиан на пасху и нашел отражение в почитании бело-русского святого Гавриила Белостокского в XIX веке.

В области предположений находится и вопрос о том, насколько антииудейская полемика находила отклик в народных массах Древней Руси. В восточнославянском фольклоре XIX и

¹ См.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 687.

² Палея Толковая. С.60.

³ Поучения и молитва Феодосия Печерского. С. 450.

⁴ Петрухин В. Указ. соч. С. 657.

⁵ Там же. С. 656

¹ Сквайрс Е.Р. [Дискуссия] // Споры о Новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) / отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2012. С. 104–105.

² ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. С. 275–276.

³ Киево-Печерский патерик. С. 24.

⁴ Житие Феодосия Печерского. С. 418.

XX веков мы встречаем сложное в конфессиональном плане отношение к евреям. Евреи обладают не только типичными архаичными чертами инородца вообще (запах, смрад до крещения, магия)¹. В белорусский и украинский фольклор плотно вошла идея о наказании евреев за распятие Христа². И хотя эта идея встречается уже во многих древнерусских произведениях, остается невыясненным, когда и при каких условиях она была воспринята широкими массами православного люда. Не ясны и пути распространения представлений о ритуальном жертвоприношении евреев³. Поэтому на данном этапе изучения вести речь о широком влиянии антииудейской литературы на древнерусское население преждевременно.

Таким образом, можно утверждать, что антииудейская полемика была направлена на ее восприятие читающими христианами. Как иудаизм в свое время записал свои народные поверья в Талмуд и отгородился от всего остального мира, так и утверждающееся на Руси христианство вынужденно было строго обособиться от иудаизма. Заимствуя греческие приемы красноречия, древнерусские книжники преследовали вполне практические цели приобщения древнерусского населения к новой вере. Помимо осуждения иудаизма, в антииудейской литературе прослеживается стремление упростить христианское учение, связав с необычайно выразительными образами Ветхого Завета, сделать его более доступным. Поэтому антииудейская полемика не обращена к иудеям. Не является она и слепым подражанием святоотеческой традиции: ведь наряду с произведениями отцов церкви древнерусские книжники использовали апокрифические и, даже, языческие образы.

С.О. Козловский
г. Львов, Украина

ТОРГОВЛЯ И КУПЕЧЕСТВО КАК «СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ» В КОЛЛЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (XII–XV ВВ.)

Проблема социальной мобильности в средневековом обществе занимает важное место в современной исторической науке. Классическая медиевистика рассматривала общество средневекового Запада как закрытую в социальном плане систему, в которой невозможно любое перемещение по социальной лестнице. Современная историография (особенно представители «культурно-антропологической школы», историки ментальности и другие) склонна рассматривать средневековое общество как чрезвычайно мобильную и динамическую систему, характерной чертой которой есть смена социальных ролей¹. В этом контексте следует сразу подчеркнуть, что в коллективных представлениях средневекового общества, человек скорее играл некую «социальную роль» – крестьянин, ремесленник, купец, монах или феодал, но время от времени «социальные роли» могли меняться – младший сын ремесленника мог стать монахом или купцом, представитель «черного духовенства», аббат, мог стать представителем «белого духовенства» заняв епископский престол. Цель настоящего исследования – проанализировать восприятие купечества, его ментальный образ в коллективных представлениях, сквозь призму социальной мобильности в традиционном средневековом обществе.

¹ Славянские древности. М., 1995. Т. 2. С. 174.

² Там же. С. 173.

³ Там же. С. 174.

¹ Гуревич А. Средневековый купец // Одиссей-1990. Личность и общество. М., 1990. С. 97–131; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992; Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. СПб.: Евразия, 1999; Vauchez A. Swety // Czlowiek Sredniowiecza / pod red. J. Le Goffa / przkl. z wloskiego. Warszawa, 2000. S. 389–430.

Следует отметить, что под понятием ментальность следует понимать сочетание индивидуальной и коллективной форм сознания, в котором отражаются устойчивые представления и стереотипы (ментальные структуры), которые можно познать с помощью исторических источников. Сегодня ментальность (коллективная и индивидуальная), как и общественные представления, становятся объектами многочисленных исследований в области истории, философии, психологии, социологии, культурологии¹. Объект исследования – торговля и купечество Западной Европы в период XII–XV вв., как “социальные лифты” в средневековом обществе, а предмет – их отражение в коллективных представлениях того времени.

Следует отметить, что средневековая экономика это в первую очередь аграрная экономика, а средневековый город мог развиваться только благодаря излишкам сельскохозяйственной продукции, которую получали сеньоры в виде ренты или церковной десятины (духовные феодалы). Следовательно, процессы урбанизации происходили только потому, что общество переживало другие кардинальные изменения – становление феодальных отношений и формирование сеньориальной слоя. Именно после появления этой прослойки из сельскохозяйственного производства выделилось специализированное ремесленное, которое было закономерным следствием развития домашнего, бытового производства. Стремление сеньоров жить в роскоши, покупать исключительные вещи приводило к серьезным сдвигам в структуре спроса и предложения². Так, в XII веке начал формироваться общественный слой, отличный от крестьянства за своими занятиями, образом жизни и сознанием – мещанство, которое за локализацию в городах получило немецкое название «бюргеры», или французское «буржуа», которые сосредоточивали свою профессиональную деятельность на ремеслах и торговле. В условиях, когда возникла необходимость в торговых посредниках между ремесленниками и жителями сел, ремесленниками и сеньорами, между самими ремесленниками (торговля сырьем), эту функцию берут на себя другие группы мещан, которые получают название купцы (лат. mercantores)³.

Между серединой XII в. и серединой XIII в. (временем становления влияния купечества) Жак Ле Гофф выявил глубинное изменение основной совокупности ценностных ориентации в западном обществе: «этот подъем (с большей или меньшей интенсивностью и с хронологическим смещением в зависимости от места и социальных условий) затрагивал самые разные сферы: технологическую, экономическую, художественную, религиозную, социальную, интеллектуальную, политическую. И на все эти сферы накладывала свой отпечаток система ценностных ориентаций»¹. Показательно, что ведя бродячий, активный (нетипичный для средневекового общества – малоподвижного, пассивного) образ жизни купцы постепенно теряют тесную связь с сеньором и фактически становятся независимыми, а следовательно и смешиваются вертикаль власти. Постепенно в их психологии развивается черты индивидуализма и закладываются предпосылки будущей социальной трансформации Нового времени.

Под влиянием деятельности купцов, в коллективном сознании населения средневекового Запада формируется понятие города, как центра экономического, а следовательно – политического и культурного. Это существенно новое понятие для чело века, находившегося в рамках «деревенской» материальной культуры Средневековья². Отныне, город становится тем местом в жизни общества, где человек мог творить свое благосостояние сам, своим трудом.

Усиление города как политического центра стало импульсом к социальным трансформациям средневекового общества – происходит постепенная утечка зависимых от феодала крестьян в город. Согласно городскому праву, зависимый от феодала крестьянин, который прожил год и один день внутри городских стен, приобрел свободу. Отсюда пошло выражение: «Городской воздух делает свободным». Следует отметить, что перемещения людей (миграции) из деревни в город и между городами играли решающую роль в городском развитии средневековой Европы, так как, из-за высокого уровня смертности (особенно детской), связанного с неблагоприятными условиями жизни (в первую очередь антисанитария), постоянными военными конфликтами, политической не-

¹ Козловський С. Ментальність середньовічного купецтва: купець і суспільство // Вісник Держ.ї академії керівних кадрів культури і мистецтв. К., 2009. № 3 С. 118–122.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 195–196.

³ Carus-Wilson E.M. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // The Economic History Review. 1941. Vol. 11. № 1. P. 39–60; Beardwood A.A. Merchants and the

English Crown in the Later Fourteenth Century // The Economic History Review. 1930. Vol. 2. № 2. P. 229–260.

¹ Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 28–29.

² Козловський С. Ментальність середньовічного купецтва: купець і релігія // Вісник Держ. академії керівних кадрів культури і мистецтв. К., 2009. № 4. С. 122–126.

стабильностью и т.д., ни один город, а тем более огромный, не мог поддерживать численность своего населения за счет внутренних ресурсов и всецело зависел от притока новых жителей из сельской округи. Очевидно, что подъем старых и новых городов в XI–XIII вв. по всей Европе (как Западной, так и Восточной) обеспечивался иммиграцией крестьян из ближних и дальних деревень. Следует заметить, что крестьяне составляли «основной костяк» ближней иммиграции в города. Дальняя иммиграция в основном поставляла богатых купцов и высококвалифицированных ремесленников, что в свою очередь приводило к формированию этнических или земляческих общин (городских кварталов), прежде всего в крупных портовых и университетских городах, где всегда было много иностранцев – иноземных купцов и студентов¹. Город сделался «плавильным котлом» – крестьянин в нем мог стать горожанином (пройдя путь от наемного работника, до подмастерья и мастера), поменяв социальную роль. Интересное сведение о количестве иностранцев в большом средневековом городе, можно почерпнуть в «Новой хронике или истории Флоренции» Джованни Виллани: *«По нашим тщательным изысканиям, в то время [1333г.] во Флоренции насчитывалось около двадцати пяти тысяч граждан в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет, способных носить оружие, в том числе тысяча пятьсот знатных и влиятельных граждан, поручительствовавших друг друга как гранды. В городе было тогда около семидесяти пяти рыцарей, посвященных по всем правилам. Правда, до установления второго народного правления, действующего поныне, рыцарей считалось более двухсот пятидесяти, но в народной коммуне власть и влияние грандов уменьшились, поэтому мало кто хотел стать рыцарем. По оценке, во Флоренции жило примерно девяносто тысяч человек: мужчин, женщин и детей, исходя из расчета постоянного потребления хлеба на душу. Предполагалось, что в городе постоянно находятся полторы тысячи чужеземцев, приезжих и солдат, не считая духовных лиц, монахов и монахинь, о чем мы скажем отдельно. В контадо и ди-стретто Флоренции в то время насчитывалось около восьмидесяти тысяч мужчин».* Таким образом, на приблизительно 90 тысячное население тогдашней Флоренции, приходилось около 2 тыс. иностранцев, временно проживающих в пределах города. Не очень ясным представляется количество постоянно живущих в городе иностранцев, но очевидно, что их процент был также вы-

сок. Об этом, можно косвенно судить из следующего отрывка: *«По сведениям приходского священника, крестившего новорожденных (для учета он откладывал при крещении каждого мальчика черный боб, а при крещении девочки – белый), в год рождалось от пятидесяти пяти до шестидесяти сотен детей, причем мальчиков на триста-пятьсот больше, чем девочек»*¹.

Согласно современным исследованиям, для средневекового общества характерна исключительно высокая смертность в младенческом и детском (до 14 лет) возрасте. Например, в Венгрии в XI–XIII вв. она составила 39 % общего числа смертных случаев. В Польше в раннее Средневековье смертность в первые пять лет жизни ребенка превышала 20 %. Многие исследователи сходятся, например, в том, что в XII в. ежегодный естественный прирост населения (т. е. выраженное в процентах отношение естественного прироста за год к средней численности населения в течение этого года) составлял в Западной Европе примерно 0,1% (подобный прирост предполагает, что население увеличивается каждые 25 лет приблизительно на 10% и удваивается за два с половиной века)². Ежегодный прирост в 0,1% в Западной Европе XI–XIII вв. сам по себе означал, как видим, существенную необходимость в пополнении городского населения за счет крестьян и иностранцев (ремесленников, купцов и студентов).

Процесс вхождения купечества в сложную систему средневекового общества чрезвычайно интересен, поскольку иллюстрирует изменения в психологии и ментальных признаках человека Средневековья. Картина тогдашнего общества (фр. *estat* – состояние, лат. *ordo* – порядок) рисовалась в виде трехчленной системы с монархом во главе, называя только духовенство и монахов («молящихся»), рыцарство («тех, кто воюет») и крестьян («тех, кто обрабатывает землю»). Городское же население – ремесленники и купцы не вспоминались. Не потому, что их роль в обществе была незначительной (скорее наоборот), а потому, что в XI–XII вв. старые понятийные схемы еще сохраняли свою силу и влияние, что позволяло игнорировать живое многообразие конкретной реальности. Для средневековой психологии занятия горожан были сомнительными и подозрительными. Это недоверие со стороны крестьянства и превосходство феодалов нашло свое отражение в учении официальной Церк-

¹ Филиппов Б., Ястребицкая А. Европейский мир X–XV вв. М., 1995. С. 116–117.

¹ Джованни Виллани. Новая хроника или история Флоренции. М., 1997. С. 378–379.

² Бессмертный Ю. Жизнь и смерть в средние века // Очерки демографической истории Франции. Ч. 1. М., 1991. С. 3–4.

ви¹. Так, Адальберон Ланский (фр. Adalbéron de Laon; ум. 1030/1031) автор сатирической поэмы «Carmen ad Rotbertum regem Francorum» (посвященной королю Роберту II, написанной в форме диалога-спора с аббатом Клуни Одилоном) одним из первых изложил учение о тройственном устройстве общества, состоящем из упорядоченных разрядов (ordines): духовенство (oratores) заботится о духовном здоровье государства, рыцарство (bellatores, pugnatores) охраняет его, а пахари, трудящиеся (aratores, laboratores) кормят. Нарушение этого гармонического взаимодействия грозит самыми губительными последствиями для всего организма: «Божий дом тройственен, веруют же во единого. Поэтому одни молятся, другие воюют, третьи трудятся, а вместе их — три разряда, и их обособление непереносимо»².

Пополнение купеческой и ремесленной прослоек города происходило и за счет людей знатного происхождения. В этом контексте интересна история семьи Николло Макиавелли, представителя знатного тосканского рода, генеалогические корни которого восходят к началу XI в. Но уже в конце XIII в. семья перебирается с флорентийского поместья в город и начинает заниматься городскими занятиями — в частности, юриспруденцией (отец Николо — Бернардо Макиавелли, занимался законодательством, имел свою контору, но позднее был уличен в неуплате налогов и начал работать нелегально). Следует заметить, что так поступали многие знатные итальянские семьи — к XIII в. они были уже очень заинтересованы в продаже на рынке, а не только в потреблении тех овощей, зерна, винограда, оливкового масла, которые производили итальянские крестьяне мидзальери (полузависимая категория крестьянства), на их земле. Бернардо ди Николо Макиавелли очень строго следил за тем, как поступают доходы. Это те перемены, которые вносит время. Происхождение рода знатное, но в условиях денежных отношений Возрождения, феодальных доходов на содержание уже не хватает и семья пополняет пополанскую прослойку города³.

¹ Козловський С. Ментальність середньовічного купецтва: купець і релігія // Вісник Держ. академії керівних кадрів культури і мистецтв. К., 2009. № 4 С. 125.

² Адальберон Ланский. Стихотворение, написанное для короля французского Роберта // Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. Раннее средневековье. М., 1961. С. 498.

³ Макьявелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма: Пер. с итал. М., 2004. С. 6.

Таким образом, на рубеже XI–XII вв. вместе с процессами урбанизации происходят существенные трансформации в социальной структуре средневекового общества Европы — наблюдается значительный рост городского населения за счет миграции из деревень в города. Пополнение городской прослойки, в первую очередь, происходило в среде ремесленников, но позже, с возрастанием товарно-денежных отношений наблюдается значительный рост купечества. Наиболее заметно этот процесс проявился в итальянских городах-республиках: Флоренции, Генуе, Венеции и других. Важно подчеркнуть, что в пополнении городского сословия в средние века активное участие принимали и знатные фамилии (например, семья Макиавелли). Купечество, так же занимало важное место в коллективной ментальности средневекового общества, а сам образ купца в представлении крестьянина и феодала прошел сложный процесс эволюции — от неприятия (быстрое накопление богатств воспринималось сквозь призму средневековой морали: первых богачей презирали, а саму торговлю осуждали как сомнительное занятие), до «необходимого блага» (купечество исполняло функции посредника между крестьянами и ремесленниками). Важно отметить, что для ранней стадии развития городов, разница между горожанином и крестьянином была не очень существенной — горожанин (ремесленник или купец) нередко питался с собственного поля, находившегося за городскими стенами, кормил скот и птицу, одевался и вел себя как крестьянин. Но, уже на рубеже XI–XII вв. эти «новоиспеченные» бюргеры и буржуа, теряют связь с феодалом и постепенно формируют собственное, свободное сословие.

А.В. Парунин
г. Курган

МОДЕЛЬ СМЕРТИ И УМИРАНИЯ В «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРИНИГОВСКОГО»

Проблематика смерти в культуре человека лишь с недавних пор стала актуальной, соединяя в себе различные гуманитарные направления: историю, этнографию, этнологию, фольклор, ми-

фологию, социально-культурную антропологию. По мнению А.Я.Гуревича, «смерть играет важную роль в конституировании картины мира, присущей данной социально-культурной общности»; одновременно, она является одним из коренных «параметров» коллективного сознания¹. Феномен смерти являет собой уникальный пласт ментальности, которой подвержены не только интеллектуальная элита конкретного периода времени, но и самые широкие слои населения².

Важность и уникальность установок отношения к смерти как к культурному феномену привлекло значительное количество исследований, пионером среди которых может служить труд Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти». Проблематика смерти нашла свое отражение в трудах В. Янкелевича, М. Вовеля, А.Я. Гуревича, Р. Моуди, Г. Мулина и др. Исследователями синтезировался материал из различного рода гуманитарных и социальных наук. обстоятельно изучен феномен смерти в культуре средневекового европейского общества (Ж. ле Гофф, Ф. Арьес, М. Вовель, К.Л. Харт Ниббриг, Ж. Дюби и др.).

Отрадно отметить, что в последние десятилетия появляется все больше трудов, так или иначе уделяющих внимание повседневной жизни, бытовой культуре, мировоззрению древнерусского человека. Это труды В.В. Долгова, И.Н. Данилевского, А.А. Горского, А.Л. Пушкиревой и др. Тем не менее, проблематика и роль смерти в повседневном мире древнерусского человека еще не нашла своего исследователя.

Для рассматриваемой нами темы особую роль играет агиографический жанр древнерусской литературы, авторы которого стремились создать символический мир для своих героев, придать их действиям сакральный, риторический оттенок. Стереотипными являются упоминания биографий великих князей и их слуг, а также татар, которым зачастую придаются inferнальные черты. Одним из подобных произведений является «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора».

«Повесть об убиении князя Михаила Черниговского» – это созданная книжником фантомная реальность, своеобразный ответ древнерусской интеллектуальной элиты на события, связан-

ные с нашествием монгольских войск на Русь под предводительством внука Чингисхана Бату. Символизм и эсхатологичность агиографического сюжета не позволяют согласиться с мнением А.Г. Юрченко, считающего историю трагической гибели князя Михаила вымыслом, однако вполне допустимо утверждение историка о неизбежности мученичества¹, о чем будет сказано ниже. Тем не менее, выяснение реальных причин смерти черниговского князя не лежит в плоскости рассматриваемой темы.

Смерть князя Михаила в Орде является мученической. Этот факт не вызвал сомнения ни у одного исследователя, так или иначе обращавшегося к изучению данного. Факт неизбежной мученической кончины сопровождает всю нить повествования. По справедливому замечанию В.Н. Рудакова, повесть наполнена эсхатологическими сюжетами². Образы ужаса, страха и смерти – ключевые моменты в повести, тесно переплетающиеся с христианским мировоззрением. Именно из-за «умножения грехов» книжник видит причины нашествия «поганных татар на землю христианскую»³. Причем эсхатология в данном случае тесно переплетается с ужасами смерти, красочно описанными неизвестным автором повести: «были они погаными безжалостно перебиты... мало кто уцелел». Описанные фрагменты повествования как будто подготавливают неопытного читателя к перипетиям основного сюжета.

Мотив смерти и умирания в повести проходит сквозь две противопоставленные сюжетные линии, с одной стороны, автор подчеркивает сакральность происходящего: «безбожные» татары покоряют православную Русскую землю. Тем самым на первый план выносятся извечная борьба добра со злом, в которой второе временно одерживает верх. С другой стороны, мы видим идеализированный образ князя Михаила, на которого «Бог... послал... благодать и дар Святого Духа, и вложил ему в сердце мысль ехать к царю (т.е. к Бату – А.П.) и обличить лживость его, совращавшую христиан»⁴. Сугубо религиозные мотивы истинного православного христианина Михаила, а не политический подтекст, выводит повествование из рамок исторической реально-

¹ Юрченко А.Г. Историческая география политического мира. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб., 2006. С. 225.

² Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 106.

³ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Повести и сказания Древней Руси. СПб., 2001. С. 243.

⁴ Там же. С. 244.

¹ Гуревич А.Я. Предисловие // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 5–6.

² Он же. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. М., 1989. С. 115.

сти. Смерть его, ставшая центральной частью сюжета, мыслится как идеологический конструкт в мире борьбы добра со злом.

В повести, казалось бы, все подводит Михаила к скорой кончине. «Хочу ехать к Батью» – твердит он, однако получает от духовного отца совет: «не иди через огонь, не поклоняйся ни кусту, ни идолам их, ни пищи, ни пития их не бери в уста свои»¹. Автор повести, подчеркивая святость князя, вкладывает уста духовного отца следующие слова: «Многие поехавшие, исполнили волю поганого, соблазнились славою мира сего», тем самым выделяя князя из среды прочих, мечтавших о власти и богатстве путем попираания (как думалось автору) христианских устоев.

Неизбежность смерти практически сразу становится очевидной. Михаил говорит «Я бы хотел пролить кровь за Христа и за веру христианскую». В конструируемой реальности мученичество становится главным стимулом борьбы двух миров, своеобразным отражением реальной исторической обстановки. По мнению В.Н. Рудакова, тема противостояния «прельщениям поганским» становится наиболее актуальной для русской литературы XIII века². Как мы увидим, «прельщение» сыграло немалую роль в последующем убийстве князя.

Центральной частью сюжета повести становится отказ князя Михаила и его воеводы Федора пройти «через огонь и кланяться солнцу и идолам». Этот фрагмент находит свое отражение в реальной действительности. Об убийстве князя вспоминают и францисканцы, отмечая при этом, что убийство князя связано с нежеланием «названному идолу кланяться»³. При этом А.Г. Юрченко отмечает, что нарушение этикета в ставке Бату явно не повлекло бы за собой убийства русского князя⁴. Однако книжник, отказавшись от поиска рациональных причин гибели князя, решил сосредоточиться на теме противостояния культурных стереотипов.

«Прельщение поганское», постулируемое автором повести, поставило перед Михаилом нелегкий выбор: «Как посмел повелением моим пренебречь – почему богам моим не поклонился? Теперь одно из двух выбирай: или богам моим поклонись и тогда останешься жив и получишь княжение, или же, если не

поклонишься богам моим, то злой смертью умрешь»¹. Отметим, что в уста Бату книжник вложил постоянное упоминание о «поклонении его богам», хотя общеизвестен факт религиозной толерантности монголов в рассматриваемый период времени. Тем не менее, сюжет с богами имел отражение и в других источниках. В донесении брата Бенедикта сообщается о вере «тартар в единого Бога», но при этом замечается, что «они не почитают Его должным образом, потому что имеют разных идолов»². При этом, по версии А.Г. Юрченко, реально случившаяся история событий, носившая политический оттенок, вскоре была обработана в агиографическом ключе и была связана с нежеланием князя кланяться идолу мертвого человека, т.е. Чингисхана³. Отмечая наличие противоречивых сведений о реальных фактах смерти князя, можно предположить, что автор создал собственную символическую версию смерти, лишняя раз подчеркнув дуализм сюжета.

Интересен пассаж о «злой смерти». Ближайшая аналогия зафиксирована в русских летописях и связана со взятием Бату Козельска, где «бысть брань люта зело». Бату же, по взятии города, повелел именовать Козельск «Злым городом»⁴. Скорее всего, мотив «злой смерти» можно соотносить с монгольским обычаем смерти без пролития крови, о чем указывает Сокровенное Сказание: подобная смерть (считавшаяся благородной) была дарована Джамухе, названному брату (анда) Чингис-хана⁵. Возможно, в данном случае Бату говорит о смерти позорной, неблагородной и недостойной великого князя.

Ближайшим аналогом является упоминание о «безобразной смерти» в «Житии Михаила Ярославича Тверского» в отношении несправедливо осужденного «блаженного Михаила». В словах «беззаконных» (татар) можно прочесть схожие мотивы взаимоотношений русских и ордынцев: «...ослепила их собственная злоба – и не прислушались они к словам блаженного, но решили промеж себя: «Поношением и узами опутаем его и безобразной смертью осудим его, ибо не годится он нам, не последует он на-

¹ Там же.

² Рудаков В.Н. Указ. соч. С. 107.

³ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 116.

⁴ Юрченко А.Г. Указ. соч. С. 223.

¹ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 245.

² Христианский мир и «Великая Монгольская империя». С. 116.

³ Юрченко А.Г. Указ. соч. С. 223.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 10. СПб., 1885. С. 112.

⁵ Козин С.А. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 157–158.

шим нравам»¹. Смерть же князя была достаточно типичной для агиографической литературы: «И один из беззаконников, по имени Романец, вытащил нож и ударил святого в грудь, справа, и, вращая нож туда и сюда, вырезал честное и непорочное сердце его»². Характерно совпадение и в именах убийц: и Романец, и Доман были «русичами»: если первый именуется «одним из беззаконников», то Доману приписывается более богатая биография³. Тем самым вновь фиксируется социокультурное противостояние двух миров: славянского и тюрко-монгольского, однако теперь уже на уровне ментальных установок смерти. Бату требует исполнения соответствующих обрядов поклонения, неисполнение которого ведет к смене статуса князя. Михаил настроен на мученическую смерть: «ответил ему: «Я того и хочу, чтобы мне за Христа моего пострадать и за православную веру пролить кровь свою».

Смерть незримо преследует князя Михаила, о чем нам сообщает автор повести: «Михаил, знай – ты мертв! .... И вот говорят окружающие: «Михаил, вот уже убийцы едут от царя, чтобы убить вас, поклонитесь и живы останитесь»⁴. Долгое ожидание неотвратимой смерти влечет за собой кульминацию сюжета.

«И тут приехали убийцы, соскочили с коней и, схватив Михаила и растянув ему руки, начали бить его кулаками по сердцу. После этого повергли ниц на землю и стали избивать его ногами. Так продолжалось долго. И вот некто, бывший прежде христианином, а потом отвергшийся христианской веры и ставший поганым законопреступником, по имени Доман, отрезал голову святому мученику Михаилу и отшвырнул её прочь. После этого сказал Феодору: Если ты поклонись богам нашим, то получишь все княжество князя своего». И ответил Феодор: «Княжения не хочу и богам вашим не поклонюсь, я хочу пострадать за Христа, как и князь мой!» Тогда начали мучить Феодора, как прежде Михаила, после чего отрезали честную его голову»⁵. Стоит согласиться с А.Г. Юрченко, что убийство Михаила было совершено с необычайной жестокостью⁶.

¹ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 257.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 245–246.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Юрченко А.Г. Указ. соч. С. 224.

Интересно упоминание о «поганом законопреступнике» Домане. При этом он также назван «путивлецем» и, по мнению А.А. Горского, мог служить кому-то из князей¹.

Однако в центре внимания процитированного выше отрывка стал факт «нечестивой» смерти князя и его воеводы. Книжник называет убийцу князя Домана «поганым», тем самым приравнивая его к татарам. В данном случае, уместно предположить, что автор проводит незримую параллель между «погаными» татарами и человеком, отрекшимся от своей веры. Для православного человека эти сюжеты были бы идентичны.

События, описанные в «Повести об убиении в Орде князя Михаила Черниговского», нашли свое отражение и в русских летописях. В более ранних редакциях, в частности в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, смерть князя представлена достаточно лаконично: князь отказался поклониться «болвану их» и «заколен бы»². Не фиксируется ни следа мученической версии гибели князя, ни мотива гибели за православную веру.

Однако неожиданное продолжение этот сюжет получил в Никоновской летописи, автор которой использовал данную повесть в качестве основы, но от себя добавил следующее: «И явился столп огнен над телесы их (князя Михаила и воеводы Федора – А.П.), сияя пресветлыми зарями, и многи свещи горящи, и гласы ангельския поюща; вернии же тамо прилучившиися видевше с радостию, и со слезами погребоша святаа телеса их, в славу Господу Богу, творящему дивнаа и преславнаа в святых своих, Ему же слава во веки веков, аминь»³. Как видим, летописец добавляет «чудесные» оттенки в ткань сюжета о Михаиле Черниговском, что могло быть связано с тем, что картина мира древнерусского человека было «пронизана сверхъестественными мотивами»⁴. Указание на «столп огнен», с одной стороны, могло быть связано с природной аномалией, случившейся в то же время, что и убийство князя. С другой стороны, все вышеописанное воспринималось эсхатологически настроенным летописцем как «знамения» или «пророчества», которые бы демонстрировали закономерность и предначертанность события⁵.

¹ Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 150.

² ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стб. 471.

³ ПСРЛ. Т. 10. С. 133.

⁴ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 394.

⁵ Там же. С. 401.

Так или иначе, упоминание о «гласах ангельских» может служить подтверждением мыслей древнерусского книжника о переходе путем смерти за веру в новый, сакральный мир, тем самым придавая веру в будущее «освобождение» от «гнева Божьего» и изгнания «поганых татар» с земли Русской.

В исторической литературе оформились различные точки зрения мученической смерти князя Михаила. Так, авторы учебного пособия «История русской литературы X–XVII веков» предположили, что мотивом подобной смерти являлся политический протест в исторических условиях зарождающегося противостояния Руси и Орды¹. В.В. Долгов выдвинул прямо противоположную гипотезу. По мысли исследователя, «Князь Михаил погиб не потому, что пытался оказать сопротивление очевидно превосходящей силе ордынского царя. Политическое господство и даже сам царский статус монгольского владыки не подвергается сомнению в «Сказании». Михаил согласен поклониться царю, он говорит: «Тобе, цесарю, кланяюся понеже Бог поручил ти есть царство света моего»². Здесь необходимо согласиться с замечанием исследователя. Действительно, древнерусского книжника не интересовали подробности политической борьбы двух государств: речь, по сути, шла о спасении христианской веры и образа жизни от могущества «поганых татар». Схожего мнения придерживается и В.Н. Рудаков, отметивший, что стремление к праведному образу жизни вошло в противоречие с «обольщениями» «царя», в результате чего последовал закономерный итог драмы³. О противоречии речь ведет и А.Г. Юрченко, отмечая, что «элемент имперского культа, встроенный в придворный церемониал, был спроецирован ими на систему христианского мироздания. Сведения о монгольской толерантности блекли на фоне воображаемого повсеместного идолопоклонничества. Напряжение нашло выход в создании легенды о мученической смерти князя Михаила»⁴. Под имперским культом исследователь понимает сакральному практику поклонения идолу Чингис-хана.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить наличие в тексте «Повести» своеобразного противостояния ментальных

установок славян и монголов, представленных в соединительных образах «царя» Бату и князя Черниговского Михаила, причем даже в видении моделей смерти. То, что для Бату представляется «злой», неблагоприятной, нечестивой смертью, князем понимается как закономерный итог служения своей вере и Богу. Стереотипы смерти и религиозные убеждения органично вплетены в ткань повествования, представляющего собой отголосок реальных событий, случившихся в ставке Бату, о чем нам сообщают записи францисканской миссии, явившие собой первое описание уникальной (по мысли А.Г. Юрченко) смерти князя.

М.А. Дулова
г. Ижевск

НОВГОРОДСКИЕ УШКУЙНИКИ: ГЕНЕЗИС И СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В истории Российского государства Новгородская земля стоит несколько в стороне от общих путей развития. Новгород – центр вечевых традиций, существовавших в течение нескольких столетий, ядро экономического развития Русского Севера, оплот народных вольностей и самовластия. Все эти факторы сильнейшим образом повлияли на историческое развитие не только города и его земель, но и тех областей, которые каким-либо образом соприкасались с ним.

В период X–XV вв. Новгородская республика процветала, проводя независимую политику. Важным элементом развития Новгородской республики было подчинение близлежащих племен и установление даннических отношений. Все это стало причиной появления социальных прослоек в городском обществе, которые начинают «специализироваться» на легкой и быстрой наживе. Именно там, где существовала вольница, появляется явление, получившее в истории название «ушкуйничество».

Поскольку в древнерусских источниках отсутствует терминологическая строгость, в рамках данной работы ушкуйниками будут считаться и те участники речных грабительских походов, которые прямо «ушкуйниками» в аутентичных текстах не именуется.

¹ История русской литературы X–XVII веков. М., 1979. С. 178.

² Долгов В.В. Указ. соч. С. 350.

³ Рудаков В.Н. Указ. соч. С. 111.

⁴ Юрченко А.Г. Золотая статуя Чингисхана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 245–260.

Можно выделить следующие этапы развития указанного социального явления: первый – деятельность «удальцов» на севере и северо-востоке Руси под официальным предводительством новгородских властей, с их санкции – эти события включались в летописи. В это время национальный состав ушкуйников был различен: наряду с русскими ватагами действовали союзные им финно-угорские (корела, весь, ижора) отряды, во главе которых, возможно, стояли представители местной родоплеменной знати¹.

Данный факт можно подтвердить тем, что в «Хронике Эрика» описан случай, когда шведы «...убили карелов, дома их сожгли, много ушкуев, что рядом нашли...»²; Ушкуйничество пользовалось поддержкой новгородских властей, поскольку способствовало расширению подконтрольной им территории, а также повышало авторитет Великого Новгорода.

Второй этап характеризуется перенесением активных действий на территорию Поволжья. В это время исчезают упоминания о ватагах из числа нерусского населения (хотя это не значит, что финно-угорские «охотники» не могли быть ушкуйниками), отряды часто действуют самостоятельно для собственной наживы. В таких походах незначительные, не богатые, но удачливые организаторы могли получить многое: капитал для собственного торгового дела или славу воина. Ушкуйничество стало средством снятия социального напряжения в новгородском обществе, поскольку беднякам предоставлялся шанс быстро поправить свои дела, а богатым – заработать авторитет в народе.

Еще одну версию о социальной природе ушкуйничества выдвигает О.Г. Усенко, предполагая, что разбойники в узком смысле (ушкуйники) отличались от разбойников в широком смысле (новгородских ратников вообще). По его мнению, для лучшего понимания природы этой социальной категории следует вспомнить структуру новгородского войска в XII–XV вв. О.Г. Усенко указывает, что основу составляло ополчение – «рубленая рать»; оно собиралось путем «разруба» воинской повинности среди простолюдинов – свободных горожан и сельчан. Другими составными частями вооруженных сил республики были дружины князя, бояр и наиболее богатых купцов, «владычный полк», а также войско из «охочих людей» («охотников»), т. е. доброволь-

цев, ушедших на войну сверх «разруба», последние, как правило, воевали в пехоте и передвигались на судах. Судя по всему, именно «охочими людьми» были летописные «молодцы новгородские» и «люди молодые», которых историки отождествляют с ушкуйниками¹.

В.Н. Бернадский видит в ушкуйничестве XIV в. бурный взрыв новгородской экспансии. Будучи проявлением кризиса новгородской боярской политики старого типа, ушкуйничество, с его точки зрения, являлось попыткой новгородского боярства расширить круг эксплуатируемых новгородским боярством земель путем выхода на новые пути².

По мнению Л.В. Черепнина, новгородские ушкуйники, совершавшие нападения на караваны и города в XIV в. с целью экономической наживы – это часть новгородского городского черного населения, не находившая применение своему труду в сфере ремесленной и торговой деятельности, выбитая из рамок обычных корпораций горожан, представляла собой опасную для господствующего класса социальную среду, недовольную своим положением и готовую к открытому социальному протесту против феодального строя³. Из чего можно сделать вывод, что представители господствующего класса стремились избавиться от нежелательных компонентов общества, при этом использовать их энергию в нужном себе русле, для содействия расширения политического и экономического влияния на Руси новгородского боярства. Кроме того, бояре не только совершали «заказ», организовали экспедиции, но и часто сами возглавляли их, а наживу оставляли себе.

Движение ушкуйников встает перед нами в двух отражениях – новгородском и московском (или, точнее, «низовском»). Для новгородских летописцев это были походы молодцев, отправляющихся в далекие края без слова новгородского. Для московского («низовского») летописца – это набеги разбойников⁴, в связи с этим летописи московские нередко чередуют термины «ушкуйники» и «разбойники», а иногда прямо сочетают их в двойное слово «ушкуйники-разбойники».

Поскольку впервые термин «ушкуй» встречается в русских летописях в 1320-х годах в связи с их деятельностью по Волге, а

¹ Усенко О.Г. О сущности и хронологических рамках ушкуйничества // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Матер. науч. конф., 11–13 ноября [1999 г.]. Великий Новгород, 1999. Ч. 1. С. 50

² Хроника Эрика // Средневековые исторические источники Востока и Запада: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Erik/frametext1.htm> (дата обращения 15.03. 2011)

¹ Усенко О.Г. Указ. соч. С. 49.

² Бернадский В.Н. Новгород. Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 4–5.

³ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 391.

⁴ Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 39.

до этого в известных нам русских источниках отсутствует, то следует предположить, что он бытовал в основном среди «низовых» летописцев. В связи с этим, можно предположить, что в новгородских источниках эта категория людей будет именоваться по иному, летописец использовал терминологию, характерную для его понимания. Применяя данные характеристики, появится возможность расширить нижнюю границу данного явления.

В социальном и политическом отношении ушкуйничество сложное явление с пестрым социальным составом. В их ряды шли, наряду со стремившимися к наживе феодалами, люди, лишенные средств к существованию из числа горожан, бедняки, плебейская часть населения. В.О. Ключевский пишет: бедняки, неоплатно задолжавшие, спасаясь от долговой неволи, собирались в шайки и с беглыми холопами пускались на разбой¹. Л.В. Черепнин указывает, что господствующий класс боялся этих людей, так как они были «горючий материал», готовый воспламениться от любого обострения классовых противоречий в Новгороде². С точки зрения властей Новгородской республики этих людей следовало вывести за пределы Новгородской земли. В это время в значительной своей части походы ушкуйников приобретают характер простых грабительских вооруженных набегов на волжско-камские торговые караваны и населенные пункты. Следовательно, в XIV в. основная часть разбойников – это «лишние люди» в городе, не сумевшие реализовать себя, но склонные к активным действиям. Если расширять границы явления, то ушкуйничество конец XI – начало XV вв. – это новгородский вариант архаической традиции, возникшей в условиях «военной демократии»³, это механизм снятия социального напряжения и способ жизнеобеспечения, присущий патриархальному обществу, для которого любая война – норма и даже доблесть. Но сам факт жизнестойкости ушкуйничества показывает, что его отмирание было обусловлено не столько внутренними, сколько внешними для новгородского общества факторами – падением республики, процессами централизации, перестройкой российских вооруженных сил, а также эволюцией военного искусства⁴.

Повольничество-ушкуйничество для И.Д. Беляева (отожествляющего эти понятия) – чистый продукт новгородской жизни;

¹ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций : В 3 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 406.

² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 392.

³ Усенко О.Г. Указ. соч. С. 52.

⁴ Там же. С. 53.

в нем находит выход для своей энергии буйная и неугомонная новгородская молодежь, которая не знала, куда деваться со своей силою и молодечеством, все те, у кого душа просилась на волю погулять по белому свету. Правда, Беляев с этим психологическим объяснением ушкуйничества робко связывает указание на экономическое значение удалых походов ушкуйников. Он пишет, что по минованию разгульного возраста, наскучивши буйством... (ушкуйники) как люди бывалые или сами начинали торговлю на свои капиталы, может быть собранные из добыч, приобретенных во время удалых походов, или делались помощниками старших, водили их караваны в новгородские земли¹.

В данной характеристике ушкуйничества четко прослеживается возможность повышения собственного социального статуса при удачном завершении нападений и сохранении добычи. Однако не следует понимать данный факт буквально, не каждый мог позволить себе начать торговое дело. Кроме того, как отмечает В.Ф. Андреев, в средние века торговля, особенно международная, была чрезвычайно опасным делом. В пути купца подстерегали бури и штормы. Главной же угрозой были разбойники. Поэтому средневековые торговцы в пути мало чем отличались от воинов. Для дальних поездок они объединялись в крупные караваны, с которыми нелегко было справиться и профессиональным воякам². Навыки, полученные в боях, пригождались в борьбе с разбойниками, из среды которых выдвигались подобного рода купцы.

В.Г. Шведов, А.Н. Махинов считают, что социальный состав основной массы ушкуйникова – городские низы; авторы подчеркивают, что сельские жители менее подвижны в этом плане, ввиду того, что привязанность их представителей к месту проживания обусловили различные причины³, в том числе и ментальные.

Не следует думать, что ушкуйники действовали активно только на Волге, их деятельность развернулась и на Балтике. Они участвовали в различных акциях против Швеции, как в составе новгородского войска, так и самостоятельно. Кроме того, второй способ доставлял неприятности самому городу, ввиду того, что пострадавшие от ушкуйников предъявляли собственные требования к властям Новгорода. В новгородских летописях не

¹ Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 36.

² Андреев Ф.Н. Северный страж Руси. Л., 1983. С. 35.

³ Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): историко-географическая ретроспектива / Шведов В.Г., Махинов А.Н. М., 2011: URL: <http://www.monographies.ru/122-4063> (дата обращения 21.09.2012).

указывается прямо на ушкуйников, но упоминается разбойничий характер некоторых походов. Так в шведской «Хронике Эрика» описан случай: после очередного нападения новгородцев-разбойников отряды шведов в отместку «...убили карелов, дома их сожгли, много ушкуев, что рядом нашли...¹». Из чего можно сделать вывод о том, что подобный характер деятельности был распространен и на Балтике. Но одной из главных причин переориентации ушкуйников на Волгу стала активация торговли на юго-востоке Руси.

Противоречивой поневоле является и политическая оценка ушкуйничества. Ушкуйники сыграли определенную роль в деле подрыва экономических ресурсов Орды (разгром ордынских городов, нападения на ордынских купцов)², чем содействовали политической борьбе Руси с татаро-монгольским владычеством. Сыграли роль и в освоении путей восточной торговли Руси. Но в то же время действия ушкуйников наносили большой вред русским городам и мешали развитию торговли по Волге и Каме. Походы ушкуйников показали весь вред политического расчленения Русской земли, при котором соперничество отдельных княжеств и земель препятствовало не только развитию русской торговли и экономических связей, но и мешало организовать отпор небольшому разбойничьим шайкам.

Летописец, описывая события 1366 г., указывает на разбойничий характер похода. При этом интересен факт, что действия ушкуйников были направлены в первую очередь против восточного, а не русского купечества (лишь позднее летописи говорят об ограблении ушкуйниками нижегородских купцов)³.

Под этим же годом есть еще одно сообщение уже о втором походе. Рассказывая о нем, летописи указывают в первую очередь на социальный состав отряда. Все это были люди «молодые», то есть незнатные, простые, выходцы из беднейшей части городского населения, может быть, из среды рядовых феодалов. К числу бояр, зачастую, принадлежали «воеводы» ушкуйников⁴. Следовательно, можно сделать вывод о том, что организовывая бедноту для похода, незнатные новгородцы пытались снискать себе славу и заполучить богатство.

Часто указывалось, что походы совершались без ведома Новгорода, что, несомненно, можно подвергнуть сомнению в связи с

тем, что ушкуйники по возвращению назад не преследовались новгородскими властями. Кроме того, многие авторы указывают, что после похода удалыцы делились с боярами добычей.

История не может быть безликой, всегда массы идут ведомые каким-либо лидером. Среди молодцев-разбойников также выделяются предводители, которые вели отряды в экспедиции по рекам и в бой, эти имена сохранились в истории благодаря записям в летописях. Как часто бывает, лидерами «голутьбы» были люди знатные, богатые.

По мнению Г. Коваленко, В. Смирнова, С.Н. Азбелева Василий Буслаев ведет свою родословную от знаменитых новгородский ушкуйников. Д.С. Лихачев, говоря о расцвете боевого эпоса в Новгороде, упоминает, что предприимчивых «молодцев» обогащало и «ушкуйничество»¹. Более того, С.М. Соловьев, описывая Василия Буслаева, указывает, что разгульная жизнь новгородской вольницы оставила о себе память в народе, и предводитель новгородских ушкуйников является в произведениях народной фантазии среди богатырей Владимирового времени².

В настоящее время известны упоминания Василия Буслаева в трех летописях: Никоновской, Новгородской Погодинской и в сокращенной редакции этой же летописи, однако, все три являются поздними редакциями, а в более ранних источниках — нет упоминаний об этом герое. Василий Буслаев по легенде является новгородским посадником, однако в списках данных он не был найден. Таким образом, этот герой до сих пор не соотнесен с определенным историческим прототипом.

В былинах нет никакой тенденции, осудить Василия Буслаева за бесчинства, за разбой, за нарушения религиозных обычаев³, наоборот, воспеваются бесшабашная удаль, авторы как будто любят его «молодечеством». Он предстает то «боярским», то «дворянским» сыном, но является бунтарем, ломающим вековые традиции.

В 1364 г. новгородские ушкуйники впервые побывали в Сибири, перевалив Каменный пояс и добравшись до Обской губы. «С Югры новгородцы приидоша дети боярские и молодые люди воеводы. Воеваше по Оби реке до моря, а другая половина рати

¹ Хроника Эрика.

² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 392.

³ Там же. Указ. соч. С. 394.

⁴ Там же. С. 394.

¹ Лихачев Д.С. Новгород Великий. Очерк истории культуры средневекового Новгорода XI—XVII веков. М., 1959. С. 32.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3. М., 1960. С. 361.

³ Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 35.

на верх Оби воеваше¹». Воевать пришлось с ополчением двинян, разгромленных ушкуйниками, невзирая на огромный численный перевес ополченцев². Н.В. Скрицкий указывает, что поход на Обь был совершен в 1363 г. при участии Александра Абакумовича и Степана Ляпы³. В 1366 г. ушкуйники под главенством Александра Абакумовича и двух других воевод, как сообщает нам летопись, без разрешения Новгорода побили татар под Нижним Новгородом.

Еще одним из персонажей-предводителей новгородских ушкуйников является Анфал. С.М. Соловьев называет его новгородским беглецом⁴, изменником, рассказывая о событиях 1398 г. Впервые боярин Анфал (Алфан) Микитин упоминается Устюжской летописью как предводитель похода новгородских ушкуйников на болгарский город Жукотин (Джукетау) в 1360 г. Однако данное сообщение вызывает сомнения. Во-первых, кроме указанной сравнительно поздней летописи (начала XVII в.), ни в одном из более ранних источников, описывающих этот поход, Анфал не упомянут. Во-вторых, если свой первый поход он совершил в 1360 г., то это не очень вяжется с тем, что через 49 лет, то есть в 1409 г., он же возглавлял поход ушкуйников аналогичной военной экспедицией в те же места (то есть ему во время второго похода должно было бы быть около 70 лет или даже больше)⁵. И это достаточно не правдоподобно, так как ему было бы тяжело в таком возрасте вести в столь опасный и трудный поход отряд разбойников. Информация о походе ушкуйников в 1409 г. во главе с Анфалом сомнений не вызывает, возможно сходства данных походов побудило создателя Устюжской летописи связать и первый из них, с этим историческим персонажем.

Если бы сообщение об участии Анфала Микитана в первом походе новгородцев на Жукотин в 1360 г. можно было признать достоверным, то получилось бы, что он возглавлял первый, и последний ушкуйные походы в эти места. Известно, что в 1409 г. отряд вятчан и новгородцев из Заволочья во главе с Анфалом на 250 насадах ходил на болгарские города⁶. Именно этой экспеди-

цией Анфала 1409 г. заканчиваются походы ушкуйников на Волгу¹, итогом которой стало поражение и захват отряда разбойников жукотинскими князьями и выдача в их в Орду. Таким образом, не только городская «чернь» становилась активными действующими лицами, но и посадники, бояре.

Под 1374 г. в летописях существуют записи о походе ушкуйников, однако, на первый план выходит вопрос о происхождении его участников. Во-первых, в сообщении 1374 г., в отличие всех остальных того периода, ушкуйники не отождествляются с новгородцами, лишь во Львовской летописи есть добавление: «...90 ушкуев Ноугородцев...»². Кроме того, слово «совокупишася» подразумевает, что возможно они собрались из разных мест, то есть как минимум из двух. Высказывалось предположение, что на Вятку эти разбойники попали обычным путём со стороны Устюга. Правда, город в то время уже принадлежал Суздальскому княжеству, и пройти мимо незамечено было затруднительно. О таком событии, связанном с прохождением через город отряда Прокопа есть упоминания в Устюжских летописях за 1375 г., что не совпадает с хронологией событий.

В летописях подробно описан поход на Кострому 1375 г., во главе ушкуйников стояли два «старейшины» – Прокоп и Смолянин (Смоляннин). Запись о Прокопе помещена сразу под записью об осаде москвичами и новгородцами Твери и разорении Тверской земли. В Новгородской и Тверской летописях вслед за этим идёт сказание о Митяе, что наводит на мысль о позднем вставном характере всего этого массива сообщений и неправильной датировке похода Прокопа³.

Почти в каждом походе ушкуйников присутствовал реальный известный исторический персонаж, который нес в себе определенную нагрузку события. Кроме того, анализируя один из последних походов организованных из Новгорода (1374 г.), отчетливо видно, что ушкуйники не вернулись на родную землю, они были вынуждены осесть в местах, где оказалось возможным укрыться от преследователей – этим пунктом стала Вятка. Многие исследователи доказывают возможность основания города Хлынов (Вятка) участниками данного похода. К этому предположению подталкивает тот, факт, что далее в летописях говорится под 1379 г.: «Того же лета вятчане ходиша ратью в Арьскую

¹ ПСРЛ. Т. 4. СПб, 1848. С. 64–65.

² Коваленко Г., Смирнов В. Легенды и загадки земли Новгородской. М., 2007. С. 108.

³ Скрицкий Н.В. Корсары России. М., 2007. С. 15.

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 4. С. 94–95.

⁵ Дубровин Г.Е. Легенды о братьях Алфановых // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 6. С. 37.

⁶ Там же. С. 37.

¹ Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 45.

² Ушкуйники и Вятская республика // Литературно-исторический альманах: URL: http://skygrad.narod.ru/texts/skvoz_veka3.htm (дата обращения 10. 04. 2011).

³ Там же.

землю, и избышка разбойниковъ ушкуйниковъ и воеводу их Рязана изнимавше убиша»¹. Из сообщений летописи становится понятным, что новгородцы осели на Вятке и продолжили свою разбойничью деятельность из нового «центра», сменив статус новгородца, на жителя глухих лесов на реке Вятке.

Ушкуйничество – сложное социальное явление. Первоначально оно было направлено на расширение земель Великого Новгорода путем колонизации близ лежащих территорий, далее переросло в разбойничьи акции молодых удалцов, стремящихся к легкой наживе, грабивших караваны купцов и захватывавших города. Способствовал развитию этого социального явления и тот факт, что Русь все еще была раздробленным государством, а княжества в одиночку справиться с подобной проблемой не могли. Натиск ушкуйников был направлен не столько на русские города и торговые караваны, сколько на бесерменских, ордынских купцов, что наносило огромный экономический ущерб татарским ханствам.

Социальный состав ушкуйников был пестрым, но в походе они были объединены общим наименованием для летописца – разбойники. Однако, этот факт не останавливал знатных и богатых людей, стремившихся получить как можно больше богатства и славы. А для социальных низов города появлялся шанс не только избежать кабалы, но и обогатиться. Внутри новгородского общества не наблюдается осуждения участия в разбое, поскольку походы, подобные по характеру действий совершались с давних пор. Более того, вступление в ряды ушкуйников могло стать социальным лифтом, способным изменить социально-экономические возможности личности.

Л.Д. Макаров
г. Ижевск

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВЯТСКОГО КРАЯ В XII–XV ВВ.

Вопрос о начале русской колонизации Вятского края до сих пор остается предметом дискуссий. Причиной этого остается сочетание источников. Можно условно выделить два хронологических этапа рассматриваемой историографии. Первый охватывает вторую половину XVIII – первую половину XX в., когда ответ на вопрос всецело складывался на основе письменных источников. Второй начал формироваться с началом масштабных археологических раскопок в середине 1950-х гг. на древнерусских памятниках Средней Вятки (вторая половина XX – начало XXI в.), что позволило историкам включить в научный оборот новый полноценный источник – археологический. Одновременно появляются данные и других дисциплин (лингвистики, ономастики, фольклористики, этнографии, антропологии, палеопаталогии, палеозоологии, палеоботаники), позволившие более углубленно изучать исследуемые проблемы. В то же время в распоряжении историков оказались некоторые новые письменные источники, вызвавшие необходимость корректировки ранее высказывавшихся позиций. В итоге появилась реальная возможность комплексного подхода к решению отдельных вопросов колонизации региона. Рассмотрим эти этапы подробнее.

На первом этапе историография проблем русского заселения бассейна Вятки свелась к анализу противоречивых известий письменных источников¹. В XV–XVIII вв. было популярно ут-

¹ Более подробный анализ первого хронологического этапа историографии изложен автором в ряде публикаций: Макаров Л.Д. История Вятской земли XII–XVI вв. в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск, 1992. С. 81–95; *Он же*. К истории вопроса о заселении русскими Вятского края // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 306–314.; *Он же*. История Вятской земли XII–XVI вв. на страницах советской исторической лите-

¹ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 129.

верждение польского хрониста М. Стрыйковского (1582) об основании г. Хлынова вятским князем Вятко, проникшее в историческую литературу («Синописис», А.И. Манкиев, М.М. Щербатов), упоминаемое наряду с другими версиями (П.И. Рычков, Екатерина II), но отвергнутое первыми (И.Н. Болтин) и последующими критиками. Зарождение местной исторической литературы вызвало появление в начале XVIII в. «Повести о стране Вятской» (ПСВ), сообщавшей о заселении беглыми новгородцами среднего течения Вятки в 1181 г. Этот памятник надолго определил приоритет новгородской версии освоения региона и возникновения Вятской земли (П.И. и Н.П. Рычковы, А. Щекатов, Н.М. Карамзин, М.Д. Чулков, К.Ф. Калайдович, Н.С. Арцыбашев, М.П. Погодин, А.И. Герцен, С.В. Ешевский, К.А. Бестужев-Рюмин, Филарет, Макарий, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.Н. Покровский, М.Н. Мартынов, А.П. Смирнов). Однако ряд историков, в т.ч. и местных, заметили явные противоречия в тексте ПСВ (А.И. Вештомов, Н.М. Карамзин, А. Тянгинский), а некоторые прямо выразили сомнение в достоверности источника (И.Н. Болтин, Е.Е. Голубинский, Н.Н. Романов).

Публикация ПСВ показала исследователям неубедительной, потому что Вятка на страницах русских летописей появляется впервые лишь в 1374 г. в рассказе о набегах новгородских ушкуйников. Фигурирующая в ПСВ дата выхода новгородцев в Прикамье – 1174 г., – вызвала предположение об 200-летнем удревнении событий составителем ПСВ. Основательной критике подвергли ПСВ А.А. Спицын¹ и А.С. Верещагин². После выхода этих работ часть историков относилась к сведениям ПСВ отрицательно (Л.Н. Спасская, П.И. Наумов, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов, Г.Ф. Чиркин, М.П. Грязнов, М.К. Любавский, очевидно, А.А. Столбов, А.В. Эммаусский и др.). Однако не все историки восприняли критику ПСВ безоговорочно. Так,

ратуры 1920-1950 годов // Герценка: Вятские записки. Киров, 2006. Вып. 10. С. 55–64.

¹ Спицын А.А. Он же. По поводу доказательства о новгородском происхождении вятчан // ВГВ. 1880. 27 авг. (№69). С. 3; Он же. Свод летописных известий о Вятском крае // КВГ на 1884 год. Вятка, 1883. С. 145–186; Он же. Первый труд по истории Вятского края // ВГВ. 1888. №83–87 и др.

² Верещагин А.С. Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами в XII веке? // КВГ на 1888 год. Вятка, 1887. С. 155–160; Он же. Из истории древнерусской Вятки // ПККВГ на 1905 год. Вятка, 1904. Отд. 2. С. 179–233; Он же. Повесть о стране Вятской: (Вятский летописец). Предисловие и послесловие // Труды ВУАК 1905 года. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 1–12, 54–97 и др.

И.Н. Смирнов, П.Н. Луппов, А.И. Соболевский, А.Ф. Трефилов, относившиеся к сведениям памятника весьма настороженно, тем не менее датировали начало колонизации Вятского края русскими не позднее XIII в. В последние годы своей жизни П.Н. Луппов (1958) пришел к выводу о недостоверности сведений ПСВ, а начало русского заселения связал с ушкуйниками 1374 г.¹

Приведенный обзор первого этапа историографии источниковедения колонизации Вятского края показывает, что попытки решить спорные проблемы посредством анализа лишь письменных и, отчасти, лингвистических источников, зашли в тупик. Выход из него некоторые историки (П.Н. Луппов, А.И. Копанев) видели в расширении круга источников, в т.ч. археологических. Археологические наблюдения на этом этапе, конечно, проводились, однако ограничились, в лучшем случае, разведочными шурфами.

Второй этап историографии ознаменовался началом первых раскопок широкими площадями. В 1956–1960 гг. Л.П. Гуссаковский, сотрудник Института археологии АН СССР, провел исследования на Никкульчинском и Орловском (Халтуринском) городищах, Никучинском I могильнике, в г. Кирове на Хлыновском и Вятском городищах, принесших богатейший пласт материальной культуры XII–XVI вв., оставленной славяно-русскими поселенцами и, в какой-то мере, аборигенным финно-пермским компонентом. Новые материалы позволили археологу соотнести находки со сведениями летописей и ПСВ, значительно обогатив историографию русской колонизации региона². В 1961–1965 гг. небольшие исследования провела на древнерусских памятниках И.И. Стефанова, подтвердившая выводы своего коллеги³. Результаты работ археологов попытался оспорить А.В. Эммаусский⁴, а позднее и молодой еще тогда представитель вятской, а

¹ Луппов П.Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 29–49; Он же. Введение // Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск, 1958. С. 8–18.

² Гуссаковский Л.П. Археологические исследования в с. Никучино Кировской области // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 118–121; Он же. Древнерусский город Орлов (Совр. г. Халтурин) // КСИА АН СССР. Вып. 110. С. 102–105; Он же. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом пространстве. Киров, 1999. С. 32–41.

³ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 45.

⁴ Там же. С. 45–47; Эммаусский А.В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова). Киров, 1971. С. 14–15 и др.

ныне московской археологии С.Д. Захаров¹. Возобновление раскопок большими площадями осуществлялось силами Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета. Под руководством автора в 1979–1990 гг. были проведены раскопки большинства древнерусских памятников региона: городища Никульчинское, Ковровское, Шабалинское, Котельничское, Хлыновское, Слободское, Подчуршинское, Кривоборское, селища Никульчинское II, Шабалинское, Искра, Худяковское, Родионовское, Покста II, могильники Шабалинский, Хлыновский I, Покста. Некоторые объекты изучались усилиями моих коллег по КВАЭ: Н.А. Лещинской (Кривоборское городище, 1987 г.; Еманевский и Покста могильники, 1985 и 1986 гг.) и В.В. Ванчиковым (поселение Мысы IV, 1991 г.), а также стараниями археологов из соседних регионов: Л.А. Сенниковой (Худяковское поселение, 1981–1983 гг.; Усть-Чепецкий могильник, 1993 г.), Н.Е. Соколовой и И.Ю. Трушковой (Орловское городище, 1999 г.). Все эти изыскания значительно расширили источниковую базу и в целом подтвердили научные выводы Л.П. Гуссаковского². Помимо обычных археологических методов изучения ископаемых материалов были использованы естественнонаучные методы: антропология (5 вятских кладбищ XVI–XVIII вв.: М.П. Грязнов, 1935; Д.Г. Рохлин, 1965; Никульчинский II могильник XVI–XVIII вв.: поло-возрастное определение Р.М. Фаттахова, 1979, 1981; Усть-Чепецкий могильник XIII–XV вв., 1993; И.О. Рясик, А.Р. Узлов, К.А. Никольский, А.А. Баженова, Е.В. Медова, Е.В. Сукова, 1996); палеопатология (вятские кладбища: Д.Г. Рохлин, 1965); палеозоология (кости животных: А.Г. Петренко, О.Г. Богаткина; кости рыб: В.Ю. Захаров); палеоботаника (А.В. и Н.А. Кирьяновы; В.В. Туганаев и Т.П. Ефимова). Дополнительные знания дали нам лингвистика (В.Ф. Барашков, В.И. Троицкий, Л.Н. Макаро-

¹ Захаров С.Д. Характеристика раскопок Л.П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства). Киров, 1989. С. 17–19; *Он же*. Раскопки Л.П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию г. Кирова). Матер. Междунар. конф. Киров, 1999. С. 41–48.

² Результаты работ КВАЭ изложены: Макаров Л.Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 188–228; *Он же*. Вклад археологов УдГУ в исследования памятников русской колонизации Прикамья // Наука в УГПИ-УдГУ: история, современное состояние, перспективы: матер. науч. конф. посвященной 80-летию УГПИ-УдГУ. Ижевск, 2011. С. 52–60.

ва, Э.Д. Головина, В.Г. Долгушев), ономастика (Д.М. Захаров, А.Л. Мусихин), фольклористика (Д.К. Зеленин, В.А. Коршунков, С.В. Стародубцева, А.Л. Мусихин и др.), этнография (Д.К. Зеленин, И.Ю. Трушкова, В.А. Любимов и др.)¹.

С середины 1980-х – нач. 1990-х гг. начался новый этап в исследовании уже известных письменных памятников и выявлении новых. Впрочем, ему предшествовал период поиска и исследования новых источников А.В. Эммаусским, которому удалось выявить младший список «Сказания о вятчанех» 30–80-х гг. XVIII в.² Незадолго до смерти в 1987 г. ученый завершил монографию «История Вятского края в XII – середине XIX века», которая была опубликована в сокращении (1995) и в полном объеме (1996). В ней он, на основании археологических данных, признает раннее начало новгородской и владими́ро-суздальской колонизации (XI – начало XIII в.) и пишет об ограблении ушкуйниками в 1374 г. города Вятка, т.е. отказывается от своей более ранней точки зрения³. К изучению вятского рукописного наследия обратился екатеринбургский историк А.Г. Мосин⁴, который, судя по всему, не касался источниковедческого анализа памятников. Впервые к таковому еще в 1985 г., завершая работу над кандидатской диссертацией, обратился и автор этих строк, однако текст этот был опубликован позднее⁵. Значительный вклад в дело изучения вятских сочинений вносит с начала 1990-х гг. В.В. Низов⁶. Пристальное внимание основному памятнику –

¹ Более подробно об использовании естественно-научных и вспомогательных источников см.: Макаров Л.Д. Русские вятчане: исторические истоки формирования региональной группы населения // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: Сб. науч. ст. Омск, 2011. С. 114–116, 120–121.

² Эммаусский А. «О вятчанех как они поселились на Вятке» // Спутник агитатора. Киров, 1983. С. 22–27.

³ Эммаусский А.В. Вятка в XII–XVII веках // ЭЗВ. Т.4. История. Киров, 1995. С. 14–17; *Он же*. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С. 27–30.

⁴ Мосин А.Г. Книжная культура и летописная традиция русского населения Вятского края (XVII – середина XIX в.): Автореф. канд. дис. Свердловск, 1986; *Он же*. Духовная культура русского населения Вятского края эпохи феодализма в дореволюционной и советской историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 55–61 и др.

⁵ Макаров Л.Д. Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI–XVIII вв. как исторический источник // История, историография, источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С. 60–77.

⁶ Низов В.В. Летописи о вятском городе Котельниче // Шведы и русский Север: историко-культурные связи: (К 210-летию А.Л. Витберга): Матер. Междунар. науч.

ПСВ – уделают А.Л. Мусихин¹ и А. Балыбердин². Однако, пожалуй, самый большой вклад в дело изучения вятской провинциальной письменности внес Д.К. Уо, которому в 1991 г. удалось повторно открыть известный ему с 1972 г. по статьям казанского профессора К.В. Харламповича 1918 и 1923 гг. «Анатолиевский сборник», оказавшийся в 1974 г. в Ташкенте³. Выяснилось, что сборник был составлен в первой четверти XVIII в. на Вятке (поэтому автор назвал его «Вятской книгой») дьяконом хлыновского Богоявленского собора Семеном Федоровичем Поповым. В составе сборника находится старший список «Сказания о вятчанех» конца XVII в. – один из основных источников ПСВ. Таким образом, новые письменные источники в основном подтверждают археологические датировки процессов русской колонизации Вятского края.

Список сокращений:

ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГВ – Вятские губернские ведомости
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
КВГ – Календарь Вятской губернии
КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
ПККВГ – Памятника книжка и календарь Вятской губернии
ПСВ – «Повесть о стране Вятской»
ЭЗВ – Энциклопедия земли Вятской

симпоз. Киров, 1997. С. 354–361; *Он же*. Книги и читатели средневековой Вятки // ЭЗВ. Т. 9. Культура. Искусство. Киров, 1999. С. 189–206 и др.

¹ Мусихин А.Л. 1) «Повесть о стране Вятской» в документах вятских административных учреждений конца XVIII века // Европейский север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова): Матер. Междунар. конф. Киров, 1999. С. 380–389; 2) Происхождение точных дат славянской колонизации Вятки в «Повести о стране Вятской» // Герценка: Вятские записки. Киров, 2004. Вып. 6. С. 52–71 и др.

² Повесть о стране Вятской: Пер. священника А. Балыбердина. Киров, 2006; Балыбердин А. 1) «Повесть о стране Вятской» об основании Хлынова в 1181 году // Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии: Матер. межрегион. науч. конф.). – Вятка (Киров), 2007. С. 31–36 и др.

³ Уо Д.К. 1) «Анатолиевский сборник» и проблема вятского летописания // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: (К 210-летию А.Л. Витберга): Матер. науч. симпоз. Киров, 1997. С. 336–349; 2) История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003 и др.

Ю.В. Терехина
г. Казань

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ГРУППЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ «ПО ПРИБОРУ» В XVI–XVII ВЕКАХ

Наиболее полно о феномене социальной мобильности описано в работе П.А. Сорокина, в которой дано следующее её определение «любое перемещение индивида или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одного положения в другое»¹. В современном обществе данные передвижения группы или человека мы отслеживаем каждый день, даже сами неоднократно «катались» на этой «лестнице» вверх-вниз.

Сложнее отследить перемещения в более ранний период нашей истории. П.Сорокин в своей монографии приводит большое количество примеров из истории социальных передвижений в Европе. Этот факт связан как с тем, что сохранность и количество источников на западе хорошая, так и с тем, что в России, как считают историки, сословная структура так и не была до конца сформирована.

В период Московского государства можно выделить 3 крупные социальные страты: служилые люди «по отечеству», служилые люди «по прибору» и тяглые люди.

Сам термин «служилые люди «по прибору» появился в историографии лишь во второй половине XIX в. и в данную категорию включали стрельцов, казаков, солдат, рейтар, драгун, пушкаррей, даточных людей, полки нового строя². Объединяло эту категорию система их комплектования из различных социальных слоев Московского населения. Изначально стрельцы набирались из вольных охочих людей, с течением времени источником пополнения стали их дети и родственники, монастырские

¹ Сорокин П.А. Социальная мобильность / под ред. В.В.Сапова. М., 2005. С. 119.

² Терехина Ю.В. Даточные люди Московского государства в середине XVI–XVII вв.: канд. дис. Казань, 2010. С. 61–64.

слуги. В XVII в. велели «прибирать в стрельцы вольных охочих людей, от отцов детей, и от братьи братью, и от дядь племянников добрых и резвых, из пищалей бы стрелять горазды»¹, а также представлены информация кого нельзя брать в стрельцы «молдых недорослей, крепостных всяких людей, и посадских черных людей, и с пашень крестьян, в стрельцы не имать»², «боярских людей, полных и докладных кабальных, и всяких крепостных ничьих людей, и с посадов тяглых и с пашень крестьян и из ямских слобод и заповедных людей, и старых мужиков и малых ребят недорослей, и худых и увечных»³.

Стрелецкие приказы предполагалось создать как регулярное, привилегированное войско, в состав которого войти было сложно. В начале XVII в. правительство старается поддерживать эту традицию в неизменном виде и пополняет их состав родственниками или вольными людьми. Полки нового строя не поглотили стрельцов, как это было с другими категориями ратных людей. Наряду с солдатскими полками непрерывно росло и стрелецкое войско. Солдаты предназначались для отражения внешней военной опасности, в том числе и для пограничной службы, стрельцы – для внутренней охраны государства.

Этот же способ – привлечения вольных людей правительство использовало для создания казачьих отрядов, а с 90-х годов XVI в. стали привлекать и вольных казаков⁴. Пушкари набирались из посадских людей.

Занятия торговлей и промыслами и постоянное общение стрельцов, казаков, полков нового строя с городским, преимущественно посадским населением сближали и тех и других. Несмотря на существование ограничений торговли приборных людей, участие служилых людей по прибору в городских ремеслах и торговле в первой половине XVII в. носило, несомненно, привилегированный характер, так как они не несли посадского тягла и посадской службы.

В 20–30-х годах XVII в. правительство начало постепенную реорганизацию войска, приближая его к европейскому образцу. Стали создавать так называемые полки нового строя. С социаль-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 3. № 34. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). СПб., 1848. Т. 3. № 16. С. 71.

⁴ Терехина Ю.В. Указ. соч. С. 67–73; Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVI в. М., 1976. С. 357.

ной точки зрения статус рейтар и драгун был выше, чем у стрельцов, казаков или пушкарей.

В 1630 г. начался набор беспоместных и мелкопоместных детей боярских в солдатские полки нового строя. Судя по грамоте, правительство намеривалось создать в дополнение к дворянской коннице дворянскую пехоту нового строя. Но попытка не удалась, солдатская служба не прельщала детей боярских. Поэтому к комплектованию были «допущены» «татары», казаки и другие категории населения.

Опыт в преобразовании первых солдатских полков правительство решило распространить и на конницу. Комплектование рейтарского полка проходило более успешно, чем комплектование солдатских полков. Успешности комплектования полка способствовали два обстоятельства: во-первых, рейтарская служба считалась дворянами и детьми боярскими почетнее солдатской, так как была ближе к дворянской коннице; во-вторых, рейтарская служба оплачивалась вдвое выше солдатской: рядовые рейтары получали в месяц по 3 рубля и на содержание строевых лошадей по 2 рубля¹.

С декабря 1637 г. стали формироваться полки, которые предназначались для пограничной службы. Непосредственно до этого служилый «штат» на юге состоял из детей боярских, казаков, пушкарей, стрельцов. Доступ в число детей боярских из других групп населения не был очень трудным на юге России в первой половине XVII в., особенно в 30–40-х гг., когда развернулось строительство новых городов и Белгородской черты. Правительство мирилось с этим, лишь иногда устанавливая различные «новичные статьи» при верстании новых детей боярских.

Весной 1638 г. правительство решило прибрать на службу 4000 драгун и столько же солдат. Был определен круг людей, из которых должен был осуществляться набор в полки. Правительство впервые предложило формировать солдатские и рейтарские полки из стрелецких и казачьих детей, так как они являлись основным источником пополнения стрелецких и казачьих приказов. Данное обстоятельство говорит о том, что статус стрельцов и казаков к этому времени падает.

Подобно поместной коннице, с наступлением зимы эти солдаты расходились по домам до весны, сдавая снаряжение в госу-

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 136.

дареву казну по месту дислокации части и прекращая получать «кормовые деньги».¹

Правительство постепенно убеждалось в том, что ежегодные приборы и наборы кормовых и даточных драгун и солдат на временную службу не дают положительных результатов. Записывались в неё лишь случайные люди, которые в течение нескольких летних месяцев не получали необходимых знаний и навыков в ратном деле, а в следующем году могли и вовсе не явиться на службу. Военная дисциплина этих «гуляющих» людей, оторвавшихся от своей социальной среды, была чрезмерно низкой. Правительство, не прекращая приборов на временную службу, перешло к другим методам комплектования ратных людей нового строя.

Для обороны вынесенных вглубь Дикого поля крепостей Белгородской засечной черты стали формировать «поселенные части» драгун. Правительство пошло на милитаризацию местного крестьянского населения, в отписке «на государя» и переводе их в положение приборных служилых людей. Крестьянам оставили их земельные наделы, освободили от прежних государственных повинностей – выплаты ямских денег, стрелецкого хлеба.

Таким путем из крестьян ряда южных пограничных селений правительство создало драгун нового типа, отличных от кормовых драгун. По своему материальному положению и роду службы новые драгуны являлись ратными людьми с тем важнейшим отличием, что не ратные люди были посажены на землю и превращены в землевладельцев, а наоборот: земледельцы стали ратными людьми².

Другим источником пополнения поселенных драгун стали «украинские дети боярские», для которых из-за их худородности не было особых препятствий для поступления в пехотную службу. Тем более что зачисление в драгуны сулило им регулярное обеспечение казенным оружием и лошадьми.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ед. хр. 172. Лл. 1-372. Документ представляет собой отписку боярина М. Черкасского, в которой воевода рапортует о выполнении указа о роспуске кормовых драгун и солдат по домам («а отпустить бы их по домам с Семенин день 148 году» (л. 10)).

² Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 132. В.П. Загоровский считает, что освобождение в чисто военных целях нескольких тысяч крестьян от крепостной зависимости косвенно способствовало укреплению феодального хозяйства в центре страны.

В отличие от юга, на северо-западной границе правительство записывало государственных крестьян, бобылей и их родственников в солдатскую службу.

В связи с подготовкой к войне с Польшей (1654–1667 гг.) создается настоящая армия нового строя, в которой пехота представлена солдатами, а конница – рейтарами и драгунами. Вновь сформированные полки нового строя стали ядром вооруженных сил России.

Костяк новых полков должны были составить служилые люди «по отечеству» – кандидаты на замещение всех средних и низших командных должностей. Пехотная служба по старой традиции у дворян и детей боярских считалась оскорбительной, и чтобы преодолеть их сопротивление, царь Алексей Михайлович предпринял необычные меры. Он обещал повышение в чине еще не верстанным ни в какую службу приборным людям, кто запишется в солдатский строй. Городовым детям боярским был обещан перевод в дворовые, дворовым – в выбор, а выборным дворянам – «написать по московскому и по жилецкому списку». В случае же, если обнаружится уклонение новиков от солдатской службы – «и им впредь служилыми людьми не называться и в государеве ни в какой службе отнюдь не быть, а быть в землепашцах»¹.

Основную же массу солдат должны были составить нетяглые жители страны: «которые не крепостные холопы и не пашенные крестьяне и которые в писцовых книгах не написаны»². Прибору в солдаты подлежала лишь половина из этих людей – остальных было велено оставить в домах, чтобы владельцы дворов, «видя такую государскую милость, детей и братью и племянников у себя не таили и сказывали бы правду»³.

На конец 1656 г. – начало 1660-х годов приходится волна военных преобразований правительства Алексея Михайловича.

В 1656 г. Алексей Михайлович совершил поход на Ригу. При отступлении царь принял решение создать в столице постоянную гвардию из пехоты нового типа. С этой целью с конца 1656 г. из московских полков солдатского строя действующей армии начали «выбирать» лучших, самых «добрые» по службе рядовых и урядников, которые к следующей весне составили так назы-

¹ Типовая грамота из Иноземского приказа по городам о наборе солдат (август 1653 г.) изложена в отписке с Тотьмы (Акты исторические (далее – АИ). СПб., 1842. Т. 4. № 70. С. 189–191).

² Там же. С. 190.

³ Там же.

ваемый «Московский государев выборный полк солдатского строя» полковника Аггея Алексеевича Шепелева. Принципиально новым в характере этого подразделения стало то, что «выборные солдаты» считались уже в полной мере овладевшими всеми «премудростями солдатского строя», а потому вполне боеспособными автономными единицами.

Вновь образованные полки были созданы на принципиально новых основаниях – это регулярные национальные войска постоянного состава. Начальные люди были составлены из русских детей боярских рейтарского строя, прошедших школу походов 1654–1656 гг. Лучшие бойцы отбирались в полк из солдат всех сословий, но предпочтение все же отдавалось кормовым детям боярским. К концу июля 1657 г. из 18 рот первые восемь были полностью укомплектованы служилыми людьми «по отечеству», тогда как в армейских полках эта пропорция (то есть в оставшиеся роты комплектовались служилыми людьми «по прибору») была несравненно ниже¹.

В ходе военных преобразований конца 1656 – начала 1660-х годов правительство перевело большую часть старой конницы сотенной службы, основу которой составляли помещики, в новый строй: в рейтары, гусары и копейщики.

Основной комплекующей силой полков рейтарского строя были дворяне и дети боярские. В период войны с Польшей (1654–1663), как считает А.В.Чернов, способы комплектования изменились². В марте 1654 г. по царскому указу было приказано записывать в рейтарскую службу только тех детей боярских, которые беспоместны, денежным жалованьем не верстаны и в службе не состояли³. И все же правительство не могло придерживаться данного правила, так как и раньше полки формировались с большим трудом. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что уже в 1659/60 г., дворяне и дети боярские южных городов были записаны в рейтары на том основании, что «рейтары на боях крепче сотенных людей»⁴. В годы же войны разряд рейтар пополнили казаки, холопы, даточные люди, монастырские слуги и другие слои населения. В результате социальный состав рейтар значительно изменился.

¹ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. М., 2006. С. 64, 67, 68.

² Чернов А.В. Указ. соч. С. 146.

³ Там же.

⁴ Там же.

После окончания войны правительство начало очищать рейтарские полки от приборных и тяглых людей, переводя их в солдаты или в городовую службу. Рейтарские полки снова превратились в дворянскую конницу со всеми её негативными сторонами – неявка на службу, бегство с нее. Правительство брало с рейтар поручные записи, отбирало у нетчиков поместья и вотчины, переводило рейтар в солдаты, а в случае злостного нетства принимало более суровые меры наказания¹. Оставленные в рейтарских полках представители низших наиболее бедных слоев служилых людей «по отечеству» и некоторые группы казаков получали жалованье по рейтарскому окладу.

К 70–80-м годам XVII в. на юге появляется еще одна многочисленная группа служилых людей – солдаты. Первыми солдатами стали в 50-х годах XVII в. родственники мелких служилых людей – их дети, братья, племянники. В солдатские полки записывали взрослых мужчин из семей стрельцов, казаков, пушкарей, поселенных драгун.

Комплектуя солдатские полки на юге России из семей мелких служилых людей, правительство царя Алексея Михайловича сначала имело в виду постоянно содержать солдат на государственным обеспечении. Но финансовые трудности, возникшие в ходе русско-польской войны за Украину, вынудили правительство очень скоро отказаться от этого плана. По окончании походов солдаты стали распускаться по домам с тем условием, что по первому требованию они возвратятся в свой полк. Постепенно правительство по отношению к солдатам перешло к обычной для юга страны системе содержания мелких служилых людей – наделению их землей.

Метод землеустройства солдат заключался в следующем. Свободную землю «приискивали» сами солдаты, обязательно в своем уезде. Солдатской колонизации обязаны своим происхождением десятки современных сел в центрально-черноземных областях страны. В 1656–1657 гг. несколько групп воронежских солдат «приискали» и получили землю в западной части Воронежского уезда, в Борщевском стане. Солдатам было приказано, как обычным помещикам, «тем помещьем владеть, пашню пахать и крестьян называть»². Известно, что драгунами Орловгородка в 1646 г. стали в основном бывшие крепостные крестья-

¹ В августе 1679 г. по приказу воеводы Белгородского полка боярина И.Б. Милославского рейтар Иван Казачков за три побега из полка был повешен, чтобы другим бегать «было неповадно» (Там же).

² Загорский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 43.

не Воронежского уезда. Их дети через 11 лет оказываются уже в роли «солдат-помещиков». Такая трансформация характерна именно для юга России; в центре страны, в районах развитого феодального землевладения ничего подобного быть не могло.

Солдатская служба на юге России, по сравнению со стрелецкой и казачьей, имела и преимущества и недостатки. Солдат мог реально рассчитывать после нескольких лет службы получить землю не в общих полях, как стрельцы и казаки, а лично – по типу детей боярских. Стать солдатом во второй половине XVII в. в России было, видимо, более почетно, чем стрельцом – это подтверждается, в частности, свидетельством иностранного наблюдателя. Чешский путешественник Иржи Давид, посетивший Россию в 80-х годах XVII в., в своем сочинении сравнил русских солдат со стрельцами и без сомнений отметил: «Солдаты выше по достоинству»¹.

К началу 80-х годов значительные изменения произошли в положении ратных людей городской службы (стрельцов, казаков, людей пушкарского чина). Всех указанных людей, годных к полковой службе, было велено писать в солдаты. Во второй половине XVII в. ситуация меняется. Стрельцы теряют свое главенствующее положение в вооруженных силах. Их постепенно начали заменять полки нового строя. Этот процесс нашел отражение, прежде всего в том, что в ряды стрельцов стали записывать крестьян². Московские стрельцы были сохранены, но перед военно-административной реформой и в ходе её проведения переформированы в тысячные полки и распределены по разрядам. Хотя, по мнению П.В.Седова, стрельцы считались самой боеспособной частью армии и на их содержание тратились огромные деньги, с 1679 г. стрелецкая подать стала главным налогом страны³.

Кроме того, в нашем распоряжении имеются «книги разборные смоленским стрельцам приказу Ми...цкого». Она сохранилась не полностью, есть утраченные фрагменты. Документ интересен еще и тем, что в нем зафиксирован не только социальный

состав стрельцов, но и их военные перемещения. Документ относится к 1681–1682 гг.¹

Рассмотрев социальный состав, перечисленных в разборной книге стрельцов, можно сделать следующий вывод. Наибольшее количество стрельцов было набрано из стрелецких семей. Другая категория, внесшая заметный вклад в формировании стрелецких приказов – крестьяне дворцовых сел и вотчин помещиков, вотчинников, мурз. В конце второй половины XVII в. появляется новая социальная группа – мещане. А также казачьи и крестьянские дети. Еще одним из способов пополнения стрелецких приказов стал прибор в стрельцы за недоимки².

Все это может свидетельствовать только о падении статуса стрелецкой службы.

К концу XVII в. основные категории служилых людей «по прибору» прошли длинную эволюцию. На протяжении всего изучаемого периода происходило постоянное перемещение из одной категории в другую, не всегда одинакового статуса.

В ходе создания каждой категории служилых людей правительство пыталось сначала сохранить её привилегированное положение, но в результате военных преобразований основным источником становятся крестьяне. Именно армия стала тем «лифтом», который перемещал их на более высокую ступень социальной лестницы.

¹ Давид Иржи. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. 1968. № 3. С. 96.

² Например, имеется отписка смоленского воеводы князя Петра Прозоровского, где он дает отчет о пришедших из Полоцка стрельцов: «а что стрельцов пришло в Смоленск из Полоцка Московских, и Богданова приказу Сухорева колько человек женатых и холостых, и которых городов, и с чьих поместей и вотчин они взяты, и тому, государь, велено сделать книги» (ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 322).

³ Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб., 2008. С. 80.

¹ Книга находится на хранении в РГАДА, архив Боярские и городские книги (Ф. 137. Оп. 2. Д. 113. 113 лл.).

² АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 13. С. 21-25. Челобитная крестьян Веницкого погоста и выставочных волостей о том, чтобы за недоимки не брать из них тысячи человек в Новгородские стрельцы.

А.К. Гладков
г. Москва

**«УЧЕНЫЕ СООБЩЕСТВА» И ПУТИ СОЦИАЛЬНОЙ
МОБИЛЬНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

Западноевропейская цивилизация эпохи Средних веков и раннего Нового времени представляет собой особый исторический тип развития общественных отношений и потестарных институтов, для которого характерно внешне жесткое соблюдение принципов иерархического подчинения. При такой организации жизни и моделей поведения «безмолвствующее большинство» неизменно находилось в подчинении элиты. Фактически, выработался определенный закон: находящийся в самом низу социальной лестницы всегда уступал по статусу, достоинству, а следовательно, и возможностям самореализации, вышестоящему. Отсюда, в рамках строгой исторически сложившейся стратификации, представитель одной общественной единицы (группы, класса, сословия и т.д.) практически не имел реальных шансов преодолеть рамки собственной социальной/профессиональной изолированности и перейти в более высокую (и активную в плане распределения прав и привилегий) прослойку.

Тем не менее, даже несмотря на такую, казалось бы, жесткость соблюдения принципа «иерархизма»¹, средневековое общество нашло для себя возможность выработать особые пути, позволявшие запустить механизмы социальной мобильности², при которых налаживались регулярные переходы индивида в

¹ Подробнее о различных типах иерархий и принципах «иерархической классификации» см.: Иерархическое Средневековье / сост. и отв. ред. А.К. Гладков (В печати).

² На ином историческом материале вопросы социальной стратификации и «подвижности» отдельных общественных групп рассмотрены в сборнике, подготовленном коллективом Института востоковедения АН СССР (ныне – РАН). См.: Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян. М., 1986.

рамках вертикального и/или горизонтального движения из одной общественно-политической позиции в другую.

Полагаю, что фундаментальные изыскания П.А. Сорокина, впервые в мировой социологии последовательно обосновавшего теорию социальной мобильности и теоремы флуктуации (от, собственно, общественной до экономической и политической)¹, вполне применимы к анализу траекторий взаимодействия индивидов и групп средневековой западноевропейской цивилизации.

Переход человека в новое социальное состояние (изменение его профессионального статуса и расширение общественно-политических перспектив) стал возможен, в том числе, благодаря значительной роли школьного образования. Очевидно, что сложившаяся на латинском Западе система преподавания восприняла традиции классической педагогики: очень многие фундаментальные положения, сформулированные, например, в трактате Марциана Капеллы «О браке Филологии с Меркурием» (начало V в.) легли в основу схемы постижения «свободных искусств»². Изучение «высших» наук, к которым относились грамматика, риторика, диалектика, геометрия, арифметика, астрономия и гармония было прерогативой представителей обеспеченных семей, однако и выходцы из менее знатных родов, получившие начальные навыки чтения и в достаточной мере знавшие латынь, вполне могли претендовать не только на освоение «*artes liberales*», но и на повышение собственного социального статуса.

Исключительное значение латинского языка определяло параметры не только духовной, но и общественно-политической жизни. Начиная с правления Карла Великого, когда была разработана программа обучения клириков, а также создания серии церковно-приходских школ, среди представителей франкской интеллектуальной элиты (Алкуин) возникло ясное представление о том, что именно латынь является универсальным языком, позволяющим проникнуть в сакральное содержание Библии и трудов римских мыслителей. Таким образом, на протяжении Средневековья знание латыни выступало одним из ведущих при-

¹ Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility. N.Y., 1964. См. также: Кулыгин В.П. Классическая социология. М., 2000. С. 324. В данной работе мы не рассматриваем применимость к анализу материалов западноевропейской средневековой истории концепции социальной мобильности, разработанной К. Маннгеймом.

² Подробнее см.: Гладков А.К. Arbor scientiarum: педагогические теории и новые образовательные модели в Западной Европе XII в. // Вестн. Удм. ун-та. Серия «История и филология». 2012. Вып. 3. С. 3–9.

знаков принадлежности индивида к определенному социальному слою.

Постепенно средневековые школы, прежде бывшие почти исключительно епископскими или монастырскими, а потому закрытыми для представителей «внешнего мира», преодолели собственную самоизоляцию. В XI–XII вв. с расцветом городов, формированием нового типа мышления и изменениями стандартов поведения возникли уникальные образовательные единицы – *scholae* – интеллектуальные центры, ставшие доступными для всех без исключения. Любой мог в них учиться; было лишь одно условие – школяру предписывалось регулярно оплачивать услуги магистра. Тем не менее, даже с учетом наличия финансового элемента в обучении, школы XII в. открыли дорогу в жизнь очень многим представителям как обедневших (но своим трудом зарабатывавших на пропитание), так низших (и даже маргинальных) слоев общества. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить сюжет из биографии выдающегося английского мыслителя, дипломата и политического деятеля Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180), который в период своего обучения в школах Парижа и Шартра подрабатывал тем, что давал уроки¹, и благодаря этому обеспечивал себе возможность более основательного изучения наук под руководством прославленных магистров эпохи. Все те, кто в разное время обучался в школах, т.е. приобщился к мудрости эллинистически-римского мира, освоился в святоотеческой литературе, одним словом – стал знатоком искусств, философии и теологии – входил в привилегированную группу интеллектуалов. При этом зачастую родословие и семейные традиции конкретного индивида отходили на второй план, т.к. главным для современников было его исключительно высокое образование. Так, например, все тот же Иоанн Солсберийский – представитель обедневшего рода, потерявшего все свое имущество из-за репрессий короля Стефана I Блуаского² – зарекомендовал себя в курии архиепископа Кентерберийского Теобальда замечательным знатоком философии, став его личным секретарем, а позднее – дру-

гом и доверенным лицом следующего примаса Фомы Бекета. Иоанн вошел в особую «ученую корпорацию», объединившую выпускников французских школ, сплотившихся вокруг Фомы Бекета и известных как «*eruditi Thomae*».

Наряду с получением дополнительной возможности перейти из одной социальной позиции в другую, в самом образе мыслей человека XII в. произошло существенное изменение, отразившее, как мне кажется, общие, глубинные трансформации, имевшие место в обществе в указанное время. В произведениях ряда латинских авторов, от Петра Абеляра до Иоанна Солсберийского и многих других, возникает термин, отсылающий нас к философии Аристотеля. Речь идет о «*habitus*» (др.гр. *hexis*), понимаемом средневековыми интеллектуалами вполне определенно, как «устойчивые свойства», некоторое приобретенное в течение жизни предрасположение человека к чему-либо. Распространение данного весьма важного термина в философской и общественно-политической (Г. Брактон) литературе эпохи Средневековья ознаменовало качественное изменение в оценке социальной роли индивида и понимании перспектив повышения его статуса. Интеллектуалы заговорили о том, что природная данность – принадлежность к аристократическому роду, обладание влиянием семьи и положением фамилии – еще ничего (или почти ничего) не значит, наоборот, именно «*habitus*» определяет роль и место человека в иерархической системе общества и, в зависимости от способностей и талантов индивида, открывает дорогу к улучшению его положения. Конечно, такие рассуждения звучат несколько утопично, т.к. сакральность родового статуса еще очень долгое время будет незыблема. Однако они знаменуют важную веху, отразившую смену парадигм в привычном для Средневековья образе жизни («*modus vivendi*»).

Возникновение среди представителей пестрой в социальном отношении интеллектуальной элиты XII в. теорий о доминирующей роли индивидуального (приобретенного) знания над природной данностью создавало прецедент, т.к. обосновывало реальную возможность мобильности в рамках устоявшейся социальной структуры. Все это позволяет говорить не о статичном, а, наоборот, динамичном характере средневековых иерархий, каждый из элементов которых находился во взаимодействии, что в свою очередь создавало перспективу перехода (в пределах вертикального или горизонтального движения) индивида в новое социальное состояние.

¹ Гладков А.К. «Интеллектуальная география» средневековой Франции: парижские школы XII в. глазами современников // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А.А. Сванидзе / отв. ред. А.К. Гладков, П.Ю. Уваров. М., 2011. С. 325–334.

² Гладков А.К. «*Nominum parvum nomine...*». К биографии Иоанна Солсберийского // Британские исследования / отв. ред. И.М. Узнародов. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. 3. С. 19–26.

3. Выбирал г. Брно

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ КОМЕНСКОГО – ФОРМЫ И ПЕРЕМЕНЫ

На переломе 16 и 17 веков, когда начинается жизненный путь Яна Амоса Коменского, развитие средневропейского общества определяли бурные, иногда даже драматические события. Проявлялась ли эпоха Коменского одинаково и с точки зрения политической истории? Какие способы политической коммуникации характеризовали подобие и перемены политической культуры данной эпохи?

Основой властных переговоров была коммуникация между политическим народом и правителем. Политический народ в раннее новое время – это сословные корпорации данной страны. Поэтому их коммуникация с правителем происходила, прежде всего, в рамках сеймов страны и заседаний судов, так как это были главные сословные политические институты. Одновременно сеймы страны и суды предоставляли единственную легитимную обстановку для выражения сословных подходов, касающихся вопросов управления государством и политической стратегии господствующей династии. До 1620 г. отличались отношения между сословиями и властью правителя очень конфликтным характером. Сословные репрезентации активно стремились к приобретению как можно большей доли власти в государстве и в механизмах решения. Правитель сопротивлялся этим попыткам ловким выбором лиц, которых продвигал в королевские учреждения, по мере возможности и в учреждения страны. Кроме того, он использовал консерватизм тогдашнего правового мышления, чтобы ограничить сословные привилегии там, где отсутствовало их неоспоримое правовое обоснование.

Особенную роль в правительственной концепции Габсбургов сыграло строительство центральных учреждений двора в Вене (Hofrat, Geheimer Rat, Hofkriegsrat a Hofkammer), которые должны были управлять ходом решений, координировать его в соот-

ветственных учреждениях страны. Но запланированного отношения между институтом двора и страны правитель достиг только в случае палаты двора, которая работала действительно в качестве вышестоящей инстанции для чешской королевской палаты и для финансового управления других стран монархии. Большинство учреждений страны сохранило свою независимость от двора правителя. Но центральные учреждения предлагали новые возможности применения и прибыли символического капитала. Представители населённых пунктов страны, которые в эти учреждения вступали, оставались и в дальнейшем сословными лицами. Несмотря на то, что они – мечтая о личной карьере или престиже – могли поддерживать политику династии, отказ от основных сословных привилегий и в их случае не принимался в расчёт.

Кроме институционального размера учреждений двора, нужно подчеркнуть значение двора правителя для политической и социальной коммуникации. Двор в Вене и его учреждения стали подходящей обстановкой для встреч представителей политического народа с правителем и для возникновения коммуникационных сетей. Похожую роль играли, конечно, и дворы невластвующих членов династии. В чешской ситуации в этом смысле значительная роль принадлежала двору наместника Фердинанда II Тырольского (1548–1566 гг.).

После сражения на Белой горе 1620 г. коммуникационное и вообще властное значение двора правителя ещё более увеличилось. Привлекательность придворной карьеры усилилась, прежде всего, в рядах высшего общественного слоя барочной аристократии. Но и в новых условиях правитель не мог действовать совсем независимо. *Absoluta potestas* оставалась и в дальнейшем скорее идеальным проектом, чем действительностью. Монархия не могла добиться независимости ни от финансовых источников подданных, ни от посредничества правительственной власти путём деятельности учреждений страны и применением феодальных методов. Перемены политической системы касались, прежде всего, размера контроля правителя и его компетенций. Сословные представители долгосрочно стремились к двум стратегическим целям: 1) иметь влияние на созыв и содержание переговоров во время сословных собраний (сеймы, съезды, сословные комиссии и консультационные коллегии правителя), 2) обуславливать признание королевской власти одобрением, эвентуально и расширением сословных привилегий.

Первый центр напряжения сосредоточился, прежде всего, на вопросе созыва сеймов страны и определения их программы на

основе указаний правителя. Уже Фердинанду I удалось провести принцип, что созывать сословные собрания может только правитель или им уполномоченный служащий. Своевольные сословные общества считались *crimen laese maiestatis*. Но их члены настаивали на принципе, что сеймы и съезды должны служить прежде всего делам страны. Вместе с постановлениями судов страны они должны были обеспечивать *bonum commune* (*Gemeinwohl*). Сословная оппозиция принципиально все еще сопротивлялась стремлению двора, когда после одобрения регламента правителя – особенно финансовых требований – переговоры с сеймом были прекращены. Принцип преимущественного обсуждения заявлений правителя сохранялся до 1620 г. скорее благодаря традиции. Хотя этот принцип кодифицирован в новой конституции (принятой в 1627 и 1628 г. и названной *Obnovené zřízení zemské*), способность сеймов страны решать вопросы управления удивительно не понизились. Скорее, можно вести речь о расширении влияния сословных сеймов в этой области. Объяснение кажущегося парадокса заключается в том, что по содержанию регламента сейма правитель заранее консультировался с сословными представителями и с компетентными советниками, которые хотели принести стране пользу и отстаивать общие интересы данного населённого пункта. Но в настоящей законодательной инициативе сословным представителям формально отказали.

Второй источник конфликтов связан с защитой сословных свобод. Речь идёт о собрании корпоративных и личных привилегий, многие из которых происходили из эпохи средневековья. Они, в сущности, исходили также из феодального принципа награды господина своему вассалу за верные услуги. Современное понимание личной свободы касалось только свободы вероисповедания, которая в чешских условиях вытекала ещё из гуситских корней (кутногорский религиозный мир). И благодаря гуситскому опыту возникает в мыслях представителей сословий в странах Короны чешской яркое убеждение, что вероисповедание может быть свободным выбором каждого лица и государственная власть не является верховным правителем в отношении к душам верующих и к их связи с Богом.

Основной комплекс сословных свобод определяли коронационные капитуляции новых правителей. В чешской истории впервые это сделано уже в капитуляции Яна Луцембургского в 1311 г. Капитуляции содержали настоящие конкретные договоры между политическим народом и будущим правителем.

В первое столетие эры Габсбургов комплекс коронационных обещаний, подтверждающий сословные свободы, содержал положения о свободе вероисповедания и отношениях между правителем и страной: представители сословий не могли избирать нового правителя при жизни предыдущего, в случае пресечения династии трон становился избираемым. Представители сословий также не обязаны были жертвовать собой во имя внешнеполитических интересов династии. Также уплата налогов считалась необязательным взносом подданного правителю.

Сословное мышление понимало все привилегии, но именно буквально избираемость трона и свободу вероисповедания. По такой логике, каждое сословное лицо (но в рамках своего села и корпорации) имело полномочие выбирать короля и решать вопрос своего вероисповедания. Но с этим пониманием династия не могла примириться. От расширения сословных привилегий и попыток ограничения своей власти правитель оборонялся, прежде всего, неясными формулировками коронационных капитуляций, обещая конкретизировать их впоследствии в ходе обсуждения с представителями сословий. Кодификация точной формулировки основных сословных требований до 1620 г. не была реализована. Исключением считается *Majestät Rudolfa II.*, касающийся свободы вероисповедания. Сопоставительное диахронное расследование текста коронационных капитуляций показывает, что габсбургские правители совершенно ясно согласились только с условиями, определёнными предыдущей традицией. Хотя капитуляции, в отличие от собственных коронационных обещаний, имели деловой характер и здесь был в силе принцип повторения и продолжения, как законный компонент политической власти. Кажется, что принцип неприкосновенности древних традиций, соединённый в сословном менталитете с договорным мышлением и с патриархальной основой королевского мифа, пережил все структуральные изменения в 20-х гг. 17 в. И в дальнейшие годы он успешно действовал в политической культуре барочной Габсбургской монархии.

Коронационный акт символически и при помощи сакральных элементов также ментально утверждал связь правителя с политическим народом. Коронации или клятвы в странах Короны чешской, также как и в Венгрии, и в странах Австрии, создавали договорные отношения правителя и сословных представителей. Коронации сверх того являлись самым важным политическим актом монархии, выдающейся возможностью

символической коммуникации и собственной презентации династии и сословных корпораций и отдельных лиц. Коммуникационная и символическая роль, также как и идейное содержание королевских коронаций, не могли быть разрушены какими либо изменениями, не грозившими самой сущности монархической власти. Даже временные изменения на чешском троне в 1619 и 1742 г. подтверждают, что коронации королей стали главным носителем непрерывности политической культуры габсбургского государства в 16–18 вв.

После 1620 г. постепенно исчез из общественной жизни дунайской монархии противоречивый дуалистический принцип разделенной власти (*monarchia mixta*). Путём насильственного вмешательства правителя были ликвидированы условия для конфликтов в области религиозных свобод и требования сословий на участие в управлении государством. В чешских условиях появляется ещё спор касающийся избираемости трона. Политический народ, таким образом, потерял идеологические и технические инструменты, а вместе с ними и роль оппозиции. Властная позиция сословных представительств была очевидно ослаблена и дальнейший путь вёл к углублению их сотрудничества с династией. Но формальное утверждение правителя в роли единственного источника власти в государстве не полностью устранило распределение власти из практической жизни. В области центрального управления правитель полагался на членов совещательных коллегий, в области регионального управления – на представителей страны.

Новая форма политической системы в начале тридцатилетней войны вызвала также прекращение учёной части властных переговоров сословий с правителем. Во время Возрождения они исходили из корпоративных представлений и из договорной теории, где отражалось внимание разделения политической власти. Политическое мышление в раннее новое время продолжает поиск идеального отношения правителя к политическому народу. Проблемы ответственности феодалов, покорности подданных и политических свобод стали актуальными во время европейской реформации, которая должна была решать требования феодалов (правителей) в области обеспечения покорности подданных. Известно, что последовательнее всех решили этот вопрос монархическая теория, которые приняла и католическая среда – в области теории и практики.

Радикальные идеи монархов в странах средне-европейских Габсбургов не распространились, хотя и были

известны. Решая великодержавные споры, сословные представители в чешских странах дошли всего до *iuris defendendi*. Право на (вооружённое) сопротивление против правителя, который нарушает законы и свободы страны, содержала уже коронационная капитуляция, предложенная Фердинанду Габсбургскому во время переговоров об его интронизации в 1527 г. Узаконение и окончательная формулировка права на сопротивление появились в чешской конфедерации в августе 1619 г., но не были реализованы на практике. Дворянская оппозиция в чешских странах тяготела, скорее, к защите свобод обоснованных древностью и традицией, чем к коренной перемене своего отношения к королевскому авторитету. Оппозиционные лидеры были сверх того связаны с политической практикой, они привыкли к формулировке своих требований языком привилегий страны. Стараясь добраться до теоретической рефлексии, они дальше всего дошли до жгучего вопроса избираемости чешского трона и ответственности учреждений страны.

Чешское мещанское общество также не пришло к более радикальным представлениям о перемене общественных отношений. Оно боролось с глубоким упадком политического влияния мещанского сословия, которому хотело вернуть хотя долю бывшей важности путём восстановления экономической и военной силы королевских городов. Но размышления мещанской интеллигенции о сущности государства и об отношении жителей к политической власти основывались на убеждении в ответственности политических свобод, свободной воли полноправных жителей страны (разумеется, сословных лиц). Стране нужен справедливый правитель, предоставляющий верным подданным милость в форме привилегий и вольностей и заботящийся о *bonum commune*. Крах дуалистического концепта раздельной власти, который приходит вследствие разгрома сословного восстания, вызвал расширение эсхатологического мышления среди мещанских гуманистов, большинству которых пришлось уйти за границу. После 1620 г. в Габсбургской империи положение господствующей династии в качестве наследственного представителя государственной власти стало неоспоримым.

Политической коммуникации, равно как и другим видам коммуникации, нужны свои медиумы, технические средства, коммуникативные каналы. Раннее новое время связано, прежде всего, с расширением книгопечатания. Распространение информации посредством печатания медленно превращалось в доминантный медиум общественной коммуникации того времени. В

политической жизни эпохи Коменского появились даже специфические жанры – прокламации и памфлеты, хотя близкие жанровые виды (полемиические трактаты, сатирические песни) знало уже средневековье. Успешное применение прокламаций и памфлетов узко связано именно с печатанием. Подъем их популярности всегда связан с обострением политической борьбы (это доказывает не только средневропейский опыт). Актуальные печатные материалы пользовались текстовыми и изобразительными выразительными средствами и способствовали визуальному оформлению публично сообщаемых политических взглядов и отношений. Новые медиальные средства, таким образом, вносят вклад в процесс развития политической коммуникации.

В.В. Долгов
г. Ижевск

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: Н.М. КАРАМЗИН И Н.А. ПОЛЕВОЙ

Формирование антропологического подхода в европейской исторической науке связывают с деятельностью историков Школы «Анналов». Становление этого направления проходило в критике теоретической позиции, названной самими анналистами «историзирующей историей». Люсьен Февр в известной работе «О чуждой для нас форме истории» писал так: «Что же такое – историзирующий историк? Анри Берр отвечает на этот вопрос по существу, пользуясь выражениями из адресованного ему в 1911 году письма самого Альфана: это человек, который, работая над частными, им самим установленными фактами, задается целью увязать их между собой, согласовать, а затем (я цитирую письмо Альфана) “проанализировать политические, социальные и духовные перемены, о которых в данный момент свидетельствуют источники”. Не будем забывать, что автор имеет в виду ча-

стные перемены: ведь история для него является наукой о частностях»¹.

«Образ идейного противника» очерчен Февром довольно бегло, но суть понятна. Критике французского историка подверглась методология, которой свойственен комплекс характерных черт:

Во-первых, отсутствие осознанного подхода к подбору исследуемых фактов. «Исторический факт» представляется «историзирующему историку» данностью, которую ученый в готовом виде находит в источнике. Подбор исследуемого материала, таким образом, оказывается выведен из поля научной рефлексии и осуществляется спонтанно.

Во-вторых, в укор «историзирующей истории» ставится следование в кильватере средневекового нарратива, что, в общем-то является неизбежным следствием отсутствия активной исследовательской позиции по отношению к источнику.

В-третьих, Л.Февр укоряет своих идейных противников в отсутствии понимания конечной цели исследовательского процесса, который он видит в постижении сути явлений².

При этом Л.Февр считал, что победа «Новой исторической науки», «современной истории» является безусловным шагом вперед по сравнению с «историзирующей историей». Не просто более высоким уровнем познания, но единственно возможным методом научного познания.

Достижения французских историков оказали огромное влияние на мировую науку. В России их распространение началось сравнительно поздно. Во многом это объясняется обстоятельствами идеологического и политического плана. Однако, не следует сбрасывать со счетов и то, что отсутствие доступа к изучению наследия французских ученых во многом было компенсировано развитием собственных, оригинальных теорий, предвосхитивших открытия М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя на несколько десятилетий подобно тому, как теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского предвосхитила цивилизационную теорию А. Тойнби. Причины того, что эти теории не нашли широкого признания в мировом научном сообществе часто носят вненаучный характер – объясняются недостаточными возможностями для пропаганды своих идей, языковым и

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 67–71.

² Там же.

культурным барьером. Мне уже доводилось писать об этом¹. В настоящей статье будет рассмотрено идейное противостояние, на сто лет опередившее идейную борьбу «историзирующей истории» и «Новой исторической науки».

Речь идет о различии методологических позиций двух величайших историков начала XIX в. – Н.М. Карамзина и Н.А. Полевого. В самом общем смысле оба они принадлежат к эпохе романтизма в исторической науке. Этим обусловлен патристический пафос их произведений. Но понимание сути научного метода в их трудах отличается очень существенно.

Исследовательское кредо Н.М. Карамзина вполне иллюстрируется его фразой: «Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание». Главная мысль его – строжайшее следование данным источников: «Обращаясь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках: искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей».

Сравним: Л. Февр писал о книге Луи Альфана: «откроем это вышедшее в 1946 году "Введение в историю". В книге три основных раздела: 1. "Установление фактов"; 2. "Согласование фактов"; 3. "Изложение фактов". Мы видим, что методика не изменилась – это все та же старая методика, состоящая из двух операций, включающих в себя всю историю: сначала установить факты, потом пустить их в дело».

Февр будто бы писал о Карамзине.

Нужно, конечно, сделать много оговорок. Во-первых, стремление Карамзина строго следовать текстам источников, включая механизм «рассуждения» исключительно для «объяснения дел», обусловлен его стремлением отмежеваться от сочинений, в которых измышляются речи исторических личностей или повествование перемежается с «нравственными апофегемами». Главная цель такого отмежевания – отделить художественное творчество на исторические темы от собственно наручной работы. Кроме того, декларация «минимизации авторского вмешательства» в древние материалы должна была повисить степень доверия читателя к «Истории государства Российского». Такого рода

¹ Долгов В.В. Социально-антропологическая проблематика в трудах по истории Древней Руси XI – XIII вв.: дореволюционная историография // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / под. ред. Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2006. С. 364–371.

риторический прием и поныне используется в научно-популярной литературе¹ и псевдонаучных трудах. «Следование фактам» – с научной точки зрения очень уязвимая методологическая позиция. Но для обращения к широкому читателю, не знакомому с эпистемологическими тонкостями, она и сейчас остается единственно допустимой.

Кроме того, Карамзин вряд ли можно упрекнуть в отсутствии понимания конечной цели его работы. Он стремился преподать соотечественникам родную историю в таком виде, в каком они могли ее воспринять. Научная составляющая в его работе тесно была связана с популяризаторской миссией. Он знал, зачем.

Но, тем не менее, в главном Карамзин – «историзирующий историк». Он следует в своем повествовании за летописью. И это является его принципиальной позицией.

Именно с принципиальных позиций его труд подвергся критике со стороны Н.А. Полевого, в эмоциональности своей не уступавшего родоначальнику школы «Анналов».

Труд Н.А. Полевого был недоброжелательно воспринят читающей публикой². «История русского народа» была раскритикована А.С. Пушкиным. Но что это была за критика? Вот что писал о книге А.С. Пушкин: «Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том Истории Русского Народа, соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: Г-ну Нибуру, первому историку нашего века. Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? Должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недоверчивого к выходкам авторского самолюбия и предубежденного против нескромности?»³ Как видим, критические замечания великого русского поэта касаются, скорее, «режиссуры» подачи материала, чем сути представленной работы.

¹ Совершенно осознанно он был использован и нами в научно-популярной книге для школьников: Долгов В.В. Савинов М.А. Храбры Древней Руси. Русские дружины в бою / под ред. Н.Л. Пушкаревой. М., 2010.

² Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 83–84.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. М.: Л., 1949. С. 119.

Во многом причиной читательской враждебности стали критические отзывы Н.А. Полевого об «Истории» Карамзина, так полюбившейся читателям. Это обстоятельство также отмечено А.С. Пушкиным: «Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напад на Историю Государства Российского в то самое время, как начинал печатать Историю Русского Народа. Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдал бы от себя нареkania, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно»¹.

Подход А.С. Пушкина одобрил бы любой грамотный специалист по PR. Но к науке это не имеет никакого отношения. Впрочем, и сам Поэт отдавал себе отчет, в том, что критика его имеет отношение прежде всего к плану выражения, а не содержания. Относительно познавательной ценности он высказался скользь, но тоже неодобрительно: «Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита. Пленившись романтической живостью истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана История Русского Народа, на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частых его заимствований у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия Истории Государства Российского, так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа»².

Другими словами Пушкину работа Полевого представлялась ухудшенной копией («пародией») работы Карамзина. Можно с

уверенностью утверждать, что изначальная предубежденность не дала критикам рассмотреть суть замысла Н.А. Полевого. Даже Пушкин, старавшийся в отличие от, например, Н.И. Надеждина критиковать исключительно по делу и держать себя в рамках приличий, не понял его работы. Как совершенно справедливо выразился Н.В. Халявин: «Методологические приёмы и конкретно-исторические выводы Полевого во многом опережали время»¹.

У исторической как и у всякой научной мысли всего два основных пути развития: детализация знания и обобщение. Оба они являются добросовестными вариантами научного творчества. Детализация частных требует от исследователя развития по преимуществу аналитических навыков, трудолюбия и тщательности, а для синтетической работы требуется широта кругозора и интеллектуальная свобода. При этом эти два пути развития научной мысли связаны друг с другом как две неразрывные фазы процесса познания.

Вместе с тем, в истории развития научной мысли мы нередко встречаем отчаянную борьбу аналитического и синтетического подходов. Аналитическая работа третируется учеными, претендующими на создание «общей картины» как мелкое бессмысленное начетничество, «мелкотемье». А широкие обобщения критикуются «аналитиками» как поверхностные суждения, не имеющие познавательной ценности.

Противостояние Новой исторической науки с «историзирующей историей» равно как и критика Полевым Карамзина относятся как раз к такому эмоциональному варианту борьбы двух диалектически связанных подходов. «История» Полевого была возможна только после «Истории» Карамзина. Более того, она была необходима.

Можно выделить несколько важных теоретических новшеств в работе Н.А. Полевого.

1. Историк вплотную подошел к мысли о ментальности как сокрытом механизме, управляющем поведением исторических персонажей. Именно большей ментальной близостью он объяснял преимущества русского историка в деле изучения русской истории: «...надобно русскому писать Русскую Историю потому, что иностранец не может чувствовать, понимать русского духа, русских событий, **отношений** [курсов мой – В.Д.], силы каждо-

¹ Там же. С. 120.

² Там же. С. 121.

¹ Халявин Н.В. Историография истории России (дореволюционный период): курс лекций. Ижевск, 2009. С. 117.

го русского слова в наших памятниках, как чувствуем и понимаем их мы, родные с нашими праотцами, нашим языком, каждой букве наших памятников. Француз легче поймет англичанина, нежели нас, имеющих свою отдельную от всей Европы форму образования, свою веру, свои Европейско-Азиатские нравы и обычаи»¹. Конечно, за пределами его внимания осталось различие в образе мысли между человеком прошлого и современником. Однако, первый шаг к пониманию важности мировоззренческого контекста был сделан.

2. Сформулировал решающее значение глубокого знания языка (рассуждая в терминологии тартуской школы семиотики, не только первичного, но и *вторичного*) для корректной работы с историческим источником: «Язык наших письменных памятников и древности наши так мало известны европейским ученым; источники нашей истории требуют столь отличного воззрения и такой особенной критики, что чужеземец, решившийся писать Историю России, должен посвятить тяжелому, приготовительному труду несколько лет жизни. В настоящем состоянии и направлении Европейском едва ли сыщется кто-либо, могущий решиться на этот подвиг»².

3. Важной составляющей работы Н.А. Полевого было внимание к тому, что в современной науке именуется историей повседневности. «Я старался узнавать дух, мнения, понятия, нравы и поверия каждого века. <...> Желая представить читателям картины не битв и сражений, но жизни прошедшего, я не отделял в особые главы описаний законов, нравов, обычаев поверий, а ими хотел оттенять и одушевлять сухие изложения событий»³.

Конечно, сформулированные во введении принципы не были реализованы Н.А. Полевым в полной мере. Но все-таки было бы ошибкой сказать, что они так и остались лишь декларацией. Показателен анализ деятельности князя Олега, в оценке которого историк старался исходить из реалий изучаемой эпохи: «Олег вошел в Киев, торжествуя убийство как победу. Дружины сопровождали его, и киевляне признали власть Олега. Новейшие историки называют пятном Олеговой славы кровавый поступок его с Аскольдом и Диром, видя в нем измену и хищение. Современники не так смотрели на действия Олега, и нам нельзя судить по нашему образу мыслей о делах человека, жившего за девять сто-

¹ Полевой Н.А. История русского народа. Историческая энциклопедия: В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 32.

² Там же.

³ Там же. С. 34-35.

летий, иначе думавшего, бывшего о обстоятельствах нам не известных»¹. Этот пассаж как и вся работа в целом был полемически заострен против «Истории государства Российского», в котором поступок Олега назван «убийством жестоким и коварным». Позиция Н.А. Полевого выглядит, несомненно, более научной.

Развитие исторической науки XX в. показало, в чем ценность теоретических основ труда Н.А. Полевого. Собственно, его труд – идейная антитеза труду Карамзина, логичный методологический шаг, подобный тому, который был сделан Новой исторической наукой во Франции. От истории монархов и государства – к истории народа; от буквального прочтения источников – к учету языковых тонкостей и культурной среды; от абстрактной «исторической сцены» к учету географических и климатических условий жизни людей прошлого; от истории действий к истории идей. Причем, сделан был надолго до того, как подобные идеи стали разрабатываться европейскими учеными.

А.В. Петров
г. С.-Петербург

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИОГРАФИИ «ВАРЯГО-РУССКОГО ВОПРОСА» И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО ОБСУЖДЕНИЯ

Политическая история русских славян начинается в особых условиях взаимодействия с северогерманским миром. Объединились творческие импульсы двух этнокультурных стихий — славяно-русской и северогерманской. Почти 300-летнее изучение процесса данного взаимодействия не оставляет сомнений в существенной роли северогерманской компоненты в политогенезе на Восточноевропейской равнине.

300-летнее изучение научной проблемы — срок немалый, и её историография обрела свои классические образцы, адекватные возрасту исследовательского интереса. Но по ряду моментов обсуждения до сих пор даёт о себе знать своеобразная «подрост-

¹ Там же. С. 108-109.

ковая задиристость», и историографические копыя ломаются в данном отношении с не меньшими эмоциональностью и категоричностью, чем во времена Миллера и Ломоносова. И в наши дни выходят сборники и проводятся конференции не только прямо противоположные по содержанию и направленности научных выводов (что несколько неплохо!), но и пафосно-враждебные друг другу. Авторы этих сборников и участники этих конференций готовы публично говорить своим оппонентам дерзости, подписывать и распространять неакадемические по характеру письма. Ставшая метафорической «перебранка» великого (и страстного) Ломоносова с его оппонентами, никак не хочет «архивироваться» даже *новейшей* программой научно-исторической дискуссии наших дней!

Что стоит за этим? Если брать *объективную* сторону вопроса, то перед нами — *невольное* предощущение научного тупика (как не покажется парадоксальным подобное суждение в виду того, что значительная часть авторов убеждены в решительном превосходстве своей позиции)! **Многие новейшие исследователи пресловутого «варяго-русского вопроса», к сожалению, имеют неверное представление о действительном статусе своих мнений в его изучении.**

Своеё понимание особенностей историографической ситуации в изучении данного вопроса я впервые высказал в годы «перестройки» на ленинградском радио, в цикле моих авторских передач «Исторические границы России». Потом я повторил данную мысль в ряде статей, в том числе опубликованных в Киеве, в сборниках НАН Украины.

Во-первых, я считаю, что делить исследователей Восточной Европы VIII–X вв. на т. н. «норманистов» и т. н. «антинорманистов» ныне *крайне непродуктивно*. В современной литературе — историографии конца XX — начала XXI столетий (даже не только именно в сегодняшней) эти понятия уже *явно не работают!* Из всего громады проблем, образующих «варяго-русский вопрос», ныне остается только один пункт спора, по поводу которого позиции спорящих сторон не утратили еще чёткой определенности прежних научных школ. Это — вопрос о происхождении имени Русь и его первоначальных носителях. Квинтэссенция противостояния такова: одни ученые, как встарь, связывают имя Русь с норманнами, другие — по-прежнему, такую связь отрицают¹.

Во-вторых, — и главных, что мне хотелось бы акцентировать, — я утверждаю, что полемика по вопросу о происхождении имени Русь не завершена, но всё более становится очевидным, что завершить её в обозримом будущем не удастся: *и с той, и с другой стороны, вероятно, задействованы все возможные средства для достижения победы*. Резюмируя громадную историографию названного вопроса, позволю себе прибегнуть к сравнению с шахматной игрой и сказать так: напряжённейшая партия т. н. «норманистов» с т. н. «антинорманистами» к настоящему моменту отложена, но в отличие от шахматного турнира, где доигрывание приходится на следующий день, в этой партии неизвестно, когда состоится доигрывание, и состоится ли вообще!

Образ «недоигранной шахматной партии» логически побуждает и к ещё одной метафоре. — Мы все смотрим детективы по телевизору. — Исследователи настоящей проблемы *объективно* подобны оперативникам на совещании в кабинете у начальника уголовного розыска, когда *ничего решающего ещё не сказать* о соответствующем деле, и когда необходимо разрабатывать *именно различные и все версии* произошедшего, *совершенно равноправные* в момент их формулировки!

Недавно на кафедре истории славянских и балканских стран СПбГУ состоялся «Круглый стол», посвящённый проблемам политогенеза в Северной Европе. Там выступил молодой исследователь — лингвист и археолог — Вячеслав Кулешов, доклад которого мне очень понравился, но именно, как «версия». Слава говорил о «скандинаво-хазарском синтезе», доказательством которого *пока* служат данные *только* с одного из городищ — Супрутского (в Тульской области). Но если дальнейшие поиски в направлении «скандинаво-хазарского синтеза» приведут к успеху, нам придётся по-новому представить себе всю картину этно-политической и этно-культурной истории Русской равнины VIII–X вв.

А я, в свою очередь, позволю себе выступить с «версией», подсказанной в данном отношении *моими* исследованиями социально-политического и культурного развития древнего и средневекового восточного славянства.

Как известно, сопоставляя различные версии *Сказания* Начальной летописи *о призвании варягов* с учетом всей истории летописания, этапов летописной работы, А.А. Шахматов, пришел к выводу о том, что в древнейшей редакции *Сказания* призывали только варяжских князей и отсутствовало их отождествление с русью. Таким образом, *Сказание* в своем первоначальном виде носило *дружинно-династический* характер и не заставляло сла-

¹ См.: Петров А.В. К обсуждению «варяжского вопроса» // Слов'янські обрії. Вип. 1 / відп. ред. О.П. Моця. Київ, 2006. С. 172–187.

вян, выражаясь словами Д.И. Иловайского, «призывать к себе для господства целый чуждый народ»¹.

На мой взгляд, наиболее вероятно предположение, что никакого *призвания* варяжских князей *не было*; рассказ же о нем, скорее всего, — *восточноевропейский вариант ходячей средневековой легенды о братьях, призванных править в чужую страну*. Так, существовало предание и о приглашении норманнов в Ирландию и Англию. В Ирландию прибыли три брата, и народное собрание ирландцев оставило их у себя. Согласно саксонскому хронисту Видукинду Корвейскому, послы бриттов предложили саксам «владеть их обширной и великой страной, изобилующей всякими благами». Тут невольно припоминается летописная речь наших варягопризывателей: «земля наша велика и обильна...» Саксы положительно откликнулись на приглашение и послали к бриттам братьев-князей Хенгеста и Хорсу.

Вместе с тем, сама по себе проблематика преодоления раздоров на основе мудрого «одиначества» — весьма органична для «традиционной» славянской действительности.

Принцип политического «одиначества», впервые в отечественной истории записанный в грамотах Ярослава, составлял важнейшую сущностную черту древнерусского вечевого уклада. Без единодушия вече и нераздельности форм власти как нормы и правила этот уклад функционировать не мог². (Выросшее из древности, «русское начало единомыслия» характеризовало политико-юридический быт и Московского государства)³.

Возникновение принципа «одиначества», вероятно, следует относить еще ко временам *праславянских* племенных собраний. Есть данные, что на этих собраниях царили несогласия, которые удивляли византийских наблюдателей⁴. Дух противоречия был настолько силен среди архаического славянства, что влиял даже на его военную культуру, сказываясь на способах ведения войны⁵. Допустимо предположить, что начало соперничества, из-

древле характеризовавшее жизненный уклад славян, стимулировало поиски и особого действенного противовеса, который и был найден в форме интересующего нас принципа. Новое дыхание этот — не менее древний — принцип славянского жизнеустройства получил в эпоху перехода от племенного быта к строю земель-волостей.

С изложенной точки зрения, заносный мотив призвания братьев-князей оказался в благоприятных для него условиях и сразу же стал непротиворечивой частью местной фольклорной традиции.

В летописях легенда о призвании варягов была приспособлена к обслуживанию морально-политических концепций современности.

Сказание о призвании Рюрика с братьями в плане своих смысловых акцентов не одиноко. Оно отразило волновавшие тогдашних образованных русских христиан идеи (не только новгородского применения и значения). Позволительно указать и на другие летописные тексты, где встречаются близкие интерпретации¹.

По-видимому, мы «можем говорить о наличии в Новгороде, во 2-й половине XI в. идеологии, полагавшей Новгород "матерью городов русских", самостоятельной волостью, с большой территорией, с исконным правом сменять и призывать к себе князей, принимавшей их как необходимость, но требовавшей соблюдения новгородских правопорядков. Таково политическое содержание рассказа о призвании варягов»².

Вместе с тем, на мой взгляд, следует учитывать, что *апология новгородского права призвания князей неизбежно оборачивается апологией вечевого «одиначества» и служит призывом к нему*. В Сказании о призвании варягов в качестве смысловой оппозиции согласному действию новгородцев, реализованному в призвании князей, иначе говоря, вечевому «одиначеству», выступает «усобица». Конечно, князь в XI–XII вв. полагается неременным гарантом внутреннего мира. Но исходный импульс к достижению «одиначества» принадлежит новгородцам. Именно они нашли силы «сказать самим себе: поищем себя князя». Без этого предварительного соглашения как бы оказалась на княжеских столах

ших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). Изд. 2-е, испр. / отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 371.

¹ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. С. 101–103.

² Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики. В 2 ч. // Известия АН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 4. С. 277.

¹ См.: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб. 1904. С. 10 и др.

² Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

³ Ермошин В.В., Ефремова Н.Н., Исаев И.А., Карпец В.И. и др. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 88–109.

⁴ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 76.

⁵ «Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают». («Стратегикон» Маврикия // Свод древней-

норманнская братия? Новгородцы, а не призванные князья, сыгравшие, по существу, роль проводников новгородской воли, роль служебную, — подлинные инициаторы установления «правды». Будь иначе, на личности Рюрика и братьев, наверное, был бы сделан бóльший акцент. (А о них всего-то и известно, что были призваны, а потом, через какое-то время, умерли.)

Более того, поскольку в древнем Новгороде идея политического «одиначества» предполагала различные акценты, Сказание о призвании варягов отстаивало определенное прочтение данной идеи. Его нюансы станут наглядными при сопоставлении Сказания с летописным рассказом о событиях 1015–1016 гг. Стремясь донести до читателей то, что ему было всего дороже, автор рассказа о Ярославе и новгородцах заставил жителей Волховской столицы простить раскаявшемуся князю убийство *тысячи славных* воинов. По мысли летописца, путь к истинному «одиначеству», к миру и «правде» лежит через *прощение*. *Та же самая идея присутствует и в Сказании*. Варяги творили насилия. Их изгнали, затем, не помня прошлых обид, вернули, установив посредством этого мудрого решения общественный «наряд». Сказание о призвании варягов, таким образом, перекликается с той же «околокентипической» интерпретацией событий новгородской истории, которую удается выявить и в летописных текстах, посвященных началу XI века.

Рассматривая вопрос о причинах летописного отождествления варягов с русью, можно попытаться углубить понимание смысла Сказания, одновременно извлекая из него важную историческую информацию.

Данное отождествление возникло как догадка наших летописцев, не чуждых научной систематизации фактов, и представляет собой ученый домысел, сделанный под влиянием византийской письменности (авторитет которой на Руси был очень высок). Эту мысль наиболее развёрнуто и убедительно обосновывал А.Н. Насонов. В Византии X–XI вв. понятия «Русь» и «варяги» смешивались. Например, составитель текста Повести временных лет широко использовал греческую хронику Георгия Амартола и его продолжателя, а в ее славянском переводе прямо сказано, что Русь «от рода Варяжеска». Известный русский византист В.Г. Васильевский указал основную причину того, почему в Византии смешивали варягов с русью: и те, и другие приходили в Царьград из России. Причем, «смешение происходило не только потому, — уточнил в свою очередь А.Н. Насонов, — или, вернее, не столько потому, что русь называла себя варягами, сколько

потому, что варяги, приезжавшие на юг России в Киев и там остававшиеся, принимали имя руси, называли себя русью»¹.

Изложенное объяснение причин летописного отождествления варягов с русью носит веский характер. Вместе с тем, влияние византийской письменности, несколько не исключает поиска *внутренних* источников этого отождествления. Причём, совершенно необязательно, чтобы эти внутренние источники отражали тождество варягов с русью, которое, будто бы, было реальным историческим фактом и о котором, согласно А.А. Шахматову, «помнили на юге»², в Приднестровье.

Описания в ПВЛ событий, связанных с призванием варяжских князей и мезью Ярослава новгородцам за избиение варяжских наёмников, разнятся с аналогичными текстами Новгородской I летописи некоторыми нюансами. Отмечу наиболее, на мой взгляд, интересные в данном отношении.

Во-первых, в ПВЛ содержится пресловутое отождествление варягов с русью. Во-вторых, в ПВЛ отсутствует указание на количество перебитых Ярославом новгородцев — на «тысячу» человек, по отношению к которой остальные жители города, как и в Новгородской I летописи, называются «остатком» (следовательно, *значительное* число жертв Ярославовой мести косвенно присутствует и в ПВЛ). В-третьих, в ПВЛ эта «тысяча» якобы убитых новгородцев заменена «лучшими мужами».³

«Околокентипическая» интерпретация, как я её назвал, исторических событий присутствует и в Новгородской I летописи, и в ПВЛ. Но в Новгородской I летописи главные выразители морально-политической идеи повествования — новгородцы. Именно им принадлежит и инициатива призвания варяжских князей в IX в., отводившая последним важную, незаменимую, но инструментальную роль в устройении «наряда», и честь «прощения» князю убийства «тысячи» своих сограждан, а также оказания ему помощи, в начале XI столетия.

Ярослав Мудрый был знаковой фигурой для Новгорода, равно как «Ярославовы грамоты» — символом величия и самостоятельности этого города. Сказать, что новгородские летописцы плохо относились к Ярославу, мы решительно не можем. Тем не менее, существовала заинтересованность, вероятно и отразив-

¹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб., 2002. С. 36–37.

² Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. С. 74.

³ Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 13, 62; Новгородская I летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 106, 174–175.

шаяся в вариантах ПВЛ, в большем оправдании Ярослава за его новгородскую расправу. В связи с данной заинтересованностью «тысячу» убитых новгородцев заменили «лучшими мужами», что как раз соответствовало действительности, а в своего рода «защиту» жертв нападения на Паромоне дворе и выдвинули знаменитое тождество варягов с русью. Авторы ПВЛ внушали своим читателям: варягов убивать было проявлением величайшей неблагодарности, ибо некогда они являлись русью, и от них именно имя это, и идея с ним связанная, перешли к славянам.

Местные источники отождествления варягов с русью в ПВЛ не сводились к литературно-политической заданности. Сопричастность «руси» как явлению и понятию требовала реальных оснований. Учёный домисел летописцев, пришедших к мысли об этом тождестве, слагался из разных компонентов.

Среди них была память об одном из древних значений, связанных с именем «русь».

Национальное или профессиональное *самоназвание* скандинавов, которое напоминало бы по звучанию слово «русь», к настоящему времени не найдено, и вряд ли отыщется в дальнейшем. Финское же слово «ruotsi» некоторые исследователи, на мой взгляд, чересчур уверенно считают именем-посредником при образовании интересующего нас понятия.

Между тем, в последнее время в историко-филологических исследованиях получила глубокую разработку проблема *южной дославянской Руси*. Хотя этимология данного слова не может считаться окончательно выясненной, наиболее вероятными, всё же, являются его среднеднепровские и, шире, северно-причерноморские истоки¹. Как удалось показать О.Н. Трубочёву, нельзя исключить его *индоиранское* или, ещё более древнее, *индоарийское* происхождение². И по лингвистическим, и по археологическим данным, на V–VII вв. приходится время славяно-иранского симбиоза. В связи с этим вполне оправданной выглядит догадка, согласно которой славяне восприняли от древнего населения Северного Причерноморья, наряду с прочими языковыми элементами и формами культуры, и интересующее нас имя³.

¹ Данное слово — едва ли славянское. Славянские этнонимы образовывались по другой модели: пол-яне, древл-яне, слов-ене, дрегов-ичи, вят-ичи, крив-ичи, и т. д.

² Гипотеза эта — ничуть не слабее старинной норманистской версии. — См.: Трубочёв О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языковедения. 1977. № 6; Он же. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

³ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 111 и др.

Новейшие разыскания Е.С. Галкиной, покушаясь на научные стереотипы, позволяют полагать, что на юге теперешней России существовал «Русский каганат»¹. Полагаю, имя (и идея) «Русского каганата» могли быть успешно транслированы в пробуждавшийся к государственно-политическому развитию восточнославянский мир.

Стремление к созданию прочного политического объединения нуждалось в стимулах и непосредственных образцах для подражания. Преодоление внутренних несогласий воодушевлялось примером некогда достигнутого внушительного единства ближайших соседей. Можно догадываться, что сама по себе идея объединения, сопряжённая с представлениями о «наряде» и «праве», срослась с образом «Руси», как и титул правителя настолько ассоциировался с титулом «каган». Мы знаем, что этот титул являлся древнейшим титулом киевского князя².

После падения «Русского каганата», «русь» — не племя, не социальная группа, не какая-либо конкретная территория, но, прежде всего, — *идея*: идея добровольного примирения, согласия, достигнутого путём преодоления раздоров. Русским («русином», «русью») становился тот (или те), кто обслуживал и олицетворял эту идею, в противовес давней традиции славянских междоусобий. Использование терминов «русь», «русин» оправдывалось представлениями о «Руси» как о сильном политическом объединении на восточноевропейской равнине и отражало адаптацию в славянских интересах впечатляющих фактов местной истории.

Не удивительно, что с течением времени славянский государственный союз, ядро которого окончательно утвердилось на Среднем Днепре, был назван «Русью» в память о «Русском каганате», а его князь стал «каганом».

В этом контексте, позиция Д.С. Лихачёва, полагавшего, что древнейшим значением имени «Русь» было значение объединяющее, общеславянское,³ получает дополнительные основания.

Отождествление варягов с русью в Повести временных лет (в Сказании о призвании варягов), служа задачам оправдания Ярослава за его безжалостную месть новгородцам, исторически небеспочвенно. Оно актуализировало старинное значение слова «русь».

Варяги — герои Сказания о призвании Рюрика с братьями

¹ Галкина Е.С. 1) Тайны Русского каганата. М., 2002; Она же. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (1 тыс. н.э.). М., 2006.

² Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.

³ Лихачёв Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. С. 401–404 и др.

олицетворяли собой конструктивную силу, способствовавшую славянской инициативе прекращения «усобиц», и стали символом возникшего союза. В новгородских событиях 1015–1016 гг., будучи на стороне широкого народовластия, они тоже служили задачам политического единства. Между тем, древние русские славяне понимали государственность, прежде всего, как согласие, «наряд» и «право», достигнутые преодолением распри морально-волевыми усилиями народа.

Отсюда один шаг до этнического отождествления варягов с русью, до учёного домысла, что «русь» есть *их* племенное имя. Такая концепция возвышала историческую роль варягов и, тем самым, становилась важным доводом в пользу Ярослава, отомстившего за них.

Варягов отождествили с русью летописцы рубежа XI–XII вв., оправдывая — не столько перед современниками, сколько перед потомками — месть Ярослава новгородцам за избиение варяжских наёмников. Но это отождествление, наряду с опорой на византийские известия, интерпретировало данные и местной традиции. В глубокой древности имя «русь» было олицетворением начала, противоположного стихии славянского племенного быта с его «усобицами» и неустроенностью.

Д.М. Котышев
г. Троицк

СТАДИАЛЬНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Определение стадийной характеристики древнерусского государства и места, которое оно занимает в ряду государств доиндустриальной эпохи продолжает оставаться актуальной темой исследований последних десятилетий. В конце XX века, вместе с распадом СССР ушла в прошлое и официальная историческая концепция, провозглашавшая древнерусское государство раннефеодальной монархией и сближавшего его со средневековыми

государствами Европы. Это обусловило рост популярности альтернативных концепций, исходящих из положения о дофеодальном (или нефеодальном) характере древней Руси.

Как раз в 90-е гг. XX в. окончательно оформилась концепция школы И.Я. Фроянова. После выхода ряда работ ученого, посвященных проблемам образования государства у восточных славян, история древнерусского политогенеза представлена следующим образом. В VIII–IX вв. в славянской среде формируются племенные союзы. Постепенно укрупняясь, эти союзы трансформируются в общинные территориальные образования, на базе которых складываются древнерусские города-государства¹. Данная точка зрения всецело разделяется на сегодняшний день рядом учеников и последователей И.Я. Фроянова².

Этой концепции на протяжении 90-х гг. XX в. и первого десятилетия XXI века оппонировали сразу несколько точек зрения. Первая — рассматривающая древнюю Русь как вариант дружинного государства, вырастающего из вождества. Данная концепция впервые была сформулирована Е.А. Мельниковой еще в 1992 г.³; потом ее с различными вариациями развивали в своих трудах А.А. Горский⁴, Н.Ф. Котляр⁵, Е.В. Пчелов⁶, С.Л. Никольский⁷ и др.

Вторая точка зрения оформилась в ходе критических дискуссий сторонников и противников идей И.Я. Фроянова. Основны-

¹ См.: Фроянов И.Я. К истории зарождения древнерусского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 92–93.

² См., напр.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск., 2007.

³ См.: Мельникова Е.А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 13–15 апреля 1992 г. М., 1992. С. 38–41.

⁴ См.: Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; Он же. Земли и волости // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–33.

⁵ См.: Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995. С. 33–49; Он же. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 20–22 февраля 1995 г. М., 1995. С. 25–28; Он же. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

⁶ См.: Пчелов Е.В. К вопросу о времени возникновения Древнерусского государства // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. С. 117–127.

⁷ См.: Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 5–48.

ми выразителями ее являются сотрудники Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН. Наиболее полно данный подход нашел выражение в работах П.В. Лукина¹ и П.С. Стефановича². Исследователи полагают, что восточнославянское общество в IX–X вв. переживало стадию догосударственных отношений. П.В. Лукин, являясь сторонником концепции К. Модзелевского, полагает, что развитие и становление древнерусской государственности следует описывать в парадигме «варварской Европы»³.

Интересно отметить следующий момент. Сторонники идеи «дружинного государства» во многом остаются в рамках «феодальной» парадигмы, полагая, что дружинное государство у славян со временем перерастает в государство феодальное. В.В. Пузанов справедливо отмечает⁴, что идея «дружинного государства» во многом является модернизацией концепции «государственного феодализма», сформулированного в ранних работах А.А. Горского⁵. В то же самое время приверженцы теории «вар-

¹ См.: Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3. С. 5–11; Он же. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей: человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 134–150; Он же. Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 31–55; Он же. Существовало ли в древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 47–98.

² См.: Стефанович П.С. Боярская служба в средневековой Руси // Одиссей: человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 151–160; Он же. Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю)? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 33–40; Он же. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 6–51; Он же. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269.

³ См.: Лукин П.В. Варварская Европа и современные проблемы изучения ранне-средневековых славянских обществ. О новой книге К. Модзелевского // Славяноведение. 2008. № 2. С. 25–40.

⁴ См.: Пузанов В.В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012. С. 40.

⁵ См.: Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 17–28; Он же. Древнерусская дружина. М., 1989. На мой взгляд, если рассматривать историографическую ситуацию, то усилиями А.А. Горского была создана новая реинкарнация не только концепции «государственного феодализма», но и теории феодальной государственности в целом. Логика, лежащая в основе данной теории, которую можно охарактеризовать как теорию «дружинного государства», проста. Раз дружина является одним из глав-

варской Европы» не настаивают на неприменимости феодальных отношений. Несмотря на подчеркнутое неприятие концепции «городов-государств», в среде российских сторонников К. Модзелевского зреет убеждение о догосударственном характере славянских обществ Восточной Европы. И это наверное одно из самых значимых результатов развития концепции И.Я. Фроянова за последние 15–20 лет.

Стоит отметить, что в ходе этого развития обнаружились отдельные сюжеты, вызвавшие наиболее острую критику оппонентов. Особенно это касается типологических сравнений древней Руси с городами-государствами древности. Как на страницах специальной литературы, так и на сетевых исторических форумах идея о тождестве древнерусских городов античным полисам вызвала и продолжает вызывать массу критических замечаний.

Итогом этой полемики, длящейся несколько лет, стала работа М.И. Жиха «К вопросу о месте городов-государств Древней Руси в типологическом ряду первичных политий», опубликованная на сайте «Румянцевский музей»¹. Учтя критику насчет проблемности сравнения Руси с городами-государствами античного времени М.И. Жих попытался провести сопоставление древнерусских городов с шумерскими, усматривая также определенное сходство с ними.

Данная статья явится, в определенной мере, отправной точкой моих размышлений на тему типологических сопоставлений древнерусской государственности. Рассуждая о восточнославянском политогенезе, необходимо на мой взгляд, учитывать следующие моменты.

Первое. Возникновение европейской средневековой государственности — процесс сугубо вторичный. По точному замечанию П.В. Шувалова, обратившего на это внимание, процессы политогенеза на европейском континенте в эпоху раннего средневековья являются «своего рода импортированными политтехнологиями, заимствованными первоначально из зон древних ирри-

ных институтов, порожденных процессом распада родоплеменных и вызревания феодальных отношений, значит и государство, основу которого составляла дружинная организация (превратившаяся позже в аппарат управления), непременно будет феодальным. Не случайно А.А. Горский, оговаривая употребление термина «государственная» к дружинной собственности, замечал, что «применение к этой форме собственности термина «государственная» правомерно, поскольку в раннефеодальный период военно-дружинная знать и государственный аппарат в основном совпадали» (Горский А.А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 88).

¹ См: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/1612> (дата просмотра 17.09.2012. 22.34)

рациональных цивилизаций»¹. Исходя из этой концепции, исследователь предполагает наличие четырех стадий политогенеза в истории Старого Света и рассматривает генезис европейской государственности как результат заимствования из зоны средиземноморской цивилизации.

Второе. Заимствования из средиземноморской зоны означают, что на местной основе воспроизводится один из вариантов экономической модели максимизации прибавочного эффекта². В одном случае (первый путь развития), этот избыточный продукт создается путем максимальной мобилизации всех экосистемных ресурсов ранних обществ, ирригационные общества Востока — наглядное тому подтверждение. Другой случай (второй путь развития) являет нашим взорам картину получения избыточного продукта за счет не «внутренней», а «внешней» эксплуатации, когда социум переходит к политике извлечения доходов и сверх доходов за счет прилегающих территорий и населяющих их обитателей. Как правило, такая эксплуатация осуществляется в ходе военных набегов или завоевательных войн. «Военный» путь политогенеза открывал возможности экономического роста ничуть не худшие, чем «экономический (ирригационный)». Получение доходов в виде военной добычи, даней и контрибуций делало основой вождесткой структуры не хозяйственно-административную, а военно-дружинную составляющую.

Третье. Природно-ландшафтные и климатические условия Восточной Европы 2-ой половины I тыс. н.э. не были в состоянии обеспечить первый путь развития ранних обществ (древневосточный). Экономические возможности славянского земледелия вплоть до конца I тыс. н.э. были весьма скромными. Долговременные перелог и подсека, использование легких почв приречных участков³ давали возможность обеспечивать жителей

¹ Шувалов П.В. Импорт политтехнологий и варварские государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 2012 г. М., 2012. С. 276.

² Максимизация прибавочного эффекта — принцип функционирования экономик ранних обществ, описанный Т. Ёрлем: воспроизводящая экономика в своем развитии должна опираться на какой-то из способов получения прибавочного продукта, создающего основу для дальнейшего общественного прогресса — см.: Earle T. Chieftoms in Archeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308.

³ См.: Петрашенко В.А. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII–X вв. Автореф. канд. дис. Киев, 1982; Шапкевич Г.О., Петрашенко В.О. Землеробство и скотоводство в Среднем Поднпров'ї в VIII–X ст. // Археологія. 1982. Вип. 41.

славянских поселков необходимым количеством продовольствия, но не более того.

Таким образом, можно констатировать, что Восточная Европа предгосударственного периода двигалась по пути бессинтезного становления государственности. Поэтому проводить прямые аналогии Руси с античной традицией, по крайней мере до начала XI века нет никаких оснований. Генезис полисной государственности в Греции двигался по пути превращения локальных вождестких структур в изолированные города-государства. Попытки объединения городов-государств континентальной Греции в более крупные политические объединения хронологически выходят за рамки эпохи балканского политогенеза и представляют собой попытки создания раннеимперских или квазиимперских структур типа афинской Архэ¹.

Наблюдаемый же на Руси в эпоху Владимира Святославича процесс подчинения одной политики другой находит аналогии в некоторых сюжетах древневосточной истории. Консолидация Киевом окрестных племен представляет собой формирование раннего государственного образования опиравшегося на обеспечение торгово-экономических интересов метрополии за счет слаборазвитой периферии. Такая модель политогенеза хорошо описана на древневосточных материалах И.М. Дьяконовым и В.А. Якобсоном². Конкретные примеры действия такой модели — это образование древнейшего государства в долине Нила или создание территориальной державы в Двуречье в эпоху Саргона Древнего³. Подобный подход применительно к истории древней Руси пытался развить еще С.В. Бахрушин⁴, однако его оценка не вошла в методологический контекст советской исторической науки 30-х гг. XX в.

Следовательно, генезис государственности у восточных славян проходил, на мой взгляд, в рамках модели формирования ранней государственности бессинтезного типа. В результате активной военно-торговой деятельности скандинавов на территории Восточной Европы на рубеже IX–X вв. формируется «территориальная держава» с центром в Среднем Поднепровье. Она

¹ См.: Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991.

² См.: Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 8–9.

³ См.: Перепелкин Ю.Я. История древнего Египта. М., 2000. С. ; История древнего Востока. М., 1983. С. 235–239 и сл.

⁴ См.: Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 88–98.

появляется на свет как результат славяно-скандинавской военно-торговой экспансии и фигурирует в источниках IX–X вв. под определением Русской земли. Типологически это образование можно характеризовать как суперсложное вождество, которое трансформируется впоследствии в раннее государство.

Эта трансформация осуществляется в рамках модели формирования мультиполитии, достаточно подробно описанной Н.Н. Крадиным¹. «Ксенократическая» прослойка скандинавской «руси», опираясь на военную силу собственных дружинников, составляет костяк аппарата принуждения по отношению к местному славянскому населению. Подобная схема господства и подчинения очень хорошо засвидетельствована данными Константина Багрянородного, четко выделяющего правящую прослойку (росов), их данников (пактиотов) — славян. Причем уже в указанное время формируются зачатки мультиполитийной структуры, что отмечено также в другом сообщении Константина о «внутренней» и «внешней» Руси².

Ключевым моментом в истории Русской земли становится деятельность Владимира Святославича. 80-е гг. X в. — 10-е гг. XI в. — это время превращения территориального (мультиполитийного) образования в раннее государство. При этом характерно, что формирование государственности совпадает с принятием христианства. Крещение Руси означало, что приняв религию империи, Русская земля становится не просто христианской державой, но частью «византийского содружества наций»³.

Складывание государственности в Среднем Поднепровье на рубеже X–XI вв. превращается фактически в «импорт политтехнологий» (по определению П.В. Шувалова): строится столица, своим обликом и планировкой воспроизводящая идею Константинополя⁴, начинается активное оборонительное строительство⁵ и основание новых поселений⁶. Эти поселения не являлись пле-

менными центрами, а олицетворяли собой центры властвования, посредством которых киевские правители закрепляли власть главной политики над всей Русской землей.

Ко времени смерти Владимира Святославича структура Русской земли определяется окончательно — это Южная Русь, непосредственно подчиненная Киеву («внутренняя Русь» Константина Багрянородного), представляющая в значительной мере оформившийся город-государство или политию, и подчиненная этой «внутренней» Руси «внешняя» Русь. При этом окончательное подчинение окрестных территорий (Новгород, Волынь, Смоленск, Северщина) Киеву происходит в самом конце X в.¹

Мультиполитийный тип раннего государства в Среднем Поднепровье (подчинение одним городом-государством сопредельных — В.В. Пузанов называет это федерацией²) имеет одну существенную особенность — в рамках мультиполитии формируется коллективный носитель публичной власти (род потомков Владимира Святославича) выступающий по отношению к Русской земле как нераздельный владетель. Однако эта архаическая форма власти, сталкиваясь с импортируемыми властными практиками, подвергается серьезной трансформации.

Крещение Руси и последовавшее за этим и внедрение в общественное сознание древнерусского общества этических норм христианства серьезно повлияло на существовавший механизм междукняжеских отношений. Та система отношений, существовавшая в дохристианские времена Руси и известная под определением «родового сюзеренитета»³, существенным образом

аналогов в предшествующее время, см.: *Раннопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XI вв. М.; Л., 1956., С. 82–87; *Он же.* Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. 1952. Вып. 48. С. 107. Распространение в конце X века валов с лицевыми сырцовыми кладками современные исследователи связывают с влиянием южной фортификационной традиции, привнесенной из Византии и Болгарии, см.: *Моргунов Ю.Ю.* Фортификация Южной Руси X–XI вв. Автореф. докт. дисс. М., 2007. С. 19–20; *Он же.* Деревоземляные укрепления Южной Руси X–XI вв. М., 2009.

¹ См.: *Тимошук Б.А.* Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990. С. 121–122.

² См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность... С. 357.

³ Вслед за А.В. Назаренко, я склонен понимать под родовым сюзеренитетом систему архаичных отношений между субъектами правящего рода, опирающуюся на принцип равенства всех наследников и нераздельное совладение в управлении подвластными территориями (см.: *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 149–157). Небезынтересны, на мой взгляд, рассуждения современного украинского историка А.П. Толочко. Говоря о проблемах восприятия и репрезентации власти в древнерусском обществе, он склонен полагать, что «Рюриковичи,

¹ См.: *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2000. С. 146.

² См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 45, комм. 308–309.

³ О концептуальном понимании феномена «византийского содружества наций» см.: *Obolensky D.* Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971. Научный перевод данного труда см.: *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

⁴ См., напр. *Никитенко Н.И.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев, 2004.

⁵ См.: *Кучера М.П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.

⁶ Об этом говорят характер и техника укреплений Белгорода, Переяслава, Василева и других киевских пригородов, основанных в конце X в. и не имеющих

трансформируется. Итогом этой трансформации становится модификация «родового сюзеренитета», известная в литературе как «ряд» Ярослава 1054 г.¹ Смысл ее состоит в одновременном сосуществовании и соправлении нескольких княжеских кланов.

Данная специфика княжеской власти не позволяет говорить о типологической близости древнерусских и античных (в первую очередь греческих) полисов. Царская власть в последних очень быстро сошла на нет, а представители царских родов были инкорпорированы в среду полисной аристократии. На Руси же княжеская власть сохранила свой статус и влияние, была в целом ряде случаев серьезным оппонентом народному собранию. Во взаимоотношениях князей и городов на Руси усматривается больше сходства с политической практикой ближневосточных государств древности, нежели античности. К примеру, царская власть в Месопотамии опиралась на поддержку городских общин в политической борьбе² — точно также русские князья искали поддержки городов в борьбе за лидерство со своими сородичами³. И точно также, опираясь на военную силу городских опол-

---

которые получили всю полноту власти в Восточной Европе на протяжении второй половины X в. были сакральным княжеским родом, для которого власть была имманентной сущностью, а государство — единственно возможным способом существования». Экзистенциальная сущность древнерусского государства, в представлениях современников, представляет, по мнению А.П. Толочко, «харизматический княжеский род, чьей коллективной собственностью считается власть, мистическим образом соединенная с вверенной его опеке землей в обоих древнерусских значениях этого слова» (Толочко О.П. Держава та образ держави. Київ, 1994. С. 10). В заключении своих наблюдений исследователь констатирует, что «государство Русь является формой сожителства одной семьи, которая является историческим собственником этого государства, эмпирическим ее олицетворением, и что самое главное — идеальной формой бытия этого государства» (Там же. С. 30).

¹ См.: Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2001. Т. 1. Древняя Русь. С. 500–519; Он же. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 29–46; Он же. Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 30–54.

² См.: Яковсон В.А. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989. С. 17–37.

³ Городские общины древнерусских городов усматривали в наличии собственной княжеской династии в городе гарантию собственного суверенитета; свою очередь, княжеские корпорации рассматривали союзные города как мощный инструмент для разрешения своих, междукняжеских, противоречий. Некоторые аспекты этих отношений были рассмотрены мной в отдельной работе (см.: Котышев Д.М. Особенности политического развития Южной Руси в X–XII вв. // Вестн. Челябин. ун-та. Сер. история. 2007. № 18 (96). С. 5–17).

чений, и месопотамские правители, и потомки Рюрика пытались решать свои политические задачи по объединению или укрупнению территорий.

Дальнейшее развитие мультиполитийного образования идет по линии выделения периферийных городских структур в суверенные города-государства. Все это очень схоже с процессами постоянной борьбы за выделение номовых структур из состава ранних государств древнего Востока, которая с периодическим успехом шла весь период ранней древности. Античность, во всяком случае, греческая, не знала такого явления. Период архаики и ранней классики — это время существования автономных полисных структур, которые невзирая на существование системы колоний, тем не менее не смогли создать стабильных имперских структур. Первые попытки такого рода относятся только к эпохе греко-персидских войн и вызваны причинами сугубо внешнеполитического характера.

Примечательно, что древнерусские города-государства после распада Русской земли как мультиполитийного образования так и не смогли создать какой-либо территориальной державы вроде Делосской симмахии или афинской Архе. Единственный имперский проект древнерусского времени — это «держава» Романа Галицкого, которая, однако, не смогла пережить своего создателя и ушла в небытие вместе с ним¹.

Приведенные типологические параллели, на мой взгляд, позволят более широко взглянуть на проблему древнерусского политогенеза, расширить методологическую базу для сравнительных наблюдений. На сегодняшний день имеющаяся в нашем распоряжении совокупная информация позволяет прийти к выводу, что прямое сопоставление древнерусских политий с их античными аналогами далеко не всегда правомерно. Отмечу, что даже А.И. Никитский, с которого берет отсчет эта историографическая традиция, сравнивал с эпохой классики только поздние города-государства Руси — Новгород и Псков XIV–XV вв. и не касался при этом древнерусской эпохи. Обращение к материалам ранней древности и варварской Европы даст возможность расширить картину вероятностных сценариев становления восточнославянской государственности и более точно определить ее типологические характеристики.

---

¹ См.: Головки О.Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII століття. Київ, 2001.

С.Н. Блащук
г. Киев

РУССКАЯ ПРАВДА В ТРУДАХ В.П. ЛЮБИМОВА

Изучение истории начинается с документа. Каждое историческое исследование обычно основывается на достаточной историко-источниковедческой базе, что позволяет его автору приходиться к собственным оригинальным выводам. Поэтому очень важно чтобы издания источников по тому или иному периоду были подготовлены высококвалифицированными специалистами.

Публикации источников по древнерусскому периоду начали появляться еще с конца XVIII в. и, на сегодняшний день, уже существует огромное количество солидных академических изданий. Первые издания и исследования Правды Русской, как одного с основных источников древнерусского периода, появились еще в XVIII в. Чаще всего это были издания отдельных списков. В середине прошлого века было подготовлено трёхтомное академическое издание, в подготовке которого принимали участие профессионалы высокого класса (Г.Л. Гейерманс, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, В.П. Любимов, М.Н. Тихомиров, Б.В. Александров, Н.А. Бакланова, В.Г. Гейман, А.А. Зимин, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, А.Н. Насонов, А.А. Новосельский, Б.А. Романов, Л.В. Черепнин).

На сегодняшний день уже достаточно написано и о них самих, и об их вкладе в историческую науку. Однако, есть и такие, о ком вспоминают не так часто. В нашей статье пойдет речь о Викторине Павловне Любимове и его вкладе в подготовку академического издания Правды Русской.

В.П. Любимова вспоминают мимоходом, когда речь идёт об академическом издании Правды Русской, подготовленном коллективом учёных АН СССР и вышедшем под редакцией академика Б.Д. Грекова¹, хотя на него, как одного из наиболее опытных специалистов, был возложен достаточно большой груз работы. А.А. Зимин говорит, что именно В.П. Любимов «сыграл осо-

бенно большую роль в подготовке этого издания»¹. Кроме того, результаты его исследований использовались и другими историками. По словам Б.Д. Грекова, С.В. Юшков в своих работах неоднократно использовал наблюдения В.П. Любимова².

Советская историческая литература немногословна в оценке творческого пути В.П. Любимова, за исключением упоминаний о нём в статье С.Н. Валка³ и книге А.А. Зимина⁴. В первую очередь это связано с тем, что личные документы историка не сохранились. Нам неизвестны не только судьба его архива, следы которого до сих пор не обнаружены, но и последние годы жизни и даже дата смерти учёного. В своё время Л.В. Черепнин отмечал, что «большую монографию о происхождении памятника (Правды Русской – С.Б.) готовил В.П. Любимов»⁵, написавший «очень много, и Археографической комиссии следовало бы заинтересоваться его архивом»⁶. Однако мы более чем уверены, что никакой «заинтересованности архивом» не случилось – либо таковой не сохранился, либо его попросту не существовало. Впрочем, последнее маловероятно, особенно учитывая объём работы учёного. Его титанический труд при подготовке академического издания Правды Русской должным образом не оценён. Вряд ли материалы, побывавшие в руках историка, могли исчезнуть бесследно – личные записи и заметки были бы интересны для современных исследователей при реконструкции не только его научных взглядов, но и общеисторических условий. На данный момент обнаружены лишь отдельные документы, принадлежавшие учёному и хранящиеся в личных фондах С.Н. Валка, А.Н. Насонова, С.В. Юшкова. По этим материалам можно проследить обстоятельства подготовки издания Правды Русской.

Особенно интересны документы по нашей теме из фонда С.Н. Валка, который, готовя свою «Историографию Русской

¹ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 23.

² Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1577. Институт истории АН СССР. Оп. 5. Переписка. Ед. хр. 58. Письма академика Грекова Б. Д. и профессора Юшкова С. В. в дирекцию Института об организации работы по исследованию и изданию «Русской Правды». 09. 08. 1936–10. 09. 1936. Л. 5.

³ Валк С.Н. Русская Правда в отечественных исследованиях середины XIX – первой половины XX века. Подготовительные фрагменты // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие / отв. ред. В.Н. Гинев. СПб., 2000. С. 339–411.

⁴ Зимин А.А. Указ. соч. С. 23–24.

⁵ Черепнин Л.В. Памяти С. Н. Валка // Черепнин Л. В. Отечественные истории XVI–XX вв. М., 1984. С. 245.

⁶ Там же.

¹ Правда Русская / под общ. ред. Б.Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.; Л., 1940. 506 с.

Правды»¹, собирал материалы, связанные с данным вопросом. В фонде известного историографа содержится переписка В.П. Любимова с С.Н. Валком², с Подкомиссией по подготовке изданию Правды Русской³, с Н.Ф. Лавровым⁴, некоторые рабочие материалы самого В.П. Любимова⁵, а также библиографические материалы, собранные В.П. Любимовым в рамках подготовки издания Правды Русской⁶. Как видим, благодаря С.Н. Валку, который, как представляется, собирал указанные документы для собственных историографических изысканий, сегодня исследователям доступны отдельные документы В.П. Любимова. И хотя их очень мало, они являются достаточно ценными для историографии Правды Русской.

Отметим, что заинтересованность древнерусским юридическим памятником зародилась у В.П. Любимова на семинарах М.М. Богословского в стенах Московского университета. М.М. Богословский подчёркивал необыкновенную исключительность древнего документа. Семинар по Правде Русской⁷ был рассчитан на начинающих студентов, однако его посещали не только первокурсники (в разные годы его посещали Н.М. Дружинин, М.Н. Тихомиров, В.П. Любимов и др.).

Вероятно М.М. Богословский оказал существенное влияние и на научные взгляды В.П. Любимова, который начал исследовательскую работу с архивов, поставив себе целью самостоятельную научную проработку уже известных списков Правды Русской и отыскание новых. При подготовке академического издания было обнаружено еще 17 списков памятника, из них 9 В.П. Любимовым⁸ в собраниях Е.Е. Егорова и П.А. Овчинникова Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. При этом молодой исследователь вырабатывал собственную методику работы со списками источника.

¹ См.: Блащук С. Незакінчена студія «Історіографія Руської Правди» в контексті творчої спадщини С.Н. Валка // Історіографічні дослідження в Україні. Вип. 19. К., 2008. С. 115–131.

² Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИА СПбИИ РАН). Ф. 297. С. Н. Валк. Оп. 1. Д. 173. Письма С. Н. Валку. Л. 6–7, 23–28.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12–14 об.

⁶ Там же. Л. 20–22 об.

⁷ АРАН. Ф. 636. Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), академик, историк. Оп. 1. Научные труды. Ед. хр. 53. «Русская Правда как источник права». Пробная лекция, читанная в Московском университете. Автограф. 1898 г. Л. 4.

⁸ Зимин А.А. Указ. соч. С. 23.

М.М. Богословский, обнаружив у своего ученика значительный научный потенциал, всячески способствовал и помогал ему. Именно он предложил привлечь В.П. Любимова к работе в Подкомиссии по подготовке издания Правды Русской, понимая, насколько важен этот шаг для разработки этой проблематики, да и для всей последующей работы исследователя.

Первые свои научные наблюдения В.П. Любимов обратил на Троицкий список¹, который он выделял среди остальных. Уже в этом исследовании были заложены принципы, которые позднее были взяты за основу при подготовке академического издания. В учебном издании Правды Русской Б.Д. Грекова 1934 г. также были использованы разработки В.П. Любимова, впервые был введён в научный оборот Троицкий список². В дальнейшем работа историка проходила в рамках академического издательского проекта, в частности, отдельное исследование он посвятил кратким спискам Правды Русской³ и некоторым спорным вопросам⁴. Говоря о его взглядах относительно древнерусского юридического памятника, вернёмся к процессу подготовки академического издания, так как основные взгляды историка на памятник нашли отображение в этом масштабном проекте. Письма В.П. Любимова ясно дают понять, насколько сложным и длительным он был, ведь официально работа началась ещё в конце 1920-х гг.

В 1924 г. вопрос о новом издании памятника частично поднимался на заседании секции русской истории в Москве, где В.П. Любимов прочитал свой доклад о Троицком списке⁵. Впрочем, по словам докладчика, хотя все присутствующие во главе с председательствующим М.М. Богословским понимали значение и «первоочередные» проблемы, однако «ни в Москве, ни в Ленинграде никаких значительных шагов не предпринимали»⁶.

¹ Любимов В.П. Палеографические наблюдения над Троицким списком Русской Правды // Доклады Академии наук СССР – 1929 / отв. ред. С. Ф. Платонов. Л., 1929. №. 6. С. 109–114.

² Русская Правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому / под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1934. С. 26–27.

³ Любимов В.П. Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды // Историк-марксист. 1938. С. 156–161.

⁴ Любимов В.П. Смерд и холоп // Исторические записки. М., 1941. С. 66–83.

⁵ См.: Из отчёта Института истории за 1924–1925 академический год // Учёные записки Института истории. Т. 3. М., 1929. С. 391; Любимов В.П. Об издании «Русской Правды» // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб. 2. С. 303.

⁶ НИА СПбИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 173. Л. 12.

Работа активизировалась в 1928 г., когда была создана специальная Подкомиссия по подготовке к изданию «Правды Русской». В начале ноября М.М. Богословский предложил привлечь к ней своего ученика В.П. Любимова¹. К работе над изданием привлекались лучшие исследователи древнего памятника, однако в своём рабочем плане В.П. Любимов был вынужден отметить, что, несмотря на звёздный состав Подкомиссии, «лишь двое были заняты непосредственно работой с текстами – Е.Ф. Карский и В.П. Любимов, и из них Е.Ф. Карский занимался лишь Синодальным списком»². Вся же остальная работа была возложена на В.П. Любимова. Вскоре Подкомиссия перестала существовать³.

Потребность вновь возобновить работу над изданием Правды Русской возникла в период подготовки к празднованию 200-летия открытия её В.Н. Татищевым⁴. В.П. Любимов писал: «21 июля 1933 г. Б.Д. Греков сообщил, что АН СССР планирует самостоятельно издать Правду Русскую»⁵. 15 октября Институт истории АН СССР подписал с В.П. Любимовым официальное соглашение об его участии в проекте издания Правды Русской⁶.

Таким образом, в 1933 г. по инициативе дирекции Института истории АН СССР работа была возобновлена. К ней привлекались В.П. Любимов, И.И. Яковкин, Н.Ф. Лавров, Г.Е. Кочин, М.Н. Тихомиров⁷.

Работа над академическим изданием продвигалась достаточно быстро⁸. Уже 17 апреля 1935 г. В.П. Любимов подал на рассмотрение коллег проект классификации списков Правды Русской, а осенью того же года дополнил свою схему новыми списками⁹. Из воспоминаний В.П. Любимова становится известно, что после роспуска Подкомиссии исследователь работал в московских архивах, занимаясь поиском новых списков. Вскоре по-

сле официального возобновления работы над изданием он вынес на обсуждение коллег некоторые результаты и обобщения.

25 июня 1935 г. в Москве на квартире В.П. Любимова состоялось неформальное совещание участников подготовки академического издания Правды Русской – Б.Д. Грекова, Н.Ф. Лаврова, М.Н. Тихомирова и В.П. Любимова¹, где был согласован план действий на ближайшее время. Каждый исследователь выполнял определённую часть работы, однако основной и наиболее ответственный груз лёг на плечи Б.Д. Грекова и В.П. Любимова. Первый, как руководитель группы, сверял и согласовывал все разработки, а, самое главное, умело, чётко и продуманно направлял работу. Именно благодаря Б.Д. Грекову во многом и стало возможным возвращение к этому проекту. Второй занимался исключительно научно-исследовательской работой – будучи высококвалифицированным источниковедом и текстологом, работал с оригиналами документов, разрабатывал правила передачи текстов, принципы классификации и разделения текста на статьи и т. д.

Так, на момент начала активной работы в распоряжении Института истории АН СССР уже имелся труд В.П. Любимова о новой классификации списков². Сам историк считал свою работу незаконченным исследованием, но именно она легла в основу классификации в академическом издании. При подготовке текста к печати учёные провели огромную поисковую работу, всего было найдено и использовано более 100 списков Правды Русской. После исключения некоторых (поздних и копий) осталось 88, которые и были использованы в издании.

К решению важных вопросов исследователи подходили крайне осторожно. Именно этим объясняется ряд особенностей издания. Одной из первых возникла проблема классификации списков. Кое-кто из учёных отстаивал идею, что в её основе должна лежать история текста Правды Русской. Б.Д. Греков в этом вопросе проявил исключительную осторожность, отметив, что «любая история текста будет на 50% построена на гипотезах, поэтому она не будет прочной основой для нашей работы»³. Предложенная В.П. Любимовым классификация базировалась на формальных признаках, и, по мнению Б.Д. Грекова, должна

¹ Там же. Л. 10.

² Там же. Л. 12 об.

³ Там же.

⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПб ФА РАН). Ф. 133. Археографическая комиссия АН СССР. Оп. 1. Д. 1492. Протоколы июньского совещания по «Русской Правде». 01.01.1937 г. – 31.12. 1937 г. 138 л.

⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 173. Письма. Л. 13 об.

⁶ Там же.

⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 58. Л. 6.

⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 173. Л. 13 а.

⁹ Там же.

¹ Там же. Л. 13 а об.

² Валк С.Н. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова // Валк С.Н. Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991. С. 248.

³ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1466. Стенограммы совещаний по изданию «Русской Правды». Л. 4.

была стать основой для будущей истории текста Правды Русской. При этом он отмечал: «Если мы будем ждать идеального решения проблемы, то никогда не сможем издать нашу работу»¹.

В классификации В.П. Любимова все списки разделены на две группы, представляющие две основные редакции – Краткую и Пространную². Списки Сокращённой редакции отнесены исследователем к группе Пространных. Последние, в свою очередь, разделены на три группы: Синодально-Троицкую, Пушкинскую и Оболенско-Карамзинскую. В пределах каждой группы списки разделяются на виды, а определённые виды – на подвиды. Для В.П. Любимова главным при построении классификации были текстологические отличия списков. Поэтому Сокращённая Правда у него образовала особый вид в Синодально-Троицкой группе, поскольку она текстологически восходила к Ферапонтовскому виду той же группы. Приведённый пример показывает явную недостаточность формально-текстологического подхода к классификации списков³.

Таким образом, классификация, предложенная В.П. Любимовым, основывалась на системе семей и групп⁴, которая часто применялась при исследовании текстов, дошедших до нашего времени в большом количестве списков.

Рецензенты издания выразили собственное мнение по поводу принципов классификации. Все единодушно согласились, что проблема классификации списков Правды Русской – одна из наиболее важных в изучении истории возникновения её текста, испытавшего множество видоизменений⁵. Некоторые исследователи писали, что, в сущности, В.П. Любимов не открыл ничего нового – он лишь вернулся к делению Э.К. Тобина на Краткую и Пространную редакции. Как ещё в 1906 г. писал Н.А. Рожков: «По устоявшимся в литературе взглядам – нам следует различать два вида Правды Русской – Краткую и Пространную»⁶. Такого же мнения придерживались И.А. Стратонов⁷ и Е.Ф. Кар-

ский¹. Все же, несмотря на все критические замечания, учёный изучил опыт предшественников и на этой основе создал более совершенную схему, которою доработал и усовершенствовал М.Н. Тихомиров, выделив в этой схеме ещё одну редакцию. И, на сегодняшний день мы пользуемся классификацией предложенной В.П. Любимовым с коррективами М.Н. Тихомирова.

Свой вклад учёный внёс и в деление текста Правды Русской на статьи. Этот вопрос на протяжении двух веков исследования источника решался неоднократно, но унифицированного деления не существовало. В основу В.П. Любимов предлагал положить указания самого документа, то есть киноарные заглавные буквы и знаки препинания в рукописи².

Также была предложена единая нумерация статей для всех списков Правды Русской. За основу был взят Троицкий I список, при этом отмечалось, что Синодальный список резко отличается от остальных Пространной редакции перестановкой ряда статей. Нумерация статей рассматривалась как крайне полезный рабочий инструмент. После долгих споров было решено не размещать номера статей ни на полях, ни в тексте, ограничившись сводной таблицей в конце тома.

Первый том был сдан в издательство АН СССР 28 января 1938 г., а уже в мае следующего года Б.Д. Греков подписал его к печати³. В своём предисловии к первому тому Б.Д. Греков отметил, что наибольшая заслуга при его подготовке принадлежит Н.Ф. Лаврову, В.П. Любимову и Г.Л. Гейермансу⁴.

Подводя итоги, следует сказать, что академик Б.Д. Греков высоко ценил работу и научные взгляды В.П. Любимова: «ему Институт обязан тем, что наше издание Правды Русской включило около 20 новых списков Правды, до сих пор не известных. Он же главный автор и нашей классификации списков. Ему принадлежит много ценных наблюдений над текстами списков. Работает он, правда, медленно, но очень тщательно, что для нашего предприятия особенно ценно»⁵. И это все, не смотря на то, что В.П. Любимов в то время был болен склерозом сосудов го-

¹ Там же. Л. 5.

² Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 30.

³ Зимин А.А. Указ. соч. С. 24; Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.: Л., 1941. С. 33–35.

⁴ Любимов В.П. Смерд и холоп. С. 67.

⁵ Сыромятников Б. Русская Правда. Рецензия // Советское государство и право. 1940. № 7. С. 144.

⁶ Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 2. С. 81.

⁷ Стратонов И.А. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. С. 5.

¹ Карский Е.Ф. Русская Правда по древнейшему списку: Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930. С. 7.

² СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1492. Л. 98.

³ НА СБ ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 173. Л. 14 об.

⁴ Правда Русская. Т. I: Тексты. С. 10.

⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 58. Л. 5–17.

ловного мозга¹, болезнь прогрессировала, поэтому регулярно работать он не мог.

Как уже отмечалось, всю свою научную жизнь В.П. Любимов посвятил исследованию Правды Русской, и не удивительно, что у историков возникает вопрос – почему после него осталось лишь несколько статей и ни одной специальной монографии, или хотя бы её рукописи? В фонде М.Н. Тихомирова хранится письмо В.П. Любимова, в котором идёт речь о его будущей книге, и о том, что М.Н. Тихомиров уже ознакомился с первым разделом рукописи². А.А. Зимин тоже говорит о том, что «незадолго до смерти В.П. Любимов завершил исследование о Правде Русской и новгородских летописях, но к сожалению, судьба этой монографии остается невыясненной»³. Следовательно, монография В.П. Любимова – не плод фантазии историков. Однако её судьба не известна.

Взгляды В.П. Любимова, хотя и стали, своего рода, классическими в исторической науке, не раз поддавались критике со стороны его коллег. Нужно отметить, что В.П. Любимов иногда свои истинные взгляды завуалировано высказывал, пряча их в примечаниях и ссылках⁴.

На наш взгляд, жизнь и творческий путь В.П. Любимова заслуживает на внимание со стороны современных исследователей. Поскольку его воспоминания и письма хорошо дополняют наши представления о жизни и условиях работы историков первой половины XX в.

¹ Там же.

² АРАН. Ф. 693. Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965), историк, академик АН СССР (1953), действительный член Польской АН (1959). Оп. 4. Переписка. Ед. хр. 353. Тихомиров Михаил Николаевич. Любимов Викторин Павлович. Письма М. Н. Тихомирову. Москва. 27 марта 1950 г. Л. 1.

³ Зимин А.А. Указ. соч. С. 24.

⁴ Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Киев, 2009. (Ruthenica. Supplementum 2). С. 25.

Н.В. Халявин
г. Ижевск

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЕПИСКОПИИ В ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

История новгородской церковной организации имеет обширную литературу, посвящённую самым разным сторонам деятельности владычной кафедры. Составление соответствующего историографического обзора требует скрупулёзного анализа всего накопленного материала, это задача для большого труда. Между тем, можно попытаться выявить основные проблемы, интересующие исследователей новгородского церковного прошлого, обратившись к работам историков, для которых объектом изучения являлась непосредственно сама новгородская епархия и, шире, Русская православная церковь в первые века её становления. Ограничив поле историографического анализа трудами отечественных историков и, в хронологическом плане, обратившись к тому, что происходило в Новгороде в первые полтора столетия существования здесь христианства можно проследить формирование историографического поля и выделить круг проблем, которые интересовали историков.

Одним из первых, кто обратился к истории Русской православной церкви, был киевский митрополит Евгений Болховитинов, который ещё в бытность свою префектом Александровской академии задумал и начал собирать «Историю российской иерархии». Труд этот вышел под авторством префекта Новгородской семинарии иеромонаха Амвросия Орнатского, хотя большая часть написанного принадлежала перу Болховитинова¹.

Об истории новгородской епархии здесь говорится мало, обозначено только, что «епархию сию основал Великий Князь Киевский и всея России Владимир I Святославич в конце X сто-

¹ См.: Карташев А.В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 17–18.

летия»¹, и среди перечня новгородских архиепископов указано, что «Илия, а в схимничестве Иоанн, Святой, по пострижении хиротон. 1165 во Епископа из священников Новгородской Власьевской церкви; в том же году пожалован Архиепископом, и с него в Новгороде учреждена Архиепископия»².

Продолжателем традиции написания общерусской церковной истории можно считать архиепископа Филарета Гумилевского. Его сочинение было уже не просто справочником о церковных иерархах, оно содержало элементы анализа по истории церкви, хотя в отношении к Новгороду Гумилевский, как и Болховитинов, довольно скуп. По его признанию, «Нестор не говорит, когда и для кого в первый раз по введению веры в России назначены кафедры епископские», но «несомненно, что 992 г. в Новгороде был первым епископом Иоаким»³.

Филарет объяснял, как в Новгороде появилось архиепископство: «иерархи русские, которым поручались епархии, назывались епископами. В одном только Новгороде, и то только в 1165 г., св. Иоанн епископ почтен был саном архиепископа, с предоставлением того же и преемникам его. Он известен был по строгой добродетельной жизни; а Новгород, по своему значению для всей России, давно имел право желать отличия своему пастырю. Потому-то митрополит Иоанн охотно согласился на просьбу Новгородцев о предоставлении пастырю их звания архиепископа»⁴.

Практически одновременно с работами Филарета в печати начинают появляться труды его младшего современника, будущего митрополита Макария. Его публикации уже без сомнения можно отнести к научным произведениям. О начале крещения Новгорода Макарий пишет, что оно прошло «уже не так, как в Киеве, дело обошлось не без сопротивления, которое надлежало укрощать силою»⁵.

Он обращает внимание на весьма знаменательный эпизод в жизни молодой русской церкви, когда желание князя Изяслава поставить на митрополичий престол Климента Смоленячича наткнулось на сопротивление новгородского владыки Нифонта. По мнению Макария, русские «привыкли считать константино-

польского патриарха главным блюстителем православия, а Константинополь как бы столицей православия, привыкли видеть, как оттуда постоянно проходили к нам наши первосвятители, поставляемые самим патриархом, многие Русские, естественно, не могли без предубеждения смотреть на попытку вел. кн. Изяслава и не признать ее опасною не только для Церкви отечественной, но и для государства». При этом автор забывает о том, что «опасная попытка» поставить во главе митрополии русского ставленника уже была с успехом реализована во времена Ярослава Мудрого, посадившего на митрополичий престол Иллариона. Несколько надуманными выглядят и выводы Макария по этому эпизоду: «А потому Нифонт, с такою ревностю и постоянством противостоявший Изяславу и Клименту, естественно, должен был казаться для подобных людей не только ревнителем веры православной, но и поборником земли русской, особенно, когда огласилось, что сам патриарх присылал ему свои грамоты, в которых ублажал его и уподоблял Святым за его подвиг»¹.

Важными деталями Макарий дополнял сообщение о появлении архиепископства в Новгороде: «новгородцы в 1165 г. отправляли в Киев посла своего, юрьевского игумена Дионисия, с богатыми дарами к митрополиту Иоанну и испросили у него для своего владыки право называться архиепископом. Если верить Татищевской летописи, митрополит соглашался даже подчинить новгородскому архиепископу двух епископов: Смоленского и Полоцкого... Митрополит прислал новому архиепископу, как особое отличие, богатые крещатые ризы и мантию с источниками»². Автор отметил, что в «Новгороде, где все важнейшие дела решало народное вече, и избрание епископа совершалось вечем»³, подробно описав процедуру избрания владыки по жребию.

В начале 1870-х гг. вышло первая общая работа по русской церковной истории профессора П.В. Знаменского. Он постарался подвести некоторый итог тому, что было наработано его предшественниками. С точки зрения научной ценности полученные выводы не всегда оказывались на высоте, поскольку допускали двойную трактовку сказанного. К примеру, обращаясь к вопросу о крещении новгородцев, в том варианте как его передавал Зна-

¹ Амвросий, иеромонах. История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807. С. 67.

² Там же. С. 70

³ Филарет, архиепископ Черниговский (Гумилевский Д.М.). История Русской церкви. Т. 1. 988–1237. М., 1859. С. 52.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Макарий, мтп. История Русской церкви. Т. 1. СПб., 1857. С. 6.

¹ Он же. История Русской церкви. Т.3. СПб., 1857. С. 10.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 204.

менский, можно было прийти к выводу о двойном их крещении, поскольку автор сначала пишет, что «крестив народ по городам и селам около Киева, митрополит Михаил с епископами и Добрыней в 990 г. ходили в Новгород, где произошло такое же низвержение Перуна в Волхов, как в Киеве, и общее крещение народа», а потом сообщает, что «когда в 992 году явился туда первый новгородский епископ Иоаким, то был встречен очень опасным сопротивлением язычествующего народа, которое нужно было преодолевать оружием. Тысяцкий князя Путята вместе с Добрыней усмирили город после злой сечи и пожара, вследствие чего про новгородцев составила пословица: "Путята крести мечом, а Добрыня огнем"»¹.

В истории с Климентом Смолятичем и Нифонтом П.В. Знаменский ничего, кроме противостояния в митрополии русской и греческой партии не видел², зато появление архиепископства в Новгороде он оправдывал не какими-то церковными надобностями, а увязывал его скорее с экономическим положением новгородчины: «...Возвышение земли возвышало и ее епархию; в 1165 г. богатый Новгород выхлопотал своему владыке Иоанну титул архиепископа, - тогда еще первый и единственный на Руси», и политическими потребностями: «...Как великие князья стремились к ограничению власти патриарха в избрании митрополитов, так, в свою очередь, удельные князья и жители уделов стремились ограничить власть митрополита в назначении своих епископов. ...В княжеских уделах главный голос при избрании епископа принадлежал князьям, а в Новгороде, где вече было сильнее князя, с XII века видим народное избрание владык»³.

В 1879 г. появился «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде» А.И. Никитского. Выводы учёного во многом противоречили тому, что содержалось в трудах его коллег-предшественников. Он настаивал на мирном характере распространения христианства в Новгороде, говоря, что «летописное известие о крещении народа в Киеве сообщает нам, что жители города по крайней мере выражали плачем свое пассивное сопротивление поруганию Перуна. Ничего подобного в Новгороде мы не видим»⁴.

¹ Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 2000. С. 15.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 27–28.

⁴ Никитский А.И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Ч. 201. С. 281.

Никитский считал, что «подобно тому, как Киев посылал в Новгород светских правителей, так точно оттуда шли в Новгород и церковные власти, что Новгородские епископы были простыми подручными Киевского митрополита»¹, но «как скоро новгородский гражданский строй стал мало по малу принимать самостоятельный характер, тотчас же и в церкви замечается соответственное движение». В истории с поставлением Климента Смолятича А.И. Никитский видит стремление к автокефалии киевского митрополита от византийского патриарха, а воспротивившемуся нарушению канона новгородскому епископу греку Нифонту «вместо достижения архиепископского сана пришлось только, за свое противодействие митрополиту, выдержать продолжительное заключение в Киевском Печерском монастыре». А.И. Никитский, отметив неудачную попытку Нифонта получить архиепископство, заключал, что «вторая половина XII столетия была эпохой, слишком благоприятною для осуществления местных стремлений, чтоб они прошли бесследно и в новгородской церковной истории. ...Новгородцы совсем не имели в виду вполне разрывать церковную связь с Киевом; они хотели только посредством устранения митрополита от назначения своего владыки придать последнему большую независимость и сделать его из пришельцев одним из первых граждан Великого Новгорода. Не удивительно поэтому, что Новгородцы не встретили со стороны Киева никакого противодействия, когда, воспользовавшись вакантностью митрополичьей кафедры, сами назначили себе в 1156 году нового владыку и через два года послали его в Киев на посвящение»². Таким образом, появление в Новгороде выборных епископов выглядело, как случайная уступка со стороны митрополичьего центра.

После полемичной работы А.И. Никитского положение дел в церковной историографии конца XIX в. стало указывать на некоторый застой в научных исследованиях, события излагались в привычных схемах, повторяясь из издания в издание, новых трактовок и исторических оценок почти не появлялось. Свидетельством тому могут служить одноименные работы М.В. Толстого и Н. Тальберга – «История Русской Церкви»³.

Ситуация начала меняться, когда появился большой труд Е.Е. Голубинского, своим традиционным названием «История

¹ Там же. С. 298.

² Там же. С. 307–309.

³ См. переиздания: Толстой М.В. История Русской Церкви. Валаам, 1991; Тальберг Н. История Русской Церкви. Сретенский монастырь, 1997.

Русской церкви» не обещавший, казалось, ничего нового. Но работа оказалась поистине новаторской. Уже на эпизод крещения новгородцев Е.Е. Голубинский имел свой собственный взгляд: «совершенная покорность Русских в деле перемены веры воле князя и так называемое мирное распространение христианства на Руси есть не что иное, как невозможная выдумка наших умеренных патриотов, хотящих приносить здравый смысл в жертву своему патриотизму. ...О крещении Новгородцев сохранилась поговорка, что «Путья крестил их мечем, а Добрыня огнем». Это, очевидно, значит, что в Новгороде новая вера была встречена открытым возмущением и что для подавления последнего потребовались и были употреблены самые энергичные меры. Очень возможно, что подобные возмущения были и не в одном Новгороде»¹.

Обращаясь к проблеме появления архиепископства в Новгороде Е.Е. Голубинский пояснял, что этот вопрос не связан со стремлением к какой-либо автокефалии новгородской церкви: «Настоящее автокефальное архиепископство мог дать только патриарх, освобождая епископа от власти митрополита и подчиняя непосредственно себе, но епископу Новгородскому дал архиепископство как простое титуло Киевский митрополит». Появление новгородского архиепископства Голубинский увязывал с историей поставления Климента Смолятича на митрополию: «С какой стати епископ Новгородский возведен был митрополитом в титулярные архиепископы, каковых в Греции вовсе не было, летописи нисколько не объясняют, но дело довольно понятно само по себе... епископ Новгородский Нифонт, не признавая законности митр. Климента, взят был патриархом в свою непосредственную власть и... таким образом он был сделан и стал автокефальным архиепископом. Преемник Нифонта († 1156), когда после Климента снова явились на кафедре митрополичьей законные митрополиты, опять стал простым епископом, ибо опять подчинился митрополиту. Но после архиепископа, что по названию более и важнее, чем епископ, Новгородцам не хотелось иметь простого епископа, – и вот они и придумали доставить своему епископу не значение архиепископа (автокефалию), а его имя, как почетный титул... Митрополит, давая епископу имя или титуло архиепископа, нововводил тут такую затею, которой совсем не знала церковь Греческая. Но так как затея была

совершенно невинная, ибо все дело было в одном и простом имени и притом такая, о которой можно было и не доводить до сведения патриарха, что по всей вероятности митрополит и сделал: то, получив от богатых Новгородцев или от их богатого владыки приличные дары, он и мог охотно согласиться ее допустить...»¹. Наблюдения Е.Е. Голубинского зародили в отечественной историографии традицию связывать появление новгородского архиепископского титула с Нифонтом. По замечанию Я.Н. Шапова «Эта концепция, высказанная Голубинским, сменила одну из названных выше летописных версий, существовавших ещё в XIV в., об исконном именовании новгородских владык архиепископским титулом, хотя другая, зафиксированная в XV в., о том, что первым архиепископом был Илья, продолжала существовать»².

Е.Е. Голубинский замечал, что «с 1156-го года в Новгороде навсегда водворился обычай избирать епископов самим – посредством народного веча и из среды собственного духовенства» и делал вывод: «...Несомненно, что епископы Новгородские с того времени, как начали быть избираемы самими Новгородцами, находились в полной и совершенной власти своего земства»³.

Гораздо меньшей по объему, чем многотомное сочинение Е.Е. Голубинского, но также весьма заметной по новизне, стала работа М.Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.». Автор отстаивал версию первоначального подчинения русской церкви Охридскому патриарху. Его исследование лишь косвенно касалось положения новгородской епископской кафедры и доказательная база построений Приселкова здесь не всегда стройна. Например, появление епископа-грека Иоакима Корсунянина в Новгороде он оправдывает тем, что «епископы, вопреки канонам, избирались не собором епископов, а князьями тех городов, куда предназначался кандидат. Зная упорство греков по части охранения выгодных им прав и преимуществ, естественнее всего отнести этот порядок епископского избрания ко времени установления у нас власти Охридского патриарха. Соглашаясь не иметь особого предстоятеля для своей церкви, Владимир вытребовал себе, по крайней мере, свободу в замещении епископских кафедр. Это дает объяснение тому, что в числе первых епископов, поставленных на Руси при

¹ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т.1, ч.1. Период первый. Киевский или домонгольский. М., 1901. С. 175–176.

¹ Там же. С. 443.

² Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 66.

³ Там же. С. 554.

Владимире, рукою Охридского патриарха, встречаем грека-корсунянина Иоакима, епископа Новгородского»¹.

В советское время история церкви долгое время находилась «на задворках» исторического исследовательского поля. Главной работой по церковной тематике долго оставался труд Н.М. Никольского «История русской церкви», опубликованный в 1931 г. и потом несколько раз переиздававшийся. Какого-то неожиданного пересмотра сюжеты из новгородской истории здесь не нашли, если не считать особенностей риторики и марксистской терминологии: «огромное большинство игуменов и епископов находилось в феодальном подчинении у князей, но нельзя сказать, чтобы у нас совершенно не было духовных сеньеров. Такими сеньерами были новгородский владыка и московский митрополит. ...Кандидат на архиепископскую кафедру избирался и утверждался в Новгороде...»².

Продолжателем дореволюционной историографической традиции можно считать эмигранта А.В. Карташева. Его «Очерки по истории русской церкви» увидели свет в Париже в 1959 г. А.В. Карташев определял как «сугубо недостоверное свидетельство Степенной Книги о крещении многих новгородцев в 989 г. митрополитом Михаилом» и говорил, что «нужно признать за начало крещения Новгорода только деятельность первого местного епископа Иоакима (с 991 г.)». Он поддерживал мысль Е.Е. Голубинского о том, что Нифонт новгородский получал архиепископство как личное пожалование, но «именно этот прецедент послужил основанием для новгородской кафедры добиваться и добиться вскоре присвоения ей постоянного титула архиепископии с обычным подчинением киевскому митрополиту»³. Интересным наблюдением в работе Карташева было то, что «практика русской церкви в до-монгольский период допускала... случаи архиерейской хиротонии над белыми священниками... О безмонашеском архиерействе нам известно из практики Новгорода»⁴. Впрочем, широкому кругу отечественных историков труды А.В. Карташева стали доступны только после публикации их в России в 1992 г.

Советская историография лишь к 1980 г. обогатилась работой А.С. Хорошева, посвященной непосредственно новгородской

церковной истории. Автор возвращался к тезису о насильственном крещении новгородцев. По его словам, «Все русские летописи единодушно умалчивают о каких-либо волнениях при крещении восточных славян, что нарушает только легендарный текст Иоакимовской летописи о крещении новгородцев «огнем и мечем». Сравнив проведенную Владимиром языческую реформу и принятие христианства, А.С. Хорошев увидел особый смысл в том, что Перуново капище было устроено Добрыней за пределами города. «Такое положение инородного идола как бы символизировало его удаленность от повседневной жизни новгородцев. Иоаким же с самого начала занимает место в центре новгородской городской федерации в Кремле. Таким образом, переход государства на христианскую идеологическую платформу знаменовал переход власти в крепости из рук языческих жрецов в руки христианского проповедника, превращение языческого капища в резиденцию новгородского святителя»¹.

Ученый считал, что «две тенденции наиболее четко прослеживаются в истории новгородской святительской кафедры XI – середины XII в.: полная зависимость новгородских епископов от киевской митрополии и непрекращающееся сопротивление народных масс упрочению новой религии». От него не ускользнула судьба целого ряда новгородских владык этого времени: «Лука ушел из Киева в 1060 г. и умер по дороге в Новгород, «на Копысе». В 1068 г. «иде владыка Стефан в Киев и тамо свои холопы удавиша его». Смерть новгородского епископа Германа зафиксирована летописцем в 1095 г. в том же Киеве. ...Смерть этих новгородских владык прямыми либо косвенными указаниями летописца связывается с митрополичьей резиденцией, и это ярко свидетельствует об успешном применении на Руси византийских методов избавления от неугодных радикальными средствами – заточение, убийство, отравление»². Правды ради, стоит отметить, что данный вывод всё же не столь очевиден и требует большей аргументации.

А.С. Хорошев считал, что «в 20–30-х годах XII в. в Новгороде наряду с вызреванием тенденций сепаратизма боярства по отношению к великокняжеской власти проявлялось стремление к автокефалии софийской кафедры от киевской митрополии». Доказательства этому ученый, вслед за В.Л. Яниным, видел, во-

¹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 50–51.

² *Никольский Н.М.* История русской церкви. 3-е изд. М., 1985. С. 62.

³ *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 185.

⁴ *Там же.* С. 186.

¹ *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 13–14.

² *Там же.* С. 18–19.

первых, в деятельности новгородского епископа Иоанна Попьяна, чья особая печать свидетельствовала о стремлении «владыки подчеркнуть не только свою независимость от киевской митрополии, но и автокефальность по отношению к константинопольской патриархии». А вторым свидетельством стремления новгородцев к автокефальности, по мнению А.С. Хорошева, служила деятельность епископа Нифонта. Правда, оценивая её, автор впадает в логическое противоречие, заявляя, что «грек Нифонт... подтвердил свой вассалитет по отношению к высшим иерархам и догматическую приверженность к церковным канонам», но «в то же время... Нифонт выгодно отличался от предшественников по архиепископии заинтересованностью в новгородских делах. ...Он не только поддержал республиканские устремления новгородского боярства, но и использовал их для проведения демократической реформы своей епархиальной организации»¹.

Говоря о начале новгородского архиепископства, А.С. Хорошев замечает, что за непреклонность в деле поставления Климента Смолятича константинопольский патриарх пожаловал Нифонту архиепископский сан и это «автоматически включало владельца софийской кафедры в непосредственное ведение патриарха». Именно Нифонт «используя республиканские изменения в Новгороде... провел коренную церковную реформу в своей епархии. ...С этого времени устанавливается своеобразная новгородская система избрания епископа на вече, фактически устранявшая киевского митрополита от участия в выборах новгородского иерарха. Пользуясь церковными смутами, Нифонт сумел извлечь все выгоды из своего положения единственно признанного в Византии русского епископа и установил для Новгорода относительную церковную самостоятельность»².

Конец 1980-х гг. в связи с 1000-летием крещения Руси ознаменовался заметным увеличением интереса к церковно-религиозной проблематике. В 1989 г. появляется работа Я.Н. Щапова о государстве и церкви в Древней Руси. В своих выводах, касающихся истории новгородской епископии, автор polemизирует с А.С. Хорошевым, заявляя, что единственная русская новгородская архиепископия «была только титулярной, почётной, но её отношения к вышестоящим центрам не выходили за пределы подчинения Киеву»³ и отмечая, что появление

титула архиепископа нет оснований связывать с «Нифонтом и его проконстантинопольской позицией в конфликте 1147–1149 гг.», тогда как «появление титула архиепископа на Руси есть все основания относить к деятельности Иоанна Попьяна и связывать его с формированием республиканской конституции Новгорода, противостоящей традиционным правам и княжеской власти, и киевского митрополита»¹. В аналогичных формулировках эти мысли были изложены Я.Н. Щаповым в первой главе коллективной работы «Русское православие: веки истории»². После Нифонта и Иоанна (Ильи) в историографии появился третий претендент на звание первого новгородского архиепископа – Попьян.

В том же 1989 г. появилась на свет и работа О.М. Рапова «Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства». В отличие от академического стиля Я.Н. Щапова, это сочинение отличалось заметной свободой в описании исторических событий раннего русского средневековья. Интересной, основанной главным образом на интерпретации наименования приделов Святой Софии, была попытка реконструкции крещения новгородцев, расписанная автором практически по дням³.

Подводя итоги, можно заметить, что основными темами для исследователей начального этапа существования новгородской епископии были проблема принятия христианства новгородцами, появление у них первых епископов, становление архиепископии и её место в политической системе Новгорода.

В современных общих работах по истории церкви новгородская проблематика рассматривается в русле проблем и трактовок, сложившихся, главным образом, ещё в конце XX столетия⁴. Попыткой обращения к истории непосредственно новгородской церкви можно считать работу О.В. Кузьминой «Республика Святой Софии», но, хотя название первой главы «Православная церковь в Новгороде (общий обзор)» и предполагало обращение к истокам новгородской церковной организации, автор сосредоточила свое внимание на XIV – XV столетиях, практически не обращаясь к древнерусскому материалу⁵.

¹ Там же. С. 26–28

² Там же. С. 28–32

³ Щапов Я.Н. Указ. соч. С. 62.

¹ Там же. С. 67–69

² Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 21–22

³ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1989. С. 255–276.

⁴ См. напр.: Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. Изд. 2-е. М., 2007. С. 31, 51.

⁵ Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. М., 2008.

Е.Н. Дербин
г. Ижевск

ЗЕМСКО-ВЕЧЕВАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВРЕМЯ ЕЁ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

В историографических работах по истории Древней Руси справедливо отмечается, что земско-вечевая или общинно-вечевая теория её политического устройства господствовала в отечественной историографии середины XIX – первой трети XX в.¹ и получает всё большее распространение сегодня. Но парадоксальной выглядит ситуация, когда ни время возникновения, ни вариационное содержание данной теории на всём протяжении развития исторической науки в России не подвергались специальному изучению. А это тем более актуально в связи со значительно возросшим интересом историков к социально-политическому устройству Древней Руси и, особенно, к истории древнерусского веча². Объяснением такого положения может служить то, что земско-вечевая теория, в отличие от родовой, общинной, государственной, федеративной, договорной, торговой или городской теорий менее постулировалась историками

¹ *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 100; *Дербин Е.Н.* Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007. С. 163.

² *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы: матер. и исслед. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М., 2006; *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009; *Котляр М.Ф.* Княжеская служба в Киевской Руси. К., 2009; *Ричка В.М.* «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). К., 2009; *Поляков А.Н.* Киевская Русь как цивилизация. Оренбург, 2010; *Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X–XIII вв. СПб., 2011.

как таковая. Она проявлялась при изучении различных сторон исторической действительности, входила в общие конструкции русской истории и могла включать элементы других концепций. К тому же данная теория постоянно подвергалась модификации, не была чем-то застывшим и строго оформившимся, но, тем не менее, в основных своих чертах переходила из поколения в поколение исследователей. Что это за черты и когда они возникли в отечественной историографии – вот вопросы, на которые необходимо, прежде всего, ответить. Потому что на сегодня есть две различные точки зрения на данную проблему.

Первый взгляд на время возникновения земско-вечевой теории в наибольшей степени разработан М.Б. Свердловым. Он связывает её с периодом подготовки и проведения либерально-буржуазных реформ 50–70-х гг. XIX в., которые расширяли права местного самоуправления, привлекали к нему выборных от купцов и крестьян, устанавливали формальное равенство сословий перед законом. Отсюда возрос интерес к истории местного самоуправления переросший к поиску предистории земства, к разработке теории общинно-вечевого строя Древней Руси. Суть её, по М.Б. Свердлову, заключалась в том, что тогдашние историки (А.Ф. Тюрин, И.В. Лашнюков, Н.И. Костомаров, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.) придавали городу и его волости, общинному и земскому самоуправлению, городскому вечу на Руси абсолютное значение. При этом принижалась роль государства и княжеской власти, сводимой к административно-военным функциям, осуществляемым на основе договора князя и веча. В некоторых трудах появлялись даже аналогии древнерусских городов и античных городов-государств (А.И. Никитский, М.Д. Затыркевич, И.Е. Забелин и др.)¹. Все эти тенденции, выявленные М.Б. Свердловым в историографии отчасти верны. Однако, предвзятое отношение к изучаемой теории, исключительное внимание к поиску концепций феодального строя на Руси и устаревшие подходы к объяснению развития исторической науки через общественно-политические, идеологические факторы помешали историографу проследить более длительные её корни. Более того, вслед за М.Б. Свердловым некоторые современные исследователи прямо заявляют, что земско-вечевая или общинно-вечевая теория сразу и резко возникла в 60–70-е гг. XIX г., приписывая авторство

¹ *Свердлов М.Б.* Послесловие // *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1991. Т. 2–3. С. 708–709; *Он же.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 101.

её В.И. Сергеевичу в известном его сочинении «Вече и князь» (1867)¹.

Вторая точка зрения на рассматриваемую проблему видит истоки концепции древнерусского самоуправления во взглядах идеологов и историков славянофильского направления, сформулированных ещё в 1840-е гг. (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, И.Д. Беляев, В.Н. Лешков и др.)². Конечно, и М.Б. Свердлов не отрицает связи земско-вечевой теории пореформенного времени с общинной теорией «Земли» и «Государства» славянофилов, но говорит лишь о взаимодействии их, а не о прямом развитии³. Не вдаваясь в изложение хорошо известных взглядов теоретиков славянофильства⁴ разве можно пройти мимо первых исторических трудов И.Д. Беляева, в которых уже на профессиональном уровне изло-

¹ Лукин П.В. Указ. соч. С. 34. — Здесь автор явно проявляет потребительское отношение к историографическим источникам, не всегда корректно и выборочно используя их данные.

² Кривошеев Ю.В. Земская государственность на Руси: И.Д. Беляев, его современники и наследники // *Беляев И.Д. История русского законодательства*. СПб., 1999. С. 624.

³ Кстати о том же писал ещё П.Н. Милоков. — См.: *Милоков П.Н. Источники русской истории и историография* // *Он же. Очерки истории исторической науки*. М., 2002. С. 353, 356.

⁴ Важно помимо этого отметить истоки идей самих славянофилов, которые сложно однозначно уловить, ввиду отсутствия у них ясных ссылок на предшественников. Но надо полагать ими были и декабристы, и польские националисты, говорить о которых в то время по понятным причинам их запрещения было чревато. И те и другие, говоря о домонгольской Руси, обращали особое внимание на общинное вечевое её устройство, опровергая утверждение, будто русский народ не способен к самоуправлению. Однако их исторические взгляды формировались, в первую очередь, под влиянием их революционных устремлений и общего духа романтизма, были отрывочны и не формулировали общей теории. — См.: *Милоков П.Н. Указ. соч.* С. 347–350; *Азадовский М.К. Исторические, политико-экономические и философские произведения декабристов* // *Литературное наследство*. М., 1954. Т. 59. *Декабристы-литераторы*. Т. 1. С. 731–744; *Волк С.С. Исторические взгляды декабристов*. М.: Л., 1958; *Серман И.З. Александр Корнилович как историк и писатель* // *Литературное наследие декабристов*. Л., 1975. С. 142–164; *Алматов А.Н. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века)*. М., 1985. С. 193–204; *Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников*. М., 1989; *Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года*. М., 1993. С. 314–320; *Цимбали А.Н. Идеи декабристов и русская историография XIX в.* // *Ист. зап.* М., 1975. Т. 96. С. 315–337; *Он же. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века*. Л., 1977. С. 61–75; *Потков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты*. М., 1974; *Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века*. М., 1986. С. 56–73, 86–88; *Дербин Е.Н. Указ. соч.* С. 42–46, 68–79.

жены все основные черты изучаемой теории. В его работе «Города на Руси до монголов» (1848) Древняя Русь предстаёт как конгломерат земель, состоящих из старших городов и их пригородов. В них сосредотачивалась общинная жизнь, руководимая вечами, «на которых решались дела целого города и его области со всеми пригородами». Общинное управление, «самостоятельный суд и расправа» пронизывают весь строй городов. Князья и их дружины выступали главным образом в качестве посредников, улаживающих постоянные внутрисемейные распри между общинами городов¹. Позже И.Д. Беляев, ставший профессором Московского университета по кафедре истории русского законодательства и внёсший существенную лепту в окончательное оформление историко-правовой науки в России, не раз дорабатывал свою концепцию². В итоге она выглядит следующим образом.

В основу изучения истории Древней Руси, как и другие славянофилы, И.Д. Беляев вкладывал процесс развития взаимоотношений основных элементов древнерусского общества – князя и его дружины с земством. Причем периодизация, которой при-

¹ *Беляев И.Д. Города на Руси до монголов* // *Журнал министерства народного просвещения*. 1848. Ч. 57. Отд. 2. С. 157–190. — Это фактически первое историческое объяснение политического устройства Древней Руси как земско-вечевого было сделано ранее работы А.Ф. Тюриня «Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси» (СПб., 1850). Поэтому отдавать в этом приоритет последнему, как представляется М.Б. Свердлову, нельзя. — См.: *Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв.* С. 90.

² Его «Лекции по истории русского законодательства», которые он читал в университете более 20 лет, целиком изданные лишь посмертно в 1879 г. учеником и преемником С.А. Петровским, явились одним из первых опубликованных курсов подобного рода. Представленная в них концепция истории Древней Руси разрабатывалась И.Д. Беляевым во множестве других произведений различного характера. Это и полемические статьи, рецензии, речи, диссертации, и обобщающие «Рассказы из русской истории», и др. — См.: *Беляев И.Д. Отношение приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского*. М., 1848; *Он же. Русская земля перед прибытием Рюрика в Новгород*. М., 1850; *Он же. Рец.: История России с древнейших времен*. М., 1851. Т. 1. Соч. Сергея Соловьёва // *Москвитин*. 1851. № 18. Кн. 2. С. 335–423; № 19–20. С. 601–624; № 24. Кн. 2. С. 587–596; 1852. № 2. Кн. 2. С. 45–52; *Он же. Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород*. М., 1852; *Он же. О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича*. М., 1858; *Он же. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе*. М., 1860; *Он же. Земские соборы на Руси*. М., 1867; *Он же. Рассказы из русской истории*. М., 1861–1872. Кн. 1–4; *Вакулина Е.Н. Исторические взгляды И.Д. Беляева* // *Беляев И.Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе*. М., 2002. С. 23.

держивался историк, была достаточно традиционной: древнейшая эпоха (до смерти Ярослава I) и эпоха уделов (до Московского единоподданства)¹. Представляя изначально славянские племена как общинные союзы, области или земли, состоявшие из старшего города, его пригородов и сельской округи, управлявшихся народным собранием — вечем главного города, И.Д. Беляев находил в них племенных князей «в монархической форме», то есть наследственных, и выборных «в чисто-республиканской форме». Однако первоначальная княжеская «форма правления, какая бы она ни была, по свидетельству летописей, не уничтожала верховной власти веча»². Усиление княжеской власти исследователь связывал с внешними факторами. Впервые, призвание варяго-русских князей для прекращения внутренних раздоров привело к сосредоточению в их руках суда и управления, чему в немалой степени способствовала княжеская дружина, не зависящая от земли. Но интересы первых князей, направленные на распространение своих владений, платящих им дань, не проникали вглубь общественной жизни. «Князь со своей дружиной в это время еще были сами по себе, а городская и сельская земщина сама по себе», они «еще не сжились друг с другом». Поэтому «самое управление князей и их посадников в то время было далеко не самостоятельным». Если дела касались всей земли, то «рядом с властью князя или посадника стояла власть земщины в лице веча и выборных старост». Если нет, то князь «был самовластен и независим». Последнее касалось и свободной передачи княжеской власти от одного князя к другому, пока ее границы не переступали границ земской власти. Прежние же племенные князья полностью зависели от великого князя³. В то же время, «участие дружинников в управлении и в совете княжеском было официальное и составляло одно из важнейших прав дружины». Но это право не было связано с поземельной собственностью, как на Западе при феодализме, ибо полное владение землей предоставлялось на Руси земским общинам. Князь же распоряжался земельными владениями на правах государственных, а не частных⁴.

Принятие христианства составляет, по И.Д. Беляеву, второй важнейший фактор усиления княжеской власти и ее сближения

с земщиной. Он заключается в религиозном освящении, то есть «духовенство, основываясь на Священном Писании, внушало народу мысль о святости княжеской власти, о происхождении ее от Бога и об обязанностях подданных повиноваться беспрекословно князьям и начальникам от них поставленным»¹. Но, только получив это освящение, князья не смогли удержать усиление своей власти. Виной тому «частые переходы, запутанность междукняжеских отношений и происходившие отсюда насилие и непрочность прав на владения» при удельной системе, начавшейся после Ярослава Мудрого². «Русская земля разделилась на несколько независимых владений с самостоятельными князьями, состоявшими между собою лишь в родственной связи и почти только номинально подчиненными великому князю Киевскому, как старшему из них, а отнюдь не как государю»³. Междукняжеские отношения решались сперва по завещанию Ярослава I, то есть с помощью старшего в роде, но его авторитет не был силен при независимости удельных князей. Потом стали происходить общие княжеские съезды, которые по той же причине не приобрели определенности. И, наконец, «появился новый закон частных княжеских съездов и договоров»⁴. «Право престолонаследия во время договорных грамот было вообще неопределенным и постоянно колебалось между правом наследования сыновьями после отца и установившимся обычаем наследовать братьям после братьев». К этому еще присоединились «право сильного и умеющего пользоваться обстоятельствами», согласие и воля союзников. Кроме того, ослабление княжеской власти привело к праву народного выбора и изгнания неугодных князей⁵. Постепенное оседание дружины на землю и ее связь с земщиной заставляет и князей обращать на нее внимание, признавать земщину «опорою и источником своей силы и могущества», без чего невозможно было удержаться в той или другой области. Такой порядок вещей привел к необходимости каждого князя заключать договор с местной общиной⁶. Во всех его действиях: суд и управление волостями, законодательство, сбор дани

¹ Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Он же. Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 21.

² Там же. С. 23–25.

³ Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 45–50.

⁴ Там же. С. 55, 60.

¹ Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 48.

² Он же. История русского законодательства. С. 118.

³ Он же. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 51.

⁴ Он же. История русского законодательства. С. 107–116.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 52–53.

и т.д., земщина принимала участие с помощью веча или своих выборных представителей¹.

Таким образом, И.Д. Беляев определял общественно-политический строй древнерусских земель как земщину с общинным устройством, с городскими волостями, вечевым управлением и выборными органами земской власти, а княжеская власть «распространялась только на поверхности русского общества и не входила вглубь его»². Однако её значение среди земско-вечевого строя «во всех владениях Руси, кроме Новгородской земли», приобретало все большие размеры пока не достигло «полного самодержавия, тогда как в Новгороде она скорее сокращалась, чем развивалась»³.

Подробно останавливаться именно на взглядах И.Д. Беляева вынуждает и то, что его основополагающие труды⁴ ускользают от внимания историографов пишущих о земско-вечевой теории, и то, что приоритет в историческом обосновании этой теории в исторической науке, ещё начиная с 1840-х гг., принадлежит именно ему⁵. Пореформенное же время подхватило эту фактически готовую теорию и стало развивать её, модифицируя в разных вариантах, будь то договорная теория В.И. Сергеевича, федеративная Н.И. Костомарова, областническая А.П. Щапова, задружительно-общинная Ф.И. Леонтовича и др. Поэтому время окончательного возникновения земско-вечевой теории укладывается в целый взаимосвязанный период середины – второй половины XIX в. (1840–1870-е гг.). В классическом же виде она предстала лишь в конце XIX – начале XX в., через труды представителей киевских научных школ В.Б. Антоновича (историческая) и М.Ф. Владимирского-Буданого (историко-правовая)⁶.

¹ *Он же*. История русского законодательства. С. 121–124.

² *Там же*. С. 118.

³ *Беляев И.Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 46.

⁴ Неслучайно именно И.Д. Беляеву принадлежит первое систематическое специальное исследование на тему «Судьбы земщины и выборного начала на Руси» (1864–1866), оказавшееся востребованным и через 40 лет, когда оно впервые было опубликовано в 1905 г. Он же первый стал систематически изучать отдельные древнерусские земли.

⁵ Кстати И.Д. Беляев был непосредственным учителем В.И. Сергеевича в университете, и представление последнего о земско-вечевом строе Древней Руси шло, скорее всего, именно от него. – См.: *Дербин Е.Н.* Указ. соч. С. 103–104.

⁶ *Дербин Е.Н.* Указ. соч. С. 163–164.

С.В. Козловский
г. Ижевск

БЫЛИНА О ГИБЕЛИ СВЯТОГОРА: ИСТОРИОГРАФИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ

Эпические сюжеты с участием Святогора находятся в отечественном былиноведении на особом положении. Свою лепту в его изучение внесли такие исследователи былин, как А.Н. Афанасьев, М.Г. Халанский, В.Ф. Миллер, О.Ф. Миллер, Л.Н. Майков, Ф.И. Буслаев, И.Н. Жданов, В.Я. Пропп, В.П. Аникин, Б.М. и Ю.М. Соколовы, А.М. Астахова, М.М. Плисецкий, В.Г. Смолицкий, С.Н. Азбелев, В.В. Иванов и В.Н. Топоров, Д.М. Балашов, Б.А. Рыбаков.

С точки зрения А.Н. Афанасьева, былины о Святогоре, Илье Муромце и Микуле восходят к скандинавским сказаниям¹. Для него сюжет наполнен иносказаниями именно по аналогии с кеннингами скандинавских саг. На этом основании он полагал, что ларец, в котором Святогор носит жену, является метафорой облака, золотой ключ – метафорой молнии², «гроб, окованный железными обручами – метафора дожденосного облака, на которое зимняя стужа наложила свои крепкожимающие цепи»³. С ним можно было бы согласиться, но преданий о воскресающем (после зимней стужи) Святогоре в былинах не наблюдается, окаменение богатырей, за редким исключением (Потык), также имеет безвозвратный характер, что ставит под вопрос правильность выбранной А.Н. Афанасьевым интерпретации сюжета.

Похожей точки зрения на данный сюжет придерживался Ф.И. Буслаев, сравнивавший гроб, упоминающийся в былинах о

¹ «Ясно, что эпические сказания о Святогоръ стоятъ в несомненном родствѣ с песнями Эдды» (*Афанасьев А.А.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 673).

² *Там же*. С. 672.

³ *Там же*. С. 674.

Святогоре, с тучей на основании пословицы: «гроб плывет, мертвец ревет, ладан пышет, свечи горят»¹.

В.Ф. Миллер, на основании сравнительного анализа кавказских (ингушских и мингрельских) легенд и русских былин, предполагал наличие общего восточного сказочного сюжета – протографа, включающего образ Святогора и Микулы². С этим трудно не согласиться – по всей видимости, данные сюжеты восходят к общей индоевропейской традиции. На основе аналогии с ингушским сказанием-притчей о неверности жены, он смог объяснить наличие ларца с женой в былине о Святогоре, указав на возможную логику развития сюжета. Его выводы близки к точке зрения М.Г. Халанского, опиравшегося на анализ эпоса Нартов³.

С.К. Шамбинаго, анализирувавший былины о Святогоре в сравнении с поэмой о Калеве-поэге, был менее осторожен в выводах: «...сюжет о Святогоръ представляет не столько типъ странствующего сюжета, сколько чистое заимствование въ старинны финских преданій. Обработка его на русской почвѣ была уже самостоятельная, может быть въ XV–XVI в.»⁴. Предложенная им аргументация основана на схожести имен (Святогор иногда назван в былинах Самсоном Кольвановым), тождестве места действия (калестая местность и горы), используемых приемов (меч, целебный пот)⁵.

Вероятно, отголоски преданий о Калеве могли повлиять на образ Святогора. Выводы о «чистом заимствовании» основаны лишь на мнении самого С.К. Шамбинаго: «сказания о Святогоръ, отражавшія на себѣ много чертъ сказаній о Калеве-поэгѣ, въ свою очередь, могли слиться съ сказаніями о Самсонѣ на русской почвѣ, благодаря такой же аналогіи. Только русскія старины, разработавъ роковую гибель героя, не сохранили намъ причинъ, поведшихъ къ такой развязкѣ; больше того: самую обстановку (гробница) заимствовали еще откуда-то»⁶. Иными словами, для него эпос был художественным произведением, лишенным связи с исторической реальностью, хаотичной цепочкой заимствований, что ма-

ловероятно – текст создается, заимствуется, формируется в определенной (актуальной) исторической обстановке.

К.С. Аксаков полагал, что былины о Святогоре, Волхе и Микуле предшествуют времени Владимира и на этом основании назвал их «старшими» богатырями, однако сводить его точку зрения только к данной трактовке, как это сделал А.М. Лобода¹, было бы не совсем верно. Для К.С. Аксакова, Святогор (богатырь, лежащий на горе) выступает также в качестве стихии, с которой Илья Муромец справиться не может. Он не отказался полностью от мифологической трактовки, обозначив ею в былинах то, чему не находил иного объяснения².

Один из первых представителей исторической школы, Л.Н. Майков, поступил, пожалуй, честнее остальных, отказавшись рассматривать былины о Святогоре, Микуле, Волхе и др.³, поскольку из-за следов позднего влияния в тексте не счел возможным точно указать время (эпоху) к которой они принадлежат.

О.Ф. Миллер, сумевший собрать огромный материал для сравнительного анализа эпических материалов, тем не менее, был склонен к символическому и мифологическому истолкованию образа Святогора, сравнивая его с горой, тучами и т.д.⁴

Подробный анализ былин о Святогоре провел И.Н. Жданов, в работе «К литературной истории русской былевой поэзии». Он полагал, что на образ Святогора оказала сильное влияние библейская традиция, сблизившая его с Самсоном до взаимозаменяемости, и Святым Георгием, оставив последнему имя «Святогор» только как эпитет⁵. То, что Святогор никого не побеждает «ослиной челюстью» и не утоляет жажду, как Самсон, И.Н. Жданов объяснил позднейшими изменениями⁶. Ему удалось убедительно показать общность сюжета о погребении (Святогора) для всей индоевропейской традиции в целом. Выводы И.Н. Жданова: «Из всѣхъ приведенныхъ вариантовъ сказанія о

¹ Буслаев Ф.И. Народная поэзия. Исторические очерки. М., 1887. С. 135.

² Миллер Ф.И. Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI. М. 1899. С. 403–404.

³ Халанский М.Г. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава. 1885. С. 183–186.

⁴ Шамбинаго С.К. Старинны о Святогоре и поэма о Калеве-поэге. // Журнал министерства народного просвещения, январь 1902, ч. 139. С. 49–74. С. 72.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Там же. С. 70.

¹ Лобода А.М. Русский богатырский эпос: опыт критико-библиографического обзора. Киев 1896. С. 5.

² Аксаков К.С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Русская беседа 1856. Кн. 4.

³ Майков Л.Н. О былинах Владимирового цикла. СПб. 1863. С. 2–3.

⁴ Миллер О.Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб. 1869. С. 180–181, 185.

⁵ Жданов И.Н. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев. 1881. С. 164.

⁶ Там же. С. 136.

примъриваніи гроба нашъ былинный рассказъ особенно близокъ к еврейско-мусульманскимъ преданіямъ о смерти Арона»¹.

В адрес И.Н. Жданова были возражения со стороны А.Н. Веселовского, считавшего, что образ Святогора первичен в сравнении с Самсоном, и Г.Н. Потанина, который заявил, что сюжет о Самсоне был распространен еще в дохристианское время «от Онежского озера до Байкала... и до Лассы в Тибете» (то есть, на него не могла повлиять литературная традиция)².

Н.П. Дашкевич заявил о сомнениях в правильности доводов теории заимствований и призвал относиться к фольклорным произведениям так же, как и к литературным, то есть, признать их оригинальный характер, несмотря на очевидную близость с сюжетами «бродячих сказаний»³. Ссылаясь на мнение Ф. Миклошича, он подчеркнул уверенность в исторической обусловленности появления былин: «Зерно всякаго былевого эпоса – историческія сказанія. Если не всё, то большая часть былинъ возникаютъ непосредственно подъ свѣжимъ впечатльнѣмъ извѣстныхъ событий»⁴.

В советское время сюжет о Святогоре обычно изучали мимоходом, не акцентируя на нем излишнего внимания. Наиболее взвешенной можно считать позицию А.М. Астаховой, которая указала на принадлежность центральных эпизодов былины (примерка гроба и передача силы) «к древним мировым мотивам»⁵.

По мнению В.Г. Смолицкого⁶, образ Святогора нужен лишь для сравнения с ним образа Ильи. Его интересовал вопрос о том, «старшим» или «младшим» считать Святогора по отношению к Илье Муромцу. То, что именно от Святогора Илья Муромец часто получает свою силу, ученый проигнорировал. Точка зрения В.Я. Проппа, согласно которой Святогор принадлежит к «наиболее древним героям русского эпоса»⁷, представляется более обоснованной.

М.М. Плисецкий, не отрицая в целом мифологические элементы в былине о Святогоре, заявлял о том, что это является

следствием возникновения восточнославянского эпоса «на более позднем этапе первобытнообщинного строя – переходном к раннефеодальному обществу»¹.

Д.М. Балашов² полагал, что Святогор символизирует обобщенный образ праславянского героя, передающего силу Илье. В.П. Аникин назвал Святогора «героем эпоса мифологического периода»³, который должен был «погибнуть, когда люди научились возделывать землю»⁴. Трактовка Святогора как представителя «сил хтонической природы», на которой также настаивали В.В. Иванов В.Н. Топоров⁵, выглядит, мягко говоря, натянутой. Складывается впечатление, что все непонятное в фольклоре относится либо к «силам хтонической природы», имеет сакральное значение или является художественным вымыслом, плодом фантазии сказителя. Как отмечал М.Г. Халанский, «Наши былины не заключают в себя определенных указаний на великанов, представителей до-богатырского периода, «старших» богатырей; отсюда и в изслѣдованіяхъ о старшихъ богатыряхъ неясность, сбивчивость и произвол»⁶.

На этом фоне выделяется мнение Б.А. Рыбакова, который считал сюжет отголоском несчастного случая с черниговскими дружинниками князя Олега Святославича, один из которых лег в гроб, крышку которого задвинули на место, а снять уже не смогли⁷. Данная версия, в силу ее простоты, является вполне вероятной. Некоторые детали былины – пена, в Житии Стефана Сурожского, невозможность двинуться с места (окаменение), в Житии Георгия Амастридского, сходятся до мелочей. Но совпадения не охватывают важные детали, не объясняют второстепенные мотивы, имеющиеся в сюжете и функциональные по смысловому наполнению – поведение Ильи Муромца, жены Святогора и его Отца, Микулы Селяниновича, наличие «тяги Земной» и т.д.

Попытки продолжить дискуссию по этому вопросу были и в XXI в. – с классических позиций исторической школы, опираясь на археологические материалы, представил «святые горы» как

¹ Там же. С. 162–163.

² Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. 1899. С. 204.

³ Дашкевич Н.П. Былины об Алеше поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, 1883. С. 6–7.

⁴ Дашкевич Н.П. Указ. соч. С. 7.

⁵ Астахова А.М. Былины Севера. Т. 1. М.Л. 1938. С. 604.

⁶ Смолицкий В.Г. Былина о Святогоре // Славянский фольклор. М., 1972. С. 71–81.

⁷ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 75.

¹ Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М. 1962. С. 160.

² Балашов Д.М. Русский былинный эпос (I) // Былины в 25 т. / под ред. А.А. Горелова. Т. 1. СПб. М. 2001. С. 40–41.

³ Аникин В.П. Русский богатырский эпос. М. 1964. С. 84.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ «В реконструкции Святогор хтоническое существо, возможно, открыто враждебное людям» (Мифы народов мира. Энциклопедия. М. 1980. Т. 2. С. 421).

⁶ Халанский М.Г. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 183.

⁷ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М. 1963. С. 11.

языческий могильник С.В. Конча, указав на дату создания былины – X в¹. Ему очень трудно противоречить – в эпическом сюжете указывается на погребение, как фактическую цель поездки. Доводы С.В. Кончи убедительны, но скорее в отношении былин о Потыке², с которыми он сравнивает археологические материалы, чем о Святогоре.

Еще более дискуссионная интерпретация сюжета содержится в монографии А.Т. Котова «Псковские мотивы в былинах о Святогоре». Изучение «Псковских мотивов», которое провел автор, заслуживает пристального внимания и обладает несомненной ценностью, в отличие от попыток «привязать» к сюжету о Святогоре факты региональной истории. Ордалия с помощью раскаленного железа, которое Илья по совету Святогора передает его «темному отцу», маловероятна для псковско-новгородских былин, которые обычно показывают испытание водой – в сюжетах о Садко и о Василии Буслаеве.

А.Т. Котов, на основе «осознанного внесения в былины иносказания» в рамках «гипотезы С.В. Горюноква»³, заявил о псковском происхождении сюжета. По его мнению, «Святогор – это фольклорный образ обитателя Псковской земли»⁴. Наиболее уязвимым местом его воззрений является опора на «осознанное иносказание», которое он, вслед за С.В. Горюнковым⁵, трактует чересчур широко, фактически навязывая тексту новый смысл, не соответствующий указанному времени, например: «сумочка с «тягой земной», по его мнению, «означает тяжесть неизбежных испытаний: вражеских нашествий, голода, эпидемий и пр.»⁶. Работа А.Т. Котова формально является научной и соответствует основным требованиям⁷.

В ее оценке можно согласиться с А.И. Гольшевым, который отметил в качестве достоинства работы широкое использование

¹ Конча С.В. Былины о Святогоре и вопрос об историзме былинного эпоса // Древняя Русь. Вып. 4. 2010. С. 42–45.

² Там же. С. 48.

³ Котов А.Т. Псковские мотивы в былинах о Святогоре. Псков, 2007. С. 29.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Аникин В.П. Метафорика или история? (О статье С.В. Горюноква «О сюжете «Илья Муромец и Соловей Разбойник») // Древняя Русь. Вып. 2. 2009. С. 114–121.

⁶ Котов А.Т. Указ. соч. С. 36.

⁷ В целом работа оставляет впечатление талантливого стеба, насмешки над потугами изучения былин. Как пишет автор: «Но, так как наши знания в области теории былин носят, в основном, гипотетический характер, то нельзя сбрасывать со счёта ни одно предположение, как бы оно не было маловероятным...» (Котов А.Т. Указ. соч. С. 9).

местного топонимического материала, «серьезный научный аппарат», но назвавший ее не всегда бесспорной¹. Дискуссия, связанная с былиной о Святогоре, далека от завершения. Вопрос об исторической основе сюжета также остается открытым.

Былинный эпос, при неизбежных недостатках связанных с «волюнтаризмом» отдельных сказителей, обычно показывает ситуацию «как есть», по принципу: что вижу – о том пою. Иногда происходящее гиперболизируется, но обычно это является следствием традиционного иносказания. Например, Святогор – самый сильный богатырь, но в былинах упоминается такое явление, как «сила Киевская» и «сила неверная» в значении войска. Герой – исполин, он великанских размеров, он может опустить в свой карман Илью Муромца вместе с конем. Святогор ростом с гору, однако так же в былинах выглядят и другие богатыри, которые великанами, судя по тексту, не являются:

«Где не две горы столкнулись
- два богатыря съехались»².

Ситуация часто передается с предельной точностью. Например, после ударов по гробу, на нем появляются «железные обручи». Это можно было бы назвать сказочным мотивом, гиперболой, иносказанием, но в саге «О людях с песчаного берега» существуют примеры аналогичного характера: «Стейнтор держался впереди своего отряда и рубил с обеих рук, но его отделанный меч никуда не годился и гнулся о щит и броню, из-за этого ему часто приходилось выпрямлять клинок ногой»³. Нетрудно видеть, былинный железный обруч на гробе в данном случае всего лишь показатель того, что меч гнулся о дерево. Обычно считается, что легко гнулись мечи раннего периода⁴, но судя по саге, это имело место в эпоху викингов, хотя и в виде исключения.

Неспособность встать из гроба также объяснима, если рассматривать Святогора как воина в жестком доспехе, предназначенном для боя на коне. Встать такой воин, без помощи оруженосца, часто не мог. Таким образом, сама по себе ситуация, опи-

¹ Гольшев А.И. Предисловие // Котов А.Т. Указ. соч. С. 3.

² Свод русского фольклора Т. 1. № 91. С. 460.

³ Исландские саги. Т. 2. М. 2004. С. 91-92.

⁴ «Иногда мы слышим о том, что железные мечи раннего периода гнулись в бою, владельцам приходилось выпрямлять их, наступая ногой (к примеру, известно, что это случалось в битве при Секстовых водах в 102 г. до н. э., когда римляне под командованием Мария сражались с тевтонами и кимврами). Однако это были издержки начального периода, и довольно скоро кузнецы нашли способ делать не только гибкие, но и упругие клинки, покончив с таким недостатком нового железного оружия» (Окиотт Э. Археология оружия. М. 2006. С. 60).

санная в былине – гроб, который меч не мог перерубить, неспособность встать без посторонней помощи, пена погибающего героя, передача раскаленного железа и т.д., имеет аналоги в социальной практике соответствующего периода и не является мифической.

Гораздо сложнее ситуация с эпизодами деятельности Святогора, принадлежащими к другим былинам – о женитьбе Святогора, невеста которого «тридцать лет лежит в гноище» и получила силу с помощью напитка переданного Святогором:

«Как ведь не хотелось мне-ка выпить-то;

Побоялась я ево не послушать-то.

Когда допила я всё да из стакана-га,

Почувствовала в себе силушку великую¹»;

Напрашивается аналогия с классическим образом² Ильи Муромца:

«Приходили Калики переходя...

Наливают чарочку питьица медвянаго,

Подносят-то Ильъ Муромцу

Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,

Богатырско его сердце разгорьлося³»

(Он калека, сидящий на печи тридцать лет), у него богатырский конь, который вырастает из шелудивого (бурого, косматого) жеребенка. Оба образа – чудом выздоровевшие калеки, их общие черты указывают на поздний период вхождения в былины, связанный с творчеством калик.

Не менее интересен сюжет о похвальбе «тягой земной», в былине о которой крестьянин Микула играет несвойственную ему роль Калики. Оба эпизода имеют ярко выраженное сказочное происхождение и являются вариантами сюжета об обмане (глупого) великана или иной нечисти.

В качестве аналогии истолкования непонятной ситуации, в которой Святогор ложится в гроб, можно, вслед за И.Н. Ждановым⁴, исследовавшим влияние книжной традиции (прения живота со смертью) на устные предания, вспомнить сюжеты, в ко-

торых герой обманывает врага своей мнимой неспособностью правильно лечь в гроб.

Из контекста былины непонятно, кто подготовил гроб и за чем. Смерть ждала одного из героев без указания конкретного имени. Возможно, былина описывает нечто похожее на болгарский Герман – обычай, при котором для избавления от засухи или дождей приносится в жертву кукла (Георги), изображающая человека. Но это лишь одно из объяснений.

Пласт информации, вытекающий из сравнения с сюжетами сказок, по-видимому, является поздним, объясняющим низовую, крестьянскую мотивацию хитрости главного героя. Он не раскрывает причин действий антигероя, которые передаются крайне схематично. Неясно, например, зачем Святогор, побратавшись с Ильей, представив его своему отцу, пытается погубить героя, приказав лечь в гроб.

Такое поведение может быть объяснено с позиции жертвоприношения. Скорее всего, именно для этого в былинку был введен персонаж слепого (темного) отца Святогора. Если проводить аналогии на близких по культуре традициях, то согласно Саге об Инглингах, Аун Старый жил до тех пор, пока приносил в жертву Одину своих сыновей, теряя при этом способность ходить, сидеть, есть¹ и т.д. Образ Ауна Старого по-видимому близок по смыслу действий к таким персонажам, как Кощей и Баба-Яга. Для них характерна одна и та же черта – предельная дряхлость, «костеность»². Как заявил В.Я. Пропп, «Русская Яга не обладает никакими иными признаками трупа»³. Кощей (костлявый) – Чахлик негиблый (невмирущий), Баба Яга – костяная нога. Они не мертвы, живы (бессмертны), но чтобы жить, должны губить людей. Святогор фактически пытается «обмануть смерть/судьбу» - послать вместо себя или своего «темного» (слепого) отца, крестового брата Илью Муромца.

Поведение Микулы в былине о Святогоре необычно и нетипично для данного персонажа. Его действия лишены цели, он выступает в качестве безликого носителя сумки с земной тяжестью.

¹ Свод русского фольклора. Т. 1. № 61.

² Классический образ Ильи Муромца, по-видимому, относится к типу Калик. Сходство между образом жены Святогора и образом Ильи доходит до мелочей: «А твоя невеста в царстве поморском, в престольном во городе. Тридцать лет лежит в гноище» (Рыбников П.Н. Песни собранные Рыбниковым Ч. 1. М., 1861. С. 40.).

³ Там же. С. 34.

⁴ Жданов И.Н. Указ. соч. С. 162.

¹ Возможно, этим же объясняется слепота отца Святогора.

² «Если это наблюдение верно, то оно поможет нам понять одну постоянную черту Яги – костеность» (Пропп В.Я. Морфология. Исторические Корни волшебной сказки. М., 1998. С. 163–164).

³ Кроме нахождения в маленьком для нее помещении (нос в потолок врос и т.д.) (Там же).

Большинство исследователей стремились изучить образ Святогора, Микулы, их роли и значение в данном сюжете, но это в корне неверный подход, поскольку Святогор в данном случае – антигерой, а Микула вообще не является героем. Противником Святогора оказывается очень интересный персонаж, отличившийся сразу в нескольких различных эпических сюжетах – Земля (Тяга¹ Земная).

Былины с ее участием в качестве противника героя можно разделить на четыре типа – Былина о Вольге и Микуле; О Микуле и Святогоре, О Добрыне и Змее, О Камском побоище. Земля рассматривается как стихийное явление – форс-мажор. Тяга Земная – возможно игра слов, своего рода каламбур, уже не вполне понятный сказителю.

По словарю Срезневского – Тяжарь – земледелец, Тяжать – пахать, но это многозначное понятие, Тяжа означает суд, Тязати – обвинять, Тягнути – принадлежать, Тяти, тяну – рубить, сечь (а потягнем, дружина, по князе»). В саге о людях с песчаного берега можно заметить вероятный прообраз этой пахоты: «*Лемех* в шлем, на сломе,

Вдарил, хлопцу отчю;

Из свища со свистом

Щелочь ран хлестала².»

Меч - кеннинг плуга (и наоборот). Меч, который может вытащить только король Артур, скорее всего, имеет такое же происхождение.

Крестьянский труд и сражение часто выступают в качестве взаимозаменяемых образов: «На Немизь снопы стелют головами, Молотять чепи харалужные, На тоць животь кладут, Вьют душу от тьла»³.

По всей видимости, изначально типическое место «тяги земной» было развернуто в полном объеме, как попытка вытащить соху (плуг) Микулы из земли – т.е. в сюжете о Вольге и Микуле былинный образ наиболее приближен к жизненным реалиям. Вольга – охотник, непривычный к крестьянскому труду. Он не знает, как правильно вытаскивать соху, поэтому пытается поднять ее вместе с землей. В других сюжетах сказители ограничивались свернутой формулой «тяга земная», означавшим, вероятно, также соху, поскольку именно соха является неотъемле-

мым атрибутом образа Микулы Селяниновича. В применении сохи была определенная хитрость¹ земледельца – пытаясь ее выдернуть из земли, тяжелый (закованный в броню) богатырь лишался опоры и действительно мог уйти во вспаханную землю по колено.

По мере замены Микулы Селяниновича на абстрактного странника Микулу Можайского, творчество калик превратило Тягу Земную (в значении сохи) в былине о Святогоре в сумку с абстрактной земной тяжестью. О.Ф. Миллер, указавший на тождество «тяжелой сошки и сумочки с тягою», видел в ней не прямое, а символическое значение: «...подъ загадочной тягой должна разуться не тяжесть въ ея обыкновенномъ, естественномъ смыслъ, а скорье та тягота, которая заключается в труде над землей и выдерживается не столько силою мышцъ, сколько силою терпѣния, умьлости и устоя»². С этим трудно согласиться, поскольку символический ряд, связанный с Землей как действующей силой, был продолжен в других былинных сюжетах.

Наиболее интересна роль Земли в былине о Добрыне и Змее. Змей был убит не просто шеломом земли, но шеломом земли греческой – своеобразным талисманом, сувениром, атрибутом паломника-калики. Здесь о «тяге земной» говорит уже не приходится, но видны следы первоначального сюжета – «земля» осталась в качестве оружия, но получила эпитет, указывающий на сакральность – она теперь не обычная, а «греческая» и потеряла способ действия – непосредственно «тягу». Если ранее враг должен был погрузиться в землю, то теперь его нужно было этой землей ударить. Из оружия земледельцев земля превратилась в оружие калик, из сохи – в суму.

Былины о Святогоре явно относятся к языческой эпохе и обладают смешанными чертами. Понятно, что сюжет появился до правления Владимира Святого, но какие события описывает, можно лишь предполагать, реконструируя на основе характерных признаков Святогора: Меч, Конь, Сила, нахождение за границами государства, вражда с землей. Катафракты (всадники, закованные в броню), имелись, например, в Византии. Также, под данные условия подходит идол Святовита.

Если основываться на точке зрения В.Я. Проппа, который считал, что в основе любой песни находится некая популярная

¹ Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского Т. 3. Спб., 1912. С. 1097–1106.

² Исландские саги. Т. 2. М., 2004. С. 456

³ Слово о полку Игореве. М., 1975. С. 90.

¹ Соха довольно сложный инструмент, ее нужно каждый раз настраивать, регулировать и полностью ее знает только владелец. Зацепить ее за какой-либо корень при распашке подсеки тоже не трудно.

² Миллер О.Ф. Сравнительно-критические наблюдения... С. 213–214.

«идея», то под Святогором может пониматься «потерявшийся» на днепровских порогах Святослав, ездивший **на коне**, получивший от императора **Меч**, практиковавший жертвоприношения, возможно убивший своего **брата** Глеба. В этой связи можно вспомнить, что **погребение** в гробу (яме) **заживо**¹ имеет аналогии в традиции запорожцев в качестве кары за убийство товарища. Возможен и вариант связанный с болгарско-хазарскими воззрениями на гибель правителя, который не должен был умереть своей смертью.

Гибель большинства воинов, ушедших со Святославом, могла стать одной из причин появления сюжета о гибели богатырей. Мотив покаяния, присущий былине о Камском побоище, указывает на осмысление причин гибели – гордость богатырей, их стремление «перебить силу небесную» и неспособность это сделать (из-за огромного числа врагов), что напоминает изображение ответа Святослава посланцам Византийского императора и последней битвы в ходе войны с Греками.

В этом случае проясняется негативная роль (болгарских?) долгополых братьев детей Петровых²:

«А не от нашей земли они, от неверные,

А доспеют изменушку великую»³.

Стоит учесть очевидный факт - все, что мы знаем о событиях, связанных со смертью Святослава, известно, по-видимому, со слов Свенельда, который обвинил в его смерти Печенегов и Переяславцев точно так же, как и гибель князя Игоря списал на Древлян, хотя Византийцы прямо указали на Германцев⁴, как виновников происшествия⁵.

¹ Обычно, вместе с трупом убитого.

² Лука и Матвей, иногда – Алексей, Григорий, Гаврила и т.д. Иногда их именуют братьями – Суздальцами, детьми Андреевыми. Замена имен показывает, что древнерусская социальная практика была богата на «персонажи», к которым относились с подозрением и ожидали «изменушки великой». Основной их эпитев связан с одеждой – долгополые (указание на особенности одежды, закрывавшей тело полностью, до пола, то есть, до земли), и, по-видимому, он является изначальным. «Долгополыми» на Руси считались сарадины «Сорочина», мусульмане, Булгары. Но «долгополыми» могли назвать и лиц церковного происхождения, например, иногда в их числе упоминается и Алеша Попович.

³ Астахова А.М. Былины Севера. Т. 1. М.: Л. 1938. С. 482.

⁴ Германцами в Византии обычно называли франков, но иногда и русов именovali так же: «приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 116).

⁵ «Отправившись в поход на Германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (Лев Диакон. История. М., 1988. Кн. 6.

Возможно, в былине о Святогоре содержится прямое и буквальное указание на мирской приговор: «его **земля** не держит» (запрет возвращаться) за пренебрежение родной Землей – аналогичный летописному: «**чужая земля** ищещи и блюдеши, своя си охабив».

В эпических сюжетах гибель Святогора связана с деятельностью Микулы и Ильи, которые являлись тезками святых – покровителей первых русских церквей, разрушенных по приказу Святослава.

По всей видимости, отголоски преданий о Святославе сохранились в образе Святогора, но это многослойный образ, в нем отражается не только его судьба. Необходимо отделять буквальное восприятие событий от их смысловой составляющей, которая часто не была понятна сказителям, либо известна с чужих слов и поэтому истолковывалась в очень размытой форме. Например, в ряде сюжетов Святогор назван не только Самсоном, но и Златогором¹, что отразилось в былине о Подсокольнике, где упоминается вдова² Златыренка (Златыгорка)³ и камень Златырь⁴. Упоминание вдовы Святогора именно как Златыгорки (Златыренки, Латыренки, Латыголки и т.д.), является достаточно устойчивым⁵. На этом фоне бросается в глаза появление еще одного персонажа – бабы Горынинки, в былине о Добрыне и Змее.

Такие компоненты указывают на варианты развития сюжета, их можно рассматривать как перекрестные ссылки, указывающие на известность варианта былины о Святогоре, в котором говорится о встрече Ильи Муромца с женой Святогора. Однако это не объясняет, почему Святогор назван в сюжете Златогором, и ставит вопрос о том, был ли он «Святогором» изначально, или это разные сюжеты, которые были объединены сказителями.

Один и тот же сюжет мог быть показан с различных точек зрения, с разными именами героев. Как говорится, для кого-то –

С. 10). В этих случаях прослеживается один и тот же подтекст – князь оказывается с данью (приманка) и малой дружиной на чужой территории. Куря в ПВЛ упоминается дважды, под 972 и 1096 гг. Вероятно у него была легендарная чаша из черепа, но вот только была ли она из черепа Святослава? Легенда подозрительно похожа на описание чаши Крума, сделанной из головы Никифора, которую Святослав мог вести с собой в числе трофеев из Болгарии.

¹ Свод русского фольклора Т. 3. № 7. С. 130.

² Там же. № 84. С. 406.

³ «Я родился от матери Златыгорки» (Там же. Т. 1. № 96. С. 472).

⁴ Там же. Т. 3. № 80. С. 381.

⁵ Миллер О.Ф. Сравнительно-критические наблюдения... С. 163–165.

Донцы, а для кого-то – Подонки. Для кого-то – Святогор (надорвавшийся поднимая Тягу Земную), а для кого и Змей Горыныч (убит шапкой с землей греческой), для кого-то Тугарин Змеевич, а для кого и Чурила Пленкович¹ и т.д.

Выявить все прототипы вряд ли возможно. Социальная практика, описанная в былинах, исторична, но социальная история повторяется, память об одних событиях неизбежно накладывается на сведения о других случаях аналогичного характера. Это не означает полного смешения восприятия событий – у каждого героя свой способ действия, характерные черты и т.д., но отделить их друг от друга зачастую практически невозможно. Святогор погибает «на бис» - сначала не справившись с «Тягой земной», затем – примеряя гроб. Уже эти «странности» наталкивают на мысль, что под именем Святогора скрываются, как минимум, два героя.

Е.А. Герасимова
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: УРОВНИ НЕПОНИМАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

Вопрос о понимании источников – один из самых проблемных в исторической науке. Особенно остро это касается текстов, отдаленных веками от настоящего времени. Например, каждый *древнерусский нарративный источник* можно, на наш взгляд, охарактеризовать словами И.П. Еремина, прилагаемыми самим исследователем к ПВЛ: «Повесть временных лет уводит нас в мир, какого-то особого своего художественного измерения, – мир, в котором многое для нас, людей XX (уже XXI) века загадочно, «странно», «непонятно»². Естественно, перед историками возникает проблема преодоления непонимания текста. В связи с этим, очень соблазнительно звучат слова Д.С. Лихачева: «Мыш-

ление у человека во все века было в целом тем же»¹, благодаря которым мы могли бы применять современный категориально–понятийный аппарат к любому времени, в том числе и к Древней Руси, например, рассматривать древнерусскую государственность через призму обобщенных политических событий Европы. В таком случае, изучение исторических событий сводится к общим положениям с учетом некоторых вариаций. Например, при господствующем формационном подходе в историографии Советского периода Древняя Русь отождествлялась с раннефеодальным и феодальным государством: аналог – средневековые государства Западной Европы². Если же мы признаем, что мышление нашего времени отличается от времени Древней Руси, то нам приходится признать то, что мы *не понимаем древнерусский текст*. Предельно четко данную мысль выразил Я.С. Лурье: «Исследователь, который предполагал бы существование у людей прошлого «особого мышления», в сущности, закрыл бы для себя возможность понимания сочинений средневековых авторов: ведь сам такой исследователь живет в наше время»³.

Причин подобного непонимания несколько.

Во-первых, мы считаем естественным терминологизировать изучаемые явления, процессы, события, в то время как авторы древнерусских текстов не давали конкретных определений даже ключевым понятиям своих повествований. Например, в «Слове о Законе и Благодати» Иларион не указывает прямо, что такое Закон и что такое Благодать⁴. Следовательно, мы сами должны определить замысел произведения, но положение серьезно осложняется тем, что на протяжении нескольких веков значения слов неоднократно менялись. Например, смысл современных русских слов далеко не совпадает со смыслом слов древнерусских. Так слово *поминки* в переводе с древнерусского языка означает *подарки, ябеда – должностное лицо, неделя – воскресенье, рухлядь – движимое имущество*. Это признавал даже теоретик «унитарного» мышления Д.С. Лихачев, и мы не можем с уверенностью заявить, что на сегодняшний момент смысл древнерусских слов окончательно «расшифрован».

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 68.

² Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С.19; Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 23.

³ Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 16–17.

⁴ Иларион. Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997. С. 39–52.

¹ См. также: Козловский С.В. История и старина: мировосприятие, социальная практика, мотивация действующих лиц. Ижевск, 2009.

² Еремин И.П. Повесть временных лет. 1947. М., 1947. С. 6.

Во-вторых, большая часть аналитической информации о древнерусских источниках посвящена тому, что пишет автор, а не тому, о чем он пишет. Иными словами, исследователей больше интересует внешняя сторона событий, которая, в свою очередь, подлежит сомнению: если сватовство византийского императора к княгине Ольге миф, почему же не миф походы князя Святослава на вятичей. Пример основан на рассуждении Н.И. Надеждина: «Если три брата новгородские были, отчего же три брата киевские не были? Если предание о Вадиме Храбром миф, почему же не миф щит Олега, прибитый к воротам Константинополя? Внешние критические речительства одни и те же»¹. Увлекаясь буквальным смыслом, мы не замечаем, что вкладываем в текст автора *свои слова и мысли*. Кстати, большим соблазном для историков советского периода было желание определить политическую программу летописца. Не избежал этого и такой исследователь, как И.П. Еремин, признающий, что в древнерусских текстах, в частности в ПВЛ, многое для нас, людей XX века, загадочно, «странно», непонятно. В его работе мы читаем: «Политическая программа летописца — она с полной отчетливостью выступает на фоне его концепции русского исторического процесса — прямолинейна, как его мораль; сводится она вся, к одной по существу идее: необходимо предотвратить грозящую Русской земле катастрофу, любой ценой восстановить былое «самовластье» старейшего в роде киевского князя, любой ценой предохранить от распада, пока еще не поздно, политическое единство Русской земли»². Несмотря на то, что многое непонятно, политическая концепция летописца, согласно И.П. Еремину, очень даже понятна всем.

В-третьих, довольно часто в историографии Древней Руси происходит отождествление авторского текста и речи персонажей. Мы невольно забываем, что на Руси не велись протоколы с точными записями: что сказал Владимир Мономах, что заявил Изяслав Ярославич. Таким образом, мы работаем с мировоззрением летописца, который, как человек, не лишен пристрастий, что затрудняет объективное восприятие текста. Подобная ситуация очень точно описана В.О. Ключевским. «Так летописец киевский обыкновенно горячо стоит за своих любимых Мономаховичей, черниговский — за их противников Ольговичей, а суз-

дальский рад при случае кольнуть новгородцев за их «злое неверствие», гордость и буйство, за их привычку нарушать клятву и прогонять князей». Отстаивая своих князей и свои местные интересы, летописец не чуждается желая по-своему изобразить ход событий, тенденциозно связывая и толкуя их подробности, причины и следствия»¹. Кроме того, следует констатировать историографический факт: чем дальше стоит текст от совершившегося события, тем большими подробностями он обрастает. Например, в очередной раз обратимся к Повести временных лет, где отсутствует развернутое повествование о жизни и семье князя Рюрика². В текстах более позднего времени мы читаем о его взаимоотношениях с братьями Синеусом и Трувором, о поединке с Вадимом Храбром, о соперничестве с Аскольдом, о дружбе с Олегом Вещим и т.д. Иными словами, перед нами реконструкция княжеского правления, выраженная в правдоподобной гипотезе, но не отражающая *непреложные* факты.

Соединив причины непонимания древнерусского текста в единое целое, мы получаем следующую картину: смысл слов нам не известен, о чем пишет автор — не знаем, слова персонажей источника не подлинны, следовательно, можно делать вывод, что мы так и не сможем понять текст. Замысел любого произведения может быть понятен нам только при двух условиях: или автор мыслит нашими категориями, или мы воспринимаем все авторские представления, что в нашем случае невозможно: ведь между нами и авторами древнерусских источников лежит *значительная культурно-историческая дистанция*. Но без понимания текста невозможно проводить историческое исследование. Иными словами, необходимо найти способ сокращения указанной культурно-исторической дистанции. (В силу *разности нашего мышления* мы можем ее только сократить, но не преодолеть до конца.) Для этого нам следует использовать метаязык, связывающий наши представления с представлениями автора текста (*нечто третье*, что позволяет нам связать два образа мышления). Основанием для разработки такого метаязыка (*нечто третьего*) и может стать герменевтический анализ текста. Под определением «герменевтика» мы подразумеваем «искусство и теорию истолкования, имеющего целью выявить смысл текста, исходя из его объективных (значения слов и их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерения авторов)

¹ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. Ч. 2. С. 130–131.

² Еремин И.П. Повесть временных лет. 1947. М., 1947. С. 30.

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 3. С. 112.

² Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1981. С. 236.

оснований». Упрощенное же определение герменевтики следующее: «Герменевтика – наука о взаимосвязи и значении слов».

Во время выявления смысла текста, между нами и его автором происходит то, что Г.-Х. Гадамер назвал *герменевтическим разговором*. «Лишь благодаря одному из участников герменевтического разговора, *интерпретатору*, другой участник, *текст*, вообще обретает голос»¹. Герменевтический разговор, в свою очередь, приводит нас к *герменевтическому кругу*: чтобы понять целое, следует раздробить его на несколько частей, чтобы понять каждую часть необходимо определить замысел произведения, в свою очередь, определить замысел невозможно, не зная сущность целого. (Фактически герменевтический круг представляется следующим образом: целое – часть – замысел – целое). Отсюда следует, что мы должны осуществить процесс, получивший наименование «скачок в герменевтический круг» или «вживание в текст». (Ф.Шлейермахер приходит к очень интересному заключению: вжиться в текст следует для того, чтобы понять его смысл *лучше, чем автор*²). Данный скачок означает рассмотрение не только значений, но и *взаимоотношение* слов: любое слово как вербальный знак следует «оставить на месте, оберегаясь сдвинуть с места слова, которые его окружают»³. Слово в древнерусском источнике отождествляется с *образом*, который нам нужно установить для понимания текста. Мы рассматриваем слово, «которое принадлежит самой вещи, так что сама вещь обретается в этом слове»⁴. Таким образом, мы подходим к определению ментальности древнерусского и не только древнерусского населения. Смысл текста определяется на основе *мировоззрения* общества, а не с помощью изучения внешней стороны действий. Иными словами, для постижения интересующего нас вопроса о смысле текста, мы используем аксиологический подход, отражающий иерархию ценностей древнерусского общества. Данную иерархию мы выстраиваем в результате анализа цитат, которые, на наш взгляд, включают в себя смысловую нагрузку и определяют отношение автора текста к описываемым событиям. Например, в Повести временных лет, князь

Святополк Окаянный сравнивается с Ламехом, при этом, кто такой Ламех, летописец не объясняет¹. Это слово – знак, согласно которому, мы должны определить отношение летописца к князю Святополку. Подобный текст рассчитан на память (и образование) читателей своего времени. Как, на наш взгляд, верно заметил исследователь И.Н. Данилевский, чтение таких текстов превращалось в изопренную интеллектуальную игру. «Игроку-читателю надлежало не только правильно определить прямую или косвенную цитату, но и уловить новые смысловые нити, *связывающие уже знакомые ему образы с лежащим перед ним новым описанием*. Тут, собственно, и рождались те смысловые структуры, которые автор транслировал читателям текста»². Читатель, как *человек своего времени* знал приемы и правила игры, понимая, какую информационную часть текста, включают в себя цитаты, что не всегда можно сказать о читателях последующих поколений.

Избранный нами методологический подход (герменевтический анализ текста) реализуется в следующих *методах исследования*:

- определение круга источников, которым пользовались авторы, рассматриваемых нами текстов;
- установление степени репрезентативности выделенного нами круга;
- определение структуры текстов, построенных по центонно-парафразному принципу, в которых центон используется как бриколаж (работа при помощи орудий и материалов, которые не предназначались *специально для данной работы*³) и как коллаж («Каждый из используемых для создания нового произведения «микротекстов» сохраняет память прежнего контекста, из которого он заимствуется, что придает новому произведению семантические глубину и объем»⁴);
- оперирование памятью контекста как основой реконструкции смысла произведений. Прежде всего, речь идет об использовании прямых и косвенных цитат в качестве носителей информации⁵;

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 62.

² Там же. С. 68.

³ Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом. М., 2000. С. 28.

⁴ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 62.

¹ Повесть временных лет. С. 241.

² Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 60.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 61.

– определение контекстуальной оболочки произведения. Например, текст Русской Правды встречается в сборнике «Мерило Праведное», что позволяет сделать вывод о существенном влиянии религиозных православных ценностей на законодательство Руси.

В результате использования вышеперечисленных методов исследования мы находим метаязык, позволяющий установить связь с текстом и сократить культурно-историческую дистанцию между прошлым временем и современностью, что, в свою очередь позволяет снизить уровень «непонимания» текста и приблизиться к значениям и смыслам, заложенным в него автором произведения.

А. Л. Мусихин
г. Нижний Новгород

ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩИЙ МЕТОД ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ : НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ВЯТСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Цель интерпретации состоит «в общезначимом научном понимании исторического источника», в установлении смысла, который вложил в него автор. Она «нужна во всех тех случаях, когда источник вызывает разноречивое понимание»¹. Как отмечает О.М. Медушевская, «на этапе интерпретации источника исследователь движется в потоке сознания автора произведения»², поэтому «невозможно интерпретировать источник, предварительно не поняв его автора, не зная его биографию, сферу практической деятельности, уровень его культуры и образования, род занятий, его принадлежность к определённой социокультурной

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 317–318.

² Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 139.

общности»¹. Такой метод интерпретации источника А.С. Лаппо-Данилевский назвал индивидуализирующим².

Использование данного метода облегчается (хотя далеко не всегда), когда известно имя автора произведения. Однако в большинстве случаев у произведений средневековья и раннего нового времени автор неизвестен. В таком случае исследователь вынужден для понимания личности автора, его индивидуальности изучать текст произведения. Такой способ был применён исследователями при изучении памятника вятской письменности «Повесть о стране Вятской» (ПСВ)³. А.С. Лаппо-Данилевский отмечал, что «благодаря понятию о личности автора... легче достигнуть цельного понимания его произведения»⁴. Очевидно, справедлива и обратная зависимость. Это понимал первый серьёзный исследователь ПСВ А.А. Спицын, который писал: «"Повесть" для нас сразу объяснилась бы, если бы можно было определить цель, для которой она была написана. Это дало бы нам надёжное средство составить правдоподобное заключение о личности автора и, вместе с тем, определило бы точку зрения, с которой надлежит смотреть на "Повесть" её исследователю»⁵. Уже в начале XIX в. исследователи ПСВ по общему впечатлению от текста сделали некоторые выводы о личности её автора. А.И. Вештомов замечал: «Кто и когда писал сиё известие, неизвестно, но «оно писано давно, ... писано простаком или после перепорчено»⁶. Н.М. Карамзин также верил в добросовестность автора ПСВ и приписывал её ошибки и анахронизмы «глупым дополнителям»⁷.

А.С. Лаппо-Данилевский подчёркивал, что «историк может представить себе личность данного писателя, ..., подвергнув подробному анализу» его произведение⁸. Д.С. Лихачёв писал, что «установить принадлежность того или иного произведения

¹ Медушевская О.М. Источниковедение : Теория, История, Метод. М., 1996. С. 48.

² Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 383–391.

³ Верещагин А.С. «Повесть о стране Вятской» // Труды Вятской ученой археографической комиссии (далее – ТВАУК). Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. 2. С. 22–53.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 388.

⁵ Спицын А.А. Первый труд по истории Вятского края // Спицын А.А. Избранные труды по истории Вятки / сост., науч. ред. А.Л. Мусихин. Киров, 2011. С. 182.

⁶ Вештомов А.И. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год чрез 600 лет. Казань, 1907. С. 14, примеч. 1.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского / изд. 2-е, испр. СПб., 1818. Т. 3. Примечания. С. 22, примеч. 31.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 387.

древнерусскому автору мы можем только в результате работы над историей текста изучаемого произведения¹. Поэтому А.А. Спицын отмечал, что несмотря на то, что «составитель "Повести" не оставил нам своего имени», мы «должны употребить все усилия, чтобы, по крайней мере, возможно определённое решить, какое общественное положение он занимал и когда кончил свой труд». Для этого «необходимо ознакомиться с составом "Повести" и с источниками, которыми безымянный автор её пользовался»². При этом «гораздо легче» использовать «разнообразные фактические данные, содержащиеся в самих текстах анонимных произведений»³. На основе фактических данных ПСВ А.Л. Тянгинский назвал её автора «благочестивым местным жителем», написавшим ПСВ «с целью поучительною: передать потомству благочестивые подвиги своих предков»⁴. Фактические данные ПСВ (описание автором современной ему топографии г. Хлынова) позволили А.А. Спицыну, а вслед за ним А.С. Верещагину, утверждать, что она написана не ранее конца XVII в.⁵ А.А. Спицын сделал вывод о том, что автор ПСВ «был вятчанин и, притом, хлыновец, так как ему хорошо известна топография Вятской страны и особенно история и топография Хлынова: нужно было весьма долго жить на месте, чтобы собрать отовсюду столько данных, сколько оказалось у него»⁶. Кроме того, «события церковного характера», «самый характер и содержание "Повести" свидетельствуют о духовном звании составителя»⁷, с чем согласились практически все последующие исследователи ПСВ⁸. «Этот легко уловимый характер "Повести" для её исследователя составляет весьма ценный факт, даёт надёжную точку опоры, от которой он может смело начать ряд дальнейших догадок»⁹, в том числе и о личности автора ПСВ, считал А.А. Спицын.

¹ Лихачёв Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001. С. 305.

² Спицын А.А. Первый труд... С. 182.

³ Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 305.

⁴ Тянгинский А.Л. Достоверные известия о древней Вятке // Памятная книга Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 117.

⁵ Спицын А.А. Указ. соч. С. 190; Верещагин А.С. Указ. соч. С. 67–68.

⁶ Спицын А.А. Указ. соч. С. 192.

⁷ Там же. С. 183, 192.

⁸ Верещагин А.С. Указ. соч. С. 62, примеч. 1; Луппов П.Н. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской» // Записки Удмуртского НИИ истории, языка, литературы и фольклора. Ижевск, 1949. Вып. 12. С. 77–78; Эммаусский А.В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова). Киров, 2000. С. 18–19.

⁹ Спицын А.А. Указ. соч. С. 183.

После обнаружения фактических данных исследуемого источника изучаются свойства его текста. «Под свойствами текста следует подразумевать всю совокупность языковых показателей, включая грамматику, лексику, синтаксис, деление на главы, абзацы, части и другие единицы, выделяемые автором»¹. Уже А.И. Вештомов заметил ветхость наречия, а также малосмысленность и бессвязность текста ПСВ². Анализируя текст ПСВ, А.А. Спицын сделал следующие выводы о его свойствах: «Язык "Повести", как и вообще характер её изложения, крайне тяжёл, неточен и искусствен. Составитель её старается выражаться по-славянски, но всё достоинство этого языка видит в беспрестанном употреблении славянских глагольных форм и особенно в употреблении изысканных славянских наречий и местоимений. Как и всякий недостаточно книжный человек, он охотно употребляет грубые, режущие слух слова и выражения, из которых иные у него в таком фаворе, что их он ставит везде, кстати и некстати»³. Для него «строй речи» ПСВ «чрезвычайно напоминает склад церковного сказания»⁴. А.С. Верещагин также характеризовал язык ПСВ, как «старающийся быть славянским, но постоянно сбивающийся на "славяно-российский" и разговорный» конца XVII – начала XVIII вв.⁵ Современный американский исследователь Д.К. Уо отмечает, что «компоновка и редакция текста автором не являются особенно удачными..., а его литературные способности оставляют желать лучшего»⁶. На основании этих свойств текста ПСВ А.А. Спицын сделал следующий вывод о её авторе: «Неискусная композиция "Повести", её непоследовательность, дурной слог, пожалуй, приведут нас к заключению, что лицо, которому принадлежит "Повесть", имело к кружку преосв. Ионы только отдалённое отношение»⁷. А.С. Верещагин согласился, что ПСВ вряд ли была написана «за благословением архиерейским»⁸. Однако А.В. Эммаусский считал, что «по своему

¹ Завельский А.А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Текст и его интерпретация // Текстология. RU. 2001. 11 сент.: URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=149> (дата обращения: 30 сентября 2012 г.). См. также: Ланно-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 386–387.

² Вештомов А.И. Указ. соч. С. 14, примеч. 1.

³ Спицын А.А. Указ. соч. С. 187, 190.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Верещагин А.С. Указ. соч. С. 69.

⁶ Уо Д.К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003. С. 201.

⁷ Спицын А.А. Указ. соч. С. 185.

⁸ Верещагин А.С. Указ. соч. С. 96.

содержанию (т.е. по фактическим данным. – А.М.) она примыкает к... агиографическим и историческим произведениям», написанным по заказу вятского архиепископа Ионы¹. Современный исследователь ПСВ прот. Александр Балыбердин считает, что её всесторонний лингвистический анализ в настоящее время является актуальным и перспективным для изучения истории вятского летописания. Можно добавить, что он перспективен также и для понимания стиля автора ПСВ. Сам А.Г. Балыбердин относит ПСВ «к текстам научного стиля с элементами публицистики»². Данное определение подтверждает наше мнение о том, что ПСВ является первым для своего времени научным исследованием начальной вятской истории³.

По мнению А.С. Верещагина автор ПСВ в некоторых местах своего произведения просто переписал имевшийся у него материал⁴, с чем согласился Л.Д. Макаров⁵. Однако, как отмечает Н.А. Малеванов, автор ПСВ не просто переписывает свои источники, но «довольно удачно выбирает то, что ему казалось наиболее важным, умело выбрасывая всё лишнее»⁶. Д.К. Уо пишет, что в ПСВ «авторский текст в первую очередь является пересказом, а не подборкой из выписок»⁷. Кроме того, автор ПСВ «использует материал не всегда в соответствии с изложением источника»⁸. Уо замечает ещё одну особенность индивидуального стиля автора ПСВ – постоянные характерные повторения одних и тех же фраз, позволяющих подчеркнуть важность описываемого и связать отдельные части текста ПСВ⁹. Данные стилистические особенности ПСВ отмечаются в наших и А.Г. Балыбердина исследованиях¹⁰.

¹ Эммаусский А.В. Указ. соч. С. 18–19.

² Балыбердин А.Г., прот. Об актуальности лингвистического анализа «Повести о стране Вятской» // Десятые Петряевские чтения: Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 25–26 февр. 2010 г.). Киров, 2010. С. 161–166.

³ Мусихин А.Л. «Повесть о стране Вятской» в свете новых исследований и открытий. Источниковедческий аспект (открытая лекция 24.10.2006, г. Киров) // Герценка. Киров, 2007. Вып. 12. С. 65, 68, 74–75, 79.

⁴ Верещагин А.С. Указ. соч. С. 59–60.

⁵ Макаров Л.Д. Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI–XVIII вв. как исторический источник // История, историография и источниковедение Удмуртии: сб. ст. Ижевск, 1992. С. 71.

⁶ Малеванов Н.А. Неизвестный список повести «О стране Вятской» 1725 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1962. Т. 18. С. 372–373.

⁷ Уо Д.К. Указ. соч. С. 197.

⁸ Там же. С. 196.

⁹ Там же. С. 202–203, 205–206, 208.

¹⁰ Мусихин А.Л. 1) Вятка и водка // Герценка : Вятские записки. Киров, 2005. Вып. 9. С. 89–90; 2) Государственное устройство Новгорода в представлении вятского книжника XVI–XVIII вв.: поиск письменных источников //

Индивидуализирующий метод обусловлен психологическим методом, который «в свою очередь завершается в нём: только в нём он и получает полноту своего значения для интерпретации исторического источника»¹. Принципы психологического метода «находятся в тесной связи с понятием о единстве чужого сознания». С этим понятием связаны многие частные правила герменевтики, например, – «один и тот же автор употребляет одно и то же слово в одном и том же комплексе слов в одном и том же смысле»². Исследователи рассмотрели смысл некоторых слов, использованных автором ПСВ. Семантику слова «самовластие» в ПСВ рассматривают Д.К. Уо и А.Г. Балыбердин³. Последний подсчитал, что оно в ПСВ в вариантах употребляется девять раз⁴. Здесь необходимо упомянуть об одной проблеме, которая неизбежно возникает при интерпретации источников – «сам исследователь является носителем определённых психологических черт и свойств, так что может в некоторых случаях исходить из личного опыта и самонаблюдения»⁵. По этой причине Д.К. Уо и А.Г. Балыбердин по-разному трактуют смысл слова «самовластие»: Д.К. Уо в политических категориях, как самовластное правление, А.Г. Балыбердин в контексте православной традиции, как личную внутреннюю свободу человека. Нами рассматривалась семантика слов «великий» и «страна Вятская» в ПСВ, на основании чего был сделан вывод, что хотя ПСВ сочинена, вероятно, после смерти архиепископа Ионы, автор её в полной мере воспринял идеи, пропагандируемые этим архипастырем⁶.

Новгородика–2010: Вечевой Новгород : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20–22 сент. 2010 г. Ч. 2 / сост. Д. Б. Терёшкина. Великий Новгород, 2011. С. 170–177; Балыбердин А.Г., прот. Об актуальности лингвистического анализа... С. 163.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 321.

² Там же. С. 324. См. также: Завельский А. А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Указ. соч.

³ Уо Д.К. Указ. соч. С. 196–197, 202, 249; Балыбердин А.Г., свящ. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской» // Библиотека как культурно-исторический объект: традиции и тенденции развития, социальные функции : материалы науч. конф. / отв. ред. Н. П. Гурьянова. Киров, 2007. С. 163–165.

⁴ Балыбердин А.Г., прот. Об актуальности лингвистического анализа... С. 163.

⁵ Завельский А.А., Завельская Д.А., Платонов С.И. Указ. соч.

⁶ Мусихин А.Л. 1) Семантика эпитета «великий» по отношению к рекам в вятских исторических источниках XVII–XVIII веков // Десятые Салтыковские чтения : материалы науч. конф. Киров, 2006. С. 94–98; 2) Термин «страна Вятская» в «Повести о стране Вятской» : причины использования // Православие на Вятской земле : (К 350-летию Вятской епархии) : материалы межрегион. науч. конф. (Киров, 5 декабря 2007 г.). Вятка (Киров), 2007. С. 52–55.

Для интерпретации путём индивидуализирующего метода «историк пользуется и психологическим, и техническим, и типизирующим методами»¹. Одним из видов типизирующего метода является систематический метод интерпретации, при котором историк стремится выяснить те особенности источника, «которые характерны для культуры данной местности, национальности, слоя общества, кружка или школы и т.п.»². Не случайно А.А. Спицын замечал, что «лучше "Повесть" мы поймём тогда, когда хорошо ознакомимся с составом других местных летописей»³. Такое сравнение с местными письменными памятниками пытался провести А.В. Эммаусский⁴. С большой долей вероятности определить автора ПСВ помогло обнаружение и изучение Д.К. Уо «Анатолиевского сборника», принадлежавшего в конце XVII – начале XVIII вв. хлыновскому дьячку С.Ф. Поповых⁵. Д.С. Лихачёв замечал, что «определению авторства помогает установление соответствий... между уже известными произведениями автора и исследуемым»⁶. Это и сделал Д.К. Уо, сравнив стиль ПСВ со стилем повести «О Царёвоконстантиновской церкви», написанной Семёном Поповых⁷. Если известно имя автора, хотя и гипотетически, историк должен изучить его биографию, «ему нужно знать происхождение изучаемого автора, его род, его родителей, его семью и выяснить, что у него было общего с ними, что – своего, оригинального»⁸. Такая работа о биографии С.Ф. Поповых была проведена А.С. Верещагиным (безотносительно к ПСВ), а в настоящее время Д.К. Уо и нами⁹. Рассмотренные нами записи рода Поповых в местных синодиках пока-

зывают не только религиозность Семёна Поповых, но и стремление таким образом зафиксировать память о своём роде, оставить свой след в истории.

И, наконец, историк «путём синтеза объединяет проанализированные им элементы и остатки, не поддающиеся анализу», часто используя своё особое чутьё, интуицию. При этом «он признаёт такое синтетическое понимание личности автора только своего рода гипотезой»¹. В конце своего исследования, собрав все проанализированные данные об авторе ПСВ, такую интуицию проявил А.А. Спицын, который «почти определил автора повести»². Он написал: «"Повесть" имеет очень близкое отношение к Юферевскому Временнику, но утверждать, что они составлены одним лицом, мы пока не имеем основания»³. Юферевский или «Вятский временник» был написан С.Ф. Поповых⁴. Кроме того, Спицын, возможно, сам не подозревая, сделал ещё два указания на возможное авторство Поповых. Он сообщил, что в Вятском Богоявленском соборе, где служил Семён Поповых, находилась икона Знаменской Божьей Матери с надписью, «почти буквально» вошедшей в ПСВ⁵. И, анализируя фактические данные ПСВ, А.А. Спицын отметил «близкое знакомство с чепецкими городищами» автора ПСВ⁶, а как раз в Чепецком оброчном стане у С.Ф. Поповых имелось несколько собственных земельных наделов⁷. Д.К. Уо отмечает, что «прямых доказательств нет, но существует много косвенных данных» в пользу авторства Поповых, которые он и попытался собрать. Тем не менее, вслед за Спицыным он осторожно замечает: «Маловероятно, что мы найдём окончательный ответ на важный вопрос об авторстве и времени написания ПСВ»⁸. Однако А.С. Лаппо-Данилевский писал: «Чтобы исходить из личности автора и таким образом объяснять его произведение, надобно знать, что последнее действительно принадлежит данному автору, а не другому лицу, а это уже вхо-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 321.

² Там же. С. 360–361.

³ Спицын А.А. Указ. соч. С. 192.

⁴ Эммаусский А.В. Указ. соч. С. 18–19.

⁵ Уо Д.К. Указ. соч.

⁶ Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 317.

⁷ Уо Д.К. Указ. соч. С. 221–222.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 385.

⁹ Верещагин А.С. Временник еже нарицается Летописец Российских Князей, како начаса в Российской земли княжение и грады утвердишася. Вкратце написано // ТВУАК. Вятка, 1905. Вып. 2. Отд. 2. С. 90–96; Уо Д.К. Указ. соч. С. 223–261; Мусихин А.Л. 1) Родословие вятского книжника Семёна Попова по записям в вятских синодиках // Генеалогический вестник. СПб., 2007. Вып. 29. С. 77–86; 2) Родословие вятского книжника Семёна Попова (по записям в Вятских синодиках II половины XVII – начала XVIII вв.) // Материалы третьей Уральской родоведческой науч.-практ. конф. 15–16 ноября 2003 г., Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 57–63; 3) Штрихи к биографии вятского книжника Семёна Попова // Герценка: Вятские записки. Киров, 2008. Вып. 13. С. 155–163.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 321–322, 387; Рузинек Б.-А. Критика и интерпретация источников. Всё дело в вопросах: Перев. с нем. А. Лауринавичюте // Уроки истории. XX век: URL: <http://www.urokiistorii.ru/learning/method/3358> (дата обращения: 30 сентября 2012 г.).

² Уо Д.К. Указ. соч. С. 193.

³ Спицын А.А. Указ. соч. С. 192.

⁴ Верещагин А.С. Временник... С. 1–98.

⁵ Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Спицын А.А. Избранные труды... С. 68. См.: Мусихин А.Л. Государственное устройство Новгорода...

⁶ Спицын А.А. Первый труд... С. 192, примеч. 1X.

⁷ Мусихин А.Л. Штрихи к биографии... С. 155.

⁸ Уо Д.К. Указ. соч. С. 214–222.

дит в задачи исторической критики источника»¹. Критикой ПСВ исследователи занимаются уже почти 250 лет, но это не значит, что больше не имеется никаких перспектив, «всегда ведь возникают иные постановки вопросов, благодаря чему источники предстают в новом свете»². На наш взгляд исследования ПСВ последних лет показывают это со всей очевидностью.

И.А. Сердюк
г. Полтава, Украина

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ДЕТЕЙ В ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ ГЕТЬМАНЩИНЫ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СТАРОДУБА)*

В этой статье речь пойдет об обществе Гетьманщины – автономного (до 1781 г.) региона в составе Российской империи, со специфическим укладом, правом, социальной структурой населения. Различные сословные группы (казачество, мещанство, купечество, посполитые, духовенство) не были строго замкнутыми и допускали значительную мобильность населения. Социальные лифты неплохо работали и внутри этих сословий, которые не были однородными, это явление (на примере казачества) детально исследовано в работе Виктора Горобца «Власть и социум Гетьманата»³.

Важно отметить, что социальный статус человека того времени был не до конца формализован, он определялся не только пребыванием в определенном сословии, но и – материальным положением, родом занятий, родственными связями, должностью, происхождением, отношениями свой/чужой. Прекрасным примером мобильности в социуме Гетьманщины является ребё-

нок, который рождается в одном статусе, а по мере взросления получает другие. В силу различных особенностей аграрного традиционного общества, дети часто рано становились самостоятельными и сами добывали себе пропитание.

К примеру, в одном из судебных дел 1779 г. фигурирует сын казака Роман Краснощоченко. В четыре года он остался без отца, в пять лет мать оставила его в чужой семье, а сама пошла на заработки и умерла. Чтобы прокормиться, парень с детства вынужден был зарабатывать на хлеб. Сначала, он три года пас свиней и телят там, где его оставили, потом еще одиннадцать лет пас скот у разных хозяев, переходя с места на место. Формально Роман принадлежал к высшему в Гетьманщине сословию – казачеству, но реально, он был сиротой, которого всякий мог «обидеть». Также, становясь пастухом, он обретает новый статус, поскольку к пастухам в аграрном обществе было особое отношение. За утверждением Питера Берка, в Европе раннего нового времени вообще существовала отдельная субкультура пастухов, которая существенно отличалась от земледельческой и всячески подчёркивала это¹. Важной также является одна маленькая деталь – Краснощоченко сначала пас свиней, потом – телят, потом – большой скот. Это тоже можно рассматривать, как своеобразный карьерный рост внутри корпорации пастухов. Подобную иерархию (из своего детства) с юмором описал замечательный украинский писатель Остап Вишня: гуси – свиньи – телята – овцы – коровы – кони².

Роман смог найти себе средства к существованию по хуторам. Его занятия были типичной возможностью для ребенка заработать пищу и одежду в сельской местности, вероятно, к другим видам труда, пригодных для детских рук, потенциальные работодатели привлекали своих собственных детей. Существенно больше вариаций для детского труда мог дать город, он же мог предложить и больше социальных ниш для ребёнка.

Социальный статус детей в городском населении Гетьманщины довольно неплохо зафиксирован в Генеральном описании 1765–1769 гг.³, причем, эта фиксация связана с пребыванием ре-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 391.

² Рузинец Б.-А. Указ. соч.

* Исследование осуществлено на основании материальной поддержки Международной ассоциации гуманитариев (МАГ) – краткосрочный грант на 2011–2012 гг.

³ Горобець В. Влада та соціум Гетьманату. Дослідження з політичної і соціальної історії ранньомодерної України. Київ, 2009.

¹ Берк П. Популярна культура в ранньомодерній Європі / пер. з англ. Київ, 2001. С. 34–35.

² Вишня О. Як ми колись учились: URL: <http://www.ukrlit.vn.ua/lib/vishnya/ag304.html>.

³ Перепись населения и домохозяйств Гетьманщины, которая производилась в 1765–1769 гг. по указу императрицы Екатерины II. В ней указан также и социальный статус большинства населения. Более подробно см.: Сердюк И. Румянцевская опись 1765–1769 гг. как источник по демографической истории русского

бенка вне собственной семьи. Считаю, что этот аспект уместно рассмотреть на примере одного города, и попытаюсь это сделать по данным Генерального описания Стародуба 1766 г. В чистовике описания этого города зафиксировано 160 детей в возрасте 5–14 лет, которые находились в чужих семьях, что составляет 18,3% от численности детей этого возраста в населении города¹.

Число детей вне семьи росло с возрастом, их доля среди детей 5–7 лет не превышала 10%, а в возрасте 13–14 лет практически каждый второй городской ребенок жил вне собственной семьи. Большое количество детей, живущих и зарабатывающих самостоятельно, была, очевидно, присуща не только Стародубу, а населению раннемодерного города вообще. Русский историк Ольга Кошелева показала это на примере Петербурга времен Петра I, где 27% жителей в возрасте до 16 лет записаны как лица без семьи. Это были: сироты, незаконнорожденные, подкидыши, дети бедняков. Старшие из них работали, а малолетние брались в дома горожан как слуги².

Таковыми слугами или работниками в Румянцевский описании Стародуба записано 48 детей (14 мальчиков и 34 девочки). Младшей из них была «служанка» Анна, которой на время переписи исполнилось 5 лет. Маловероятно, чтобы девочка могла выполнять серьезную работу, скорее всего она была взята на «вырост». В тогдашнем социуме даже использовался соответствующий термин – «выросток», которым обозначали приемных детей или слуг, выросших в доме хозяина³. В частности, среди рабочих возного Ивана Сороки записана и 8-летняя Фотиния «взята с малолетства на пропитание»⁴. Однако такие случаи в Стародубе единичные, большинство наймитов были в возрасте 10–14 лет. Эти дети обозначены в источнике термином «работник ево» или «работница ево» вместе с указанием времени, на который они нанимаются⁵.

Ни форма записи, ни ее содержание не отличаются от того, как записывали взрослых рабочих. Основное отличие заключа-

лось в оплате труда, ведь больше половины детей ее вообще не получали, а работали только за еду и одежду. Претендовать на плату могли дети 10–14 лет (они получали 1–1,5 рубля в год, взрослые батраки – 3–4,5 руб.): «Работница родимка стародубовская мещанского звания Устинья нанимается в год за 1 р 20 к на одежде и харчах хозяйских¹». Наибольшую плату среди девушек (2,5 руб.) получала 12-летняя Феодосия «евреева дочь»², а среди юношей – 14-летний «работник слободы Климов житель Тимофей Петров», нанимавшийся «в год по четыре рубля на одежде и харчах хозяйских»³.

Тимофей был русским старовером-раскольником, таких как он детей-батраков в переписи города зафиксировано еще пять. Характерно, что все они были парнями и имели сравнительно высокий заработок, чем их другие сверстники традиционного исповедания, при этом нанимались исключительно к своим единомерцам⁴. Ни одного из них не было среди детей, которые официально не считались чьим-то рабочими, и жили во дворах своих хозяев «без найма за пропитание». Таких записано 34, из них – 17 юношей и 17 девушек. Они были разного возраста, принадлежали к разным сословиям, могли быть как уроженцами Стародуба, так и других местностей. Например: пятилетняя Доминика «Карпова дочь ... родимица Стародубовская звания мещанского»; у мещанина Степана Медведя «на пропитание Демьян Максимов сын» двенадцати лет. В отдельных случаях источник сообщает, что ребенка взяли в семью как воспитанника: «взята на воспитание» или «взята с малолетства на пропитание»⁵.

Можно только догадываться для чего эти дети брались в такие семьи: как дешевая рабочая сила или как воспитанники с последующим усыновлением (удочерением). Относительно последнего в описании есть лишь одно такое указание: «взятая вместо дочери девка Мария». Мария была единственным ребенком в семье 35-летнего мещанина Ивана Цирюльника и его 30-летней жены. Учитывая возраст супругов, можно предположить, что собственных детей они не имели (вероятно, из-за бесплодия одного из партнеров), а потому удочерили Марию. Ей на

купечества в городах Малороссии // Историческая демография. Научный журнал. Москва-Сыктывкар, 2009. № 2. С. 19–21.

¹ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАУК). Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а.

² Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. СПб., 2004. С. 174–175.

³ Левицкий О. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII ст. // Киевская Старина. 1901. № 2. С. 183.

⁴ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 309 об.

⁵ Там же. Кн. 148а.

¹ Там же. Л. 297 об.

² Там же. Л. 158 об.–159.

³ Там же. Л. 457 об.

⁴ Там же. Л. 188 об., 457 об.

⁵ Там же. Л. 89 об., 185 об., 277 об.

момент переписи было всего четыре года, следовательно, девочку взяли совсем маленькой, возможно, младенцем¹.

Очевидно, что статус детей-работников был различным. Раскольники, нанимались к своим единоверцам и, по мнению современных исследователей, могли находиться на правах младшего члена семьи². Другим детям, вероятно, везло меньше: в 1770 г. в Лубенском остроге был заключен Иван Ковенко, который забил «находящегося у него в услугах» парня Алексея Архипенко. На допросе Ковенко признался, что парень провинился, потому что не убрал соломы на току и не убрал навоза возле дома, за что хозяин «единственно только три раза небольшою лыковой палочкой плечах ударил»³.

Общеизвестно, что избивание палкой в то время было распространенным способом наказания. Иногда все заканчивалось трагически. В августе 1765 г. житель городка Глинска Лубенского полка Андрей Кухар, вернувшись домой навеселе, вступил в спор со своим малолетним рабочим Федором (ибо работник не вычистил коня) и убил его. На допросе Кухар говорил, что бил Федора по плечам, и только один раз попал по голове, от чего, мол, у того лопнула какая-то устаревшая болячка, что и повлекло смерть. Однако осмотр тела погибшего обнаружил не устаревшую болячку, а пролом черепа. Как выяснилось, Кухар воспитывал рабочего вилами⁴. Эти два случая (и много им подобных в документации того времени) можно считать показательными в отношении социального статуса работников – для хозяина не было важно, кто к нему нанялся – казак или посполитый. У него работал ребенок или подросток, априори человек более низкого плана, нежели взрослый.

Часть детей, 10 мальчиков и 12 девочек, жили в семьях родственников (братьев, сестер, теток и т.д.). Привлекает внимание

¹ Там же. Л. 28 об. Если мальчикам угрожали побоями, то девочкам еще и изнасилования. Обстоятельства одного из них зафиксировало дело, которое рассматривалось Старосанжарской сотенной канцелярией в 1733 г. Свою малолетнюю служанку хозяин в амбаре «страхом, битьем, ласкательством, обманом, дав копейку денег растлил». Данный инцидент закончился мировым соглашением, по которому виновник заплатил 24 рубля. См.: Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. (Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України). Київ, 1976. №94. С. 260–262. В этом же сборнике представлены и другие примеры сожительства работницы и хозяина, причём в одном из случаев соблазнителем был священник. См.: Там же. №105. С. 300–301.

² Волошин Ю. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. М., 2009. С. 72.

³ ЦГИАУК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 166. Л. 2–3.

⁴ Там же. Д. 49. Л. 2–4.

случай, когда в одном дворе жили 6 братьев. Старший – 30-летний Иосиф, вместе с женой и детьми, проживал в одном доме, а в другой – его 5 братьев, трем из которых было 7, 11 и 13 лет¹. С 80-летней мещанством вдовой Мотроной жили «внуки ее»: ребята в возрасте 6, 9, 13 лет и 10-летняя девушка². Источник может давать косвенную информацию о судьбе матери таких детей: «сестры его умершей дети»³. По словам Ольги Кошелева, дети (как, кстати, и пожилые люди), не имевшие семьи, находились под опекой общины или дальних родственников⁴. Вероятно, при этом каждая из сторон что-то получала: дети – приют и опеку, а родственники, кроме выполнения семейного долга, – дополнительные рабочие руки. В этом контексте показательна указание относительно девушки Агафьи, которая проживала в семье своего родного брата «без заплаты, на харчах и одежде хозяйских»⁵.

Дети, которые жили с родственниками, сиротами не записаны. Таковыми среди населения города обозначены лишь семеро детей, а к пяти применена формула «родства непомнящий»⁶. Большинство из них было батраками, работали за еду и одежду, как, например, 12-летние Дмитрий «осиротелой» и Анна «за сиротства родства своего не помнящая», которые были выходцами из полковых сел⁷. Эти сироты, очевидно, пришли в город, чтобы прокормиться, а потому батрачество было для них практически единственным выходом.

Двое сирот пополнили социальную группу стародубских школьников. Они нашли приют в школе при церкви Святителя Николая. В источнике записаны лишь их имена и возраст (8 и 14 лет), однако, вероятно, они считались «нищими», которые тогда встречались практически при каждой школе⁸. Эту мысль подтверждает и указание на источник доходов обитателей этой школы: диакон и псаломщики «пропитание имеют с доходов церковных», а остальные (т.е. сироты) – с «испрошения мило-

¹ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 254 об.

² Там же. Л. 243 об.

³ Там же. Л. 254 об.

⁴ Кошелева О. Указ. соч. С. 174.

⁵ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 146 об.

⁶ Там же. Л. 153 об.

⁷ Там же. 31 об., 316 об.

⁸ Сироты, калеки и переростки вообще были обычными жителями школ. См.: Волошин Ю. Письменність серед мешканців Полтави другої половини XVIII століття (за матеріалами Румянцевського опису) // Київська Академія. Вип. 5. Київ, 2008. С. 151–152; Левицький О. Указ. соч. №12. С. 441.

стны»¹. Всего, вместе с двумя сиротами, в школах Стародуба записаны 9 детей: это ребята в возрасте 8–14 лет, восемь из которых жили из сбора милостыни, и 13-летний Павел – сын священника одного из сел Стародубского полка учился грамоте вместе со своим 16-летним братом². Возможно, отец-священник направил их учиться, выполняя требование церковных властей³. Как видим, социальный статус этих детей определялся их пребыванием в школах, а также спецификой зарабатывания на жизнь – прошением милостыни.

Известная история судьбы школьника изложена в автобиографии Ильи Турчиновского. Он был сыном березанского сотника, то есть – представителем богатой и влиятельной семьи. При березанской церкви выучил грамматику. Когда его отец отправился на войну, Илья ведал значительным домашним хозяйством, но с плохими успехами, так, как отец по возвращению его сильно побил за нерадивость. Поэтому в возрасте 15 лет «оставляя отца и матку» он пошел «по школам волочитись», где выучился церковному пению. Илья волочился по школам без денег и постоянных занятий, просил милостыню, за короткое время был дворовым писарем, учил детей грамоте, был помощником игумена монастыря, певчим, регентом церковного хора. В возрасте 23-х лет он вернулся домой, женился, а отец купил ему должность местного священника⁴. Пример Ильи показывает, каким временным был статус «школьника» и «нищего» в отношении подростка. Он мог всё поменять в своей жизни, в отличие от классических нищих – жителей богадельни.

Перепись Стародуба фиксирует еще одну категорию детей, которые находились вне собственной семьи, – учеников ремесленников. В описании города их насчитывается 50 человек (все мальчики). Самому младшему из них, Михаилу Федорову, исполнилось 6 лет. Вместе со своим 12-летним братом Иваном он пришел из села учиться ткацкому ремеслу⁵. Однако по данным источника, такие малолетние ученики, как Михаил, случались

крайне редко. В описании найдены только три ученика младше 10 лет. Большинство из них (82%) были в возрасте 12–14 лет.

Чтобы учиться ремеслу, дети могли приходить не только из окрестных сел, но и из других городов. Мещанский сын Иван Руденков пришел учиться золотарского ремесла к стародубскому казаку Михаилу Злотнику из городка Погара. По тогдашней традиции Иван не только учился ремеслу, но и работал на полях своего мастера. По утверждению современного этнолога Василия Балушка, ученики в раннемодерной Украины использовались своими мастерами для выполнения различных хозяйственных работ – от ремесла до сельского хозяйства¹. Работая, они отрабатывали мастеру науки и содержания: «находятся на пропитании и одежде хозяйских беззаплатно»². Например, 13-летний Гаврила был учеником священника Самсониевской церкви Антония и уже на следующем листе описи записан рабочим, «который живёт в оного священника беззаплатно для обучения себя мастерства кравецкого которым оной священник балуется». Кроме ремесла, священник «баловался» еще и земледелием, поэтому, вероятно, Гавриил тоже работал на его земле³.

Ученики становились незаменимыми помощниками тех ремесленников, которые имели проблемы со здоровьем. Так, Стародубский мещанин Иван Кантупалов занимался «шклярским» (стекольным) ремеслом, однако, несмотря на свой относительно молодой возраст (30 лет), на левой руке у него свело пальцы⁴. Сына у Ивана не было, поэтому он мог надеяться только на помощь своего десятилетнего ученика⁵. Следует отметить, что ученичество привязывало детей к хозяевам на более длительный срок, чем найм. Например, срок обучения у портного мог составлять пять лет⁶, тогда как нанимались в основном на полгода – год.

Затронутая проблема дает основания говорить о значительной мобильности детей, особенно старшего возраста: среди стародубских подростков, которые жили вне собственной семьи, около половины были выходцами из сел полка, остальные – ме-

¹ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 35 об.

² Там же.

³ Указ об обязательном обучении детей священнослужителей в школах латинскому языку, 1723 г. // Киевская Старина. 1902. №9. С. 111–112.

⁴ Автобіографія Іллі Турчиновського – священника і намісника Березанського // Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). Київ, 1967. С. 552–557.

⁵ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 586 об.

¹ Балушок В. Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. Київ, 1993. С. 19.

² ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 543 об.

³ Там же. Л. 132 об.–133.

⁴ Возможно, это был паралич.

⁵ Там же. Л. 329 об.–330.

⁶ Там же. Л. 19 об. Подр. см.: Клименко П. Цехи на Україні. Т. 1. Вип. 1. Суспільно-правні елементи цехової організації. Київ, 1929.

стными жителями. Последние могли иметь в городе родителей, но жить врозь и наниматься к разным людям. 12-летний Самуил Федоров жил «с пропитания» без родителей, потому что «отец его своего двора не имеет, а живет нанимается в разного звания людей»¹. 40-летняя вдова Татьяна жила вместе с матерью и братом, а ее два сына были учениками у разных стародубских ремесленников².

Дети, которые жили в чужих семьях, вероятно, могли выполнять не только экономические функции. По мнению английских историков Хелен Берри (Helen Berry) и Элизабет Фоистер (Elizabeth Foister), в раннемодерном обществе молодые слуги и подмастерья играли важную роль в жизни бездетных мужчин. Дети были доказательством мужской способности к репродукции и делали возможным выполнение социальной роли патриарха, свойственной мужчинам этого периода. Избежать насмешек (и выполнить эту роль) можно было в качестве крестных родителей, опекунов, хозяев, мастеров и др.³

По данным Генерального описания Стародуба, большинство семей, в которых жили чужие дети, имели собственных детей. Однако было 13 семей, где собственных детей не записано. Среди них и семья Ивана Цирюльника, которому на время переписи исполнилось 35 лет. Кроме него, в описании встречаются бездетные лица значительно старшего возраста, у которых были еще меньшие шансы на рождение собственного ребенка. Как пример, можно привести 45-летнего мещанина Ивана Цыбулина и его 40-летнюю жену Агафью, с которыми жили двое ребят-учеников⁴.

Хелен Берри и Элизабет Фоистер, вспоминая о необходимости родительской роли для бездетных, отмечали ее важность для мужчин, которые тогда зачастую были признаны основными виновниками отсутствия детей⁵. Генеральное описание не дает непосредственных сведений о разведенных мужчинах, однако учитывая значительную численность населения города можем предположить, что они были. В переписи Стародуба фигурирует 35-летний мещанин Лаврин Чернявский. С ним не записано жены и детей, но и отсутствует указание «холост», применявшееся

в отношении холостых мужчин. Лаврентий был коренным жителем города, а не работником, имел собственный двор и ремесло, поэтому его жена должна была проживать вместе с ним. Возможно, Чернявский был разведен или его жена сбежала, однако это лишь предположение. С уверенностью можно констатировать лишь то, что с Лаврином жили не его жена и родные дети, а 14-летний племянник Герасим¹.

Как вывод, необходимо отметить огромную социальную мобильность детей в обществе (особенно – городском) Гетьманщины. Они, в силу действия жизненных обстоятельств, могли занимать различные ниши и исполнять различные роли: батраков, учеников, нищих, взятых на «пропитание» и т.д. Важной особенностью была непостоянность статуса ребенка, который менялся по мере взросления. Причем в реальной жизни он больше зависел не от происхождения и сословия, а от принадлежности к определенной социальной группе и положения в ней. К примеру, статус детей-батраков зависел от пола, вероисповедания, условий найма, наличия покровителей (родственников). Двери социальных лифтов открывались даже тем детям, которые числились нищими, школьниками и влачили довольно жалкое существование, так как на их стороне был молодой возраст.

Г.И. Обухова
г. Ижевск

**ОБЩИННАЯ И ЧАСТНАЯ АРЕНДА ОБРОЧНЫХ
МЕЛЬНИЦ КРЕСТЬЯНАМИ И КУПЦАМИ
ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ
XVIII – 70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА**

В конце XVIII – первой половине XIX века Вятская губерния относилась к территориям, имевшим достаточное обеспечение населения резервом свободных земель и лесных угодий². В се-

¹ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 318 об.

² Там же. Л. 99 об.

³ Berry H., Foister E. Childless men in early modern England // The Family in Early Modern England. Cambridge, 2007. P. 182–183.

⁴ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 59 об.

⁵ Berry H., Foister E. Op. cit. P. 158–159.

¹ ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 590 об.

² Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX века (размеры и размещение). М., 1988. С. 207 – 208.

верных уездах губернии, Глазовском и Слободском, с небольшой плотностью населения лесные угодья составляли почти половину всех земель. Большая часть лесных угодий отдавалась казной в аренду с выплатой оброка, особенно часто крестьяне брали в оброк землю и мельницы.

Изучение соотношения среди аренды оброчных мельниц доли, принадлежащей крестьянским общинам и отдельным крестьянам, особенно ведущим торгово-предпринимательскую деятельность, а также купечеству представляет большой интерес, поскольку позволяет проследить процесс мобилизации в деревне земель и недвижимости, постепенно переходящих путем долгосрочной аренды и, в дальнейшем, покупки у казны, в частную собственность. Значительный вклад в исследование этих процессов у крестьянства Удмуртии в XVIII – первой половине XIX века внесен работами М.В. Гришкиной, Н.Н. Латышева, М.М. Мартыновой и Б.Г. Плющевского¹.

«Устав о казенных оброчных статьях», опубликованный в VIII томе Свода законов Российской империи регулировал все вопросы, связанные с оброчными угодьями². Порядок оформления мельниц в оброчное содержание подробно зафиксирован в фондах Слободской воеводской канцелярии Российского государственного архива древних актов – (далее РГАДА) и фонде Вятской казенной палаты – Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Наряду с использованием общих статистических данных канцелярии Вятского губернатора и губернского правления, казенной палаты (ГАКО), интересную возможность для исследования этой проблемы дают первичные источники: архивные материалы фондов Глазовского уездного суда и нижней расправы (челобитные, прошения, частно – правовые акты, судебные дела), журналы Глазовского уездного казначейства за 1801 – 1852 гг. ГКУ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее ЦГА УР). Статистическая обработка журналов казначейства позволяет не только проследить динамику аренды разных видов оброчных мельниц, но и их удельный

вес, стоимость, проанализировать персональный состав арендаторов, использование мельниц в предпринимательских целях.

По данным Вятской казенной палаты в конце XVIII – начале XIX века в губернии сдавались в аренду следующие оброчные статьи: пашенные земли и сенные покосы – 1155 (9483 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп.); мельницы – 228 (3046 руб. 81 коп.); рыбные ловли – 75 (3374 руб. 60 коп.); бортные угодья – 5 (12 руб.); жерновое каменное заделье – 1 (15 руб. 60 коп.)¹.

Население Глазовского уезда по 5-й ревизии составляло 49119 душ м. п. и 54968 душ ж. п., основную часть населения составляли удмурты, русские, татары, бесермяне и марийцы. Большая часть их относилась к категории государственных (черносошных и ясачных) крестьян, затем следовали приписные к казенным заводам; экономические крестьяне; приписные к адмиралтейству татары и ланцы². В 1796 г. в Глазовском уезде сдавалось на оброк всего 26 участков пашенных земель и сенных покосов с платой 498 руб. 10 коп.; одно жерновое заделье за 15 руб. 10 коп.; одна рыбная ловля – за 10 руб. и 4 мельницы с платой 78 руб.³ По другим данным за этот год в Глазовском уезде имела одна пыльная не оброчная мельница, 14 оброчных мучных мельниц и 380 мучных мельниц, содержащихся без оброка⁴.

В одном из доносов, полученных из Вятской губернии в конце XVIII в. отмечались злоупотребления чиновников казенной палаты, которые «не допуская поселян до торгов, оброчные угодья отдают советнику Пронину, протоколисту Шумилову, купцу Соловьеву, Акулову и прочим по немалому числу за малые цены», даже «по 150 статей в одни руки», вынуждая затем арендовать их у них в 5–7 раз дороже⁵.

Проведение с 1804 по 1834 гг. в Вятской губернии Генерального межевание ухудшило положение крестьянства: резко сократились земельные наделы на душу населения, были отрезаны мелкими частями и переданы в казенное ведомство, а затем розданы частным лицам во всемиростивейшее пожалование лучшие земли⁶. Как показали сотни жалоб крестьян, в 1837 г. во

¹ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977; История Удмуртии: Конец XV – начало XX века /Под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004; Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939; Мартынова М.М. Удмуртская община (бускель) в советской исторической науке /Актуальные проблемы историографии дореволюционной России: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1992. С. 128–138; Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и в середине XIX века. Автореф. канд. дис. Ижевск, 1953.

² Свод законов Российской империи. Т. 8, ч. 1. СПб. 1857.

¹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 601. Д. 464. Л. 35–35 об.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 2е. Д. 276. Л. 6.

³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 303а. Л. 11об–12.

⁴ Там же. Л. 1 об.–2.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2782. Л. 1–9.

⁶ Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Издание Вятского губернского статистического комитета. Т. 2. Вятка, 1881. С. 420–421, 433, 446.

время ревизии Холодковского, часть отрезанных земель (пашни, покосы, лесные участки с мельницами) переводились на оброк и раздавались посторонним лицам¹.

В журналах доходов Глазовского уездного казначейства ежемесячно фиксировалось поступление сборов за оброчные мельницы с указанием порядкового номера, суммы оброка, названия, местонахождения, типа мельницы: колесчатая или мутовка, количества амбаров и поставов, мучная или пильная. Обязательно указывались держатели оброчной статьи – крестьянская община или отдельные крестьяне, а так же купцы.

Так, в 1806 г. крестьяне д. Чурмыги Симон Ардашев и Даниил Мухин уплатили за общину в Глазовское уездное казначейство за оброчную мучную мельницу за 1802–1806 гг. годовой оброк по 50 коп. в год. Договор с ними был продлен до 1814 г., но казначейство увеличило оброк до 60 коп.² В этом же году за колесчатую мельницу на р. Святице у д. Оверинской, взятую в оброк только двумя крестьянами Иваном Фоминым и Гавриилом Никулиным, уплачено за год 90 руб., за рыбную ловлю – 20 руб.³

Зажиточные крестьяне часто использовали аренду общинных земель для строительства мельниц и их эксплуатации на выгодных условиях. 17 февраля 1815 г. крестьяне Омутницкого и Починочного волостных правлений д. Парзинской и починка Карлаган Ильга заключили договор с ясачным татаринцом д. Кестымской Сайтом Захаровым Касимовым о разрешении построить ему на р. Парзе мучную колесчатую мельницу «о двух амбарах и двух поставках», снабдить ее всем необходимым, и «пользоваться одним амбаром и поставом, а вторым – владеть нам обывателям по – частям»⁴. В 1818 г. татарин Слободской округи Каринской волости Губайдулла Касимов Ахмаров, выдав кредит в 450 руб. общине починка Денеюревского Уканской волости, получил на 6 лет один постав в мирской мельнице «с помолом хлеба и прочими денежными и хлебными доходами»⁵. Если община или отдельные держатели не платили вовремя оброк, то деньги взыскивались через Глазовский уездный суд и пересылались в казначейство с уплатой пени в 0,5%. Так, 4 сентября 1825 г. были присланы оброчные деньги за мельницы с 4 крестьян Валамазской волости (55 руб.75 коп.; 66 руб.; 50 коп. и 2 руб.); Порезской

и Елганско-Астраханской волостей с поселян – 62 руб. и 66 руб.¹ Оброчные мельницы использовались не только для размола зерна, но и для распила леса. Глазовский купец Иван Бородин 27 декабря 1830 г. уплатил 20 руб. 2 коп. в Глазовское уездное казначейство за состоящую за ним на оброке «мельницу пильного завода и землю»².

Зажиточные крестьяне брали на оброк в основном колесчатые мельницы с несколькими амбарами и поставками: в 1830 г. 5 крестьян Поломской, Елганско-Астраханской, Селтинской, Лумпунской волостей платили годовой оброк за мельницы размером в 9, 20, 132, 62 и 161 руб.³ В 1835 г. общины нескольких волостей уплатили оброк за 4 мельницы суммой 152 руб. 85 коп., а 46 крестьян за индивидуальную аренду – 1031 руб. 48 коп.⁴ Крестьянин-старообрядец Лумпунской волости д. Телицынской Иона Васильев Телицын взял с торгов на р. Лумпун колесчатую мельницу с оброком в год 326 руб.⁵ Кроме этого, им был куплен в 1834 г. у крестьянина Лумпунской волости Петра Арефьева Бояринцева сенные покосы в Сырвайской и Лумпунской волостях – 8 десятин, «с владением одной половиною, выстроенной после покупки на том месте по течению р. Лумпуну на левой стороне мельницы, состоящей из одного амбара со всеми к тому принадлежащими ценою за 700 рублей ассигнациями»⁶.

В 1837 г. крестьянин Поломской волости Матвей Данилов Орлов взял с торгов в Вятской казенной палате на оброк 33 мельницы сразу в нескольких волостях на длительный срок – с 1838 по 1850 год, то есть на 12 лет, сдав их затем крестьянам в аренду с условием выплаты годового оброка, залоговой суммы и стоимости мельниц⁷. За лучшие оброчные угодья с мельницами шла ожесточенная конкурентная борьба между общинами и зажиточными крестьянами, чиновниками и купцами. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные дела в Глазовском уездном суде и казенной палате.

Б.Г. Плющевский, характеризуя социально-экономическое развитие Глазовского уезда в первой половине XIX в. отмечал,

¹ ЦГА УР. Ф. 91. Оп. 1. Д. 16. Л. 6 об.–7.

² Там же. Д. 32. Л. 14 об.–15, 126 об.–127.

³ Там же. Д. 32. Л. 26–33; 44 об.–45; 68 об.–69; 74–77.

⁴ Там же. Д. 38. Л. 10 об.–11, 15 об.–16, 22 об.–23, 27 об.–33, 35 об.–36, 38 об.–39, 43 об.–44, 53 об.–54, 88 об.–89, 104 об.–105.

⁵ Там же. Л. 29 об.–30.

⁶ ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 169. Л. 7 об.–8.

⁷ Там же. Л. 1–5.

¹ Там же. С. 439–440.

² ЦГА УР. Ф. 91. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

³ Там же. Д. 15. Л. 197.

⁴ ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 85а. Л. 26–26 об.

⁵ Там же. Л. 2–2 об.

что «Богатые русские хозяева наживались на помол крестьянского хлеба, сосредоточив в своих руках большую часть мельниц уезда»¹.

Зажиточные крестьяне удмурты, перешедшие в купечество, также вкладывали деньги в мельничный промысел. В 1807 г. сын крестьянина д. Омутницкой Глазовского уезда Сидора Аврамова Чиркова – Григорий, 21 года, крестьянин из «новокрещеных удмуртов» записался «одной душой» в купечество г. Глазова в 3-ю гильдию с объявленным капиталом 2005 руб.² Вслед за ним в г. Глазов переселилась и его семья: жена Настасья – 21 года с сыновьями Яковом – 3 лет и Иосифом – 9 месяцев. В 1830 г. «по особо объявленному от отца капиталу» – 8000 руб. записался в 3-й гильдии купечество г. Глазова сын Григория Чиркова – Яков Григорьевич Чирков, 26 лет, холостой. В сведениях о нем сказано: «торгует разными хлебными припасами, льном и занимается подрядами»³. 29 января 1837 г. купец 3 гильдии Яков Григорьев Чирков заключил договор с мещанином г. Усть-Сысольска Вологодской губернии Васильем Васильевым Лыткиным «о поставке на Усть-Лопинскую пристань муки ржаной хорошей доброты мелкого размола, не красноватой в кулях 10-ти пудового веса...с доставкой нынешним зимним путем 2500 пудов, ценой по 87 коп. за пуд, на сумму – 2185 руб.»⁴. Для размола муки Яков Чирков содержал на р. Убыти в Глазовском уезде мельницу с 5 поставами.

Другой бывший крестьянин – новокрещенный удмурт, купец 2 гильдии Иван Волков получил в 1837 г. в уплату за долг колесчатую мукомольную мельницу об 11 поставах с размолотой мукой на р. Лозе в Поломской волости со всеми строениями и землями (66 десятин 858 сажень), приносящую в год дохода до 700 руб. серебром. В 1859 г. наследники Волкова продали мельницу уже за 8000 руб. серебром⁵. Выходец из крестьян-удмуртов, купец 3 гильдии Федор Лукин Зонов вложил в 1852 г. в строительство плотины и мукомольной мельницы на р. Чурзе, двух амбаров и поставов 1500 руб. серебром, а затем сдал ее в аренду за 85 руб. серебром в год крестьянину Сепыцкой волости

¹ Плющевский Б.Г. Социальное и экономическое развитие Удмуртии в первой половине XIX века // Очерки истории Удмуртии XIX века / отв. ред. Н.П. Лигенко. Ижевск, 1996. С. 42.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 56.

³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 309. Л. 32–об.

⁴ ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 370. Л. 4–5.

⁵ Там же. Д. 135. Л. 9 об.–10 об.; Д. 159. Л. 1 об.–5; Д. 398. Л. 175 об.–178.

Сюрзинского общества Мартемьяну Агапову Созонтову с условием исполнять обязанности мельника, исправлять плотину и инструменты, пользоваться углем и кузницей, взимать плату за помол, сторожит имущество и хозяйство, из которого взять бесплатно для использования корову, сено и пару гусей. Договор об аренде был вновь заключен сыном Зонова Яковом с этим же арендатором в 1857 г. еще на год¹.

В 60-х гг. XIX в. в Глазовском уезде было уже до 148 частных мельниц, и, кроме того, 588 мирских, из которых значительная доля фактически также находилась в руках зажиточной части деревни². Несмотря на большое число мельниц в общинном пользовании, постепенно ведущую роль в мукомольном промысле стали играть крупные и более совершенные мельницы, принадлежащие зажиточным крестьянам и купцам. По данным о взыскании земского сбора с владельцев промышленных предприятий Глазовского уезда, прослеживается не только существенная разница в обложении сборами купеческих и крестьянских мельниц, но и увеличение в волостях количества земель и промышленных заведений, принадлежащих купцам и зажиточным крестьянам.

Так, по данным волостного правления в 1873 г. в Порезской волости Глазовского уезда Глазовскому купцу Евдокиму Никифорову Лыскову принадлежали лесные земли 875 десятин, за которые он платил 73 коп. губернского сбора и 15 руб. 67 коп. уездного сбора; амбар для складки хлеба (соответственно – 37 ½ коп. и 56 коп.); ветряная мельница (губернский сбор – 90 коп.); водяная мельница (соответственно 62 ½ коп. и 93 ½ коп.). Купеческая жена Любовь Карпова владела в волости 2675 десятинами земли с уплатой губернского сбора – 13 руб. 48 ½ коп. и уездного сбора – 196 руб. 36 ½ коп.; другая купчиха Акулина Лыскова платила за мельницу губернского сбора – 4 руб. и уездного сбора 5 руб. 99 коп.³

Жители д. Князевской платили за общинную ветряную мельницу губернский сбор – 30 коп. и уездный сбор – 45 коп., столько же платил за ветряную мельницу, находящуюся в его собственности, крестьянин д. Лаптевской Федот Рыболовлев⁴. В Поломской волости в 1874 г. было 14 оброчных водяных мельниц, находящихся в содержании у отдельных крестьян. Приве-

¹ ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 246. Л. 9 об.–13; Д. 302. Л. 51–53 об.; Д. 346. Л. 62 об.–65.

² Латышев Н.Н. Указ. соч. С. 114.

³ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1091. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 6–6 об.

денная в ведомости оценка их стоимости, свидетельствует о разнице в их размерах и оснащённости: 5 мельниц оценивались в 25 руб.; 4 – в 30 руб.; 1 – в 40 руб.; 1 – в 60 руб.; 1 – в 90 руб.; 2 – в 100 руб. Мельницы ценой в 100 руб. содержали крестьянине Корепанов Егор – Кайгурецкая и Тронин Гавриил – Тутинская; обе приносили доход в 10 руб. серебром, губернский сбор составлял в год – 35 коп., уездный сбор – 90 коп.¹

В Рыбаковском волостном правлении в 1874 г. крестьянские общины содержали 12 водяных оброчных мельниц, кроме этого в волости было 18 безоброчных ветряных мельниц, а также конные мельницы. Крестьяне некоторых деревень имели в собственности крепостную землю, мельницы и промышленные заведения. Так, в д. Титовской крестьянин Андрей Максимов Русаков владел крепостной землей, красильней и ветряной мельницей; крестьянин д. Бесевской Иван Яковлев Бородулин – землей, ветряной и водяной мельницами; крестьянин д. Подгорной Иван Иванов Подгорных владел землей, водяной и конной мельницей; крестьянин Филимон Подгорных, проживал в починке при мельнице Подгорновской, где содержал кузницу, водяную и ветряную мельницы². Наметившуюся тенденцию в расслоении крестьянской общины подтверждают выводы других исследователей.

М.М. Мартынова, исследовавшая аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века, отмечала, что «Развитие капиталистических отношений приводило к увеличению в деревне роли сельской буржуазии. В Глазовском уезде 1952 крестьянских двора имели 1725 промышленно-торговых заведений. При этом, она обращала внимание на тот факт, что «1279 русских крестьянских дворов Глазовского уезда имели 1299 промышленно-торговых заведений (мельниц водяных – 122, мельниц ветряных – 56, смолокурень – 75, кузниц – 501 и т.д.), 603 хозяйства крестьян-удмуртов в этом же уезде имели 362 торгово-промышленных заведения (85 водяных мельниц, 190 кузниц, 12 лавок и т. д.)³. Таким образом, собственность на землю и другую недвижимость сосредотачивалась в руках русской и удмуртской крестьянской верхушки, а также купечества.

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Л. 140–141 об.

³ Мартынова М.М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв.: Сб. ст. Ижевск, 1981. С. 42.

П.В. Колзина
г. Ижевск

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЧИНОВНИКОВ ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В 1810-Х ГОДАХ НА ОСНОВАНИИ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ

Потребность в формулярных (послужных) списках чиновников возникла в 20-е гг. XVIII, после введения Петром I Табели о рангах. Формулярные списки были необходимы для своевременного получения чинов, наград, жалований и пенсий, поскольку являлись документальным подтверждением службы и усердия. Кроме того, прообраз трудовой книжки служил средством контроля со стороны государства за деятельностью чиновников всей страны, что было важной составляющей идеи регулярного государства, которую осуществлял Петр I.

По мере усложнения системы государственного управления увеличивалась необходимость в квалифицированном бюрократическом аппарате. В результате, введенный еще в 1771 г. на каждого чиновника формулярный список, стал с конца XVIII в. обязательным документом¹. Форма послужных списков окончательно сложилась в правлении Екатерины II и просуществовала в Российской империи в неизменном виде до начала XX столетия.

Формулярные списки содержат информацию, позволяющую воссоздать биографию конкретных людей, однако источник этот коварен: в нем нередки фактические ошибки. Происхождение их может быть различным: невнимательность или невысокий уровень грамотности секретаря (это особенно касается записи иностранных слов, географических названий), а также намеренное искажение фактов самими чиновниками с целью представить свою биографию в свете более выгодном, чем она была на самом деле. Таким образом, для получения достоверных данных необ-

¹ Ерошкин П.Н. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 141.

ходимо сравнивать разные формулярные списки, сверять их данные с другими источниками. Например, даты производства и продвижения по службе можно проверить по Высочайшим приказам, даты жизни – по записям метрических книг, ордена – по спискам кавалеров орденов, которые печатались в Придворных календарях¹.

Послужные списки Петербургского цензурного комитета представляют собой важный исторический источник, который дает представление о социально-этническом составе сотрудников этого влиятельного органа. Кроме того, как уже отмечалось выше, послужные списки содержат биографический материал, на основе которого можно охарактеризовать сотрудников. Это имеет значение, поскольку именно в руках чиновников цензурного комитета находилась судьба авторов, типографий и их изданий. В советской историографии сложилось стереотипное мнение о цензорах, как гонителях свободы мысли и искусства. Еще А.Н. Радищев в своем произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» величал цензоров «несмысленными урядниками благочиния» и посвятил им главу «Торжок». С воцарением Александра I «несмысленных урядников» сменили более образованные люди: деканы и профессора университетов. Однако отношение к цензорам со стороны творческой элиты осталось прежним. Об этом свидетельствует, к примеру, сатирический памфлет поэта и публициста Ивана Петровича Пнина «Сочинитель и цензор», появившийся в 1805 г. и положивший начало жанру, критикующему цензуру². Однако в первое десятилетие Александровского царствования в цензурном ведомстве еще не появились одиозные персоны, подобные петербургскому цензору А.И. Красовскому, чьи «подвиги» вошли в анекдоты и стали символом цензурного идиотизма³. На первом этапе правления Александра Павловича, по крайней мере, до 1811 г., когда цензурный режим стал определяться Министерством полиции⁴, Цензурный устав 1804 года оправдывал свое прозвание самого либерального цензурного законодательства в истории России.

Как отмечается в статье Н.Г. Патрушевой, «в настоящее время исследователи все чаще начинают искать ответ на вопрос о том, кто мог стать цензором в России в разные периоды сущест-

вования цензуры, какие люди своими руками ежедневно творили цензурную историю. Для этого они стали обращаться к материалам биографического характера, хранящимся в основном в архивных фондах»¹. Об истории цензуры, в том числе о цензорах, немало написано М.К. Лемке, Г.В. Жирковым, Н. Патрушевой². Затронута данная тема в работах А.М. Скабичевского, Н. Энгельгарта, А.В. Блюма³. Данный доклад также представляет собой исследование биографий цензоров начала XIX в. на основе вводимых в научный оборот новых архивных материалов.

На основе формулярных списков чиновников Санкт-Петербургского Цензурного Комитета от 1808⁴ и 1814⁵ гг. дается характеристика людей, которые были, по выражению П.А. Вяземского, «Паркою ума, и мыслей, и свободы»⁶.

Штат центрального в стране Цензурного Комитета в 1806 – 1814 гг. ограничивался 7–8 сотрудниками, среди которых были как сами цензоры, так и секретари с мелкими канцелярскими служащими. Некоторые из них сами являлись деятелями культуры. Например, Григорий Максимович Яценков (1778–1852 гг.), служивший при Санкт-Петербургском Цензурном Комитете с 1804 по 1820 г., занимался также журналистской, издательской и переводческой деятельностью. Образование цензор получил в Московском университете, преподавал классические языки в Учительском институте при университете, служил при нем адъюнктом философии и свободных наук. С 1804 г. служил цензором, в 1805 г. был определен в Комиссию по составлению законов. Карьера Г.М. Яценкова складывалась довольно удачно. Высшее образование дало ему право на титул Коллежского асессора, который по Высочайшему повелению был пожалован 31

¹ Патрушева Н.Г. Цензурный аппарат России во второй половине XIX – начале XX века // Памяти Ю.Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 669–678.

² Жирков Г.В. Самодержавный цензор // Невский наблюдатель. 1998. №3. С. 86–87; Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Патрушева Н.Г. Цензоры Санкт-Петербурга: (1804–1917) // НЛО. 2004. № 69; Она же. Цензурная реформа в России 1865 г. СПб., 1990.

³ Блюм А.В. Указ. соч: Он же. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней. 1790–1990. СПб., 2011; Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 гг.). СПб., 1892; Энгельгарт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 777. Оп. 1. Д. 61. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 187. Л. 2 – 14.

⁶ Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1958. С. 426.

¹ Подмазо А.А. Формулярные (послужные) списки как источники // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2001. С. 174.

² Блюм А.В. От неолита до Главлита. М., 2009. С. 24.

³ Там же. С. 29.

⁴ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 46.

декабря 1804 г¹. Уже через два года Г.М. Яценков получил следующий по Табели о рангах чин Надворного советника. В формулярном списке 1814 г. Григорий Максимович значится уже как статский советник, кавалер ордена Св. Анны II степени и женатый человек.

Быстрое продвижение по карьерной лестнице свидетельствует об исправной службе цензора, который одновременно активно занимался издательской деятельностью. С 1815 по 1821 гг. он издавал «Дух журналов», в котором перепечатывались интересные зарубежные и отечественные издания, а также присутствовали оригинальные сочинения, официальные документы и речи сановников, тексты международных договоров. Г.М. Яценков впервые в русской журналистике затронул многие темы, сделал издание либеральным и более самостоятельным, чем другие. За это он не раз получал замечания от Министра народного просвещения А.Н. Голицына, на которые добросовестно отвечал, ссылаясь на статьи цензурного законодательства. В 1820 г. Яценков покинул Цензурный Комитет, в 1821 г. «Дух журналов» был закрыт².

Другой творческий человек в Петербургском цензурном ведомстве тех лет – поэт и переводчик Василий Иванович Красовский (1782–1824 гг.) (однофамилец вышеупомянутого олицетворения цензурного идиотизма), который, между прочим, происходил из духовного звания. Впрочем, он занимал должность секретаря, а не цензора и ушел в отставку, проработав в Комитете с 1804 по 1813 гг.

Канцелярским чиновником, а затем секретарем в Петербургском Цензурном Комитете в 1806–1815 гг. служил также известный издатель и публицист Николай Иванович Греч (1787–1867 гг.). Небольшой оклад в 300 рублей вынуждал его искать другие должности. В рассматриваемый промежуток Н.И. Греч нес службу в Цензурном Комитете (1808–1814 гг.), был учителем русского языка в Главном немецком училище Св. Петра (1804/9(?)–1813 гг.), а также, с 1811 г., смотрителем уездных и приходских училищ. Занимался он и частными уроками, известий о которых в формулярном списке не содержится. Эта информация имеется лишь в мемуарах Николая Ивановича, где мельком упоминается о том, что в 1808–1809 гг. юноша давал «уроки русского языка сак-

сонскому посланнику графу Эйнзиделю»¹. С 1812 г. Греч начал свою издательскую деятельность выпуском известного журнала «Сыны отечества», одобренного императором.

В марте 1811 г. Н.И. Греч за усердную службу в Цензурном Комитете был рекомендован к единовременному награждению денежной суммой, которая «От умеренности расходов, накопились от положенной по штату на содержание Комитета»². 4 июля того же года будущий «враг всех министерских передних»³, как издатель сам назвал себя в своих мемуарах, стал кавалером ордена Св. Владимира IV степени. Тем не менее, за 6 лет службы в Комитете Греч не получил нового чина, оставшись титулярным советником. Продвижение по службе для него заключалось лишь в занятии должности секретаря Цензурного комитета в 1812 г. В формулярном списке 1814 г. Греч предстает уже женатым человеком и отцом.

Трое сотрудников Цензурного Комитета – Г.М. Яценков, Н.И. Греч и В.И. Красовский – напрямую были связаны с творчеством, и в то же время исправно несли свою службу, не становясь при этом гонителями искусства.

Кроме творческих людей в составе Комитета трудились и представители других профессий. Внушительный послужной список имеет медик и цензор Иван Осипович Тимковский (1769–1837 гг.), окончивший философский и медицинский факультеты Московского университета. Тимковский сначала работал в Московском генеральном госпитале, а затем был определен губернским доктором в Иркутскую губернию. Там будущий цензор проявил себя как нельзя лучше: при вспышке в губернии сибирской язвы Иван Осипович не допустил распространения болезни и принял меры, в результате которых никто из заболевших не только не умер, но и был излечен до наступления тяжелой стадии болезни. Кроме того, он лично объезжал селения уезда, успешно прививая население, в том числе инородческое, от оспы. Вскоре медик вернулся в Москву, откуда при императоре Павле I был переведен в столицу.

В 1804 г. И.О. Тимковский стал цензором в Петербургском цензурном комитете. Службу нес исправно и быстро по ней продвигался, о чем говорят орден Св. Анны II класса и перстень, пожалованный императором в 1810 г. Тимковский исполнял также

¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 61. Л. 24.

² Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. С. 50.

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 158.

² РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 132. Л. 3.

³ Греч Н.И. Указ. соч. С. 132.

различные поручения, в том числе составлял подносимые Его Императорскому Величеству ведомости о числе больных в Петербурге. В апреле 1811 г. Ивана Осиповича назначили смотрителем Санкт-Петербургских коллежских журналов, а в октябре того же года – директором училищ в Санкт-Петербургской губернии. В следующем 1812 г. он получил чин Статского советника.

Судя по данным послужного списка, И.О. Тимковский имел большую семью. Его супруга Катерина Григорьевна родила восьмерых детей.

Одним из трех цензоров Цензурного Комитета в 1808–1814 гг. был Христиан Карлович Зон (1758–1827 гг.), выходец из саксонских дворян. После изучения права в Лейпцигском университете Х.К. Зон служил учителем в Лифляндии и сопровождал своих воспитанников в путешествиях. В 1785 г. он вступил в адвокатскую службу в Волкском уезде Лифляндии, однако уже через 4 года сменил статскую службу на военную, вступив сержантом в Преображенский полк. Его пришлось покинуть по болезни, но сразу после выздоровления Христиан Карлович поступил в морскую военную службу, затем в сухопутный кадетский корпус. В 1796 г. военная служба была оставлена. Зон получил гражданский чин титулярного советника, а через год был определен в гимназию Императорской Академии Наук учителем истории. В 1799 г. недавнего военного назначили ученым цензором в Рижскую цензуру, после уничтожения которой, он был уволен в отставку 10 марта 1802 г. С сентября 1804 г. Х.К. Зон является цензором Петербургского Комитета. В 1806 г. цензор был произведен в чин надворного советника, который сохранился за ним без изменения и к 1814 г., то есть за 8 лет Христиан Карлович не продвинулся по службе в отличие, например, от более удачливого Г.М. Яценкова.

Разнообразен послужной список цензора Александра Николаевича Журавлева (1772–1831), выходца из купеческого сословия. Личное дело Журавлева содержит фактическую ошибку: в формулярных списках за 1808 и 1814 гг. указано отчество Иванович, в то время как другие документы указывают на отчество Николаевич¹. Ошибка эта – пример невнимательности канцелярских служащих, подтверждающая необходимость сопоставления нескольких формулярных списков для получения достоверной информации.

Карьера этого цензора развивалась довольно успешно, Журавлев женился на дворянке, он был единственным из всех сотрудников Комитета, кто владел крепостными. Послужной список чиновника разнообразен, включает в себя армейскую службу в лейб-гвардии Конного полка, статскую должность в Московском почтамте, пост начальника милиции в Ярославской губернии и, наконец, пост цензора. Кроме того, А.Н. Журавлев участвовал в морском путешествии, инициированным военно-морским командованием.

Остальные сотрудники Цензурного Комитета, служившие в 1808–1814 гг. – канцелярские служащие Август Вицман, Иван Иванович Янковский и Иван Иванович Ринк – имеют гораздо более скромные послужные списки. И.И. Ринк, выходец из купеческого сословия, начал свою карьеру с низшего в Табели о рангах чина коллежского регистратора, и к 1814 г. покинул службу в Цензурном Комитете в этом же чине. В отличие от него Август Вицман, сын иностранца, кормившегося обучением детей игры на фортепиано, продвинулся по службе. При этом образование Вицман получил исключительно домашнее, не посещая даже церковноприходскую школу. Между тем, его усердие в службе было отмечено начальством и, наряду с Н.И. Гречем, он был представлен к денежной премии. Чин коллежского регистратора Вицман получил уже через полгода службы в Цензурном Комитете, в котором работал с мая 1807 г. В 1811 г. канцелярский служащий получил чин уже губернского секретаря, минуя промежуточный чин XIII класса.

Успехи иностранца Августа Вицмана, не имевшего ни благородного происхождения, ни образования, показательный пример того, как благодаря трудолюбию и усердию человек мог изменить свой социальный статус в России начала XIX века.

Биографические данные, представленные в послужных списках сотрудников Цензурного Комитета, рисуют чиновников людьми с богатым жизненным опытом и широким кругозором. Некоторые из них весьма близко были знакомы с издательской деятельностью и воздействовали на умы и мысли современников не только как цензоры, но и как творцы литературных произведений и компетентные редакторы. Хорошо знакомые, в силу профессии, с иностранными изданиями, цензоры доносили лучшие их образцы до сведения российских читателей. Пример тому дайджест-издание Г.М. Яценкова «Дух журналов», а также «Сыны отечества» Н.И. Греча, которые были одними из самых популярных журналов своего времени и, безусловно, оказали

¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 77, 92, 132, 171, 187, 227, 374.

значительное влияние на формирование литературного вкуса российского читающего общества. Таким образом, цензоры Петербургского Комитета выступали вовсе не в роли постоянных гонителей искусства и свободы мысли, а зачастую в роли их проводников.

В том, что касается социального и этнического состава сотрудников Петербургского Цензурного Комитета в начале XIX в., то можно сделать вывод о его разнообразии. Из 9 человек, которые попеременно входили в штат Комитета с 1808 по 1814 гг., пятеро являются дворянами, однако крепостных душ во владении не имеют. Два человека дворянского сословия – Н.И. Греч и И.И. Янковский – занимают скромные посты канцелярских служащих, наряду с выходцами из купеческого (И.И. Ринк) и духовного сословия (В.И. Красовский), а сын купца А.И. Журавлев занял пост цензора и получил в 1808 г. чин титулярного советника. Материальное положение Журавлева было гораздо благополучнее, чем у его коллег, поскольку за ним единственным в Комитете числятся 300 душ мужского пола в Ярославской губернии. Эти данные соответствуют выводам Б.Н. Миронова, сделанным в его фундаментальном труде о социальной истории Российской Империи, где говорится, что «дворянское сословие было широко открыто не только при выходе, но и при входе для представителей всех других сословий, так как гражданская и военная государственная служба, а также получение ордена, среднего и высшего образования по закону давали право на личное или потомственное дворянство»¹. Таким образом, в начале XIX в., как пишет Б.Н. Миронов, «чиновничество более чем наполовину формировалось из недворян»². Данные, полученные на основе анализа формулярных списков чиновников Петербургского Цензурного Комитета, подтверждают этот вывод историка.

Этническая принадлежность также не играла решающей роли при продвижении по службе. Пример тому – послужные списки саксонского дворянина Х.К. Зона и «сына иностранца» Августа Вицмана. Число представителей нерусского этноса среди чиновников было достаточно велико, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными³. Формулярные списки чиновников Петербургского Цензурного Комитета также служат тому подтверждением. На основа-

нии содержащейся в них информации, складывается коллективный портрет цензурных чиновников начала XIX столетия. Портрет этот разнообразен в социальном, этническом и конфессиональном отношении и далек от тех неприглядных образов, которые представлены в произведениях И.П. Пнина и П.А. Вяземского. Все цензоры Комитета, о которых шла речь, имели прекрасное образование и усердно исполняли свои обязанности, не доводя свое усердие до анекдотических ситуаций. Более того, некоторые сотрудники Цензурного Комитета не только не были врагами литераторов, но и сами являлись представителями творческой элиты своего времени.

С.Л. Мельников
г. Ижевск

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОТХОД КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТРУДОВ Б.Г. ПЛЮЩЕВСКОГО

Продолжительная и продуктивная научно-педагогическая деятельность Бориса Григорьевича Плющевского (1912–1998) совпала с периодом монопольного положения марксизма как научной теории в отечественной историографии. Современная ситуация в исторической науке характеризуется плюрализмом в подходах к изучению прошлого, множественностью историографических течений, разнообразием способов исторических объяснений, свободой исследовательского выбора историка¹.

Однако и сегодня серьезный историк не будет отрицать огромной роли марксистской теории исторического процесса в развитии современного социального и гуманитарного знания². Специалисты в области философии истории и историографии

¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000. С. 133.

² *Там же.* С. 134.

³ *Там же.* С. 32.

¹ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011.

² *Семенов Ю.И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 425–500; *Рохас К.А.* Историография в XX веке. История и историки в период между 1848 и 2025 годами. М., 2008.

обращают внимание на то, что именно К. Марксом были заложены основы всех последующих современных проектов построения исторической науки, а идея критического и строгого анализа социальных фактов предопределила специфику методологии классической историографии¹. Последователи К. Маркса через строгий процесс сравнения, обобщения и диалектического синтеза, смогли выработать глобальные модели, объясняющие и интерпретирующие социальную историю человечества. Сегодня эти модели представлены идеями традиционного варианта марксизма, они базируются «на принципе «формационного редукционизма», который в исследовательской практике проявляется в методологической установке, предполагающей сведение всего многообразия исторической действительности («мира людей») к формационным характеристикам первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального капиталистического и коммунистического способов производства. При этом специфика различных сфер жизни общества как бы растворяется в экономических и классовых отношениях»². Кроме того, развивается и модифицированный вариант «формационного подхода» к истории, где главный источник всемирно-исторического прогресса также видится в «противоречии производительных сил и производственных отношений. Однако сторонники такого подхода считают, что марксистская формационная теория далеко не совпадает с так называемой формационной «пятичленкой», имевшей до недавнего времени широкое распространение в марксистской литературе»³.

Б.Г. Плющевский был убежденным и последовательным сторонником марксовской идеи материалистического понимания истории, о чем свидетельствует вся его научная деятельность. В процессе своего становления как ученого, ему удалось глубоко освоить марксистскую научную традицию, ее методы, концепции и познавательные категории. Признавая марксистский постулат, о том, что история должна изучать, крупные общественные группы: народные массы, социальные классы, в том числе крестьянство, рабочих – «истинных творцов истории», Б.Г. Плющевский сделал его своим научным кредо. Большая часть его исследований была посвящена основному классу российского общества XIX – начала XX вв. – крестьянству.

¹ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2004. С. 105–108.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 106–107.

Разрабатывая в течение 1940–50-х гг. ряд тем, так или иначе, связанных с аграрной тематикой, Б.Г. Плющевский определился с важнейшим для себя предметом научных изысканий – проблемой крестьянского отхода. Интерес к ней был, по всей видимости, неслучаен. Понимая, что узловым местом марксистского объяснения развития общества является идея смены общественно-экономических формаций, который в ортодоксальном понимании осуществляется через вызревание новых производственных отношений в недрах старой, предшествующей формации, Борис Григорьевич хотел понять особенности этой смены для отдельных регионов мира и, конечно, России. Именно тема крестьянского отхожих промыслов более всего приближала к объяснению этой проблемы, поскольку она позволяла советской исторической науке трактовать причину кризиса феодально-крепостнических отношений и объяснять процесс зарождения новых буржуазных отношений.

С теоретической точки зрения тема крестьянского отхода помогала профессиональному историку оформить собственное мнение на проблематику проходивших в 20–30-е гг. XX в. научных дискуссий. Б.Г. Плющевский, без всякого сомнения, был в курсе актуальной дискуссии об азиатском способе производства как параллельной линии общественного развития, ведущей к азиатскому обществу. Впоследствии любые научные дискуссии оказались под запретом. XX съезд КПСС и случившаяся после него недолгая хрущевская «оттепель» вновь породили надежды на возможность обсуждения подобных проблемных тем в рамках научного сообщества.

Явление массового крестьянского отхода было заметной особенностью России в «переходном» XIX в. Именно этой проблеме были посвящены первые статьи Б.Г. Плющевского, увидевшие свет в конце 1950-х – 60-е гг.¹. В 1979 г. Б.Г. Плющевский защи-

¹ Плющевский Б.Г. Экономическое развитие Вятской «казенной» деревни в 1840–50 гг. // Уч. зап. УГПИ. Вып. 9. Ижевск. 1956; *Он же*. Частновладельческая промышленность на территории Вятской губернии в конце XVIII – и первой половине XIX вв. // Уч. зап. УГПИ. Вып. 14. Ижевск, 1958. С. 90–107.; *Он же*. Отходничество как фактор разложения крепостнической экономики России в первой половине XIX в. // Сб. матер. науч. сессии вузов уральского экономического района (февраль 1963 г.). Свердловск, 1963; *Он же*. Принудительная контрактация в отхожих крестьянских промыслах русской деревни в 1830–1850 гг. // Уч. зап. УГПИ. Ижевск, 1967; *Он же*. Крестьянский отход на судовые работы в Европейской части России в последние предреформенные десятилетия (1830–1850) // Уч. зап. УГПИ. Вып. 21. Ижевск, 1970; *Он же*. Внегубернский отход вятских крестьян в 1830–1850 гг. и его воздействие на социальное расслоение Вятской де-

тил в Ленинграде докторскую диссертацию на тему «Крестьянский отход на территории Европейской России в последние предреформенные десятилетия (1830–1850 гг.)».

Экономический детерминизм, характерный для марксизма, требовал обстоятельного изучения истории экономического развития Российской империи в XIX в. Изучение в этом контексте проблемы крестьянского отхода не могло не привести Б.Г. Плющевского к постановке вопросов социальных отношений, их трансформации. Таким образом, экономические предпосылки такого российского феномена как крестьянские отхожие промыслы неминуемо выходили на их социальные последствия. Эти социальные последствия требовали их интерпретации.

Любой историк, выходящий на проблемы социальной истории, сталкивался с определенными трудностями, которые были продиктованы влиянием политической власти на все сферы жизни страны. К концу 1930-х гг. социология как научная дисциплина в СССР была запрещена. Социальная проблематика разрабатывалась в рамках других дисциплин, прежде всего исторического материализма. Это в свою очередь существенно обедняло методику исследований, категориальный и понятийный аппарат исторических изысканий.

Знакомство с научным наследием Б.Г. Плющевского, теми выводами, к которым пришел ученый в ходе изучения социальных процессов, происходивших в российской деревне в начальный период буржуазной трансформации, позволяет сегодня, в условиях развития междисциплинарного подхода в исторических исследованиях, осуществить их социологическое прочтение.

В фондах кафедры дореволюционной отечественной истории Удмуртского государственного университета хранится рукопись неопубликованной монографии Б.Г. Плющевского, посвященная крестьянскому отходу, в которой он подводит своеобразный итог многолетнего труда по названной проблеме. Сохранилась также рукопись неопубликованной статьи ученого «Оценка крестьянского отхода в русской экономической литературе и публицистике первой половины XIX в.»¹.

ревни // К вопросу о формировании капитализма в России. Киров. 1974; *Он же*. Крестьянский отход и расслоение русской деревни в предреформенный период (1830–1850) // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975. С. 68–82.

¹ Рукопись была передана на кафедру дореволюционной отечественной истории семьей ученого после его кончины в 1998 г. Она состоит из Введения, трех глав и заключения. Рукопись оцифрована и существует в электронном варианте.

В неопубликованной монографии Б.Г. Плющевский особое внимание уделяет методологическому обоснованию исследования. В его основе идеи В.И. Ленина, содержащиеся в работе «Развитие капитализма в России». Порожденные кризисом крепостнической системы крестьянские отхожие промыслы выступали в качестве мощного ускорителя этого процесса. При этом они не только размывали экономическую основу крепостничества, но и влияли на психологию крестьян-отходников, постепенно стирая в ней черты патриархальности, религиозности, веры в незыблемость веками отстоявшегося социально-бытового уклада. Отмечая прогрессивную роль отходничества в русской деревне конца XIX в., В.И. Ленин высоко ценил эту сторону отхожих промыслов¹.

Солитаризируясь с выводами В.И. Ленина, в заключительной части своей рукописи Б.Г. Плющевский, оценивая роль отходничества, пишет: «Отходничество вынуждало значительные массы крестьянского населения в течение длительных сроков отрываться от своего дома, жить за счет «покупных припасов», т.е. подрывало натуральный характер крестьянского хозяйства. Определить значение отходничества для внутреннего товарооборота страны, в рамках интересующего нас периода (1830–185-е гг.), можно лишь приблизительно. Для конца 1850-х гг. более чем 3-миллионная армия отходников Европейской России увеличивала массу денежного обращения внутри страны не менее, чем на 45–50 млн. руб. серебром. Многочисленные факты свидетельствуют о воздействии отхода на социально-психологический облик части крестьянства дореформенной России, затронутой отхожими промыслами; росла грамотность, улучшалось положение женщины, подрывались основы «большой семьи», падал авторитет религии. Потрясение устоев патриархальной деревни вызывает возмущение крепостников. Так многообразно и неуклонно подрывало отходничество основы крепостнической системы»².

Из приведенной цитаты следует, что Б.Г. Плющевский, вне всякого сомнения, видит в росте крестьянского отхода положительные сдвиги не только в экономическом развитии страны, но и в социально-психологическом облике крестьянства. Характеризуя социальные процессы в российской деревне, связанные с

Страницы рукописи не пронумерованы. Дальнейшие ссылки на страницы рукописи приводятся по электронной копии.

¹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576–581.

² Плющевский Б.Г. Неопубликованная монография. С. 82.

крестьянскими отхожими промыслами, ученый использует термин «социально-психологический облик крестьянства». Применил он его и в названии одного из параграфов главы 3 своей рукописи: «Воздействие отхожих промыслов на социально-психологический облик русского крестьянства последних предреформенных десятилетий (вторая четверть XIX в.)»¹. В понятиях современной социологии это явление можно определить через понятие «социальная мобильность».

Ученый указывал, что «уже в первой половине XIX в. отхожие промыслы заняли настолько заметное место в хозяйственной жизни России, что русская общественная мысль не могла пройти мимо этой темы. Публицистика и экономическая литература первой половины XIX в., в особенности второй четверти его, многократно обращалась к вопросу о крестьянском отходе, причем сам тон полемики – резкость и темпераментность высказывания – свидетельствовали о злободневности и остроте вопроса»².

Современное социологическое знание позволяет по-новому прочесть труды Б.Г. Плющевского. Во второй четверти XIX в., то есть в последние десятилетия существования крепостного права, можно говорить о проявлении социальной мобильности, медленно, но неуклонно нарастании ее интенсивности в среде крестьянства. Именно крестьянский отход можно квалифицировать как основное свидетельство проявления этого процесса. Он был неимоверно затруднен множеством ограничений крепостного права. Любой уход крестьянина на заработки далее чем на 20 верст от основного места проживания требовал разрешительного характера со стороны помещика, вотчинной и волостной администрации, покупки паспортов, отсутствия недоимок.

Крестьянский отход, несмотря на вовлеченность в этот процесс миллионов крестьян, при возрастающей динамике, без сомнения, можно отнести к проявлению горизонтальной социальной мобильности. Это связано с тем, что он характеризуется переходом индивида (в нашем случае крестьянина) из одной социальной группы одного уровня в другую. Для отходников это была смена, причем временная, вида деятельности, рода занятий. Каким бы видом отхода не занимался крестьянин – извоз, фабричные работы, сплав, плотничество – по своей сословной принадлежности он оставался крестьянином и в абсолютном большинстве случаев после непродолжительной отлучки возвращался к себе в деревню

С точки зрения социологии, несмотря на массовость крестьянского отхода и развитие крестьянских промыслов в дореформенные десятилетия, их необходимо относить исключительно к проявлению индивидуальной социальной мобильности, связанной с перемещением отдельных индивидов, которое не влияет на существенные изменения социальной структуры общества и самих оснований социальной стратификации. Этот процесс происходит, как правило, только под воздействием глобальных реформ или революций.

Особое внимание уделяет Б.Г. Плющевский влиянию крестьянского отхода на менталитет крестьянства (*в терминах ученого речь идет о социально-психологическом облике крестьянства – С.М.*). Расширение социальных контактов, межличностных взаимодействий, тесное знакомство городским бытом существенно влияли на мировоззрение отходников. Чем больше регион был вовлечен в крестьянский отход, крестьянские отхожие промыслы, тем больше в нем утрачивалась патриархальность деревенского быта, подрывал устои семейной патриархальности, разрушались основы традиционного общества. Безусловно, объективным и убедительным показателем этого являлось увеличение семейных разделов среди крестьян тех местностей, где отход был развит сильнее. Стремление молодых крестьян уйти на заработок, как отмечает Б.Г. Плющевский, подальше от родных мест, было вызвано не только враждой к вотчинным порядкам, но и недовольством патриархальным строем «большой семьи», подавлявшим личную инициативу и индивидуальность ее молодых членов.

Еще одним из позитивных факторов развития отходничества стало распространение грамотности в деревне. Многие промыслы заставляли крестьян овладевать хотя бы началами грамотности. Без этого немислимо было успешно заниматься даже мелочной торговлей. Среди отходников имелась и зажиточная группа подрядчиков, нанимавшая артели из односельчан. В пределах этой группы грамотные преобладали. Этот процесс фактически не затронул такие группы отходников как бурлаки, землекопы, лесорубы и т.п. «Грамотность среди отходников составляла, приблизительно 6%, тогда как в регионах со слабым развитием отхода на целую волость приходилось 2–3 грамотных крестьянина»¹ – отмечает Б.Г. Плющевский.

Выясняя социально-психологическое воздействие отходничества на крестьянскую массу, ученый полагал, что необходимо

¹ Там же. С. 54–65.

² Там же.

¹ Там же. С. 79.

дифференцированно подходить отдельным видам промыслов. В наибольшей степени «раскрестьянивали» отходников такие промыслы, как фабричный отход, работа в торговых заведениях, трактирный и другие городские промыслы. Судовые работы, сельскохозяйственный отход, отход на земляные работы играли в этом смысле значительно меньшую роль. Следовательно, первая группа промыслов оказывала более существенное влияние на интенсивность внутрисословной мобильности крестьянства, т. е. процессы, которые в советской историографии принято было называть «раскрестьяниванием». Во второй группе интенсивность внутрисословной мобильности была слабо выраженной.

Социологическое прочтение трудов Б.Г. Плющевского, посвященных крестьянскому отходу середины XIX в., в условиях, когда крепостное право пронизывало все стороны общественной жизни Российской империи, позволяет сделать ряд выводов. Вторая четверть XIX в. характеризуется начальной фазой социальной мобильности внутри крестьянского сословия. Она зародилась внутри жестко стратифицированного, «закрытого» сословного общества как социальная реакция на развитие рыночных отношений, рост товарности сельского хозяйства, а вместе с тем и увеличение объемов транспортных перевозок, начало промышленного переворота в России. Значительный рост числа крестьян-отходников был обусловлен этими факторами.

Эти социальные процессы достаточно убедительно ложились в канву формационной теории К. Маркса о зарождении новых буржуазных производственных отношений, которые, в конечном итоге, приводили к кризису существовавших, отживающих феодальных общественных отношений.

Рост крестьянского отходничества в условиях крепостнической России являлся основным маркером все возрастающей динамики социальной мобильности крестьянства. Социальная мобильность в условиях сословно стратифицированного общества могла проявляться только как горизонтальная социальная мобильность, соответственно являлась индивидуальной. Таким образом, социальная мобильность крестьянства второй четверти XIX в., периода, изучаемого Б.Г. Плющевским, может определяться как внутрисословная социальная мобильность.

Потребовались буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., в ходе которых частично эмансипированное многомиллионное российское крестьянство получило возможность расширения каналов социальной мобильности. Возросла интенсивность социальной мобильности, появились каналы вертикальной соци-

альной мобильности, складывались условия для межсословной, групповой социальной мобильности. Все это будет происходить в пореформенные десятилетия. Тем ценней работы Б.Г. Плющевского, который обратился к изучению социально-экономических процессов, оказавших влияние и одновременно ставших проявлением начальной фазы социальной мобильности, являющейся характерной чертой индустриальных обществ.

Современное прочтение работ Б.Г. Плющевского – добросовестного исследователя, скрупулезного аналитика множества архивных источников, обладающего огромной эрудицией, приводит к еще одному значимому выводу. Содержание, добротная, основательная источниковая база, обширная фактология работ исследователей такого уровня, позволяют историкам других поколений обращаться к ним при решении самых разнообразных исследовательских задач, в том числе и при реализации междисциплинарных подходов. Их значение одинаково значимо для историков, работающих в парадигме как макроисторических, так и микроисторических исследований.

Н.Н. Иванова
г. Ижевск

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗЕМСКИХ ВРАЧЕЙ)

Земское самоуправление, образованное по реформе 1864 г. в 33 губерниях России, было обязано заниматься «устройством местного хозяйства». Губернские и уездные земства взяли на себя самые насущные проблемы подведомственных территорий. Одной из них была задача «сохранения и преумножения народонаселения» в России. Деятельность Вятского земства из-за специфики губернии – удаленность от центра, экономическая и культурная отсталость, преобладание крестьянского населения при почти полном отсутствии «образованного сословия» – была

особенно сложной. Земские гласные и врачи, познакомившись с жизнью народа, сделали неутешительный вывод: суровый климат в сочетании с «упадком благосостояния в крае» приводят к вырождению человека и домашних животных, вымиранию целых племен, из которых «иные уже исчезли с лица земли, другие готовятся исчезнуть в недалеком будущем»¹.

Подтверждением этого факта стала земская статистика. Важным источником по изучению пореформенного развития края, в т.ч. его демографии, являются работы вятских статистиков П.А. Голубева, Н.А. Спасского, Н. Романова и др. Население Вятской губернии накануне реформы насчитывало 2 млн. 124 тыс. (1858 г.), к концу XIX в. его численность составила свыше 3 млн.² Вятская губерния по данному показателю превосходила все остальные губернии Российской империи. Однако плотность населения здесь была одной из самых низких и крайне неравномерной (7 человек на 1 кв. версту в Слободском уезде и 25 – в Яранском)³. Губерния была поистине «мужицким царством», она относилась к недворянским регионам, доля крепостного крестьянства составляла здесь не более 3% от всего населения. Центрами культуры являлись города, однако к концу века доля городского населения достигла лишь 4,7% против 3,2% в 1863 г. Самыми крупными городами в 1881 г. были Вятка (21,5 тыс.), Сарапул (10,8 тыс.) и Елабуга (более 9 тыс.)⁴. Значительными населенными пунктами в экономическом, техническом и культурном отношении стали Камские заводы – Воткинский и Ижевский. На последнем в конце XIX в. насчитывалось около 12 тыс. рабочих, что составляло более 40% от числа всех рабочих в губернии⁵.

Губерния была многонациональной (по данным Н.А. Спасского, в 1879 г. 78,4% вятских жителей составляли русские, 11,5% – вотяки (удмурты), около 5% – черемисы (марийцы), 3,6 – татары)⁶. Различия в языке, традициях, хозяйственном и бытовом укладе создавали дополнительные трудности в организации земской медицинской и просветительской деятельности. Одним

из важнейших показателей культурного уровня населения является грамотность. К 1900 г. число учащихся в губернии возросло до 69,5 тыс. против 7,5 тыс. в 1867 г.¹ Тем не менее, несмотря на все усилия земств, в 1898 г. учились лишь 38% детей школьного возраста².

Особую ценность для изучения демографической ситуации имеют земские медицинские материалы. Ежегодные отчеты уездных и участковых врачей, их научные разработки и публикации, доклады земских управ позволяют воссоздать наглядную картину «движения вятского населения» (рождаемость, смертность, заболеваемость, распространение эпидемий), а также проследить влияние на эти показатели социально-экономических и природных факторов (подъемы и спады производства, неурожай и т.д.).

Медицинская статистика свидетельствует, что рождаемость в губернии была выше общероссийского уровня. По данным вятского санитарного врача А. Радакова, в 1855–1877 г. средняя рождаемость составила 5,8%, а в целом по России – 5,0% (1867–1878 гг.)³. Однако губерния имела и один из самых высоких показателей смертности. В 1852–1877 гг. средний уровень смертности равнялся здесь 4,3%, а по России в целом – 3,6⁴. Данное соотношение отрицательно сказывалось на естественном приросте вятского населения – 10,2 человека на 1 тыс. жителей. Он был ниже соответствующего показателя как по Европейской России в целом (14,9 человека), так и по земским губерниям (13,1 человека)⁵.

Столь малый прирост объяснялся несколькими причинами: 1) очень высокая детская смертность. В 1890-е гг. 65% детей умерло в возрасте до 5 лет, в 1893 г. в возрасте до 1 года умерло 37,1% от всех родившихся, а по Европейской России этот показатель составил 28%⁶. Устойчивое превышение общероссийских показателей медики объясняли низким жизненным уровнем, отсутствием элементарных представлений о гигиене, неправильном уходе за детьми, недостатком заботы о младенцах из-за

¹ Андржеевский И.И. Болотные болезни на севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 5.

² Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 133.

³ Спасский Н.А. Физико-географические условия Вятской губернии и состав ее населения // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1893. С. 123.

⁴ Там же. С. 126–127; 132–133.

⁵ Обзор Вятской губернии за 1896 г. Вятка, 1897. С. 133.

⁶ Спасский Н.А. Указ.соч. С. 136–140.

¹ Танаевская В.В. Народное образование // Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867–1902). Вятка, 1906. С. 96–97.

² История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 200.

³ Радаков А. Сборник медико-топографических и санитарных сведений о Вятской губернии. Вятка, 1878. С. 52–79; Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И. Русская земская медицина. М., 1899. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Береснев Ф.И. Краткий очерк народного здоровья и постановка медицины в Вятской губернии // Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 г. Вятка, 1901. С. 243–245.

⁶ Там же. С. 247.

постоянной занятости матерей работой; 2) почти ежегодные опустошительные эпидемии, от которых также в первую очередь страдали дети. Ф.И. Береснев в «Кратком очерке народного здравия...» отмечает, что низкий прирост населения при высокой рождаемости есть «отличительная черта движения населения Вятской губернии, характеризующая ее как область отсталой культуры, где всякая эпидемия находит себе благоприятную почву и сразу значительно повышает норму смертности и понижает процент естественного прироста, где всякие хозяйственные затруднения (например, неурожай 1891 г.) немедленно отражаются гибелью массы человеческих жизней, уменьшением рождаемости и почти полной остановкой роста населения...»¹.

Неблагоприятное состояние здоровья жителей побуждало земства к более решительным действиям по созданию земской медицинской организации, т.к. имеющиеся в губернии лечебные заведения не соответствовали изменившимся условиям. Основным показателем, свидетельствующим о внимании к медицине со стороны Вятского земства, стал рост расходов на «народное здравие и общественное призрение» (с 12,6% земского бюджета в 1868 г. до 28% – в 1895 г.)². Эти средства шли на строительство больниц, открытие фельдшерских и акушерских пунктов, приглашение на службу врачей.

Особое значение придавалось родовспоможению, при этом следовало убедить людей, что помощь акушерки эффективнее и безопасней манипуляций деревенской повитухи. Исследуя проблему воспроизводства населения, вятские врачи задавались вопросом: не влияют ли преждевременные браки на усиленную смертность женщин и новорожденных? Традиционно браки в Вятской губернии заключались раньше, чем по России в целом (в 1874 г., например, 50% из них было заключено до 20 лет, в целом же по России в этом возрасте – 47%); это объяснялось желанием получить в семью дополнительную рабочую силу. Женская смертность в губернии превосходила общероссийскую именно при преждевременных браках (14–18 лет), что, в конечном счете, увеличивало и детскую смертность³.

Исследуя эту проблему, А. Радаков оставил описание процесса родов и воспитания новорожденного у крестьян Вятского уезда, которое позволяет увидеть удручающую картину появления

на свет нового человека, с первых минут обреченного на муки тяжелого выживания: «Во время своей беременности женщина исполняет все свои обыкновенные хозяйственные работы: доит коров, топит печь, стряпает, ткёт полотно и т.п. Когда чувствует приближение родов, то всегда отправляется в баню... При родах всегда присутствует повитуха... Роженица лежит на полке, где... сильная жара». В случае замедленных родов повитуха начинает прибегать к средствам, могущим, по ее мнению, ускорить процесс, а именно, «кладется куриное яйцо в льняное семя, что... сильно ускоряет роды. Если это не помогает, повитуха старается «поправить ребенка»..., мнет руками живот роженице, встряхивает ее, подвешивает под мышки к потолку...». Немудрено, что роженица, испытав на себе все эти манипуляции, теряет здоровье, а новорожденный погибает: «...Дети рождаются почти без всяких признаков жизни, а так как для оживления таких детей употребляется одно только средство – качание, то ребенок большею частью от временной смерти переходит к окончательной...». После родов 1–2 дня мать и ребенок находятся в бане, женщине для восстановления сил дают хлеб и квас, а младенцу – «сок» из тертой свеклы или моркови, затем он получает материнскую грудь или коровье молоко и жеваный хлеб. Против кишечных расстройств «поят с ложечки водкой...или красным вином, доставляемым от священника. Это вино считается целебным почти против всяких болезней; против них почти также хорошо действует вода, которой были обмыты образа или вода с железного ключа от замка...»¹.

Радаков описывает «гигиенические процедуры», которым подвергали ребенка. Полностью младенца моют лишь один раз после родов в ведре или кадке, а затем на него только плещут воду, причем считается, что кожные болезни – постоянные спутники младенческого возраста; если их лечить, то «болезнь уйдет внутрь». Врач констатирует: «...грудные дети содержаться невообразимо грязно: старые, замаранные пеленки... колыбель – вонючая полусгнившая корзина или люлька. Ежели ребенок кричит благим матом, находясь в такой обстановке, то на это не обращается почти никакого внимания, т.к. плач есть тоже необходимый спутник младенческого возраста»².

¹ Там же. С. 246.

² Голубев П.А. Земская медицина // Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867–1902). Вятка. 1906. С. 167–168.

³ Детские болезни в Вятской губернии в 1876 г. // Радаков А. Указ. соч. С. 220–221.

¹ Роды и воспитание новорожденных у крестьян Вятского уезда // Там же. С. 224–226.

² Там же. С. 228.

Занимаясь лечебной работой, земские медики все больше осознавали необходимость и санитарной профилактики, доказывая, что польза от предупредительной медицины больше, чем от «карательной». Многие врачи, воодушевляемые народническими идеалами, связывали причины высокой заболеваемости и смертности с экономической и культурной отсталостью Вятского края.

Интересна личность и судьба первого санитарного врача Вятской губернии В.О. Португалова, который за революционную деятельность неоднократно подвергался аресту и ссылке. Тем не менее, из-за нехватки медицинских кадров он по Высочайшему разрешению в 1874 г. был назначен губернским санитарным врачом. Стараниями Португалова организация санитарного дела в губернии приобрела политическую окраску. Он заявлял: «...если бедность и нищета губят жизнь и здоровье русского народа, то еще более его губит эксплуатация всякого рода»¹. Поэтому Португалов недолго занимал эту должность, уже через год он был отправлен в новую ссылку. Его преемником стал А. Радаков, составивший «Сборник медико-топографических сведений о Вятской губернии» – комплексное исследование края.

Ценный материал по санитарному состоянию Вятской земли оставили также уездные, участковые, заводские врачи. Занятые лечебной работой, борьбой с эпидемиями, оспопрививанием, они находили возможность проводить и научные исследования. Так, И.В. Аксаков, выпускник Казанского университета, работал в Яранском земстве, в 1890 г. защитил диссертацию «О сыпном тифе в Яранском уезде за 10 лет». Он дал богатый статистический материал по эпидемиологии уезда, в клинической части своей работы рассмотрел проблемы сыпного тифа и меры борьбы с ним. Большой раздел его диссертации посвящен всестороннему изучению и описанию Яранского уезда: площадь, численность населения, национальный состав, хозяйство и т.д. По наблюдениям Аксакова, основными занятиями жителей были извоз, плотничество, бурлачество, поденная работа и хлебопашество; при этом состояние почвы и трехпольная система позволяли получать достаточный урожай «для довольно безбедной жизни»².

Исследуя способы распространения тифа и причины его живучести, Аксаков описывал бытовые условия крестьян, сравни-

вая национальные традиции черемисов (марийцев) и русских: «...черемисские деревни выглядят более бедными сравнительно с русскими, однако на дворах у черемисов гораздо чище, чем у русских. Последние держат всю скотину при своем доме и навоз берегут до весны..., а у черемис весь скот бродит в большинстве случаев по улицам и навоза, следовательно, скапливается во дворах меньше...». Что касается внутреннего убранства дома, то «в русской избе гораздо чище. В избах черемис грязно, вместо полотенца над умывальником грязная рубаха или рваная ткань. Бань мало, моются в печках...»¹. В то же время, по наблюдениям врача, среди марийцев любые эпидемии распространялись медленнее, т.к. их дома далеко отстояли друг от друга. С другой стороны, возникновению эпидемий способствовал отход крестьян на заработки, совместные праздники, похороны, незнание элементарных правил гигиены.

Постоянной заботой и медиков, и земств в борьбе с эпидемиями было «попечение о распространении оспопрививания». Отношение народа к болезни, смерти, в том числе детской, было неоднозначным. С одной стороны, смерть, особенно ребенка, всегда была трагедией, но при частой повторяемости она становилась привычной: «Бог дал, Бог взял». Перед земскими врачами среди прочих трудностей стояла задача заслужить доверие людей, добиться того, чтобы за помощью крестьяне шли не к знахарке и колдуну, а к врачу и акушерке. Оспопрививание стало для земств серьезной проблемой: не хватало подготовленных оспопрививателей, прививочного материала, но главным препятствием было противодействие самого народа. На заседании Медицинского общества г. Вятки врачи докладывали: «...случается, что ученики из упорства стирали рукавом или оттирали снегом привитую вакцину. Среди привитых был один раскольник, православные смеялись над ним, просили показать Антихристову Печать...»². По свидетельству другого врача, в деревне Быстрица Шараповской волости оспа «задавила» у одной вдовы всех пятерых детей. Ранее вдова не соглашалась на привитие им оспы, говоря, что «ребенков» и так много – хорошо, если Бог унесет лишних.

Однако постепенно отношение крестьян к оспопрививанию менялось, при угрозе эпидемии многие сами приносили детей для прививки «оспички», т.к. смертность от оспы была очень

¹ Государственный архив Кировской области. Ф. 616. Оп. 1. Л. 99.

² Аксаков И.В. О сыпном тифе в Яранском уезде Вятской губернии за 10 лет. Казань, 1900. С. 4–10.

¹ Там же. С. 12–14.

² Протоколы заседаний общества врачей г. Вятки. Вятка, 1898. С. 38.

велика — до 20–25% заболевших. Усилиями земств ежегодно прививалось от 50 до 140 тыс. младенцев, что составляло 33–56% от числа родившихся¹. В докладе глазовского медицинского совета за 1895–1896 гг. отмечалось: «Оспа в нашем уезде давно уже не имеет эпидемического характера и при первом ее появлении принимаются самые энергичные меры для пресечения болезни...»².

Вятская земская медицина к концу века действительно имела значительные успехи: число земских больниц возросло с 30 (1877 г.) до 54 (1900 г.)³; численность врачей увеличилась с 21 до 86⁴. В 1896 г. к медицинской помощи обращалось более 45% населения губернии, что свидетельствует о возросшей доступности медицинского обслуживания⁵.

Многие земские врачи пользовались исключительным уважением и любовью пациентов, о некоторых даже слагали легенды. Так, уржумский врач П.А. Спасский, по воспоминаниям его внуки, очень добросовестно относился к своим обязанностям. Он был строг и требователен, но люди безгранично верили ему. О нем сохранилась такое (почти агиографическое) предание: «В деревне Берсенихе лежала одинокая больная женщина. Вдруг открылась дверь и входит доктор Спасский. Он осмотрел ее и прописал лекарства. Женщина спросила, как он узнал о том, что она больна. Спасский показал на фотографию на стене и ответил: «вот эта женщина приходила ко мне и просила помочь тебе». На фотографии была умершая мать больной. Женщина вскоре поправилась»⁶.

Однако видимые успехи земской медицины кардинально не изменили демографическую ситуацию. Вятские земские врачи справедливо полагали, что «народное здравие есть одно из главных оснований народного благосостояния»⁷, но также были убеждены в непосредственной зависимости состояния здоровья народа от уровня его жизни. Они мечтали о будущем обществе, где

¹ См.: Обзор Вятской губернии... за 1874–1896 гг. Вятка, 1875–1897.

² Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 726.

³ См.: Обзор Вятской губернии... за 1877–1900. Вятка, 1878–1901.

⁴ Там же.

⁵ Берснев Ф.И. Указ. соч. С. 254.

⁶ Пантина Н.Б. Земский врач Павел Александрович Спасский (Рукопись). Уржум: Ленинград, 1982–1987.

⁷ Лысков П.Ф. Обзор деятельности Яранского уездного земства по отделам народного образования, медицины и раскладок со времени введения земства. 1867–1912. Яранск, 1914. С. 223.

«...будут устранены все те социальные условия, которые способны породить и причинить людям страдания и болезни»¹.

Таким образом, картина пореформенной вятской деревни, воссозданная на основании беспристрастных свидетельств земских врачей, представляется не особенно радостной. Крестьянство по-прежнему прозябало в нищете, убогости и несправедливости. Несмотря на то, что вятская деревня почти не знала крепостного права, отношение народа к новым экономическим, правовым условиям менялось очень медленно. Интересны сведения о том, как вятское крестьянство воспринимало реформы на уровне индивидуального и общинного сознания. Крестьяне постепенно приходили к пониманию преимуществ рынка, денег, более современных орудий труда и т.д. Жизненные правила «за многим не гонись», «не высывайся» уступали стремлению изменить жизнь, дать детям образование, хотя бы для того, чтобы избавить их от тяжелого крестьянского труда и обеспечить им лучшую долю². Следует заметить, что перемены в сознании вятчан происходили во многом благодаря деятельности земских учителей, врачей, агрономов, ветеринаров, усилия которых приносили очевидную пользу.

Н.В. Казакова

г. Ижевск

ДОСУГ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ПО МЕМУАРНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Мемуары являются одним из ценнейших исторических источников для изучения досуга жителей российской провинции второй половины XIX века. Досуг жителей Вятской губернии рассматриваемого времени представлен в ряде воспоминаний, опубликованных как в дореволюционное (Ивана Марковича Красноперова (1839–1920) земского статистика, историка, этно-

¹ Португалов В.О. Источники болезней // Дело. СПб., 1869. № 3. С. 86.

² Стефанова И.И. Эпоха великих реформ и вятчане // Энциклопедия Земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995. С. 196–200.

графа; Павла Николаевича Луппова (1867–1949) историка, исследователя Вятского края, писателя), так и в советское время (Всеволода Аполлинарьевича Васнецова (1901–1989) полярного исследователя, заслуженного работника культуры России).

И.М. Красноперов и П.Н. Луппов вспоминают свое детство. В.А. Васнецов пишет о своих родных: отце, дяде и деде, передавая как рассказы отца, так и собственные воспоминания. Воспоминания П.Н. Луппова касаются губернского города – Вятки. Мемуары И.М. Красноперова и В.А. Васнецова посвящены уездным городам и селам Вятской губернии.

В воспоминаниях В.А. Васнецова нас интересует время, проведенное Аполлинарием Васнецовым в доме своего отца, сельского священника Михаила Васильевича Васнецова (1823–1870), проживавшего в 1850–60-е годы в селе Рябово Вятской губернии, в 85 верстах от Вятки. Собственно досугу своего деда и отца В.А. Васнецов уделяет немного внимания, потому что доход деда был очень скромный, содержать многодетную семью было непросто. Тем не менее, досуг в семье было принято проводить деятельно: «Семья Васнецовых была очень бедной, и мой дед не мог выписывать научную литературу и журналы, тем более что тогда они были очень дороги. Зная стремление деда, друзья и знакомые присылали ему из Вятки прошлогодние журналы. Получение таких посылок становилось в Рябове праздничным событием. Михаил Васильевич садился читать, а мальчики, особенно Поллинаруй, рассматривать картинки. Множество раз любовался он ими в течение года, некоторые, особенно понравившиеся, копировал»¹.

Сохранились воспоминания и о праздничных развлечениях, которые устраивались на рождество. Дом, где жила многодетная семья Васнецовых, был просторным, но «в зимнее время отапливалась только его половина. Топить весь дом не было средств. Но раз в зиму, к рождеству, протапливались все печи и на праздники съезжались гости. Из Вятки привозили сальные свечи, сахар, пряники, орехи, сушки и другие, столь же незатейливые сельские лакомства... Гости пели вятские песни, танцевали, устраивали игры и хороводы, грызли пряники, щелкали кедровые орешки...»².

И.М. Красноперов вспоминает детство, проведенное в селе Икское Устье Елабужского уезда Вятской губернии. Излюблен-

ным развлечением мальчишек была тогда рыбная ловля, игра в бабки или свайку¹. В 1848 году Иван Маркович поступил в Сарапульское духовное училище. Уездный город Сарапул в его описании выглядит нелицеприятно: «Жизнь слагалась в городе самым патриархальным образом. Люди и на улице держали себя также грубо и непринужденно, как и дома. Там они, не стесняясь, ругались, дрались, валялись пьяные в грязи. Учителя наши не составляли исключение из этого правила. И они пьянствовали и валялись на улице в грязи; иногда мы же, ученики, поднимали их из грязи и уводили или относили к себе домой, на квартиру. О чтении книг в городе не было и помину»².

Самым ярким воспоминанием детской жизни Иван Маркович считает рекреационные дни. Эти счастливые дни наступали для учащихся в мае, когда смотритель училища разрешал устраивать рекреации. «Рекреации происходили обыкновенно в ясный солнечный день в двух верстах от города, на горе в лесу. Там мы играли в мяч и в бабки; в играх принимали участие и наши учителя. С 8–9 часов утра каждый из нас брал с собой на целый день черного хлеба, вареного картофеля и несколько бабок. Рекреация представляла собой настоящий детский праздник: шум, крики, пение песен, кувыркание и пляс детей под пискливые звуки “свистюльки” из березовой коры, игра в бабки и в мяч не прекращалась до самого вечера. У опушки леса располагались с коробками булочки, бабы-торговки с пряниками и орехами. С рекреации мы уходили вечером при солнечном закате всей гурьбой. Старшие ученики ставили нас всех попарно в одну длинную колонну, и мы выходили из лесу с песнями... С песнями мы шли и по городу, причем старшие ученики сзади присвистывали в такт пению и махали над головами платками. Нередко и учителя шли вместе с нами. Обыватели выходили из домов и с любопытством смотрели на наше шествие»³.

Как видно из воспоминаний И.М. Красноперова, досуг в уездном Сарапуле в середине XIX века не отличался ни разнообразием форм деятельности, ни качественным содержанием.

П.Н. Луппов вспоминает об учебе в Вятском духовном училище в 1877–1881 гг. и жизни в общегитии. В общегитии ученики жили по особым правилам. Ученики должны были вставать летом в 6 часов, зимой в 7 часов. После утренней молитвы

¹ Васнецов В.А. Страницы прошлого. Воспоминания о художниках братьях Васнецовых. Л., 1976. С. 28.

² Там же. С. 29.

¹ Красноперов И.М. Мои детские годы и школа (Из воспоминаний) // Вестник воспитания М., 1903 № 6. С. 175.

² Там же. С. 185.

³ Там же С. 188.

шли уроки. К двум часам классные занятия кончались: «После обеда большинство учеников выбегали на обширный училищный двор; здесь, между прочим, были устроены гигантские шаги и гимнастика (параллельные шесты, параллельные лестницы, кольца, доска, горка, параллельные брусья). Правильных упражнений на гимнастике, однако, не происходило; занимались, кто чем захочет. Нередко мы на гимнастике играли в пятнашки... Когда мы учились во втором классе, то увлекались игрой в солдаты. Из других игр наиболее обыкновенными были игра в мяч ("в матки"), в которой принимали участие человек по 20 за раз, в чиж (для 2–3 человек) и в свайку»¹.

Зимой уличных развлечений было меньше: «Когда замерзли реки и озера мы отправлялись бегать и кататься по льду, не очень многие катались на коньках по тротуару, проходившему во всю линию училищных зданий по соборной площади. Одевался конек только на одну ногу, другая нога служила для опоры и отталкивания... К концу училищного курса я приобрел себе железные коньки за 30 копеек. Лыжи нам не были известны. Да, вероятно, они были бы не по нашему карману, равно как и санки. Зимой обычно также ученики упражнялись в прыгании через веревочку. Иногда происходили состязания... Помнится, что больше 930 раз никому не удавалось перепрыгнуть. Когда я учился во 2 классе, то в нашем классе было увлечение картонажными работами: все наперерыв клеили коробки с разными потайными ящичками и напевали. У некоторых учеников были заведены песенники, куда записывались понравившиеся песни. Большею частью песни были книжные, народных не пелось.

Зимой изредка играли в карты (в мельники, свои козыри, короли, рамс). В старшем классе нам известна была азартная игра в фальку (в 3 листика). Играли на орехи... Игра в карты преследовалась начальством, и обыкновенно карты отбирались и, кроме того, виновным в игре уменьшался и балл по поведению.

Занятий музыкой не было, так как никто не имел музыкальных инструментов; в 3 классе двое из товарищей приобрели гармоники, под звуки которых мы изредка устраивали кадрили и лянсье; несколько человек умели плясать русскую, чем доставляли большое удовольствие многим; обыкновенно их окружала

громкая толпа и с увлечением смотрела на возможные фигуры, выделявавшиеся их ногами»¹.

Между 3 и 4 часами можно было пить чай. В 4 ½ начиналась подготовка уроков к следующему дню. Они длились до 8 часов. На перемене, в 6 часов, ученики выбегали на улицу или в актовый зал, бегали, сражались – цепь на цепь; иногда происходило сражение конницы: одни из учеников были лошадьми, другие всадниками. В 8 был ужин, после которого опять происходили игры. В 9 шли на вечернюю молитву в церковь².

П.Н. Луппов отмечает, что все развлечения ученики создавали сами; начальство училища не принимало участие в их организации: «За все время училищного пребывания для нас не было устроено ни одной общей прогулки, ни одного паломничества. Не устраивали для нас никаких общих чтений, бесед: словом вне классных уроков мы были предоставлены исключительно самим себе»³.

Что касается чтения, то, как отмечает П.Н. Луппов, в училище была библиотека для внеклассного чтения: «Программа духовных училищ предлагала содействовать чтению детьми книг и всемерно поощрять его... Но я не сказал бы, чтобы у нас всемерно поощряли это чтение книг. Напротив, временами смотрели на него не совсем доброжелательно, как на отвлекающее от уроков. Библиотека наша была небольшая. Все книг помещались в одном шкафу. Библиотека состояла в основном из книжек журнала "Детское чтение", "Семья и школа", "Странник". Из отдельных непериодических изданий я помню Робинзона Крузо, "Путешествие вокруг света за 80 дней", рассказы Майн Рида. Сочинений Пушкина и Гоголя, не говоря уже о других классиках в библиотеке не было; с ними мы начинали знакомиться уже в духовной семинарии»⁴.

Итак, досуг учеников губернского города Вятки отличался от досуга детей в уездных городах и селах Вятской губернии большим разнообразием игровой, развлекательной деятельности. Что касается развивающей деятельности, то она была представлена только чтением. В губернской Вятке было больше возможностей и потребности в чтении. Ни в уездах, ни в губернском городе не выделялись организованные формы досуга. Досуг продолжает оставаться традиционным.

¹ Луппов П.Н. В духовном училище. Вятское духовное училище в начале последней четверти прошлого столетия. Воспоминания и заметки бывшего воспитанника (С рисунками в тексте). СПб., 1913. С. 49.

¹ Там же. С. 50.

² Там же. С. 51–52.

³ Там же. С. 50–51.

⁴ Там же. С. 36–37.

Р.Б. Шайхисламов,
г. Уфа

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И СТАТУС ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ДО РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

На Южном Урале (в административном отношении Оренбургская губерния) по числу крепостных душ и размерам своих земельных владений заводоладельцы, почти все принадлежавшие к первой половине XIX века к сословию дворян, являлись самыми крупными помещиками и душевладельцами региона.

Кроме дворян, владевших заводами, землями, принадлежащими к этим заводам, и собственными крепостными крестьянами на правах неограниченной собственности, заводами владели и лица, обладавшие лишь правом условной собственности. Речь идет о владельцах посессионных заводов. К частным горнозаводчикам, состоящим на праве посессионным относились те, которые имели «пособие от казны или в людях, или в землях, или в лесах, или в рудниках, или же коих владельцы получили позволение владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея права дворянства»¹. Имущество частных горных заводов, находившихся в посессионном содержании владельцев, оставалось собственностью казны. Крепостные крестьяне таких заводов являлись собственностью завода, а не владельца и могли продаваться и покупаться вместе с предприятием². Существовали на Южном Урале и казенные горные заводы. Но, в отличие от остальной части Урала, где большинство заводов были посессионными и казенными, на территории Южного Урала продолжали преобладать вотчинные заводы, основанные на так называемом

¹ Свод законов Российской империи (далее – СЗ). СПб., 1857. Устав горный. Т. 7. Ст. 5; I ПСЗ. Т. 31. № 24688. § 47.

² О посессионном праве владения см.: *Полетика И.* О посессионном праве владения русскими горными заводами // Горный журнал. 1862. № 9. С. 547–558; *Сигов Н.* Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. 1899. № 3. С. 181–214; № 4. С. 183–202.

«помещичьем праве». Так, из 27 действующих в 30-х годах XIX в.¹ медеплавильных и железоделательных заводов 4 являлись посессионными, 3 – казенными, а остальные – вотчинными.² К 30-м же годам XIX века переменялись и владельцы почти половины действовавших заводов Оренбургской губернии. Казенными заводами являлись Златоустовский, Саткинский и Кузинский, переданные в казенное ведомство в 1811г. после содержания их московским именитым гражданином Кнауфом.

Крепостное население горнозаводских округов делилось на следующие категории: 1) казенных мастеровых и рабочих, вечно отданных заводам; 2) непременных работников (категория непременных работников появилась после ликвидации в 1807 г. института приписных крестьян на Урале. Набор в непременные работники производился из расчета 58 человек с одной тысячи бывших приписных крестьян по последней ревизии. Остальная часть приписных к заводам крестьян навсегда освобождалась от заводских работ); 3) крепостных людей при посессионных заводах; 4) крепостных людей при заводах владельческих. К последним, особенно крепостным вотчинных заводов, относилась большая часть заводских крестьян Южного Урала, на них и будет обращено наше основное внимание. Отметим здесь лишь некоторые особенности, характеризующие и отличающие казенных мастеровых и рабочих людей от крепостных крестьян частных заводоладельцев.

Мастеровые, работные люди и непременные работники казенных заводов составляли своеобразную, отличную от других, категорию населения. Правовое положение названных людей законодательством первой половины XIX века характеризуется приравниванием их к военнслужащим с рядом специфических особенностей, отличающих заводской труд от воинской службы. В Проекте Горного положения 1806 г. и Горном уставе 1832 г., рассматривающих мастеровых и рабочих казенных заводов как военнслужащих, занятых исполнением государственной службы, подчеркивается, что «они подчиняются горному начальству на том же основании, как нижние военные чины военному ве-

¹ В 80-х годах XVIII в. на территории Южного Урала действовали 38 горных заводов, в которых мастеровых, работных людей и крепостных крестьян (без приписанных государственных) насчитывалось 13452 рев.душ (См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24614. Л. 1.). Следовательно, 11 заводов к рассматриваемому времени прекратили свою деятельность.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1997.

домству»¹. Согласно штатам 1847 г. горнозаводские мастеровые и рабочие казенных заводов получили звание «рабочих чинов» и были приравнены к рядовым военной службы². Обладая отдельными правами и обязанностями, свойственными юридическому статусу военнослужащих, они освобождались от всех государственных податей и рекрутского набора³, от всякого постоя, а земские повинности (дороги и мосты внутри заводских округов) исправлялись определенным количеством людей, назначенных горным начальством в ведение горного исправника⁴. На горную службу мастеровых и рабочих, как и на военную, привлекали рекрутскими наборами из казенных селений. Служба их была наследственной обязанностью. Мастеровые и рабочие казенных заводов, как люди, обладавшие правами военнослужащих, судились по уголовным преступлениям военным судом⁵. Прослужив беспорочно 35 лет они получали отставку, после отставки – пенсию. За заводские работы они получали жалованье и задельную плату; им бесплатно выдавали провиант хлеба, выделялись покосы и пашни, предоставлялось время для сенокосения. Мастеровые и рабочие, жившие в «горном городе», пользовались «всеми городскими правами»; могли заниматься разными ремеслами и мастерствами; иметь собственные заведения, нанимать вольных работников; могли заниматься промыслами и отходничеством, перейти в другие сословия⁶.

Таким образом, мастеровые и работные люди казенных заводов в правовом отношении приближались к рядовым служащим, а также к государственным и помещичьим крестьянами, а в кое-чем к горожанам. В первой половине XIX века на Южном Урале казенных мастеровых и работных людей было немного. Казенными являлись заводы лишь Златоустовского заводского округа. По VII ревизии в них проживали более 7 тыс. душ м. п.⁷ Основная масса заводских крестьян Южного Урала являлась частновладельческими.

В начале XIX века все горные заводы (до передачи Златоустовского, Кусинского и Саткинского заводов в казенное ведомст-

во) находились в руках частных владельцев. Лишь заводы Преображенский (П.Гусятникова), Верхне-Авзянопетровский и Нижне-Авзянопетровский (московского купца Губина), Иштерьяковский (А.Иноземцева) и Шилвинский (А.Подъячева) являлись посессионными, а остальные принадлежали их владельцам на праве полной собственности¹. Крепостных людей при названных посессионных заводах числилось 2 230 душ м. п. (9,4 % от всех заводских крестьян края), из них 384 души м. п. (17,2 %) являлись мастеровыми, а остальные 1846 душ м. п. (82,2 %) – черноработными². К середине XIX века в разряде посессионных, помимо Нижне- и Верхне-Авзянопетровских (купца П.Губина), Шилвинского (А.Подъячева) оказались Кагинский и Узьянский заводы петербургского купца Гротена, а также Богословский, вновь образованные в 1820 г. и 1830 г. Покровский и Воздвиженский горные заводы. Последние три завода принадлежали на посессионном праве наследникам Шелашникова. Находившиеся в начале века в посессионном содержании П.Гусятникова Преображенский и А.Иноземцева Иштерьяковский заводы в середине XIX века являлись уже вотчинными заводами владельцев М.Пашкова и наследниц Ярцова³. Численность крепостных крестьян посессионных заводов за полвека возросла всего на 1 892 души м. п. В середине XIX века их насчитывалось 4 122 души мужского пола, что составляло 11,9 % от всех крестьян частных горных заводов Южного Урала⁴.

Согласно Уставу горному на заводах, состоящих в частном владении на посессионном праве, помимо вольнонаемных, мог быть использован труд следующих категорий населения: 1) казенных мастеровых и рабочих, вечно отданных к заводам; 2) непрременных работников; 3) заводских крепостных⁵. Причем, первые две категории людей должны были содержаться заводладельцами на том же положении, как на казенных заводах⁶. На Южном Урале, в отличие от посессионных заводов Среднего Урала и Прикамья, где применялся труд всех названных категорий людей, мастеровые являлись не казенными, вечно отданными заводам, а покупными самими владельцами. Более того,

С. 374.

² И ПСЗ. Т. 22. № 21203.

³ I ПСЗ. Т. 29. № 22208. Ст. 769; Т. 29. № 22342. Ст. 16; II ПСЗ. Т. 22. Отд. I. № 21203.

⁴ I ПСЗ. Т. 29. № 22208. Ст. 765–768; II ПСЗ. Т. 22. Отд. I. № 21203.

⁵ I ПСЗ. Т. 29. № 22208. Ст. 860.

⁶ Там же. Ст. 763; II ПСЗ. Т. 22. Отд. I. № 21203.

⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 76. Л. 54; Ф. 14. Д. 950. Л. 22–29.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 40. Л. 161.

² Подсчитано по: Центральный государственно-исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф.И.–1. Оп. 1. Д. 190. Л. 41–42.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 140. Л. 209–212.

⁴ Подсчитано: Там же. Л. 209–212.

⁵ СЗ. Т. 7. Ст. 445.

⁶ Там же. Ст. 446, 450, 451.

на Нижне- и Верхне-Авзянопетровских заводах Губина, например, мастеровые являлись собственными людьми владельца, а не купленными к заводам лишь по праву заводчика¹. Невелика была на южноуральских посессионных заводах и численность непрременных работников. По указу 1807 г. всем заводчикам, в том числе и недворянского происхождения, разрешалось покупать крепостных взамен непрменных работников². Поэтому подавляющая часть крестьян посессионных заводов Оренбургской губернии, в отличие от других регионов, состояла исключительно из «крепостных заводских людей», купленных заводчиками к предприятиям. В начале 20-х гг. XIX века непрменных работников здесь насчитывалось всего 413 человек м. п. и 309 ж. п. Из них 205 душ м. п. и 155 ж. п. принадлежали Нижне-Авзянопетровским, 137 душ м. п. и 103 души ж. п. – Узянскому, 71 душа м. п. и 51 душа ж. п. – Кагинскому заводам³.

В 40-х гг. XIX века численность непрменных работников на посессионных заводах достигла 762 души м. п., из которых 216 душ м. п. принадлежали Узянскому, 221 душа м. п. Кагинскому и 325 душ м. п. Авзянопетровским заводам⁴. По Положению от 15 марта 1807 г. непрменные работники посессионных заводов, образовавшиеся из части бывших приписных к заводам крестьян, не составляли «никакого особенного сословия, но суть точно такие же мастеровые и рабочие люди, как вечноотданные к заводам». Поэтому на непрменных рабочих возлагались все обязанности, и они получали все права, «какие предоставлены прочим вышеозначенным мастеровым и рабочим людям». При заводах частных людей непрменные рабочие во всем зависели от заводчиков точно также, как и прочие казенные мастеровые и рабочие люди, вечно отданные заводам⁵. Заводовладелец мог менять их повинности, отдать в казенные заводы, по своему усмотрению перевести из непрменных рабочих в мастеровые и наоборот⁶. По законодательству того времени все крепостные люди, состоявшие при посессионных заводах, к которым они были куплены, не могли быть от них отделены⁷. Сами же заводчики не в праве

были употреблять крепостных крестьян на другие работы, кроме заводских¹. Все крепостные крестьяне посессионных заводов Южного Урала проживали не в особых селах и деревнях, а непосредственно на территории самих заводов, в заводских поселках.

Неоднородным был в первой половине XIX века социальный состав и горнозаводского крепостного населения вотчинных заводов, принадлежавших владельцам на правах полной собственности. Большинство крепостных мастеровых на вотчинных заводах являлись собственными, купленными владельцами по праву дворянства людьми. Но встречались среди крепостных мастеровых и крестьян частных заводчиков люди, купленные владельцами не в личную собственность, а к заводам, на так называемом «заводском праве»². К последним относились, например, 650 душ м. п. крепостных мастеровых и крестьян Белорецкого завода Д.И. Пашковой, тогда как остальные 1 600 душ м. п. являлись крепостными, купленными ею по праву дворянства³. На Воскресенском частном заводе той же владелицы кроме 837 душ м. п. собственных крепостных мастеровых и крестьян находились еще 99 душ м. п. вечноотданных казенных крестьян⁴, проживавших при самом заводе. В целом, крепостные люди вотчинных заводов составляли 82,8 % от всех крестьян частных горных заводов Южного Урала в начале и 88,1 % – в 50-х гг. XIX века⁵. Крепостные крестьяне вотчинных заводов проживали не только при заводах, но и при особо заведенных для них селениях. Так, в начале XIX века 5 868 душ м. п. (сведения неполные) крепостных заводских крестьян (24,9 %) являлись жителями деревень, расположенных на землях заводских округов. В последующие годы возникали новые селения на заводских землях, куда заводовладельцы переводили купленных или собственных крепостных крестьян из других губерний России. В 40-х гг. XIX века при всех заводах и заводских округах Южного Урала насчитывалось 64 селения и 9 934 крестьянских двора. Из них только 5 селений и 1

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 23. Л. 87–94.

² ПСЗ. Т. 29. № 22498.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 40. Л. 161.

⁴ Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1841. Т. 2. Отд. IV. Табл. № V.

⁵ ПСЗ. Т. 29. № 22498. Ст. 1, ст. 12.

⁶ Там же. Ст. 5, 10.

⁷ СЗ. Т. 7. Ст. 461.

¹ Там же. Ст. 464; ПСЗ. Т. 29. № 22208. Ст. 790. П. 14.

² ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 23. Л. 87–94; Д. 40. Л. 161.

³ ЦГИА РБ. Ф.И.–1. Оп. 1. Д. 190. Л. 75–77; Герман И.Ф. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих. Екатеринбург, 1808. Отд. II. С. 276.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 23. Л. 87–94.

⁵ Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф.И.–1. Оп. 1. Д. 190. Л. 41–45; ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 140. Л. 209–212.

929 крестьянских дворов располагались на территории посессионных заводов¹.

По роду своей деятельности все горнозаводское население было так или иначе связано с заводскими работами. По социальному составу они являлись крестьянами, купленными к заводам или собственные владельческие крепостные. В официальных материалах они значились просто мастеровыми и работными (черноработными) людьми. На практике же, вследствие многообразия производственных работ в заводском хозяйстве, крепостные частных заводовладельцев делились на категории, которые отличались друг от друга и по условиям труда, и по возможностям ведения собственного хозяйства. Самой малочисленной группой были «служители», представлявшие собой привилегированный слой крепостных, занятых в управлении вотчины, заводов, контор. Сюда же относились приказчики, различные смотрители за работами, уставщики, нарядчики и т.д. Следующую группу крепостных людей составляли мастеровые, постоянно занятые в промышленном производстве и выполнявшие основные работы на горных заводах. В первой половине XIX века на посессионных и вотчинных заводах Южного Урала мастеровые составляли от 11 % (Богоявленский) до 16 % (Миаский) заводского крепостного населения². На постоянных же работах в заводском производстве были заняты и так называемые горные работники, проживавшие при заводе (поторожные, ремонтники, сторожа, плотники, столяры, кузнецы, слесари, плетники, каменщики, колесники, скорняки, бондари и т. д.). Несмотря на обязательный характер труда, все названные и подобные им горные работники, а также мастера получали заработную плату в денежной форме. Существовали сдельная (задельная) и повременная (поденная) системы оплаты труда. Самая значительная часть заводского крепостного населения была занята на вспомогательных работах, не требующих квалификации. Они занимались заготовкой дров, угля, добычей руды, перевозками, сплавом караванов и т. д. Все подобные работы выполнялись крепостными крестьянами в порядке заводской барщины. Хотя заводские работы отрывали работников на значительный период времени, основным источником существования для последних оставалось все же собственное их хозяйство.

¹ Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1841. Т. 2. Отд. IV. Табл. № IV и V.

² Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф.И.–1. Оп. 1. Д. 190. Л. 41–45.

А.Е. Загребин
г. Ижевск

УДМУРТСКАЯ СЕМЬЯ И СИСТЕМА РОДСТВА В ИСТОРИОГРАФИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Семья представляет собой основу мироустройства любого народа и удмуртов в частности. Не случайно, многими исследователями отмечалось, что именно в семье удмурты чувствуют себя наиболее уверенно и комфортно. В.Н. Харузина писала: «В домашней жизни он (удмурт – А.З.) кроток и тих; с женой живет в согласии, во всех делах советуется с ней, с детьми ласков»¹. Читая эти строки, невольно задумываешься, насколько прочными оказались семейные устои удмуртского народа в столкновении с вызовами времени и в какой степени трансформировались принципы семейной жизни, под влиянием общественных процессов и государственной политики в исторически обозримый период.

Первые попытки обобщения и формирования некоторой теоретической базы в этом круге проблем, были предприняты финским лингвистом и этнографом А. Алквистом, который провел сравнительно-сопоставительный анализ номенклатуры родства в языках финно-угорского происхождения. В частности, он писал: «Мы можем прийти к заключению, что порядок семейного устройства у финских народов сформировался без постороннего влияния и что семейная жизнь в этом роде уже существовала у древних финнов еще до их разделения»². Тем самым, профессор Алквист «подогрел» интерес новой генерации финно-угроведов к проблемам истории семьи и брака, что вскоре проявилось в работах К.Ф. Карьялайнена, А. Хямяляйна и У. (Хольмберга-)Харва. С другой стороны, актуальность изучения систем родства у финно-угорских народов была

¹ Харузина В.Н. Вотяки. М., 1898. С. 7.

² Ahlqvist A. Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875. S. 219.

подготовлена появлением на рубеже XIX–XX вв. ряда научных публикаций русских этнографов Н.Н. Харузина, И.Н. Смирнова, А.Н. Максимова и др.¹

Сбор и изучение собственно удмуртских терминов родства начались в конце 1870-х гг., по инициативе финского лингвиста и фольклориста Т.Г. Аминоффа. Естественно, что в то время собирательская работа еще не могла опираться на специально разработанную методологию, поскольку труды классиков эволюционистской этнографии еще не были осмыслены научным миром, а «генеалогический метод» анализа терминологии родства был разработан в начале XX в. английским этнографом У. Риверсом.² Тем не менее, помощник Т.Г. Аминоффа, выпускник Казанской учительской инородческой семинарии И. Васильев нашел оригинальный способ отображения удмуртской системы ближнего родства, используя не цифровой, а графический метод.

Представляя выстроенную им схему, И. Васильев писал финскому ученому в сентябре 1879 г.: «для примера я взял 5 семейств, у каждого семейства есть дети, дети женятся, выходят замуж, и образуется родство. Все это я изобразил прямыми линиями и кругами, длинные линии означают, кто старший, потом есть еще линии, проведенные точками, они означают родство, есть кто кому родня. Круг, на котором — NB, я представил отца для облегчения себе, что советую и Вам»³. Выбрав отправным пунктом представленной схемы положение, занимаемое старшим сыном в первой семье (помечен значком NB), Васильев показал систему ближнего родства удмуртов, функционировавшую в конце XIX — начале XX в., которую, наверное, можно назвать традиционной (см. приложение 1).

Немало споров среди ученых, занимавшихся финно-угорскими исследованиями на рубеже веков, вызывал вопрос о ранних формах семейно-брачных отношений. Особо следует вы-

делить позицию казанского этнографа, И.Н. Смирнова, который в серии монографий, посвященных жизни и быту марийцев, мордвы, коми-пермяков и удмуртов, отмечал, что на ранних ступенях развития института брака у восточных финнов близкое родство не являлось препятствием к браку. Данное явление было следствием длительного сохранения пережитков безбрачной стадии, «первобытного промискуитета», и изначальной эндогамии финноязычных народов. Кроме И.Н. Смирнова, близкие идеи были высказаны в лекциях по этнографии профессора Московского университета Н.Н. Харузина и работе А.Н. Максимова «Что сделано по истории изучения семьи»¹.

Критической точкой в этой, безусловно, достойной рассматриваемой цепи умозаключений, оказалась выдвинутая И.Н. Смирновым теория «гетеризма»². Внимание ученого привлекло то, что лексика, используемая для обозначения родственных отношений у местных финнов, по его мнению, группируется скорее по возрастному принципу, нежели подчеркивает степень кровного родства³. Из этого обстоятельства он делает вывод, что эндогамная «финская система родства» сформировалась в тот период, когда для женщины каждый мужчина ее рода был мужем, когда каждая дочь могла находиться в брачном сожительстве со своими братьями-мужьями, когда каждый ребенок был сыном или дочерью любого взрослого в родственном коллективе.

¹ Максимов А.Н. Что сделано по истории изучения семьи. М., 1901.

² И.Н. Смирнов утверждал: «Вотская терминология родства вводит нас в такой мир, где лицо, пытающееся определить свои отношения к окружающим мужчинам и женщинам, видит только различие в возрастах и не выделяет из среды их таких, с которыми чувствовало-бы себя связанным ближайшим образом, в силу происхождения от одних родителей, мало-того — не в состоянии даже выделить из числа мужчин старше себя такого, которого могло бы назвать родителем. Оно видит вокруг себя группу самцов, мужчин, способных к деторождению (аи) и среди этих самцов несколько старейших (пӧрес-аи)». Цит. по: Смирнов И.Н. Вотьяки. Историко-этнографический очерк. С. 130–131.

³ Вместе с тем, И.Н. Смирнов делал вполне уместную оговорку, что: «Было бы громадной ошибкой думать, что Вотьяки находятся в таком состоянии теперь. Современный семейный строй вотский ничем не отличается от русского, но терминология родства находится в коренном противоречии с ним и это противоречие в высшей степени интересно для историка. Оно говорит нам, что вотский язык отразил в себе совокупность условий, среди которых создавалась терминология родства, или точнее общественных отношений, и сохранил эту картину в течение длинного ряда веков, не смотря на медленные изменения, которые совершались в жизни. Бытовая картина, которая поднимается пред исследователем после ознакомления с вотскими терминами родства хорошо знакома антропологам и этнографам. Она носит в науке название коммунального брака или гетеризма». Там же. С. 131.

¹ А.Н. Максимов, предвзято свою статью, касающуюся разбора теорий эволюции брака и семьи, писал: «Я хочу коснуться некоторых брачных обрядов и обычаев, существующих у русских инородцев и наводящих на мысль, что прежде семья у русских инородцев была организована совершенно иначе, чем в настоящее время. ...я хочу указать на некоторые основания, позволяющие думать, что и у русских инородцев современная патриархальная семья не существовала испокон века, а была продуктом исторического развития...». Цит. по: Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев // Максимов А.Н. Избранные труды. М., 1997. С. 113–114.

² Токарев С.А. К вопросу о методике изучения терминологии родства // Ethnographia Polska. 1960. № 3. С. 366.

³ Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto. 1.160. T.G. Aminoffin käsikirjoitus.

В 1893 г. появляется новая работа И.Н. Смирнова, во многом отразившая ранее сложившуюся у него точку зрения, на специфику брачно-семейной организации финно-угорских народов¹. Выделяя в отдельный параграф проблему матриархата в истории финской семьи, Смирнов вновь возвращается к вопросу о «гетеризме» и, следом за британским социологом Г. Спенсером, соединяет его с понятием «коммунальный брак»². Однако, теперь, его внимание более всего привлекают сюжеты, связанные с мифологическими следами былого матриархата. В образах финно-угорских богиней-матерей (хозяйек), олицетворявших самую тесную родственную связь между матерью и ребенком, он видит наследие допатриархальной эпохи с доминированием материнского «рождающего» мифа³. Становление мужского права, Смирнов трактует с биолого-эволюционной точки зрения, ибо, по его мнению: «В матриархальном периоде принадлежность детей определяется актом рождения, в патриархальном – представлением о господствующем влиянии мужчины в деле возникновения дитяти»⁴.

В 1896 г. руководство Санкт-Петербургской Академии наук обратилось к профессору финского языка и литературы Гельсингфорского университета Э.Н. Сетяля, с просьбой подготовить рецензию на «восточно-финские» труды И.Н. Смирнова, выдвинутых на соискание Уваровской премии. В основном, положительно оценивая результаты работы Смирнова-этнографа, финский ученый в корректной, но жесткой форме критики дал разбор построений Смирнова-филолога⁵. Удивляясь вольным обращением коллеги с общепризнанными лингвистическими законами, рецензент не без юмора замечал: «Исходя из выводов, сделанных автором, применявшим свой метод, можно понять следующее: что карелы поняли разницу между своими детьми и чужими только после соприкосновения с русскими, а так как финны до сих пор не имеют подходящего термина для обозначения этого понятия, то, значит, они и сегодня не различают их»⁶. Финский ученый старался показать несостоятельность

предположения И.Н. Смирнова о длительном сохранении пережитков «гетеризма» у восточных финнов, базировавшегося на том, что в их языках нет специальных терминов, обозначающих кровное родство между двумя лицами, произошедшими от одних родителей¹. Следовательно, не было препятствий для брачных отношений между ними. На поверку же оказывалось, что все приведенные Смирновым в качестве примеров финно-угорские термины родства, были довольно поздними тюркскими и индоевропейскими заимствованиями². Э.Н. Сетяля дает понять, что основной причиной некорректного подхода к интерпретации языковых материалов стала зависимость казанского коллеги от идей британских социологов³.

Дальнейшее осмысление системы семейно-родственных отношений финно-угорских народов было осуществлено финскими учеными в 1920–1940-е гг. Более других эта тема занимала А. Хямляйна и У. (Хольмберга)-Харва, в молодые годы побывавших в экспедициях к удмуртам. Оба ученых, столь по-разному порой смотревших на проблемы народной культуры, были вполне солидарны в критике взглядов русских этнографов-эволюционистов.

Например, А. Хямляйн в статье «О запретах на браки между близкими родственниками у восточно-финских народов и русских» через свое прочтение приведенных русскими авторами источников, использованных в качестве аргументов, приходит к выводу о том, что у финноязычных народов Поволжья существует ярко выраженная традиция, согласно которой лица, состоящие в известной степени родства, не могут вступать в брак друг с другом. Удмурты Елабужского уезда Вятской губернии, пишет Хямляйн, ныне следуют предписаниям православной церкви относительно браков между родственниками, а прежде,

¹ В своей книге о мордве, И.Н. Смирнов недвусмысленно указывал на то, что мордовская система родства с ее своеобразной терминологией «является памятником первобытных семейно-общественных отношений, отразившим отголоски группового брака». Цит. по: Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 136.

² Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinen. S. 26.

³ О зависимости исследователя от модных теорий предупреждал в эти же годы А.Н. Максимов, критиковавший за известный догматизм научную методологию Э. Вестермарка: «Самый простой способ не запутаться в массе фактов – это стать на готовую уже точку зрения и освещать уже данным принципом разрозненные факты. Такой путь, конечно, самый легкий, но против него то обстоятельство, что выбор той или иной точки зрения всегда подлежит оспариванию». Цит. по: Максимов А.Н. К вопросу о методах изучения истории семьи // Максимов А.Н. Избранные труды. М., 1997. С. 14–15.

¹ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры. Казань, 1893.

² См., подробнее: Косвен М.О. Матриархат. История проблемы. М.: Л., 1948. С. 172–173.

³ Ившина М.В. Гендерные дискурсы И.Н. Смирнова в русле современных исследований // Этнография восточно-финских народов. Ижевск, 2007. С. 61.

⁴ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры. С. 69.

⁵ Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1900. Vol. 17. S. 1–52.

⁶ Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinen. S. 20–21.

когда влияние церкви было еще не таким, браки запрещались в трех первых поколениях родственников¹. У. Хольмберг писал по этому поводу: «Различие родов отца и матери особенно бросается в глаза при заключении браков, так даже, если предположить, что браки между двоюродными братьями и сестрами могли иметь место, но лишь те браки считались законными, если отцы жениха и невесты происходят из разных родов»².

Попробуем проанализировать обе представленные точки зрения, выявив их истоки и идейную основу. В истории человечества, равно как в истории института брака существовали ранние этапы, а И.Н. Смирнов как человек просвещенный, вне всякого сомнения, внимательно следил за новыми веяниями в зарубежной этнологии. Даже при беглом знакомстве с его трудами ощущается влияние классиков «эволюционистского направления» в этнографии. По вопросу ранней истории брака и семьи он, по-видимому, опирался на получившие известность работы И.Я. Бахофена и Дж. Лёббока, которые отмечали, что в древности господствовали более широкие, чем теперь, формы брака. Быть может, в глубокой древности это и могло иметь место, но ошибка И.Н. Смирнова и последовавших за ним этнографов заключалась в том, что они попытались «продлить жизнь» ранних форм брака. Вряд ли можно было вести речь о «гетеризме» в обществах со сложившейся жесткой родовой, экзогамной системой, часто опираясь на субъективное толкование некоторых произведений народной словесности и непрочные лингвистические сопоставления. Участник той заочной дискуссии, В.П. Налимов отмечал: «Вероятно, ни один из современных ученых не будет утверждать о существовании общественных браков в форме гетеризма как у пермяков, так и у других народов на ранней ступени их развития»³.

Что же в таком случае составило теоретическую основу точки зрения, представленной А. Хямляйненом и У. (Хольмбергом)-Харва? Скорее всего, наибольшее влияние на финских ученых оказали идеи датского ученого К. Старке и их соотечественника

¹ *Hämäläinen A.* Über Verbote gegen Ehen zwischen nahen Verwandten bei den ostfinnischen Völker und den Russen // *Suomalainen Tiedekatemia toimituksia.* 1932. Seria B. T. 27. S. 39–40.

² *(Holmberg-) Harva U.* Der Bau des Verwandtschaftsnamensystems und die Verwandtschaftsverhältnisse bei den Finno-Ugriern // *Finnisch-Ugrische Forschungen.* 1939. Bd. 26. S. 120.

³ Цит. по: *Nalimov V.* Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1908. Vol. 25. S. 1–2.

Э. Вестермарка. Так, К. Старке доказывал, что первобытная семья была патриархальной, где счет родства и наследования велся по отцу, а Вестермарк в своем труде «История человеческого брака» писал: «Не было такой стадии в развитии человека, когда не существовало брака, и отец всегда был, как правило, защитником и покровителем семьи». Очень резко, с каким-то даже раздражением, как отмечает С.А. Токарев, Вестермарк отвергает теорию «первобытного промискуитета», уделяя много места разбору и опровержению аргументов защитников ее сторонников¹. Следуя этому вектору У. Хольмберг с уверенностью пишет, что родство у финно-угорских народов считалось только по мужской линии и критикует предположение Н.Г. Первухина, видевшего в удмуртских родовых именах влияние имен женщин-прародительниц².

Ценной самостоятельной разработкой У. (Хольмберга)-Харва следует признать концепцию устройства традиционного удмуртского социума, опирающуюся, большей частью, на личные полевые наблюдения автора. Устойчивость родового порядка удмуртов, по мнению Хольмберга, была обусловлена религиозным фактором: общество делилось на различные «куала-выжы» — семейно-родовые группы, имеющие свое святилище — куалу. Каждый куала-род состоял из родственников, произошедших от одного предка и приносящих жертвы общему духу-хранителю. При этом каждый род имеет родовое имя, например, *Можга, Уча, Турья* и др. Даже если со временем род сильно разрастается и его представители живут в разных губерниях, утвержденная ранее экзогамия строго сохраняется. Стержнем удмуртской патронимии он считал традиционную религию, а именно культ предков, когда старший в роде или в семье мужчина был одновременно и жрецом, ответственным за поминовение умерших предков.

Что же происходило в коллективе родственников, где не было наследника мужского пола? Следовало за этим «угасание семейного рода» и связанных с ним духовных традиций? Этот вопрос финский ученый рассмотрел в специальной работе «Приемыш и примак у финно-угорских народов», в которой писал, что если брак, несмотря на все ожидания, не приносил сына, то могли прибегнуть к известному еще с библейских

¹ *Токарев С.А.* История зарубежной этнологии. М., 1978. С. 99, 102–103.

² *Harva U.* The Finno-Ugric System of Relationship // *Transaction of the Westermarck Society.* Copenhagen-Göteborg, 1947. Vol. 1. P. 71–74.

времен обычаю левирата или сорората, но чаще всего использовали другой путь, а именно: усыновление чужого ребенка. Однако у финно-угорских народов круг детей, которых могли усыновить. Первоначально ограничивался рамками одного родственного коллектива, предпочтение отдавалось обычно сыну младшего брата главы семьи. Хольмберг пишет: «Вотяки устраивали среди родственников пиршество, принимаемого в сыновья мальчика трижды обводили вокруг очага святилища, произнося молитву и умоляя духа-хранителя и предков семьи о счастье входящего»¹. Близкие к этому обряды сопровождали женщин в начале замужества. Прежде чем получить право молиться в куале своей новой семьи, она (сноха) должна была совершить умиловительные жертвоприношения в родной куале. Обычно жертвуя глухаря, она благодарила свой воршуд и прощалась с ним, а отец жениха умиловил свой воршуд и молился за введенную в семью сноху. Затем она должна была принести жертву воршуду новой семьи, и только после этого она могла молиться в куале семьи мужа. Иное положение в семье занимали приемный сын и зять, взятые в дом и происходящие из другого рода. Они так и не приобретали полноценного статуса и должны были участвовать в молениях своего рода, поскольку в большинстве своем их «усыновление» было вызвано хозяйственно-экономическими или патронажными причинами. Впрочем, говорит Хольмберг, есть у финно-угорских народов примеры, когда приемный зять теряет свою фамилию, принимая фамилию жены, то есть ее отца, а дети от такого брака будут уже относиться к роду тестя. Так, внебрачный сын дочери хозяина, усыновленный последним, имел право молиться в их святилище. «При таких строгих родовых устоях приемный зять и его дети не могли быть причислены к семье тестя. Возможно поэтому, приемный зять и приемный сын получили в удмуртском языке общее название *пыртос-пи* – приемный сын, они продолжали совершать обряды в святилище своей семьи»². Здесь можно вспомнить еще тот факт, что, если на молении присутствовал кто-то из чужих, он не допускался к ритуальной трапезе, которая являлась показателем единства происхождения участников, их принадлежности к одному родовому коллективу, исповедующему общий культ своего божества-покровителя.

¹ (Holmberg-) Harva U. Der Adoptivsohn und der Hausschwiegersonn bei den finnisch-ugrischen Völker // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1944. Bd. 28. S. 60–61.

² Ibid. S. 72.

Важнейшей функцией удмуртских религиозных обрядов и учреждений была защита общественного порядка, основанного на родовых, позднее на семейных отношениях. Распределение удмуртов по родовым группам было незыблемым, что обуславливало закрытость религиозных собраний от чужаков. Применение такого рода табу отводило угрозу того, что люди забудут свою генеалогию, а это было наибольшей опасностью для существующего порядка. Устойчивость данной организации была связана с тем, что в эпоху родового строя у каждой воршудной группы была своя определенная территория (*выл*) с укрепленным поселением (*кар*). По мере увеличения числа членов рода, вокруг городища возникали неукрепленные поселения (*гурт*) или, как их часто называли, (*вильгурт*) (новая деревня). Самое старое поселение – родовый центр, откуда отпочковались починки и выселки, называлось *вужгурт* (старая деревня). Переехавшие на новое место члены рода играли важную роль в сохранении традиций.

Безусловно, представленная в работах финских и русских этнографов картина удмуртской жизни в период родового строя и последующие времена местами идеализирована и архаизирована. Но, рациональное зерно, очевидно, превалирует над «романтическими» моментами, а многие предположения тех лет подтверждаются современными исследованиями проблем этногенеза, этнической истории и социальной организации.

А.Е. Ульянов, Е.А. Тетерина
г. Пенза

ЗАБЫТЫЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ ПЕНЗЕНСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО СЕЛА КИКИНО)

В современном мире растет интерес к традиционным формам культуры – художественным народным промыслам, национальным видам спорта, фольклору, самодеятельному творчеству, народной медицине и педагогике, праздникам и ритуалам, этикету, кулинарии и т. д. Познавая их, человек глубже проникает в

духовные истоки родной культуры, учиться бережно относиться к самобытности своего народа¹.

Традиции возникли давно, и в древние времена они определяли общественную и личную жизнь человека. Традиции содержали наставления, нравственно-эстетические нормы, включали правила и навыки хозяйственной деятельности, устройство жилища, способы воспитания детей, оказания помощи больным, использования лекарственных средств и т. д. Все это, устойчиво закрепленное в традициях народа, являлось средством передачи народной культуры.

Различные народы и различные регионы России имели собственные традиции и обычаи. Пензенские татары не являлись в этом смысле каким-либо исключением, издавна имея специфические особенности культурной жизни. У них было (и остается по сей день) очень много красивых праздников, обычаев, традиций, посвященных временам года (науруз, нардугам), связанных с религиозными воззрениями (курбам-байрам, рамазан-байрам), с сельскохозяйственными работами (сабантуй) и другие².

Многие виды работ, требовавших много сил и времени, выполнялись вместе, сообща. Они традиционно назывались «помочи» (өмәләр), поскольку во время их проведения прибегали к помощи односельчан. Были распространены помочи при строительстве дома (ызта күмәр), на ржаном поле (арыш өмәсе), помочи по сбору проса (тары өмәсе), во время жатвы (урак өмәсе), сенокоса, при толчении конопли (киндер өмәсе), при отбивании холста (киндер тукмаклау), валянии сукна (тула басур), гусиные помочи (каз өмәсе), при забивании лошадей, быков и многие другие. К помочам прибегали и в каких-либо экстренных случаях. Естественно, в настоящее время в условиях механизации и рыночных отношений к помочам прибегают все реже и реже.

Некоторые формы работ сохранились лишь в памяти старожил, а также в песнях, скороговорках, поговорках. Примером может служить следующая скороговорка: «Сезнең кызлар безнең кызларга киндер тукмаклашмаслармы икән?» (Не придут ли ваши девочки на помощь нашим отбивать холсты?)³.

Одним из самых красивых обычаев села Кикино были гусиные помочи (каз өмәсе). Появился он потому, что татары всегда держали много гусей. Гусиный пух использовался для подушек и

перин, гусиный жир применялся в народной медицине (им лечили ожоги, обморожения), сухое гусиное мясо (каклаган каз) было ценным продуктом питания и сохранялось вплоть до следующего лета.

А сколько блюд готовили из гуся? Гусь был и остается украшением стола на различных праздниках. Ни одна свадьба (никях, сый) не обходилась без приготовления блюд из гуся¹: разделывание тушки на застолье доверяли лишь самым почетным гостям, а кость грудной клетки служила символом закрепления дружбы всех собравшихся на праздник родственников (үлчәш).

Гусей начинали забивать после первого выпавшего снега и для быстрой их обработки приглашали родственников, молодых девушек со своей улицы. Так сложилась поговорка: «Биш казга унбиш кыз» (На пять гусей – пятнадцать девушек). Участие в гусиных помочах считалось делом чести для молодой девушки, ведь здесь выявлялись сноровка, ум и ловкость будущих жен и мам. Поэтому они ещё с лета напоминали взрослым о том, чтобы в случае необходимости их пригласили на помощь.

Приглашенные приходили в назначенный час. Самая умелая, знающая весь цикл работ девушка, считалась предводительницей (өмә башы). Она приходила раньше всех и готовила все что нужно. Все девушки садились в круг и начинали ощипывать гусей. Забивать гусей доверяли лишь мужчинам, и притом только тем из них, у кого рука считалось «легкой».

Работы сопровождалась обменом последними новостями, шутками, песнями. Матери, у которых были взрослые сыновья, внимательно наблюдали за работницами и присматривали будущих невесток, поскольку еще одной традиционной особенностью кикинских татар было полагать на выбор старших при выборе себе пары.

При заготовке гусей не оставались в стороне и дети. Им доверяли обдирать большие перья (канат сындырырга).

Ощипав и распотрошив гусей, девушки на руках и на коромыслах несли их к реке, мыть тушки птицы в проточной воде. По дороге рассыпали гусиные перья, что символизировало большой приплод гусей на будущий год. С той же целью было принято ходить к воде «гуськом». Несколько девушек оставались дома для того, чтобы навести порядок.

Узнав, что девушки идут к речке, их догоняли парни со своими гармошками. Здесь опять звучали песни и шутки. Когда

¹ Исхаков Д.М. Этнография татарского народа. Казань, 2004. С. 17.

² Акъегет К. Пенза татарлары. Казань, 2001. С. 29.

³ Скороговорка записана от Янборисовой Муниязи (1956 г.р.).

¹ Гильдеев Н.А. Татары Пензенского края. М., 2008. С. 244.

молодежь возвращалась с вымытыми гусями, тушки развешивали для хранения на чердаках и в кладовых. К этому времени хозяйка накрывали на стол, на котором главным блюдом был целый вареный гусь и наваристый гусиный суп (его подавали к столу отдельно). К чаю приглашали соседей, бабушек, которым хозяйка хвалили помощниц.

Обряд гусиные помочи сохранился до настоящего времени, но лишь частично: выполняется только первая часть праздника. Но уже собираются не молодые девушки, а родственники, женщины, пожилые люди, которые ещё помнят обряд полностью.

В день празднования гусиных помочей вечером хозяйка разрешали устраивать посиделки. Девушки, нарядившись в самые красивые платья, отправлялись на гуляние. У дверей оставляли одну девушку – самую смелую, веселую и остроумную, умеющую живо общаться.¹ Она должна была умело «продать» крылья гусей парням, которые впускались в дом в случае, если могли отгадать женские загадки, или «откупившись» уткой. Молодые люди играли, пели, танцевали, веселись. У молодежи в запасе было очень много игр и розыгрышей: «Круг», «Жгут», «Жмурки», «Колечко», «Кул сугыш», «Два уха» и т. д.²

Молодежные посиделки устраивались и независимо от организации помочей. Чаще всего это случалось в доме той девушки, у которой отец уезжал на базар в одно из окрестных селений или отправлялся из села по каким-либо иным делам. Это было связано с патриархальным укладом в семье, с почитанием родителей. Нередко посиделки устраивались в доме, где имелся ткацкий станок, чтобы морально поддержать девушку, занимавшуюся тяжелой ткацкой работой. Девушки приходили в дом к подруге со своими делами: кто вязал, кто вышивал, кто пряд. В перерывах между работой они могли повеселиться и поиграть, пригласить парней.

В четверг и пятницу, когда по мусульманскому обычаю не разрешалось работать, устраивались посиделки другого рода – игровые (уеннар). Для этого заранее искали дом, как правило, одинокой бабушки или семьи без мужчин. Своеобразной благо-

дарностью за разрешение попользоваться жилищем была помощь им на поле, в огороде, уборка дома и т. п.

Таким образом, посиделки были одним из способов развлечения, общения молодых людей, обмена последними новостями. С их помощью ребята и девушки, не допуская бестактности, выражали свои симпатии и чувства. Кроме того, с помощью игр и общения люди отдыхали от тяжелой сельской работы, занимавшей у всех практически все свободное время.

В настоящее время культурные традиции татарского народа, к сожалению, под влиянием различных обстоятельств постепенно забываются. В памяти и народном обиходе остаются лишь осколки, остатки прошлых ритуалов, обычаев и обрядов, которые лишь изредка обретают новую жизнь, включаясь в современную жизнь. Между тем важно помнить, что традиционные ценности необходимо хранить, так как они имеют огромное значение для духовного развития народа, в особенности для воспитания подрастающего поколения. Если исчезнут традиции и обычаи, то нависнет реальная угроза над всем будущим развитием культуры.

А.Ю. Сулов
г. Казань

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

Изучение проблем модернизации как процесса перехода от традиционному обществу к современному стало одним из важных направлений обществознания. Первоначально объектом исследований в рамках теории модернизации являлись страны «третьего мира». Со временем все более распространенным становится изучение исторического опыта модернизации стран, в которых этот процесс начался гораздо раньше, в том числе и в России. В российской исторической науке возможность исследовать проблемы модернизации России первой трети XX в., разрабатывать различные теоретические модели, помимо формаци-

¹ Эта часть праздника описана в произведениях художественной литературы. Подробнее см.: *Баширов Г.* Туган ягым – яшел бишек. Казань, 1973; *Тинчурин К.* Сүнгән йолдызлар. Казань, 1971.

² *Гуров И.Х.* История татар Каменского края. Каменка, 2008. С. 115.

онного марксистского подхода, появилась в конце 1980-х годов и вызвала большой интерес у обществоведов. Это было связано не только с поиском новых идей для объяснения прошлого, но и с анализом современных проблем путей развития российского общества, выбором модели реформирования.

Теория модернизации прошла несколько этапов в своем развитии. На первом этапе (2-я пол. 1950-х – начало 1960-х гг.) господствовала линейная модель модернизации (С. Блэк, У. Росту и др.). Суть ее заключалась в том, что модернизация рассматривалась как единый глобальный процесс, заключавшийся в распространении современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру. Каждое общество должно было пройти путь от традиционности к современности (*modernity*), под которой фактически понималась европейская индустриальная цивилизация. Тем самым модернизация, по сути, сводилась к вестернизации неевропейских цивилизаций¹.

На втором этапе (1980-е гг.) вместо линейной была сформулирована парциальная модель модернизации (Д. Рюшемейер и др.). Суть ее сводилась к тому, что модернизирующееся общество не всегда может пройти все стадии модернизации до конца. В силу ряда причин в некоторых обществах модернизационные и традиционные элементы могут сплетаться в причудливые структуры, которые могут носить временный характер, а могут и сохраняться на протяжении жизни нескольких поколений. На третьем этапе (кон. 1980-х – начало 2000-х гг.) парциальная модель модернизации под воздействием новых эмпирических данных была преобразована в модель многолинейной модернизации (А. Турен, У. Бек, П. Штомпка, Т. Пирайнен), которая в на-

¹ Очевидно, именно такие модели имел в виду историк О. Файджес, выступая на коллоквиуме в Петербурге в январе 1993 г.: «Концепция модернизации слишком неопределенна, чтобы быть полезной, особенно, если речь идет о революции, имеющей субъективные аспекты. Модернизация, в сущности, бесконечна и постоянна. Большинство исследователей в Европе и так называемом «третьем мире» следуют этой концепции, поскольку она предполагает закономерность, рассматривает как идеал западное капиталистическое, либеральное, демократическое развитие. Можно даже сказать, концепция модернизации является либеральным аналогом или зеркальным отражением марксистской схемы капиталистического развития».

Уважаемые российские коллеги! Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что вам проще других заменить марксистскую концепцию концепцией модернизации: они близки и обе теряют из вида жертвы истории, играющие немаловажную роль. На мой взгляд, важнее исследовать специфические особенности истории каждой страны» (см.: *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 60–61.

стоящее время пользуется наибольшей популярностью в научном сообществе. От предыдущих моделей модернизации ее отличает, прежде всего, признание возможности проведения модернизации по собственному оригинальному незападному пути с учетом и на основе национальных особенностей. Модернизация понимается как крайне сложный и противоречивый эндогенно-экзогенный процесс, т.е. происходящий под воздействием сложного сочетания внутренних и внешних факторов¹.

В 1960–1970-х гг. в зарубежном общественном знании по проблемам модернизации России занимали главенствующее положение труды известного американского экономиста и историка А. Гершенкрона (1904–1978)². Он описывал российское развитие как типичный случай экономического трансформационного процесса, который в сравнении с параллельными событиями в Западной Европе происходил со значительными задержками. Капитализм в России, по мнению Гершенкрона, насаждался искусственно государством и не имел основы для саморазвития. Позднее вступление России на путь модернизации, захватившей к тому же только экономику города, при сохранении ярко выраженных атрибутов отсталости (авторитарный деспотический режим, забитость и бесправие масс, прикрепление крестьян к общине) обусловило политическую слабость буржуазии и особое положение интеллигенции. Истоки происхождения оппозиционного движения А. Гершенкрон усматривал в низком уровне «вестернизации» страны.

Догоняющая индустриализация могла кроме того перенять опыт и достижения тех стран и использовать их технические и организаторские знания. В западной историографии, как отмечает Н.Б. Селунская³, возникли две тенденции в оценке социально-экономического развития дореволюционной России: сторонники одной из них придерживаются тезиса об извечной отсталости и особом историческом пути России (например, под-

¹ *Захаров В.Ю.* Теория модернизации и попытки реформ государственного строя России во второй половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. (к постановке проблемы) // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: история и политические науки.* 2010. № 2. С. 47.

² *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, MA, 1962; *Ibid.* Agrarian policy and Industrialization: Russia 1861–1917 // *The Cambridge Economic History of Europe.* 1965. Vol. ., Pt. 2. P.706–800.

³ *Селунская Н.Б.* Россия на рубеже XIX–XX веков (в трудах западных историков). М., 1995. С.30. См. также об «оптимистах» и «пессимистах» в оценке предпосылок революции: *Шенелева В.Б.* Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005. С. 82–101.

черкивалось, что в России не было ни феодализма, ни капитализма в классическом смысле этих понятий, а направление общественного развития вообще было противоположным западному и знаменовалось гипертрофированной ролью правительственной власти), отличии его от движения капиталистических стран Запада. В классических работах Л. Хеймсона обосновывается идея, что политическая и социальная стабильность дореволюционной России не внушала оптимизм. Модернизация российского общества в предвоенные годы отнюдь не сняла два ключевых процесса поляризации – во взаимоотношениях деревни и города и между «низми» и «верхами» городского и деревенского населения. Революционные процессы, указывал Хеймсон, вполне могут развиваться не в обществе полного застоя, а в обществе сильных политических и социальных противоречий, вытекавших из процесса модернизации¹. Из исследований других авторов в этом плане характерны работы Р. Пайпса, Р. Уортмана, Р. Маккина и других.

Другие авторы отстаивали тезис о том, что Россия шла в том же направлении, что и страны Запада, в конце XIX – начале XX вв., ускоренно «модернизировалась» и могла избежать революционных потрясений. По их мнению, социальные и культурные барьеры, вытекавшие из процессов российской модернизации, резко уменьшались, если не исчезали вовсе. На это указывал промышленный подъем, резкое повышение уровня грамотности, активность органов местного самоуправления. Так, немецкий историк Л. Хэфнер отмечает, что сравнение русского общества с европейским не только не выявляет уникальности и отсталости страны, но, напротив, показывает быстрое развитие в России буржуазной культуры². «Общеввропейский контекст» развития России представлен в трудах М. Раева, Д. Гайера, П. Грегори и других. В 1980-е гг. появились работы, которые представляют собой синтез оптимистической и пессимистической версии развития дореволюционной России. Сегодня в современной западной исторической литературе разрабатываются

комплексные концепции становления и развития капиталистической формации в России¹.

В советской историографии зарубежные исследования проблем модернизации России находили определенный отклик. Был опубликован ряд книг, статей и рецензий на труды А. Гершенкрона², Т. фон Лауэ, Д. Гайера, Д. Байрау и других³. Советские историки «нового направления», говорившие о «многоукладности» экономики дореволюционной России, в какой-то степени смыкались с взглядами западных авторов, что может служить примером научной коммуникации даже в условиях господства моноидеологии.

В современной российской историографии проблемы модернизации исследуются весьма активно⁴ и в самых разных аспектах. Изучается структура и характер российской модернизации, социальные изменения, периодизация, положение рабочего

¹ Лукьянчикова М.В. Российская история XIX–XX вв. в трудах ведущих германских русистов Тюбингенской школы: канд. дис. СПб., 2010. С. 111–112.

² Олгина И.Н. Капиталистическая и социалистическая индустриализация в трактовке А. Гершенкрона // История СССР. 1971. № 2. С. 181–202.

³ Марушкин Б.И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969. С. 189–197 (автор посвятил специальный параграф анализу американской историографии Октябрьской революции через призму теории модернизации); Салов В.И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; Канищева Н.И. Современная западногерманская буржуазная историография о предпосылках Октябрьской революции // История СССР. 1983. № 4. С. 160–174; История СССР в западной немарксистской историографии: Критический анализ / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1990; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация: (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207.

⁴ Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб., 1999; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Волков В.В. Россия: interregnum. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.). Ч. 1. СПб., 2011 и др.

В целом литература о теории модернизации весьма обширна. См. подр.: Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 217–245; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Она же. Модели российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном общественном сознании // XIX век в истории России: современные концепции истории России и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 38–68.

¹ Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review. 1964. № 4. P. 419–441; 1965. № 1. P. 1–34 (см. авторизованный перевод: Хеймсон Л. Проблема социальной стабильности в городской России 1905–1914 гг. // Между двух революций. 1905–1917. СПб., 2005).

² Russia in the European context 1789 – 1914: A member of the family. N.Y., 2005. P. 151.

класса и крестьянства и другие проблемы. В частности, в рамках теории модернизации рассматривается деятельность российских политических партий, в концептуальном плане осмысливается их место и роль в общественно-политических процессах первой трети XX в. В конечном счете именно оценка процесса модернизации конца XIX – начала XX вв. предопределяет ответ на ключевой вопрос: была ли неизбежной революция 1917 г.?

В.В. Шелохаев обратил внимание на взаимосвязь и взаимозависимость типа модернизации с типами политических партий России в целом. Порепорформенный модернизационный процесс сформировал «единое поле», на котором стали «укореняться» разнотипные и разновекторные политические партии, по сути решавшие одну глобальную задачу: какими методами преодолеть вековую отсталость в соответствии с пониманием ими вызовов современной эпохи. С другой стороны, каждая партия (в большей или меньшей мере) стала играть роль дополнительного фактора, оказывавшего то или иное влияние на протекание и темпы самого модернизационного процесса¹. Следует учитывать совокупный характер специфики, обусловленный самим конфронтационным типом модернизации, направленностью общественной мысли и общественного движения, степенью настроения радикальных слоев демократической интеллигенции. Совокупность этих факторов стимулировала обострение как межпартийной, так и внутрипартийной борьбы в России, предельно минимизировала тенденцию к компромиссу и соглашению. В этом плане социал-демократическая интеллигенция мало чем отличалась от неонароднической интеллигенции².

В этой связи роль российских социалистических партий, предлагавших свои модели преобразования России, представляет собой интересный объект для изучения. Анализ истории социалистов-революционеров и меньшевиков через призму теории модернизации стал в современной науке (вначале западной, а потом и отечественной) наиболее популярным. Кроме того, модернизационный подход представляется продуктивным в нескольких смыслах: он является открытым для восприятия существенных элементов других концепций и подходов; он признает вероятность любых вариантов реализации исторического про-

цесса (эволюционный, революционный, комбинированный)¹. Проблема модернизации России поэтому рассматривается в контексте как интеллектуальной, так и экономической истории.

В связи с этим вызывает интерес эсеровская модель преобразования российского общества. По мнению К.Н. Морозова, эсеровский вариант переустройства России представлял собой одну из «...первых попыток приспособления традиционных цивилизаций незападного мира к требованиям модернизации, органичного и безболезненного соединения сильных и конструктивных сторон двух цивилизаций (традиционной и технологической)»². Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, но пыталось смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой – взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставляла за бортом ее негативные черты и тенденции (реакцией на которые явилось прежде всего появление в самой западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма). Перспективным представляется сравнительный анализ партийных моделей социалистического спектра и опыта модернизации в начале XX в. в таких странах как Россия, Турция и Япония – выявление общих тенденций, а также региональных особенностей.

Сочетание разных подходов в неонароднической модели рассматривает В.В.Зверев: «в конечном итоге народничество – это реакция интеллигенции на происходивший в стране процесс модернизации. Оно содержит и моральный протест против наступления индустриальной эпохи, несущей обезземеливание, безработицу, господство товарно-денежных отношений, капиталистическую конкуренцию и эксплуатацию, и собственный вариант эволюции, предполагавший опору на традиционные институты и ценности, национальные особенности и некоторые новации, почерпнутые из арсенала европейской цивилизации»³. В этом смысле неонародническая модель имела существенные преимущества и предполагала более «органическое» развитие

¹ Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С. 30.

² Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 11.

³ Зверев В.В. Закономерности и особенности эволюции социализма в России // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Вып. 6. М., 2000. С. 33.

¹ Шелохаев В.В. Российская социал-демократия в контексте модернизации // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С. 75.

² Там же. С. 77.

страны, хотя и включала революцию как обязательную форму изменений.

О тесной связи народничества (и неонародничества¹) с процессами модернизации пишет известный философ и историк В.Г. Хорос. Как и многие другие исследователи, он соглашается с тезисом, что народничество как феномен было вызвано к жизни в России ситуацией раннего периода модернизации, когда противоречия перехода от традиционного общества к современному выступают наиболее болезненно. Более того, его внутренний пафос во многом заключается в стремлении включить в модернизацию широкие массы, облегчить им адаптацию к изменениям. Но эти задачи решаются им, как правило, недостаточно четко и последовательно. Задаваясь очевидным вопросом – в чем причины несоответствия между масштабами народнического движения, длительностью соответствующей идейной и культурной традиции – и сравнительно бедными результатами деятельности народничества в России – Хорос приходит к выводу о глубокой внутренней противоречивости идеологии и движения народничества, присущей им «несистемности». Популизм в целом как модель идеологии и политической деятельности везде отличается внутренней амбивалентностью, сосуществованием в его рядах разнообразных, нередко противостоящих друг другу течений. В итоге, заключает Хорос, в силу своей идеологической противоречивости и организационно-политической аморфности популизм составляет лишь «переходный этап» к непосредственному осуществлению модернизации, проводимой уже иными политическими силами, либо к «другого рода институционализованному революционаризму»².

Вполне логично, что в процессе анализа эсеровской модели модернизации России исследователи обращаются к творческому наследию признанного теоретика и лидера партии – В.М. Чернова. Как отмечает О.В. Коновалова, модель модернизации России, предлагаемая В.М. Черновым, представляет программу преобразований, альтернативную как либерально-

буржуазному реформаторству, так и большевистской диктатуре. Пытаясь найти вариант модернизации страны, отвечавший особенностям ее культурно-исторического развития, Чернов старался сочетать приверженность к институтам и ценностям традиционного общества (кооперация, коллективизм, уравнительность) и стремление к утверждению новых общественных отношений, основанных на признании прав человека, политической демократии. Программа модернизации страны Чернова эволюционировала под воздействием большевистского опыта в направлении признания важной роли государства в процессе социальных преобразований, но ставка на развитие правового государства и демократии оставалась для него неизменной¹.

Иное объяснение причинам провала эсеровской доктрины и победы большевиков дает, опираясь на теорию модернизации, Н.Д. Ерофеев. Социалисты-революционеры, отмечает он, в конечном счете оказались непригодны для коренного преобразования России и ее модернизации. Эсеровская идеология являлась аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны – модернизации, суть которой составляла индустриализация. Как пишет А.С. Сенявский, «эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие ее политические силы к власти, но была абсолютно не способна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка...»².

Нельзя сбрасывать со счетов и эволюцию ПСР от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму, в ходе которой эсеры теряли свою «цельность и революционную энергию». Именно в этом кроется причина поражения эсеров, – полагает Н.Д. Ерофеев³.

Точка зрения Н.Д. Ерофеева, близкая взглядам А. Гершенкрона, Т. фон Лауэ и М. Хильдермайера, является на сегодняшний день наиболее популярной гипотезой политического крушения ПСР, хотя в современной литературе есть и иные позиции, ставящие под сомнение отказ эсеров принять индустриали-

¹ Именно В.Г. Хорос ввел в научный оборот термин «неонародничество». В то же время отдельные исследователи не считают его корректным, указывая на серьезные различия в идеологии и практике народников XIX в. и социалистов-революционеров (а также народных социалистов) XX в., не говоря уже о том, что их деятельность протекала в совершенно разных условиях. См. обсуждение энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.» (М., 2005) в журнале «Отечественная история» (2006. № 4. С. 96–97).

² Хорос В.Г. Указ. соч. С. 77–95.

¹ Коновалова О.В. Проблемы исторической модернизации России в идейном наследии В.М. Чернова: докт. дис. Красноярск, 2006. С. 33.

² Сенявский А.С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 58.

³ Ерофеев Н.Д. Уход с политической сцены эсеров // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 363–364.

зацию «как наиболее важный императив» российского будущего. Насколько утопична программа эсеров, если в 1917 г. в их партии доминировало правое крыло? В.Н. Гинев в свое время писал, что «переход с крестьянских позиций на так называемые «общегосударственные» вообще был характерен в 1917 году для эсеровских вождей, особенно занимавших правительственные посты»¹. В этом случае, совершенно справедливо подчеркивает известный немецкий историк М. Хильдермайер, не может быть никакого разговора об утопизме ПСР, и даже фракция В.М. Чернова, занимавшая в партии левоцентристские позиции, примирилась с «мягкой» формой индустриального развития России². Под влиянием правого крыла вопреки своей программе и многолетним требованиям ПСР в 1917 г. пыталась предотвратить радикальный переворот аграрных отношений, затормозить стихийный «черный передел»³. Призывом к урегулированию земельного вопроса через Учредительное собрание партия эсеров фактически заняла легалистскую выжидающую позицию, за которую она упрекала народных социалистов во время первой российской революции.

Н.Д. Ерофеев, К.Н. Морозов и М. Хильдермайер вновь поставили важный вопрос об эволюции ПСР в период между 1905–1907 гг. и 1917 г., а также между февралем и октябрём 1917 г. Происходила *адаптация* теории и практики социалистов-революционеров к политическим и социально-экономическим

¹ Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии России в 1917 г. Л., 1977. С. 113.

Выступая в 1993 г. на международном коллоквиуме «1917 год в России: массы, партии, власть» в Санкт-Петербурге, В.Н. Гинев вновь подчеркнул эту проблему: «Когда мы писали о партии эсеров, то считали, что левые эсеры в 1917 г. сыграли более позитивную роль, чем центр, не говоря уже о правых. Сейчас это представляется по крайней мере дискусионным. Как расценить отказ эсеров от некоторых социалистических элементов своей аграрной программы – таких как равное право на землю, запрет наемного труда, отказ практически от уравнительного землепользования? Изменя ли это крестьянству и своей аграрной программе или проявление элементов реализма?» // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 255.

² Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // *Россия в XX веке: историки мира спорят*. М., 1994. С. 133.

³ Х. Иммонен, задавая вопросом – «Может ли программа социалистов-революционеров, разработанная как социалистическая, оставаться таковой от начала до конца без фундаментальных изменений?» – приходил к выводу, что социализация земли – стержень концепции аграрной программы эсеров – оставалась абстракцией без конкретного плана ее реализации. См.: *Immonen H. The Agrarian Program of the Russian Socialist Revolutionary Party. 1900–1914*. Helsinki, 1988. P. 20.

изменениям в России со времени после первой революции. Фактическое содержание программы ПСР изменилось, влиятельные группы в партии под влиянием столыпинской реформы считали необходимым говорить об аграрной реформе, а не о революции, воспринимая деревенское общество как общество мелких и средних собственников. Значительная часть этого правого крыла ПСР принадлежала к новому поколению членов партии, которое вступило в политику во время первой русской революции, но получило «решающие впечатления» в эру «конституционализма». В это время существовала Государственная Дума, легально функционировали политические партии, профсоюзы, и по мнению А.Р. Гоца, В.М. Зензинова, Н.Д. Авксентьева, И.И. Фондаминского и других, эти новые институты и формы следовало использовать¹. К 1917 г. партия эволюционировала настолько, что Е.Е. Лазарев позже замечал, что название партии социалистов-революционеров следовало бы изменить, убрав слово «революционеров»². О. Рэдки писал, что «партия эсеров перестала быть революционной в то время, когда вся страна стала таковой в самом широком и глубоком смысле этого слова»³.

Таким образом, концептуальное осмысление исторического пути ПСР через призму теории модернизации представлено двумя основными подходами: одни авторы (М. Хильдермайер, К.Н. Морозов) полагают, что единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп населения России, была партия социалистов-революционеров. С другой стороны, ряд исследователей (Н.Д. Ерофеев, А.С. Сенявский) считает, что эсеровская идеология оставалась аграрной утопией (в отличие от индустриально-

¹ Хильдермайер М. Указ.соч. С.127–128; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 611–612. Об эволюции взглядов И.И. Бунакова-Фондаминского см.: Берзина А.А. Общественно-политическая деятельность И.И. Бунакова-Фондаминского: канд. дис. Орел, 2005. С. 195–196.

М. Меланкон отмечает, что эсеры в 1917 г. перешли на позиции современного европейского социализма, стали рассматривать себя как истинных государственных деятелей. Попытки строительства государственности на Волге и в Сибири в 1918 г. (*Melancon M. The Socialist-Revolutionary Party (SRs), 1917–1920 // The Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. London, Sydney, Auckland, 1997. P. 289).

² Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935. С. 12.

³ Radkey O.H. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N.Y.; L., 1963. P. 468.

урбанистической программы большевиков), недостаточно пригодной для решения главной задачи страны – ее модернизации.

Нетрудно заметить, что исследователи народнической модели, опираясь на анализ одних и тех же характерных черт этого явления – масштабности, гетерогенности социальной базы, опоре на длительную традицию – приходят к диаметрально противоположным выводам. То, что одним историками видится очевидным преимуществом народнической (эсеровской) модели, другим кажется одной из ключевых причин поражения.

Что касается меньшевистского крыла российской социал-демократии, то отдельные историки также выражают сомнения в способности меньшевиков обрести массовую социальную опору в обществе для прихода к власти и осуществления «технологического прогресса», необходимого стране. Так, В.В. Шелохаев отмечает, что в целом вполне рациональные идеи меньшевиков в 1917 г. (сотрудничество с буржуазной демократией) с трудом приживались на русской почве, не соответствовали уровню социальной зрелости и ментальности рабочего класса¹. Меньшевики совмещали «протестный пафос» низов с ориентацией на западные, вестернизированные ценности, но не смогли стать достаточно политически гибкими, чтобы опереться на крестьянство и тем самым расширить свою социальную основу.

О том, что именно неверие в революционный потенциал крестьянства стало одной из причин поражения меньшевиков, пишет Л. Хеймсон. Анализируя в целом особенности политической культуры меньшевизма (убежденность меньшевиков в марксистской закономерности исторических процессов и роли народных масс; глубоко западнической ориентацией, принимавшей не только идеологический и политический, но и культурный характер), он отмечает, что меньшевики не считали крестьянство надежным союзником пролетариата в революционном процессе. До конца существования меньшевистского движения русское крестьянство представляло в глазах меньшевиков отсталый и невежественный социальный слой, несущий в своем быте, социальных и культурных нравах печать крепостнических отношений, отягощенных традициями великодержавия².

¹ Шелохаев В.В. Российская социал-демократия в контексте модернизации // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С. 83.

² Хеймсон Л. Меньшевизм и большевизм (1903 – 1917): формирование менталитетов и политической культуры // РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 50–53.

Возможно, ключевой проблемой ПСР и РСДРП стало то, что они так и не стали подлинно реформистскими партиями, не смогли предложить реальной альтернативы большевизму. Процесс эволюции этих партий, начавшийся еще до первой мировой войны, отчетливо проявился в 1917 г., но далеко не был завершен. Оппозиционные большевизму социалистические партии не смогли приспособить свои программы к структурным изменениям, происходившим в стране. В итоге именно большевики сумели соединить социалистическую доктрину, пришедшую с Запада и являвшуюся проявлением «модернити», с традиционными ценностями: идеалами общины, бескорыстием и подвижничеством, соответствующими православной культуре.

П.Н. Дмитриев
г. Ижевск

АНАРХИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (КОНЕЦ 1917 – СЕРЕДИНА 1918 ГОДА)*

Анархистское движение в крае медленнее других политических партий и движений становилось на ноги. По сравнению с началом XX в. шире стал ареал его распространения, но, в основном, анархические группы концентрировались в промышленной юго-восточной части Удмуртии. Как правило, они принадлежали к анархо-коммунистическому течению. Наиболее заметную роль анархические организации в этот период играли в политической жизни крупнейших промышленно-торговых и административных центров региона: Ижевска, Воткинска и Сарапула.

Численность их, особенно в сравнении с другими партиями, была невелика. Воткинская группа насчитывала весной 1918 г.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-11-18001 а/У

40 чел.¹, ижевская – в конце июля – более 100 чел.² Данных о количестве анархистов в Сарапуле обнаружить, пока не удалось. Социальный состав местных групп не был однороден, но среди их членов в заводских поселках преобладали рабочие. Из 9 известных воткинских анархистов – 22,5 % от состава группы – 8 были заводскими рабочими, причем потомственными и квалифицированными. Н.Е. Прошутин, например, четверть века проработал токарем, Е.М. Пестерев имел 17 лет заводского стажа. 5 из них были станочниками, т.е. принадлежали к категории массовых квалифицированных профессий. Лишь один из воткинской «девятки» – организатор и руководитель группы В.С. Булдырев был мелким заводским служащим. Средний возраст воткинцев – 26–26,5 лет. При этом у семерых анархистов он колебался от 25 до 42 лет³, что дает основание говорить о преобладании в группе вполне зрелых, сложившихся людей.

Скуднее сведения об ижевских анархистах, лидерами и активистами которых был рабочий кузнечной мастерской Н. Гордеев, слесарь и машинист А.И. Лаптев, столяр ремонтно-механической мастерской А. Соколов⁴. Более разнообразным был состав сарапульской группы анархистов-коммунистов. Местная газета отмечала, что среди политически активной части рабочих «анархистов ... довольно много»⁵. Помимо кожевников и обувщиков, среди них было немало типографских рабочих. Неслучайно анархисты пользовались заметным влиянием в отраслевом профсоюзе, насчитывавшем 58 чел.⁶ Сарапульские анархисты обратили внимание на интеллигенцию, занятую в средствах массовой информации и органах управления. Весной – летом 1918 г. два журналиста – анархиста – В.П. Батаргин и В.А. Иванов – редактировали уездную советскую газету. Их сторонниками были и два секретаря уездного исполкома. Среди сочувст-

вующих им были также крестьяне и солдаты, в том числе председатель крестьянской секции уездного Совета С.А. Сухих¹. Вместе с тем, как и в других регионах страны, наряду с пришедшими к анархистам по идейным соображениям, в их ряды попали и те, кто был нечист на руку, склонен к уголовщине².

Широкое представительство заводских, в том числе потомственных и кадровых, пролетариев в местных анархических организациях уточняет традиционное представление о социальной базе анархизма в рабочей среде. Ранее она ограничивалась «мелкобуржуазными слоями» рабочего класса и включала рабочих, занятых на дому, в кустарной мелкой промышленности, рабочих военного времени выходцев из непролетарских слоев и т.п.³ Требуется корректировка также вывод современных авторов о том, что социальную опору анархистского движения составляли «немногочисленные группы рабочих, недовольные существующими порядками, но слабо представляющие пути и средства борьбы с ними»⁴. Данные по району исследования свидетельствуют, что не только плохо разбирающиеся в политике рабочие примыкали к анархистам, но и рабочие с немалым опытом партийной деятельности. Современники указывают, что серьезным источником пополнения анархистских рядов являлись бывшие члены РСДРП и эсеры. Вот некоторые факты. В 1903–1908 гг. был социал-демократом воткинский рабочий С.С. Лызлов, с 1906 по 1917 гг. – его земляк М.Н. Кардополов, с 1904 г. в РСДРП находился ижевский рабочий А.И. Лаптев. Среди пришедших к анархизму были не только рядовые члены других социалистических партий, но и руководители их местных организаций. К ним принадлежал, например, рабочий Н. Гордеев. Весной 1917 г. он являлся членом комитета партии эсеров в Ижевске⁵. Поэтому применительно к Удмуртии и с большой долей вероятности к Уралу и другим промышленным районам России следует, видимо, говорить о том, что к анархизму тяготели относительно не-

¹ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1957. С. 306; Центр документации новейшей отечественной истории УР (ЦДНИ УР). Ф. 350. Оп. 6. Д. 68. Л. 71, 72; Архив Управления ФСБ РФ по УР (АУ ФСБ РФ УР). Д. 632. Л. 31.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 169. Оп. 1. Д. 114. Л. 85.

³ Подсчитано по: Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р785. Оп. 1. Д. 65. Л. 11 об.; ЦДНИ УР. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 5. Л. 67, Оп. 6. Д. 9. Л. 19, 62; АУ ФСБ РФ УР. Д. 632. Л. 12, 21, 31; Архив Воткинского краеведческого музея (АВКМ). Д. 1613. Л. 17.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 1. Д. 78. Л. 165 об. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 5. Л. 309.

⁵ Труженик / Орган Сарапульского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. 1918. 12 июля.

⁶ Труды 1-го съезда союзов рабочих печатного дела Вятской губернии. Вятка, 1918. С. 28, 61.

¹ Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 393. Оп. 3. Д. 133. Ч. 1. Л. 89, 90; ЦГА УР. Ф. Р 312. Оп. 3. Д. 69. Л. 5, 6, 9; Ф. Р489. Оп. 1. Д. 30. Л. 19; Русская армия (Омск). 1919. 24 августа.

² Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. С. 30–32; ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 6. Д. 68. Л. 70; ЦГА УР. Ф. Р390. Оп. 2. Д. 2. Л. 106 об.

³ Канев С.Н. Указ. Соч. С. 29–30; Политическая история в партиях и лицах. М., 1993. С. 66.

⁴ Политическая история в партиях и лицах. С. 66.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 6. Д. 9. Л. 19; АУ ФСБ РФ УР. Д. 632. Л. 21, 31; Известия Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Ижевского завода. 1917. 13 апреля.

многочисленные группы рабочих, включая часть кадровых и потомственных, особенно обостренно и эмоционально реагирующие на гнет и социальную несправедливость, склонные к настроениям «революционного нетерпения», причем в наиболее резких и радикальных проявлениях, выступающие против государственной централизации и власти. Свидетельством тому выступления ижевских анархистов Н.Гордеева и А.И. Лаптева на одном из митингов летом 1918 г. Они говорили: «Мы, товарищи, с вами, если вы боретесь против какой бы то ни было власти, но если вы признаете власть, то мы против вас»¹.

Анархо-коммунисты стремились координировать свою деятельность. С этой целью 15–18 июня 1918 г. в Сарапуле по инициативе местной группы была проведена Прикамская конференция анархистов-коммунистов². Партийные связи анархистов вскоре протянулись за пределы края. Они взаимодействовали с группой анархистов в Вятке, вошли в Федерацию анархических групп Урала, имели контакты со столичными анархистами, один, из которых летом 1918 г. выступал перед ижевскими рабочими, пропагандируя партийную доктрину. В край начала поступать пропагандистская литература³.

Большинство местных анархистов выступали за участие в Советах. Весной 1918 г. в Ижевском Совете анархистов представляла фракция из 4 чел., их делегаты появились в Сарапульском уездном Совете и его исполкоме. 19 марта представитель группы анархистов был введен по решению общего собрания Воткинского Совета в его состав⁴. Они твердо отстаивали Советскую власть. Типична позиция сарапульских анархистов. На пленарном заседании Сарапульского уездного Совета и фабрично-заводских комитетов 10 июля 1918 г. член исполкома анархист Кудинов заявил, что «анархисты всегда защищают Советскую власть»⁵. При оценке этой позиции следует учитывать, что лозунг «Вся власть Советам!» понимался ими как приоритет прав местных Советов, над прерогативами центральной власти. «Мы анархисты, - подчеркивал на том же заседании анархист Горо-

дов, – всегда были против централизации (власти – П.Д.)». Он поддержал Кудинова в отрицании «власти отдельных личностей» и заявил: «Довольно нам пресмыкаться у ног правителей, будь то Николай, Керенские и Ленины... Не Советы должны диктовать народу, а наоборот». В его речь органично вписывался призыв к организации левых, но беспартийных Советов «ибо, - заключил Городов, – партия нас погубит»¹. Пропагандируемая анархистами идея децентрализации власти совпала с массовыми стихийными настроениями, которые получили широкое распространение на начальном этапе революционного кризиса. Она подпитывалась ими, поощряя местничество и сепаратизм. Для анархистов же децентрализация означала движение к ликвидации государства.

Анархисты не ограничивали участие в революционных преобразованиях только присутствием в Советах. Сообразуясь с доктриной анархо-коммунизма, представлявшей общество будущего как федерацию вольных промышленных и сельскохозяйственных общин, они приступили к созданию коммун². В конце февраля – начале марта 1918 г. только что организованная группа анархистов в Воткинске занялась сбором средств на эти цели, прибегнув к экспроприациям у обывателей. По словам заместителя председателя исполкома К.А. Казенова, они «начали брать все, что им нужно»³. Вскоре один из исполнителей – А. Ломаев был задержан по обвинению в краже 200 рублей. Совет призвал анархистов к порядку, приняв 19 марта резолюцию, в которой заявил, что самочинные действия «будут пресекаться в корне» и предложил впредь «всякое требование предъявлять Совету»⁴. Вместе с тем, он счел возможным оказать помощь в создании коммуны, выделив им лошадей, зерно и инвентарь. В коммуну вступали все члены воткинской группы⁵. Примеру воткинцев последовали ижевские анархисты, утверждавшие, что «образование сельскохозяйственной коммуны есть главная задача всякой группы анархистов-коммунистов». Их делегаты обследовали имения помещиков Стахеева и Халитовой в Варзаятчинской волости Елабужского уезда, Вятской губернии на землях которых предполагалось «образовать коммуну на анархических началах». Предупредив

¹ ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 1. Д. 78. Л. 165 об.

² Известия Уральского областного Совета Рабочих, Крестьянских и Армейских Депутатов (Екатеринбург). 1918. 16 июня.

³ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р1585. Оп. 8. Д. 9. Л. 135; ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 6. Д. 68. Л. 71; Труженик. 1918. 5 июля.

⁴ ГАКО. Ф. Р876. Оп. 1. Д. 79. Л. 357; РГВА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 10. Л. 6 об.; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241. Л. 150 об.

⁵ Труженик. 1918. 12 июля.

¹ Там же.

² Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977. С. 41.

³ Октябрьская Социалистическая революция в Удмуртии. С. 306.

⁴ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241. Л. 150 об.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 6. Д. 69. Л. 74, 75.

волисполком о своих намерениях, они без всяких на то оснований утверждали, что «окружающие деревни имеют достаточное количество надельной земли и, следовательно, в таковой не нуждаются». 17 апреля 1918 г. группа приняла резолюцию, в которой официально заявляла Варзаячинскому волземотделу о претензиях на земли и постройки этих имений¹. Позиция анархистов грозила обернуться серьезными осложнениями в отношениях с местным крестьянством, которое испытывало острое малоземелье. Впрочем, неясные пока обстоятельства помешали осуществиться этому замыслу.

Активное участие анархисты приняли в обобществлении частных фабрик и заводов. Но повлиять на результаты смогли лишь в Сарапуле, где их позиции были прочнее, чем в Ижевске или Воткинске. Они вместе с максималистами выступили против национализации кожевенно-обувных предприятий, предложенной большевиками. 26 июня 1918 г. на заседании Центрального рабочего комитета города /ЦРК/, заводских комиссаров, фабзавкомов, руководителей просоюза кожевников анархист Кудинов убеждал аудиторию, что национализация промышленности в некоторых городах России обернулась закрытием предприятий, безработицей и голодом для занятых на них. Его аргументы повлияли на решение собрания, которое высказалось за социализацию фабрично-заводских заведений². Свое неприятие государственной власти анархисты распространяли и на налоговую политику. Яркое тому подтверждение – прозвучавший на совместном заседании ЦРК и фабзавкомов в Сарапуле 29 апреля 1918 г. - призыв все того же Кудинова отказаться от уплаты налогов по окладным листам. Это предложение было созвучно негативному отношению к выполнению государственных повинностей многих рабочих, крестьян и горожан. Поощрением таких настроений прозвучало его заявление о том, что добиваясь уплаты налогов «в Центре хотят оставить рабочих без работы и куска хлеба»³.

Наиболее благоприятные условия для реализации представлений анархистов о новом обществе и путях его строительства сложились в Камбарке, где в конце 1917 г. – весной 1918 г. у власти находились эсеры-максималисты. Собственной анархистской организации здесь, видимо, не было, но активно действовали

ижевские анархисты¹. Тесное взаимодействие анархистов и максималистов обеспечивало высокие темпы обобществления частной собственности в поселке. Причем не только орудий и средств производства (железодельный завод, запасы сырья у крупных кустарей и т.п.), но и предметов потребления. «Капитал в Камбарке, уже можно сказать, разбит, у него почти всё конфисковано», – подвел итог сделанному председателем местного Совета 7 марта 1918 г. на конференции Советов пяти смежных волостей Осинского уезда Пермской и Сарапульского уезда Вятской губерний. Вполне в анархическом духе прозвучал в резолюции конференции призыв «создать на местах вольные общины в интересах крестьян и рабочих»². Однако как оказалось, население посёлка, в том числе многие рабочие, не разделяли оптимизм руководителей. Особенно возмущали жителей производ в действиях Совета, стремление подавлять недовольных силой. Рабочие, занятые в кустарных мастерских, где были конфискованы запасы сырья опасались остаться без работы и заработка. В конце марта брожение вылилось в вооруженное столкновение с жертвами и массовыми репрессиями властей. По словам председателя Камбарского волисполкома максималиста П.Ф. Щекотурова, красногвардейцы арестовали за ночь 400 чел. После недолгого разбирательства 12 из них были расстреляны³.

Сближение анархистов и максималистов явилось заметным фактом политической жизни в городах и поселках края в послеоктябрьский период. Формы взаимодействия отличались разнообразием. Помимо ранее отмеченных, они включали также создание совместных вооруженных отрядов для отправки на фронт для борьбы с контрреволюцией, взаимную поддержку перед лицом перед лицом «третьей силы» и т.д.⁴ Это тяготение имело под собой определенную теоретическую и идейную основу. Обе организации считали первоочередной задачей после победы социальной революции экспроприацию земель, фабрик, заводов. Сходились они так же в идее децентрализации управления экономикой и отрицании партии как формы революционной орга-

¹ Октябрьская Социалистическая революция в Удмуртии. С.306; ЦГА УР. Ф. Р212. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.

² ЦГА УР. Ф. Р 1017. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 7.

³ Там же. Д. 31. Л. 12.

¹ Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966. С. 149.

² Цит. по: Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 51.

³ ЦГА УР. Ф. Р 1060. Оп. 1. Д. 12. Л. 10, 11

⁴ ЦГА УР. Ф.Р 98. Оп. 1. Д. 348. Л. 206.

низации.¹ Лаконично это стремление выразил сарапульский анархист Городов, подчеркнув, что любая «партия... заведет... в тупик»². Позднее к факторам взаимопритяжения добавилось общее убеждение, что большевики шагнули вправо, «далеко отошли от своих Октябрьских лозунгов».³ Смычка анархистов и максималистов, конечно, не устраняла различий и разногласий между ними, но осложняла деятельность блока левых сил во главе с большевиками.

Отношения анархистов с большевиками складывались трудно. И не столько программные расхождения были тому виной, сколько склонность части анархистов к сомнительным, отдающим уголовщиной методам. По мнению большевиков, анархистам не хватало идейности. С исчерпывающей ясностью выразил это убеждение заместитель председателя Воткинского исполкома К.А. Казенов. «Если бы это были истинные анархисты, – констатировал он 14 апреля 1918 г. на заседании Вятского губернского съезда Советов, – Совет против них ничего не имел»⁴. Настороженность большевиков и Советов понять можно. Ранее отмечалось, что свою деятельность Воткинская группа анархистов начинала с самовольных экспроприаций вещей и денег у населения, квалифицированных Советом как кражи⁵. Под статью уголовного законодательства подпадало и ограбление двух квартир известным ижевским анархистом Н. Гордеевым с группой поделщиков⁶. Преступившие закон были арестованы. К решению вопроса о их судьбе власти подошли весьма избирательно. Исполнитель одного из «эксов» в Воткинске А. Ломаев с учетом раскаяния и просьбы группы анархистов о его освобождении был отпущен на свободу. Гордеева же «со товарищи» заключили в тюрьму, поскольку это было уже не первое их преступление⁷. Воткинский Совет 19 марта 1918 г. потребовал от анархистов «никаких единоличных выступлений без ведома Совета не производить». Он указывал, что они «не должны так поступать, ибо это подрывает Советскую власть»⁸.

¹ Мороковец Е.А. Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. Л., 1929. С.124, 125, 129.

² Труженик. 1918. 17 июля.

³ Труженик. 22 июня, 17 июля; АУФСБ РФ УР. Д. С3506. Л. 8.

⁴ Октябрьская Социалистическая революция в Удмуртии. С. 306.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241. Л. 150 об.

Принятые меры лишь на время остановили анархистов. Вскоре последовал новый виток напряженности в их отношениях с большевиками. Более жесткой становится критика большевиков. По мнению сарапульского анархиста Макса, они «затормозили дело революции... завели народ в тупик... Кто царствует теперь? – задавался он вопросом – Ленин... поэтому мы не видим той свободы, которую нам обещали»¹. Анархисты и максималисты в Камбарке бросили большевикам обвинение в контрреволюции. По сообщению ижевского комитета РКП (б) «провокационные речи» зазвучали и из уст ижевских анархистов². Впрочем, дело не ограничилось словами. Действия анархистов приобретают все чаще вызывающий и дерзкий характер. В Камбарке анархисты, писали местные коммунисты в ЦК РКП (б) 4 июня 1918 г., «под видом большевиков вели расстрелы местной массы», вместе с максималистами разогнали в конце марта 1918 г. большевистскую ячейку³. Воткинская группа, отмечалось в заключении следственной комиссии Уральского областного Совета по расследованию положения в этом рабочем поселке от 24 мая 1918 г., «действовала недопустимо дезорганизаторски... произвольно облагала местную буржуазию в свою пользу контрибуциями, производила по своему усмотрению обыски, аресты местных граждан, подвергала их заключению в подвалах их клуба, отбирала для себя оружие у местного населения, конфисковывала «в пользу группы» товары в магазинах и частных домах, вела себя очень вызывающе по отношению в местному Совету»⁴. В Ижевске, где позиции анархистов были слабее, события не достигли такого размаха. К тому же их заслонило противостояние большевиков и максималистов. Но настораживало то, что местные анархисты так же поспешно вооружаются. В начале апреля 1918 г. несколько членов местной группы были задержаны при попытке взлома оружейной кладовой казенного завода⁵.

В условиях радикальной трансформации общества и государственности поведение анархистов не могло не усилить процесс социально-экономической и политической дестабилизации. Их действия накалили обстановку в заводских поселках и городах Удмуртии весной – в начале лета 1918 г., вызвали недоверие

¹ Труженик. 1918. 22 июля.

² ЦДНИ УР. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об.; Упрочение Советской власти в Пермской губернии. С.149.

³ Там же.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 6. Л. 77.

⁵ Бехтерев С.Л. Указ. соч. С. 64.

у многих жителей к Советской власти. Тем более, что они переплетались с аналогичными выступлениями максималистов, политика анархистов способствовала падению влияния левого блока и укреплению позиций правых социалистов в общественных организациях и Советах.

В.С. Сулимов
г. Тобольск

ПОМОЩЬ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ НОВО-НИКОЛАЕВСКА ДЕРЕВНЕ В 1916 ГОДУ

В годы первой мировой войны в учебных заведениях Министерства народного просвещения (далее МНП – В.С.) начали организовываться трудовые дружины из учащихся старших классов для оказания помощи семьям крестьян, призванных в армию. Свой вклад в развитие движения трудовых дружин внесли учащиеся школ Ново-Николаевска.

Попытка организовать дружины в 1915 г. в школах города не увенчалась успехом в силу множества причин. В 1916 г. МНП обратило особое внимание на развитие среди учащихся движения трудовых дружин. 17 февраля 1916 г. министр народного просвещения Игнатъев разослал попечителям учебных округов предложение «вновь обратиться к нашей отзывчивой на всякое благое начинание учащейся молодежи с горячим призывом отдать свой летний досуг на дело помощи в полевых работах семьям защитников родины, памятуя, что эта ее добровольная и сильная лепта приобретает особо важное значение в виду переживаемых отечеством великих событий, являясь символом единения всех классов населения с нашей доблестной армией в небывалой еще борьбе»¹. Министр также полагал, что в организации трудовых дружин окажут помощь местные агрономы, земские, городские и другие общественные организации, выражая «твердую» уверенность, что начальники учебных заведений, в

тесном сотрудничестве с ними, пользуясь их помощью, приложат все старания к возможно широкой постановке этого дела¹.

20 апреля 1916 г. МНП отправило в регионы правила о трудовых дружинах учащихся. В связи с данным документом трудовые дружины учащихся образовывались для пополнения рабочих сил в сельском хозяйстве и предназначались для трудовой помощи семьям воинов, а также для работ на общественных огородах, устраиваемых с целью снабжения овощами войск и лазаретов, для других земледельческих работ, таких как уборка сена и урожая. Трудовые дружины формировались учебными заведениями из учащихся школ МНП, добровольно изъявивших желание принять участие в них с согласия родителей или замещающих их лиц. В дружины принимались молодые люди, которым физический труд не мог нанести вреда. Состав трудовых дружин ограничивался 25 участниками. В случае большого числа желающих в одном учебном заведении и невозможности образовать другую дружину, можно было вступить в дружину другого однотипного учебного заведения с разрешения начальников их и согласия дружинников последней школы. Каждая дружина находилась на попечении особо лица, избираемого попечительским советом, а где такового не было – педсоветом. Во главе дружины из учащихся в начальных народных училищах был учитель.

Распределение дружин по сборным пунктам в уездах проводилось начальниками учебных заведений МНП по предварительному соглашению с правительственными или земскими агрономами. Эти специалисты должны были составлять подробный список крестьянских хозяйств и выяснять общую численность дружинников в уезде по сведениям учебного начальства.

Дружинники за свой труд не должны были получать никакого вознаграждения. Крестьянские хозяйства, обсуживаемые учениками, представляли им кров и «обычное» крестьянское довольствие за особую плату². Для нахождения средств необходимых на текущие расходы по содержанию дружин следовало обращаться к местному отделению Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны или заимствовать из специальных сумм учебного заведения³.

Основу первых дружин составили ученики начальных училищ города. 23 апреля из Ново-Николаевска выехала первая

¹ ГАТО (Государственный архив Томской области) Ф. 126. Д. 3054. Л. 157об.

¹ Там же. Л. 157об.

² Там же. Л. 180–180об.

³ Там же. Л. 180об.

дружина учащихся в составе 85 человек. Дружина состояла из учеников мужского высшего начального училища, учительской семинарии и 2-го двухклассного приходского училища. 27 апреля отправилась вторая партия из 86 учеников тех же учебных заведений.

Все ученики были отправлены на станцию Чик Омской железной дороги в сопровождении учителей. На месте обе партии объединились под руководством заведующего 2-м приходским училищем Е. Плотникова, законоучителя того же училища, диакона И. Златомрежева, преподавателей Кривошекова и Котова. В ближайших к Чику селениях дружина разделилась на мелкие артели по 4 человека, производя запашку и посев. Остальные ученики, не попавшие в самостоятельные артели, расходились по 1-2 человека в крестьянские хозяйства, оказывая помощь во всех необходимых работах. Начались работы в селе Коченевском и окрестных деревнях. Расходы по организации дружин, по подготовке к полевым работам, устройству кратких курсов с 20 марта по 20 апреля, отправке дружинников к месту работ и пропитанию на первых порах – взяло на себя Обское общество сельского хозяйства.

После первых дней крестьянского недоверия и подозрительности, «благомыслящий» элемент деревни сообразил всю выгоду «даровых» рабочих, увидев, что многие юноши работали не хуже «заправских» пахарей¹. Крестьяне поняли, что ученики трудились не по принуждению, а по доброй воле. Дворы, оставшиеся без мужиков, принимали хозяйственный вид. Пахота и сев продолжались с 27 апреля по 15 мая. Все это время ученики работали, «не разгибая спины». По праздникам дружинники собирались в здании сельского училища и проводили время вместе. Руководители наблюдали за работой на полях, «зорко» следя за отношением хозяев к учащимся. Дружинники обработали и засеяли весной 1044 десятины. 7 учащихся добровольно остались в деревне на все лето, не смотря на уговоры педагогов возвратиться для отдыха домой².

Заболеваний среди учащихся не встречалось. В образовательном отношении участие в работах имело «громадное» значение – ученики, мало видевшие деревню, научились пахать землю, отличать хорошую «бороньбу» от плохой, получили представление о крестьянском труде и жизни. В начале работы

крестьяне относились недоверчиво к трудоспособности дружины, однако скоро отношение совершенно изменилось. Произведя запашку и посев, дружина выехала в город, чтобы побыть некоторое время дома. Скоро необходимо было выезжать на другой вид полевых работ. Провожая дружину, крестьяне убедительно просили приехать на сенокос и уборку хлеба¹.

Весной 1916 г. подготовка учащихся для предстоящих полевых работ велась в Ново-Николаевском реальном училище под руководством техников и агрономов Обского общества сельского хозяйства на технике, «любезно» предоставленной училищу местным сельскохозяйственным складом машин. Подготовку учащихся «близко» принял к сердцу учитель естествоведения А.Г. Лукин². Он занимался вместе с учениками сборкой и разборкой машин. На педсовете училища 19 апреля после ознакомления со степенью подготовки группы учеников из разных классов было принято решение отправить дружину в ближайшее время под руководством Лукина, для участия в весенних полевых работах в местности, указанной Обским обществом сельского хозяйства. По мнению педсовета, все ученики, вошедшие в дружину, вполне заслуживали оказанного им доверия «по своим успехам и нравственным качествам»³. 24 апреля дружина отправилась на поезде до станции «Чик» в село Прокудское, той же волости Томского уезда⁴.

В ночь с 24 на 25 апреля 1916 г. 21 ученик 3–6 классов реального училища прибыли с руководителем учителем естествоведения врачом Лукиным в село Прокудское для выполнения весенних полевых работ. Дружина расположилась в местной школе, где находился ее «штаб» до 22 мая. 3 мая в дружину прибыло пополнение из 7 учеников, которые первые дни практиковались на ближайшем поле вместо уже работавших там товарищей. Вскоре они были назначены на самостоятельное дело. Только в воскресные и праздничные дни все собирались в Прокудском. В будние дни учащиеся были разбросаны по различным пашням и селениям. Около половины состава работало в Прокудском, четверо в д. Алексеевке, трое в Крохалевке, пятеро в Чике, один – в Денисовке. Дружина быстро развеяла недоверчивое отношение к ней крестьянского населения, даже в глазах скептиков, «неуто-

¹ Там же. Л. 426об.

² Там же.

¹ Там же. Л. 355об.–356.

² Там же. Л. 338.

³ Там же. Л. 338об.

⁴ Там же.

мимым» трудом зарекомендовав себя с лучшей стороны¹. Лукину не раз пришлось выслушивать «прекрасные» отзывы крестьян и просьбы оставаться с дружиной на лето и осень. Были случаи крайне сердечного расставания: «теряли душевное равновесие и ударялись в слезы»².

Лукин мог твердо сказать, что удовлетворение было взаимное. Реалисты хорошо уживались с крестьянской обстановкой, и в согласии жили между собой. Когда в штаб приходило известие, что тому или иному ученику на пашне, где они находились с понедельника по субботу, требуется белье или пища, то из школы туда направлялся ученик на велосипеде или руководитель, быстро удовлетворив нужду. Четыре велосипеда выполняли очень важную службу, представляя хорошее средство сообщения членов центра с рассеянными тружениками. Только три человека находились, да и то теоретически, в составе штаба: руководитель дружины, заведующий хозяйством ученик 6 класса Е.Исаев и хорошо приспособившийся к кухне ученик 5 класса Фролов. Исаев ежедневно обследовал село с экономической точки зрения и готовил кладовую дружины к приему в праздничное время своих товарищей. За 25 работавшими учениками числилось 140 десятин, обработанных исключительно ими самими. Ученикам приходилось жить в семьях по одному, редко по два. Часто случалось, что реалисты при работах на пашне размещались недалеко друг от друга, а иногда по соседству. Особенно благотворное влияние оказывал съезд всех учеников на время праздников в школу. Здесь ученики делились впечатлениями, играли на воздухе в различные игры и «подкармливались, как только возможно»³. Поздно вечером многие уходили в крестьянские семьи, куда они устроились на работы. Заболеваний не наблюдалось. В конце поездки Исаев два дня проходил с немного повышенной температурой до 38 градусов. Принятыми мерами это неприятное обстоятельство было быстро ликвидировано. У руководителя осталось очень хорошее впечатление от жизни с учениками на селе. Траты по хозяйству и другим статьям происходили из сумм, выделенных от Обского сельскохозяйственного общества, врученных при отъезде в размере 400 рублей. За 27 дней пребывания дружины в сельской местности не все средства были израсходованы⁴.

¹ Там же. Л. 337.

² Там же.

³ Там же. 337–337об.

⁴ Там же. Л. 337об.

Директор реального училища три раза побывал у дружинников в селе и объехал с руководителем некоторые поля, обработка которых была получена учащимся. Работа дружины была хорошо организована благодаря усилиям Лукина. Ученики находились в особо благоприятных условиях в отношении врачебной помощи, которую они получали от своего руководителя. 22 мая дружина вернулась в город, благополучно завершив намеченную работу, получив «полное нравственное удовлетворение»¹. Дружинники имели «прекрасный», здоровый вид при сознании хорошо выполненных задач. Отношение крестьян вначале было не в пользу дружины. После начала работ учениками отношение изменилось к лучшему².

Трудовой артели из учащихся Ново-Николаевской учительской семинарии весной не образовалось, так как ученики разъехались по домам для оказания помощи в работах своим родителям. Ученики-горожане в количестве 4 человек (по другим данным – 6), присоединились к дружке под руководством Плотникова. Работающие в дружке ученики семинарии содержались на свои средства и за счет крестьян, у которых работали. Работы шли вполне успешно. Физический труд отразился на учащемся болезненно. Особенно положительно труд сказался на одном болезненном юноше с неразвитой мускулатурой. Крестьяне относились к ученикам положительно, называя их «царскими» работниками. Было заметно стремление крестьян даже переманивать к себе учеников, работающих у других односельчан, что указывало на то, что работа учеников ценилась³. Физический труд отозвался на дружинниках «замечательно благотворно: они пополнели, приобрели свежий с хорошим налетом загара цвет лица...»⁴. Крестьяне просили на следующее лето опять оказать им помощь.

В Ново-Николаевском мужском высшем начальном училище в апреле 1916 г. была организована трудовая дружина из 60 человек всех четырех классов. Училище не нашло собственных средств на содержание дружины, и ученики вошли в состав большой дружины городских начальных училищ⁵. Работы производились преимущественно на полях призванных на войну, как одиночными работниками, так и артелью. При этом руково-

¹ Там же. Л. 336.

² Там же. Л. 355.

³ Там же. Л. 355–355об.

⁴ Там же. Л. 425об.

⁵ Там же.

дители постоянно следили за удобством жизни учащихся-одиночек. Вносили меру в труд учеников и доброжелательность в отношении к ним домохозяев. Вследствие этой заботы положение учеников было хорошим, а их работа значительна и продуктивна. От непривычных условий жизни, тяжелой работы, дружинники похудели, не смотря на хорошее и усиленное питание. Однако потом «окрепли, поздоровели, чувствовали себя бодро и радостно»¹.

Крестьяне были смущены безвозмездной помощью учеников городских школ Ново-Николаевска. К юношам вначале отнеслись пренебрежительно, а к руководителям недоверчиво, подозревая первых в неспособности к труду, а вторых в замаскированном обмане, боясь, как бы потом не пришлось – или очень дорого заплатить за работу или отдать в казну весь урожай. Затем, убедившись в «бескорыстной и доброжелательной» помощи, крестьяне весьма тепло и сердечно относились ко всем дружинникам. Когда кончился посев, и учеников стали провожать в город, некоторые жители провожали их со слезами и «горячо» уговаривали остаться на все лето. Несколько учеников осталось на все лето. На покос летом учащиеся ехали охотно. Жители сел хорошо их встречали².

Летом 1916 г. формирование новых дружин продолжилось. 20 июня была организована артель из учащихся начальных училищ Ново-Николаевска для работ на сенокосе. Дружина из 36 человек направилась 25 июня в деревню Дергаусову Карпысакской волости Томского уезда в 120 верстах от города. Из этой деревни поступали настойчивые просьбы крестьян помочь им в уборке сена. Расходы по содержанию приняло на себя также Обское сельскохозяйственное общество. Руководителем дружины был направлен учитель 1-го приходского училища И. Котов. Он в последствии свидетельствовал, что деревня встретила работников дружины приветливо и относилась во время работ к ним доброжелательно³.

Дружина работала на полях до 15 августа, успев убрать сено с 158 десятин, и рожь с 68 десятин. Дружинники на местах работали в одиночку у отдельных хозяев или артелью. Более состоятельные крестьяне, имеющие своих лошадей и земледельческие орудия, предпочитали приглашать 1-2 дружинников в свое хо-

зяйство. При этом они брали на себя обязательство кормить работников. Малосостоятельные крестьяне, которых в деревне было большинство, не обладали орудиями и лошадьми, и приглашали к себе на работу артель по 10-15 человек на несколько дней. В этот период убиралось все сено хозяина или рожь. В данном случае артель работала орудиями и лошадьми, предоставленными местным кредитным товариществом. Все участвовавшие в дружине, возвратившись домой, были довольны своими каникулами в деревне и применением своего труда¹.

Вторая дружина из учащихся реального училища работала летом в селе Мотково под руководством учителя Холкина. На содержание училища выделило средства Обское общество сельского хозяйства. Работы были проведены вполне удачно: весной первая дружина вспахала, посеяла и заборонила 125 десятин земли. Летом дружина собрала хлеб с 46 десятин². В первые дни сельское население относилось к дружинникам недоверчиво и «даже насмешливо», но после начала работы недоверчивое отношение рассеялось, даже в глазах скептиков дружинники «упорным и неутомимым трудом зарекомендовали себя с лучшей стороны»³.

Училища Ново-Николаевского женского высшего начального училища не были организованы в трудовые дружины, однако записались работать в ясли для детей солдаток и беженков. Одинадцать учениц работали на полях, 17 – на своих огородах⁴. В мужской и женской гимназиях Ново-Николаевска трудовые дружины сформировать не удалось⁵.

Учащиеся учебных заведений МНП г. Ново-Николаевска приняли активное участие в помощи семьям солдат, ушедших на фронт. Работая в трудовых дружинах, учащиеся получали хорошую физическую подготовку и трудовое воспитание. Уезжающие на полевые работы школьники пользовались льготой: в следующие классы переводились осенью. В высшие учебные заведения участники трудовых дружин могли поступать без экзаменов.

Движение трудовых дружин более подходило для европейской части России, где процент учащихся в школах детей городских слоев населения был выше, чем в Западной Сибири, и оторванность от деревни больше. С другой стороны, в регионе нахо-

¹ Там же. Л. 426.

² Там же.

³ Там же. Л. 426об.

¹ Там же. Л. 427.

² Там же. Л. 425.

³ Там же. Л. 425об.

⁴ Там же. Л. 356об.

⁵ Там же. Л. 427.

дилось множество семей переселенцев, нуждающихся в помощи. Организация трудовых дружин из учащихся школ была вызвана необходимостью укрепления экономики страны.

Участие городских школьников в оказании помощи крестьянским семьям является примером социальной мобильности. Учащиеся в составе трудовых дружин на период летних каникул переместились из города в деревню, что ранее для воспитанников средних учебных заведений при сословном характере образования не предусматривалось.

О.Н. Леконцев
г. Глазов

**РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВОТСКОЙ ОБЛАСТИ
В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ**

К середине 1920-х гг. особых изменений в деревне по сравнению с началом десятилетия не произошло. Крестьянство по-прежнему жило и работало в рамках общины. В Вятской губернии абсолютное большинство крестьянских земель (99,3%) находилось в общинном землепользовании, и только 0,5 % – в коллективном, 0,2% – в единоличном¹.

Вотская область, по характеристике обкома партии, также была регионом с преобладанием общинной формы землепользования и уравнительным порядком пользования землей².

С окончанием Гражданской войны положение общины было закреплено принятием государством Земельного кодекса 1922 г. Согласно этому документу, земельное общество имело юридический статус и представляло собой территориальное объединение крестьянских хозяйств, осуществляющее непосредственное руководство землепользованием. Высшим распорядительным ор-

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 177. Л. 12.

² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 308. Л. 182 об.

ганом земельного общества был сход всех землепользователей, достигших 18 лет. Никто не имел права отменять постановления схода, если они не нарушали существующих законов.

Дальнейшему укреплению общины способствовало Положение о сельских советах, принятое 16 октября 1924 г. В нем выделялась обязанность сельского совета выполнять постановления крестьянского общего собрания (но не схода)¹.

Восстановление сельского хозяйства вело к дальнейшему укреплению крестьянского хозяйства при сохранении прежнего преобладания середняков. В Вятской губернии, как показывают данные табл. 1, они составляли наибольшую социальную группу.

Таблица 1

**Распределение посевов среди крестьянских хозяйств
в 1924–1927 гг. в Вятской губернии (%)**

Годы	Без посе- вов	До 2 дес.	От 2 до 4 дес.	От 4 до 6 дес.	От 6 до 8 дес.	От 8 до 10 дес.	Свы- ше 10 дес.
1924	0,4	30,1	44,2	17,8	5,1	1,6	0,7
1925	0,3	23,6	42,7	22,4	7,6	2,3	1,1
1926	0,2	20,1	39,8	24,4	10,3	3,4	1,8
1927	0,5	15,3	35,2	26,8	13,8	5,4	3,0

Источник: ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 111. Л. 105.

Удельный вес крайних групп был небольшим – в середине 1920-х гг. крестьянских хозяйств без посевов (батраки и бедняки) в губернии насчитывалось менее половины процента, а имеющих свыше 10 десятин, – около 1%. Большую группу крестьян, хотя и постоянно уменьшающуюся в размерах, составляли бедняки и маломощные середняки (менее 2 десятин на хозяйство). Основную же часть крестьянства представляли середняки (более 70%). Правда, эта группа была весьма разнородной с перевесом хозяйств от 2 до 4 десятин посевной площади, т.е. небогатых.

В Вотской области в 1925 г. было 1,5% беспосевных крестьянских хозяйств, 1-2 десятины посевов имело 22,3% крестьян, 2–6 десятин – 62,9%, до 10 десятин – 12,4%, свыше 10 – 1,3%⁶⁴. Несмотря на некоторое расхождение положения, в частности, больший удельный вес беспосевных хозяйств, общая ситуация в области была аналогичной по сравнению с Вятской губернией.

¹ Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1924. Отдел 1. № 82. Ст. 827.

Эти тенденции оказывались характерными и для всей страны. Нарком финансов Милютин, выступая на XI Вятском губернском съезде, заметил, что по стране количество беспосевных до войны было 13%, а в середине 1920-х гг. — 3,2%¹.

Таким образом, к концу «Нового курса» социальная дифференциация крестьянства в Вятской губернии и Вотской области, хотя и постоянно усиливалась, но была слабой.

Верхушка деревни — кулаки и зажиточные крестьяне — не проявляла большой активности. Имея экономически сильные хозяйства, они испытывали в предыдущие годы налоговое давление со стороны государства и были лишены избирательного права. Советское государство еще с эпохи военного коммунизма воспринимало верхушку деревни как враждебный социальный слой и любую его деятельность воспринимало как антигосударственную. Кулачество осознавало опасность своей активизации, и в первые годы НЭПа основном было пассивно. С другой стороны, экономическая и даже политическая деятельность кулаков хотя и была слабой, но прослеживалась достаточно четко, что беспокоило правящий режим. При этом государственные и партийные органы зачастую преувеличивали глубину расслоения и уровень кулацких выступлений. Неприятие кулачества со стороны властей проявлялось на всех уровнях. Информация о кулацких вылазках с подтекстом о необходимости их пресечения поступала и в это время.

Сообщения партийных и советских органов 1920—1930-х гг. в подавляющем большинстве все негативные тенденции и социальную напряженность в деревне сводили к деятельности верхушки деревне. В зависимости от политики государства эти обвинения могли быть мягче или жестче, но фактически они были непрерывными и далеко не всегда объективными.

Так, информотдел ЦК ВКП (б) в середине 1920-х гг. сообщал при анализе положения в стране, что кулачество повсеместно пыталось сорвать проводимую партией работу по организации бедноты и укрепление его союза с середнячеством. Об активных выступлениях кулацких элементов на бедняцких элементах на бедняцких собраниях с целью их срыва и дискредитирования партии, сообщали 10 губернских комитетов партии, в том числе Вятский².

Корреспондент журнала «Власть Советов» указывал, что в Вятской губернии активизация крестьянства идет с зажиточной

верхушки: «Активными в деревне являются в первую очередь крестьяне зажиточные, — конечно, не всегда, но все же получает такое впечатление»¹.

Вятский губотдел в своей сводке писал о том, что экономический рост крестьянства, преобладающее большинство которого в Вятской губернии середняки и частично бедняки, являющиеся сторонником Советской власти и ВКП (б), вся ярче оттеняет кулацко-зажиточные и антисоветски настроенные элементы².

В Вотской области областные органы в 1925 г. осторожно замечали, что в некоторых деревнях заметно расслоение населения³. Вотский обком партии констатировал, что, стремясь к овладению лучшей землей, кулачество прибегает к запугиванию бедноты, не останавливаясь иногда перед открытым насилием⁴.

Примеры активности верхушки деревни, разумеется, существовали. Восстановление экономики привело к увеличению числа кулацких хозяйств и их мощности. Органы ОГПУ приводили примеры кабальных сделок. Так, в Вятской губернии бедняк д. Русачевки Красовской волости Котельничского уезда С. Огарков нанял крестьян П. Панфилова и С. Белкина из д. Дубеленки для посева с их лошадей, которым за один день работы было уплачено 7 пудов хлеба. 10 пудов было потрачено для посева. Урожай ржи составил 20 пудов. Таким образом, С. Огарков получил за сезон со своего участка 3 пуда ржи⁵.

В Круглыжской волости Котельничского уезда часть батраков работала на кабальных условиях, с небольшой оплатой труда. В Котельничской волости два батрака получили за 8 месяцев работы по 20 рублей⁶.

В Вотской области практиковалась кабальные выдачи займы продовольствия, рабочего скота и т.д. В качестве процентов обычно оговаривалась отработка в летний сезон в хозяйстве зажиточного несколько дней⁷.

Более распространенной формой эксплуатации по сравнению с первыми годами нэпа явилась испольная система обработки бедняками собственной земли за семена, тягловую силу,

¹ Власть Советов. 1925. № 23–24. С. 31.

² ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 51. Л. 183.

³ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф.Р.—195. Оп. 1. Д. 366. Л. 142 об.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 673. Л. 109 об.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 51. Л. 170–171.

⁶ Там же. Л. 141.

⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 28.

¹ Вятская деревня. 1925. 29 марта. № 13.

² ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 124. Л. 16.

сельскохозяйственные орудия зажиточного крестьянина. Машинный голод, недостаток сложных сельскохозяйственных машин (молотилок, веялок и т.д.) активно использовалась верхушкой деревни¹.

Органы ОГПУ отметили и политическую деятельность верхушки деревни. Зажиточные крестьяне стремились проникнуть в сельсоветы и волисполкомы, или ввести в них своих сторонников. В частности, зажиточные крестьяне Старо-Зятцинской волости Вотской области «на устроенном в церкви собрании вынесли постановление об оставлении на службе двух сотрудников волисполкома, хотя они и были вычищены». Крестьянин с. Русский Пычас Ижевского уезда «спаивал самогоном бедногу, подбивал провести его при предстоящих перевыборах в сельсовет» и в результате был выбран. Облотдел ОГПУ отмечал еще несколько случаев проведения в сельсоветы представителей бедняков и середняков, «близких по идеологии к кулакам»².

Верхушкой деревни предпринимались и более энергичные меры. В д. Лимоновской Селезневской волости Вятского уезда в церковный праздник 19 августа 1925 г. бывший торговец кулак Ефим Варсегов, недовольный происходившим переделом земли, убил топором приглашенного в гости соседа – бедняка Журавлева³.

В Уржумском уезде кулаками избиты комсомольцы, «местный матрос, высказывавшийся за Советскую власть и атеизм» и избит один коммунист во время беседы о партии. В Яранском уезде кулаки пытались убить председателя сельсовета⁴.

В Вотской области также выделялись подобные примеры: в Вавожской волости на одном из крестьянских сходов было вынесено постановление по случаю смерти В.И. Ленина: «Выразить великую радость по случаю избавления от угнетателя крестьян – Ленина»; в Троицкой волости произошла драка между крестьянством и волостной милицией⁵.

Вместе с тем, наряду с определенной активностью деревенской верхушки аппарат признавал ее слабую политическую активность. В Вятской губернии был сделан вывод, что зажиточ-

ный крестьянин не интересовался советской работой, слабо посещал большие собрания, пленумы советов¹.

В Вотской области на примере Юкаменской волости констатировалось, что деятельность кулаков с целью влияния на выборы не замечалось².

На противоположном полюсе находились бедняцко-батрацкие слои. Традиционно рассматриваемые как союзники советского государства, в рамках «Нового курса» в середине 1920-х гг. они оказались наименее востребованными. И хотя классовые принципы сохранялись, но не в таких рамках, как в прошлом, в годы военного коммунизма, или в будущем, при коллективизации.

Роль бедняцких и батрацких слоев деревни в политической сфере была сравнительно небольшой. Улучшение экономического положения в основном сводилось для этого слоя переходом части крестьян в середняки. Оставшаяся же часть положение практически не улучшила или улучшила незначительно. Поэтому беднота и батраки принимали слабое участие в политической жизни деревне, вели себя достаточно пассивно во время перевыборах советов. В Вотской области уездные партийные органы удостоверяли, что «бедняка на сельских собраниях не слышно и не видно. Он молчит. Он определенно чувствует себя экономически подавленным... На него сваливаются разного рода насмешки, оскорбления и т.д.»

Экономическая слабость приводила к низкому социальному положению. Оценка бедноты большей частью крестьянства была уничижительно-негативной. В Котельничском уезде зажиточная часть деревни и середняки считали, что бедняк – это лодырь и потому государству такого внимания на бедноту обращать не следовало³.

Уполномоченный Вотского обкома партии делился впечатлениями от разговора с бедняками в одной из инспекционных поездок: «Они со слезами сами высказали, как им тяжело живет. Все присутствующие осознавали, что действительно беднота зависит не только от лодыричества, как обычно приписывают, но и от различных неожиданных случаев (пожаров и т.д.)».

Положение батраков зачастую оказывалось еще хуже бедняцкого. Батраки нередко были людьми пришлыми, из других

¹ Там же. Д. 673. Л. 110.

² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 587. Л. 29.

³ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 51. Л. 169.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 32. Д. 30. Л. 4.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 170.

¹ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 19–20.

² ЦГА УР. Ф. Р–195. Оп. 6. Д. 15. Л. 85.

³ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 125. Л. 55 об.

селений и даже волостей. Крестьянская община принимала их холодно, считая батраков людьми второго сорта, без права голоса на собираемых сходах. По мнению областных органов, то, что батрак являлся наемным рабочим, находился в подчинении крестьянина, порождало у последнего чувство недоверия, неуважения к батраку.

Партийные органы, анализируя положение крестьянства, считали, что беднота и батраки никакой роли в экономической и, особенно, политической жизни деревни не играли¹. В целом такие оценки партийного и государственного аппарата правильны, но все же однобоки. Архивные документы показывают, что в ряде случаев беднота в середине 1920-х гг. была весьма активна.

Статистические данные табл. 2 показывают взаимосвязь между социальным положением и активностью крестьян по земельным вопросам.

Таблица 2

Социальный состав сторон по спорным земельным делам, поступившим в уездные и волостные земельные комитеты Вятской губернии с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г.

	По землепользованию			По землеустройству		
	Ист-цы	Ответ-чики	Итого	Ист-цы	Ответ-чики	Итого
Уездные земельные комитеты						
Бедняки	51	24	75	531	204	735
Середняки	33	38	71	334	232	566
Кулаки	1	1	2	—	—	—
Волостные земельные комитеты						
Бедняки	4 678	4 956	9 634	—	—	—
Середняки	6 137	10 197	16 334	—	—	—
Кулаки	116	133	249	—	—	—

Источник: ГАКО. Ф.Р.-875. Оп.1.Д. 1600.Л. 23-24.

Показательно, что зажиточные крестьяне, владевшие достаточным для них массивом земли, вели себя пассивно. Количество начатых по их инициативе дел по сравнению с другими слоями крестьян крайне незначительно. В то же время и число возбужденных против них дел также крайне мало. Выступать против экономически сильных хозяйств, от которых зависела немалая часть деревни, крестьяне не решались.

Бедняки на волостном уровне практически одинаково являлись истцами и ответчиками дел по землепользованию. На уездном уровне они заметно чаще (51 против 24) являлись инициаторами возбуждения дел. Судя по другим архивным материалам, уездные партийные и советские сотрудники, более правильно проводившие идеологически важную «классовую линию», исправляли «промахи» волостных органов, в ряде случаев выступавших на стороне верхушки деревни.

Середняки на волостном уровне почти в полтора раза превосходили бедноту по числу возбужденных дел и почти в 2,5 раза чаще были ответчиками. Это еще раз подчеркивает преобладающую роль середняков. Вместе с тем, соотношение социальных слоев по спорным земельным делам показывает, что выводы партийных и государственных органов о пассивности бедноты правильны только частично. Если в политической сфере ее активность действительно была сравнительно низкой, то в экономической положение было достаточно противоречивым.

С одной стороны, бедноты, находясь в сложном положении малообеспеченных хозяйств, были вынуждены проводить свою деятельность с учетом влияния зажиточного крестьянства. Для нее жизнь нередко сводилась к добыванию куска хлеба – обеспечению минимального снабжения своей семьи.

С другой стороны, учитывая гораздо меньшее количество бедноты по сравнению с середняками в середине 1920-х гг., следует указать на ее сравнительно большую активность. Среднестатистический крестьянин-бедняк был энергичнее крестьян других слоев.

Это заметно и в решении проблемы землеустройства. Зажиточные крестьяне недостаточно активно занимались землеустройством. Бедняки были активнее середняков по возбуждению дел примерно в 1,5 раза.

Надо отметить, что в нечерноземной полосе в отличие от черноземной дополнительные размеры посевных площадей не позволяли крестьянам в достаточной мере обеспечивать значительный добавочный продукт. Разбогатеть от производства продукции растениеводства за некоторым исключением было трудно. Однако добавочные площади позволяли получать фураж, производить технические культуры, содержать большое поголовье скота. Если же малоземельное хозяйство не могло обеспечивать прожиточную норму, то такому хозяйству приходилось арендовать землю и нести дополнительные расходы. Поэтому

¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 587. Л. 29 об.

стремление получить хотя бы прожиточный минимум проявлялось у крестьян часто.

Центральной фигурой деревни в середине 1920-х гг. являлся середняк. Являясь наиболее многочисленной группой крестьян, он к тому же во многих случаях проявлял наибольшую активность в различных сферах деревенской жизни.

В Вятской губернии комиссия по машиноснабжению, обследовав работу нескольких сельских советов и волостей, пришла к выводам, что главную роль в деревне губернии играет середняк. Он чаще остальных групп крестьян посещал различные собрания, пленумы советов¹. Эти выводы подтверждал Котельничский уком ВКП (б), который констатировал, что основной массой деревни уезда является середняк².

Средняки, в отличие от кулачества, менее сильно испытывали усиление политического и экономического давления со стороны государства. С другой стороны, у середнячества, за исключением самых маломощных хозяйств, не так остро выражались экономические проблемы. Поэтому в условиях восстановления экономики и мягкой политики государства антисоветские выступления крестьянства происходили редко.

Внимание середняков концентрировалось на улучшение текущей жизнедеятельности, совершенствования материального и культурного уровня деревни. По мнению Вотского обкома партии, «середняк требовательнее, чем другие, он требует школу, больницу, жалуется на недостатки сельскохозяйственных машин, мануфактуры и других промышленных товаров».

Средняки проводили независимую от других крестьянских слоев политику. Так, например, Глазовский уком писал: «Средняк не поддерживает кулаков, а также не одобряет и не входит в кампании бедноты»³. Ориентируясь на собственные интересы, середняки могли группироваться и с кулаками и с бедняками.

Экономические вопросы во многом сближали середняков с верхушкой деревни, поскольку уменьшение налогов, льготы по ссудам и кредитам касались преимущественно бедноты. Проверки показывали, что кулаки выступали против налоговых льгот беднякам, а середняки старались воспользоваться этой льготой за счет бедняка. Механизм получения льгот был следующим: бедняка уговаривали не подавать заявление о получении инди-

видуальных льгот. В таком случае низкий уровень бедняцкого хозяйства позволял ему получить автоматические налоговые льготы. В то же время оставшийся фонд индивидуальных льгот позволял вполне законно получить их более состоятельным хозяйствам.

В политической сфере середняки были гораздо ближе к бедняцкой части крестьянства. Это хорошо видно при проведении перевыборов советов.

В Вотской области перевыборные кампании (советов, кооперации и кресткомов) показали, что в деревне больше всего активность проявляют середняки⁴.

В Котельничском уезде Вятской губернии в 1927 г. было зафиксировано, что середняки являлись основной активной массой. Они в основном выступали на собраниях бедноты и на перевыборных собраниях, бедняк же наравне с активностью проявлял известную трусость перед кулаком⁵.

Наряду с расслоением, на фоне слабого обеспечения сельской местности по сравнению с городом укреплялось дальнейшее осознание единства крестьянства, их общностей целей и существующих проблем. Весной 1924 г. органы ОГПУ зафиксировали распространение идеи организации крестьянских союзов практически по всей стране – и в центральных губерниях, и на национальных окраинах, и в Сибири⁶. В 1925 г. только в апреле было 75 выступлений за создание союзов, в мае – 62⁴.

В Вятской губернии, по данным ОГПУ и низовых советских органов, неоднократно выявлялось осознание крестьянами общих интересов. Крестьяне выражали недовольство тем, что они обижены Советской властью по сравнению с рабочими⁵.

В Вотской области крестьянство также явно ощущало свою общность и выражало недовольство дискредитацией по сравнению с пролетариатом. Вотский обком ВКП (б) указывал на наличие среди некоторой части крестьянства проявлений чувства «ревности к положению рабочих»⁶.

Общекрестьянские настроения не были преобладающими, но существовали практически во всех уездах Вятской губернии и

¹ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 19-20.

² ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 124. Л. 73.

³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. 604. Л. 140 об.

⁴ Там же. Д. 709. Л. 209.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 125. Л. 4.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы в 4 т. /под ред. А. Береловича и В. Данилова В. Т. 2. Москва, 2000. С. 192.

⁴ Там же. С. 416.

⁵ ЦГА УР. Ф. Р.-195. Оп. 1. Д. 366. Л. 140 об.

⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 673. Л. 109.

Вотской области, являясь характерным примером положения в деревне для значительной части страны.

В целом же, социальное размежевание в деревне во время «Нового курса» не претерпело большого изменения. За период восстановления экономическое положение хотя и улучшилось, но не кардинально. Это, в свою очередь, не позволяло увеличиваться верхушке деревни и усиливаться размежеванию крестьян.

Неглубокое расслоение в деревне и сравнительно мягкая политика государства привели в 1925–1927 гг. к отсутствию радикальных настроений среди крестьянства и относительно спокойной обстановке в деревне. Община оставалась доминирующим крестьянским органом, выражающим мнение деревенского населения.

Е.В. Крылов
г. Ижевск

**ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
1920-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКИХ
ИСТОРИКОВ И АРХЕОЛОГОВ)**

Положение науки и ученых в период серьезных общественно-политических и экономических преобразований 1920-х гг., казалось бы, изучено досконально и не осталось незаполненных лакун. Однако региональный аспект исследования темы, безусловно, усиливает интерес к данной проблеме и свидетельствует о такой знаковой черте современной науки – ее обращению к локальному. История отдельных регионов, отличающихся неповторимым своеобразием, но сливающихся в единое русло, все чаще определяет облик современного историописания.

Ситуация, в которой оказалась наука после 1917 г., была сложной. В 1917 г., как красноречиво воскликнул Гамлет, «пала связь времен»¹. Государство и общество оказались зажаты в тис-

ках экономического, социально-политического кризиса, поэтому прежние отношения социальных институтов пересматривались и переоценивались. Для его разрешения мобилизовались все ресурсы, в том числе и научные.

Социально-политическая детерминированность советской археологии. В 1920-е гг. отношения отечественной науки с властью претерпевали большие изменения: власть не могла обойтись без ученых, но и не довольствовалась прежними формами взаимодействия с ними. Политико-управленческий аппарат в лице большевиков стремился использовать науку для реорганизации экономики, создания мощного военно-промышленного потенциала, построения новых форм общественной жизни, легитимации политической власти, идеологического оправдания своей политики¹.

Данная тенденция взаимоотношений власти и науки особенно заметна в кризисные периоды развития общества, когда исторические знания и трактовки включаются в массовое политическое сознание, структурируются в идеологические процессы, влияя не только на их содержание, но и на психологию, позиции, поведение различных групп населения². При этом наблюдалось однозначное влияние на движение научной мысли, когда затруднялись или полностью запрещались те научные исследования и проекты, исходные установки и ожидаемая отдача которых противоречили официальной идеологии, ее отдельным положениям, не согласовывались с ними.

Переломные 1917 и 1918 гг. непосредственным образом отразились на судьбе археологии, выдвинув на передний план социально-политические факторы ее развития. Необходимо выделить ряд характерных особенностей. Во-первых, специфика археологических исследований, в которых значительное место занимает источниковедческий материал, такова, что у ученых первое время существовала возможность ограничиться публикацией результатов раскопок отдельных памятников, избегая социологических и исторических интерпретаций. Именно это приводило ко второму обстоятельству, касающемуся вынужденной «миграции» историков в далекие от политики области науки – древнюю историю, археологию, этнографию – там они были освобождены от жесткого идеологического контроля. В частности, поэтому в 1920-е про-

¹ Шекспир У. Гамлет. Трагедия в 5 актах: Перев. А. Кронеберга // Шекспир У. «Гамлет» в русских переводах XIX–XX вв. М., 1994. С. 200.

¹ Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии // Наукосведение. 1999. № 1. С. 130.

² Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 91.

должались традиции дореволюционной русской археологии, хотя наметились и новые направления в ее развитии¹.

Подобную форму пассивного сопротивления идеологическому диктату новые теоретики науки называли «болезнью вещеведения», а саму науку в терминологии тех лет именовали «третьестепенным, беспризорным участком научного фронта», где работали ученые из буржуазной или аристократической среды². При этом, по их мнению, отказ от объяснения и установления закономерности явлений на основе археологического материала «выгоднее и проще, т.е. социально безопаснее изучать самую вещь, а не общественные явления, отражаемые вещами», а само вещеведение – «уютнее и спокойнее, оно не грозит революцией и социальными бурями»³.

Советское прошлое преподносит немало примеров различных моделей поведения ученых-археологов, когда те были вынуждены оставить занятия наукой, замыкались в узком круге специальных тем, открыто шли вразрез общепринятой точке зрения и наоборот присоединялись к официальным погромам и травле ученых⁴. Развиваясь в тесной связи с исторической наукой, археология имела свою специфическую особенность. Она заключалась в некоторой опосредованности взаимоотношений с существующей властью, касающихся оценки и выполнения целевых установок самим научным сообществом. Не случайно в партийных СМИ тех лет выделяется мысль о закрытости сообщества археологов, о том, что вопросы критики они решали «по семейному», не вынося их за пределы ученых советов, мало выступая в печати. Отмечалась кастовая замкнутость археологического сообщества и недостаточная работа по популяризации таких знаний, которые бы «давали в руки историков, преподавателей и учащихся важные факты отечественной истории»⁵. Свою

¹ *Формозов А.А.* Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 73; *Оконникова Т.И.* Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в). Ижевск. 2002. С. 82–83.

² *Быковский С.Н.* О классовых корнях старой археологии // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9–10. С. 4; *Равдоникас В.И.* О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9–10. С. 5.

³ *Быковский С.Н.* Указ. соч. С. 5.

⁴ См. об этом: *Формозов А.А.* Человек и наука: из записей археолога. М., 2005. С. 147–160; *Он же.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.

⁵ Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // Советская археология. 1953. XVII. С. 11, 13.

роль в этом сыграло и отношение к археологии как к несамостоятельной, вспомогательной науке. А вот с точки зрения контроля за деятельностью ученых, идеологического и методологического единообразия науки взаимоотношения власти и археологов не отличались от общих тенденций.

Трансформация казанской интеллигенции в социальный слой нового типа. Изучение процесса становления советской научной интеллигенции в Татарской АССР необходимо связать его с организационными изменениями казанской археологии, системы исторического и археологического образования, постановкой новых научных задач.

1920-е гг. были временем поиска рациональных организационных форм научных исследований в Татарской АССР. Научная работа строилась на основе взаимодействия историко-краеведческих обществ, местных музеев и государственных органов. В этих процессах важной была роль местных государственных органов. Организующим элементом в развитии научных исследований был Наркомпрос Татарской АССР, при котором существовал Академический центр. Перед ним ставились общие задачи в сфере планирования деятельности образовательных и научных учреждений, разработки проектов по организации научных экспедиций, исследований и созыва научных конференций и т.д. Реализация задач Академцентра проходила в тесном взаимодействии с партийной организацией Татарской АССР. Заметный вклад в его деятельность внесли историки и археологи Е.И. Чернышев, М.Г. Худяков, Г.С. Губайдуллин, Н.Н. Фирсов.

Создание интеллигенции нового типа являлось одной из составных частей и важным условием успешного осуществления культурного строительства советского государства. Политические перевороты и гражданская война привели к тому, что «подготовка новых специалистов превратилась в важнейшую задачу всей партии»¹. При этом основными путями кадрового обеспечения советской науки и культуры являлись: привлечение старых кадров, подготовка молодых ученых преимущественно из рабочих и крестьян и их выдвижение на руководящую работу². Это привело к демократизации высшей школы и устранению формальных пре-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8 изд. Т. 4. М., 1970. С. 113.

² См.: *Морозова С.В.* Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции в период строительства социализма (на материалах рабочих факультетов Татарской АССР). Автореф. канд. дис. Казань, 1974. С. 3; *Федюкин С.А.* Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984. С. 23.

пятствий, мешавших рабоче-крестьянской молодежи поступать в вузы. Обновление социального и национального состава обучающихся студентов создавали более благоприятные возможности для подготовки молодых ученых. Уже к 1922–1923 учебному году 54,3% студентов вузов Казани по своему социальному происхождению представляли выходцы из рабоче-крестьянской среды, а в 1926–1927 гг. эта цифра выросла до 58,5%¹.

Постоянная перестройка структуры вузовской науки не способствовала планомерной подготовке историков и археологов, которая с дореволюционного времени осуществлялась в Казанском университете. Однако сколь-нибудь значительный приток новых кадров в 1920-е гг. казанская археология не ощутила. Основной кадровый состав местной науки включал ученых, чья профессиональная деятельность началась еще в предреволюционные годы – В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков, А.С. Башкиров, отчасти Н.Ф. Калинин. Их количество оставалось недостаточным для того, чтобы охватить исследованиями весь край. В частности, за 1917 – 1920-е гг. при Казанском университете не было ни одного археолога, оставленного для приготовления к профессорскому званию. С упразднением в 1921 г. историко-филологического факультета на долгие годы (до 1939 г.) прерывается университетское историческое образование.

Между тем предпринимались попытки решить проблему подготовки научных кадров для местной археологии. Они начались уже в октябре 1917 г. с созданием Северо-Восточного археологического и этнографического института (СВАЭИ). В качестве важнейшей своей цели институт планировал объединить научные силы Казани в области археологии и этнографии Поволжья и Приуралья и готовить специалистов для проведения самостоятельных исследований. Однако гражданская война и последовавшая разруха, сложное финансовое положение института и неоднократные попытки его реформирования мало способствовали нормальному обучению студентов.

На протяжении 1918–1919 гг. тема реформирования всей системы высшего образования республики активно обсуждалась научным сообществом. Оно негативно высказывалось по отношению к планам Наркомпроса РСФСР по ограничению автономии вузов (участие представителей власти в ученых коллегиях

факультетов, выборах профессорско-преподавательского состава, 5-летний срок выбора профессоров и преподавателей, отмена научных степеней). В частности, на одном из заседаний Совета СВАЭИ 24 января 1919 г. профессора и преподаватели вуза (среди них были историки Н.Н. Фирсов, Н.Ф. Катанов, Б.Ф. Адлер, К.В. Харлампович) высказались против утверждения материалистического метода в научно-преподавательской деятельности, поскольку «научные методы не могут быть проводимы декретами, но должна допускаться полная свобода в методах университетских научных исследований»¹. С другой стороны, поддержку университетского сообщества нашли меры советской власти по социальному обеспечению студентов, отмене дипломов, открытому конкурсу при замещении кафедр, учреждению ФОН при Казанском университете². Но в целом, активная деятельность советского государства в отношении науки и образования оценивалась ими без серьезных возражений, поскольку исполнительные органы власти проводили консультации по данным вопросам (сохранилось срочное письмо от 11 февраля 1919 г. №1323 директору СВАЭИ от Казанского губернского отдела по просвещению с просьбой прислать делегата от института на совещание по реформе высшей школы³).

Таким образом, стоит отметить, что сдержанное, а подчас враждебное, отношение преподавателей и ученых к новой власти постепенно сменяется поддержкой проводимых ею общественных преобразований.

Взаимоотношения казанских историков и археологов с партийно-государственными органами власти. В Татарской АССР государственным органом, через который казанские историки и археологи осуществляли непосредственное взаимодействие, был Наркомпрос с Академцентром в составе. Именно через него шло финансирование археологических экспедиций, хозяйственной деятельности научных обществ.

В тесном взаимодействии с партийной организацией Татарской АССР формировался новый управленческий состав образовательных учреждений – в руководящие органы вузов вводились коммунисты, ректорами избирались известные ученые и общественные деятели. В вузах, где оставались прежние правления,

¹ Морозова С.В. Указ. соч. С. 15; Мальшева О.Л. Борьба партийной организации Татарии за идеологическое завоевание высшей школы в период социалистического строительства (1917–1927 гг.). Автореф. канд. дис. Челябинск, 1985. С. 11.

¹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 78об.

² Там же. Л. 77об.–78об.

³ Там же. Д. 18. Л. 13.

обком партии настоятельно рекомендовал выбрать нового ректора¹.

Подбор кадров научных работников и преподавателей вузов проходил в строгом соответствии с партийными инструкциями партии. Известен циркуляр ЦК РКП(б) №8 от 25 мая 1923 г. «Об организации комиссии при губкомах по подбору кандидатов в научные работники вузов», в котором создание новых преподавательских кадров вузов объявлялось важной политической задачей момента, а в инструкции к циркуляру предлагалось отбирать кандидатов из числа студентов, оканчивающих вузы, при этом ограничивалась самостоятельность самих вузов в этом вопросе². В случае назначения сотрудников самими вузами, обком партии должен предложить свой список кандидатов и известить об этом Главпрофобр, одновременно предоставив их подробные характеристики как с академической, так и с общественно-политической точки зрения³.

Из официальных партийных документов видно, что эта работа продвигалась с трудом. Профессора и преподаватели, работавшие в вузах еще с дореволюционных времен, не желали покидать свои места в тяжелое время. С помощью своих деловых, научных связей в центральных учреждениях они стремились повлиять на принимаемые властью решения. Татарский обком РКП(б) в начале 1920-х гг. констатировал наличие у представителей «касты профессуры» «крепких связей в Москве в различных наркоматах, кои используются или для соответствующей информации или решения вопросов в угодную им сторону», поэтому все решения Главпрофобра РСФСР меняются в зависимости от приезда той или иной делегации профессоров «в результате односторонней информации без учета мнений местных партработников»⁴. Неудивительно, что местный обком партии стремится утвердить практику согласования поездки делегаций в Москву, усилить влияние коммунистических групп при вузах⁵.

Интересным сюжетом является письмо руководителя билярской экспедиции археолога А.С. Башкирова (1885–1963) заведующему Академцентром Наркомпроса Татарской АССР С.С. Атнагулову (1893–1937) от 21 июня 1929 г. Оно примечательно тем,

что отражает противоречия между научным сообществом и исполнительными органами власти. В июне 1929 г. археологу не удалось вовремя получить открытый лист на проведение археологических работ в Биляре, о чем свидетельствует письмо ученого секретаря ОИТ Р.Ш. Тагирова от 18.06.1929 г. в адрес А.С. Башкирова с предложением отложить проведение экспедиции на неопределенное время¹. Однако А.С. Башкиров, выехав заранее на место экспедиции с группой специалистов, «все-таки принял на себя дерзость произвести исследование, встав во главе рабочей научно-организованной группы, надеясь на то, что меня, как победителя судить не будут, а Татарская республика меня поддержит перед Главнаукой РСФСР, которая одной рукой отпустила деньги, а другой держала за шиворот, не выдавая (через своих чиновников) открытого листа»². С другой стороны он подчеркивает дружелюбное отношение работников Академцентра к историкам и археологам Казани. В пример приводит «ценную деловую и отзывчиво-приветливую встречу» с С.С. Атнагуловым перед поездкой в Биляр, на которой запомнил фразу заведующего: «Мы Вас г. Башкиров считаем своим работником»³.

Являясь уроженцем края А.С. Башкиров, стремился заручиться поддержкой местных властей в своем противостоянии с «чиновниками центра», «злобствующими руссификаторами». При этом, горя желанием закончить выполнить работу «с честью, не за страх, а за совесть», ученый идет на нарушение формальных процедур выполнения археологических работ, прибегнув к помощи местных краеведов. А.С. Башкиров ожидает помощи от Академцентра, взывая к коммунистической совести С.С. Атнагулова и ставя на одну чашу весов с ней свою, научную. Казанский археолог просит С.С. Атнагулова «показать людям, срывающим работу, соответствующее место, и дело пойдет как нужно». Он даже выражает недовольство ролью всей Татарской АССР в составе РСФСР, которая «должна иметь и свой достаточно веский голос»⁴.

В целом, процесс взаимодействия власти с научным сообществом казанских историков и археологов соответствовал тем сложным и довольно противоречивым изменениям в политике партийных и государственных органов по развитию системы на-

¹ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 485. Л. 141.

² Там же. Д. 1044. Л. 3, 2.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 485. Л. 144, 145.

⁵ Там же. Л. 145.

¹ Там же. Л. 20–20об, 28.

² Письмо А.С. Башкирова С. Атнагулову от 21.07.1929 г. // НА РТ. Ф. Р–447. Оп. 1. Д. 40. Л. 29об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 31, 31об.

учных учреждений и политической позиции научного сообщества, которые наблюдались по всей стране.

Социальные условия жизни и научной деятельности казанских археологов в 1920-х гг. Тяготы и лишения гражданской войны, структурные сдвиги в экономике самым непосредственным образом повлияли на снижение уровня жизни людей. Болезненно они сказались и на научной интеллигенции, вынудив ее представителей довольствоваться скудным питанием, мизерными окладами, отсутствием элементарных бытовых условий. Им приходилось совмещать работу сразу в нескольких учебных и научных учреждениях, чтобы прокормить себя и свои семьи. Переписка казанских вузов и научных обществ с наркоматами продовольствия, здравоохранения республики наполнена живыми подробностями непростой жизни местных ученых и педагогов.

В частности, с 1917 по 1922 гг. состав Общества археологии, истории и этнографии (в рамках которого с дореволюционных времен развивались археологические исследования края) понес серьезные потери, по разным причинам скончались ведущие его члены – историки П.А. Пономарев, М.М. Хвостов, П.Г. Архангельский, Н.М. Петровский, Н.Ф. Высоцкий, Н.Ф. Катанов. В 1923 г. весьма показательные строки о Н.Ф. Катанове писал профессор И.М. Покровский (1865–1941): «здоровье Николая Федоровича пошатнулось с осени 1921 года, после физического паралича, случившегося с ним от переутомления, когда уже далеко не молодой профессор, вместо покоя, вынужден был долго и непосильно работать: копать землю на посев картофеля и других овощей на огороде, носить их на себе с огорода, находящегося в пяти верстах от его квартиры, таскать и перекладывать тяжелые бревна с места на место, колоть дрова, носить воду на второй этаж в свою квартиру по крутой лестнице...»¹.

В одном из писем от 25 января 1919 г. администрация СВАЭИ обращается к комиссару продовольствия с ходатайством поддержать семьи профессоров, преподавателей и служащих института, которые систематически и долгое время недоедают, обходятся «без мяса, без молочных продуктов, без достаточного количества зелени и, конечно, уже без сахара (которого... не видели более полутора) и без пшеничной муки»². В письме говорится, что, несмотря на труд-

ности, сотрудники СВАЭИ стараются поддерживать друг друга, хотя «отсутствие фактической возможности добыть необходимые для пропитания продукты» мало помогает делу¹.

Подобные трудности испытывали и служащие Казанского губернского музея, в котором историческим отделом заведовал археолог М.Г. Худяков. Работники музея в письме от 24 июля 1920 г. были вынуждены просить администрацию ходатайствовать перед исполнительными органами об увеличении продовольственного пайка, поскольку «при колоссальном росте дороговизны и плохом местном урожае» перед ними «встает грозный призрак неумолимого голода». Существующего жалования не хватало для пропитания себя и своих семейств, соответственно, падали физические силы и трудоспособность работников музея². Также их потребности не ограничивались продуктами питания, включали в себя промышленные товары, товары повседневного спроса и топливо: мыло, готовое платье, головные уборы, обувь, ткани, дрова, древесный уголь.

Придавая особое значение социальному обеспечению научной интеллигенции, государство создавало особые организационные структуры. В частности, в начале 1920-х гг. при Татарском обкоме РКП(б) была создана комиссия по улучшению быта рабочих и служащих, одной из задач которой было изыскание средств и путей улучшения быта работников просвещения путем массового обследования как образовательных учреждений, так и условий жизни самих работников³.

Позже эта комиссия передала свои полномочия профессиональной организации ученых – Секции научных работников, которая преследовала цель не только материального обеспечения научной интеллигенции, но и укрепления профессиональной дисциплины и распространения марксистских идей среди ее членов. Как отмечает казанский историк О.А. Хабибрахманова, целенаправленная социальная политика советской власти в отношении казанской интеллигенции имела своей целью классовое разделение интеллектуальной элиты по научным заслугам, уровню лояльности к власти и близости к социально-экономическим задачам социалистического развития страны⁴.

¹ Там же.

² НА РТ. Ф. Р-2021. Оп. 2л. Д. 10. Л. 5–5об.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1132. Л. 1.

⁴ Хабибрахманова О.А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Уч. зап. Казан. ун-та. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 128.

¹ Покровский И.М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия ОАИЭ. 1923 Т. 32. Вып. 2. С. 245.

² НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–3об.

Подводя итог, следует отметить, что для казанской научной интеллигенции период 1920-х гг. складывался противоречиво: с одной стороны, тяготы гражданской войны сопровождались структурными изменениями в науке и образовании, что давало многим надежду на улучшение условий научной деятельности и подготовки новых кадров археологов и историков. С другой стороны, оживление научной жизни и археологических изысканий соседствует с разрушением исторического образования и бесплодными попытками создания археологического направления подготовки молодых специалистов для оживившегося историко-краеведческого движения.

В.А. Крупина
г. Киев, Украина

ДИНАМИКА СОЦИОПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НОМЕНКЛАТУРЫ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В 1946–1953 ГОДАХ

После окончания Второй мировой войны перед страной возникла масса проблем и задач. Успешное и быстрое восстановление страны зависело не только от программ, ресурсов, пропаганды и энтузиазма, но и от управленческого корпуса. Потеря многих опытных и образованных функционеров актуализировала кадровый вопрос, поскольку замещение должностей происходило людьми с низким культурно-образовательным уровнем, профессиональной квалификацией, что негативно влияло на эффективность руководства. Если ЦК КП(б)У удалось сохранить свой кадровый костяк, то на нижних эшелонах власти нужных руководящих работников остро не хватало. Наспех назначенные во время войны функционеры не справлялись с выполнением поставленных задач. Недостаточно высокий качественный состав номенклатуры периода позднего сталинизма стал одним из факторов замедления послевоенного восстановления страны.

Опираясь на статистические отчеты о составе, сменяемости и выдвижении новых кадров, составляемые отделами партийных, профсоюзных и комсомольских органов на начало каждого года,

проследим изменения в национальном, гендерном, возрастном, образовательном составе номенклатуры Советской Украины, длительности ее стажа работы, причинах сменяемости в послевоенные годы.

В исторической литературе под номенклатурой принято понимать перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийным комитетом – от райкома, горкома до ЦК КПСС¹. Номенклатурой называют также должностное лицо, занимающее такую должность.

Рассмотрение номенклатурных кадров в данной статье будет происходить по двум вертикалям – номенклатура ЦК КП(б)У-КПУ и номенклатура 25 областных комитетов КП(б)У-КПУ. В состав номенклатуры ЦК КП(б)У-КПУ (в том числе ЦК ВКП(б)-КПСС) входили должности не только партийной вертикали (первые секретари обкомов, горкомов, райкомов; заведующие отделами обкомов, первые секретари обкомов комсомола), но и руководящие посты советских и хозяйственных органов, вузов, СМИ: председатели исполкомов областных, городских, районных советов депутатов трудящихся, председатели областных судов и прокуроры областей, заведующие кафедрами истории КПСС, марксизма-ленинизма, директора заводов оборонной промышленности; редакторы крупнейших областных газет и др. Номенклатура областного списка также включала должности различных отраслей, но рангом ниже: заведующие секторами обкомов, заместители заведующих отделов обкомов, горкомов, райкомов; первые секретари райкомов комсомолов; председатели обкомов профсоюзов, редакторы районных газет и др.

На 1 января 1948 г. номенклатура ЦК КП(б)У насчитывала 15131 должность, на 1 января 1953 г. – 15122. Номенклатура областных комитетов партии в 1948 г. включала 48532 должности, а на 1 января 1953 г. – 48812². Количественный состав номенклатурных кадров в 1946–1953 гг. оставался стабильным с незначительными колебаниями. Стабильным был и показатель ее неукomплектованности, составлявший несколько процентов.

Причины неполной укомплектованности номенклатурных кадров следует искать в следующих обстоятельствах. Во-первых,

¹ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. №7. С. 25.

² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 67. Д. 53. Л. 1; Д. 392. Л. 1; Д. 54. Л. 1; Д. 394. Л. 1.

происходил поиск оптимальной управленческой структуры СССР. Поэтому отделы кадров попросту не успевали следить за номенклатурой должностей периодически укрупненных и воссозданных республиканских и союзно-республиканских министерств. Во-вторых, желание захватить как можно больше должностей в свой список затрудняло работу отделов ЦК, которые массу времени должны были тратить на кадровую работу. На начало 1953 г. по отделу партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КП Украины 11 чел. более полугодом ожидали своего утверждения после избрания на конференциях или сессиях депутатов трудящихся¹. Часто обкомы предоставляли в ЦК неполный пакет документов, неудовлетворительно изучали кадры и выдвигали недостойных, снимали отдельных чиновников без предоставления замены. 24 апреля 1953 г. секретариат ЦК КП Украины принял постановление «О некоторых недостатках в подборе кадров», в котором вскрыл отмеченные выше недостатки. При детальном анализе ситуации в отделах ЦК обнаружилось, что некоторые из них перегружены работой именно по подбору и утверждению кадров. В результате отдел городского хозяйства предлагал «пересмотреть номенклатуру ЦК КП Украины по Министерству жилищно-гражданского строительства УССР», а отделы тяжелой промышленности, административный и сельхозотдел просили сократить номенклатуру своих должностей².

За 1947–1952 гг. в гендерном и национальном составе номенклатуры произошли незначительные изменения. Среди руководителей преобладали мужчины и даже в СССР, где, по заявлениям пропагандистов, было установлено настоящее равноправие полов, сохранялась такая диспропорция. В номенклатуре ЦК в 1947 г. женщины занимали 2,6% должностей, в 1952 г. – 5%³. Среди 745 первых секретарей сельских райкомов партии в начале 1953 г. было всего семь женщин⁴. В областной вертикали в период позднего сталинизма количество женщин увеличилось с 10,5 до 12,3%⁵. При этом женщины преобладали в составе населения республики.

Также незначительные изменения произошли в национальном составе номенклатуры. Это отобразилось в увеличении кад-

ров «местной национальности». В номенклатуре ЦК количество украинцев выросло с 62,5 до 69,4%, тогда как в ее областном списке – с 64,5 до 74%¹. Состав кадров коренной национальности увеличился, прежде всего, за счет уменьшения количества русских на 3% по списку ЦК и на 7% по списку обкомов. Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г. в УССР проживало 42 869 тыс. чел., из которых коренное население составляло 76,8%, русские – 16%².

Национальный аспект кадрового вопроса был актуализирован воссоединением западноукраинских земель с УССР. Советизация этой территории находила слабую поддержку среди коренного населения, преданных местных кадров фактически не было. В этих условиях быть явным сторонником советской власти порой было опасно. Поэтому сюда направлялись чиновники из РСФСР или восточных областей УССР. На западноукраинских землях (Волынская, Дрогобычская, Львовская, Ровенская, Станиславская, Тернопольская, Черновицкая, Закарпатская области), а также в Измаильской области важен был другой показатель – «из местных кадров». По данным украинского историка В. Гулая, в 1953 г. из 742 секретарей областных, городских и районных комитетов партии местными жителями являлись только 62 чел. (8%). Среди председателей, их заместителей и секретарей исполкомов городских и районных советов депутатов трудящихся местные украинцы составляли 44%³.

Не изменилось положение и в начале 1950-х гг. Кадровая ситуация в западных областях Украины оставалась сложной и напоминала «палку о двух концах». С одной стороны, требовалось беспрекословное проведение политики Кремля, а с другой – следовало привлекать местные кадры на руководящие должности. Поскольку коренные жители проявляли небольшое усердие во многих начинаниях, ЦК КП(б)У решал эту дилемму в пользу реализации политики руками приезжих, оставляя местным кадрам второстепенные должности. В то же время, присланные на запад республики специалисты не всегда доказывали свою профессиональную пригодность, игнорировали региональную специфику, что вызывало недоразумения с местными жителями.

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 2763. Л. 9.

² Там же. Л. 6, 17, 30, 42.

³ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 67. Д. 53. Л. 1; Д. 392. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 419. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 54. Л. 1; Д. 394. Л. 1.

¹ Там же. Д. 53. Л. 1; Д. 392. Л. 1 об.; Д. 54. Л. 1; Д. 394. Л. 1 об.

² Галушко К. Народи, етноси, нації: популярне видання. Київ, 2008. С. 33.

³ Гулай В. Кадрова політика радянського режиму в Західних областях України (друга половина 40-х – 50-ті роки ХХ ст.) // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2002. Вип. 37/2. С. 203.

Динамика возрастных характеристик номенклатуры изменялась в направлении незначительного омоложения и более пропорционального соотношения возрастных групп. В номенклатуре ЦК на начало 1948 г. к возрастной группе от 41 до 45 лет принадлежал каждый третий работник, от 36 до 40 лет – 23%, от 46 до 50 лет – 15%¹. К 1953 г. доля данных возрастных групп стала почти одинаковой (21,5, 22,0 и 20,7% соответственно). В то же время удельный вес номенклатурных работников в возрасте от 31 до 35 лет вырос до 18%, в возрасте от 51 до 55 лет – до 11,3%.

В номенклатуре областного списка наблюдалась аналогичная тенденция: за 1947 – 1952 гг. работников от 41 до 45 лет уменьшилась с 24,6 до 16%; почти без изменений осталась доля работников от 36 до 40 лет (19%); доля работников от 46 до 50 лет стала больше на 2,3%. Менее чем на 4% увеличился удельный вес работников от 31 до 35 лет (до 22%) и старше 50 лет (до 10%)². Тенденции свидетельствуют как о естественной динамике, так и кооптации старших (более опытных, образованных) с областного в список ЦК, за счет чего и происходило «старение» возрастной характеристики последнего.

Показатели образовательного уровня работников номенклатуры изменялись в противоположных направлениях. Если на начало 1948 г. почти каждый третий работник номенклатуры ЦК имел высшее или незаконченное высшее образование, то на начало 1953 г. – чуть больше 50%. Соответственно уменьшилось количество чиновников со средним (в том числе неполным средним или средним специальным) образованием – с 49 до 43%. Более чем вдвое уменьшилось количество функционеров с начальным образованием³. То есть, в республиканской партийной верхушке наблюдалась положительная динамика в повышении уровня образования кадров.

Статистические показатели, характеризующие образовательный состав номенклатуры областного списка, ухудшались. Если в начале 1948 г. работники с высшим или незаконченным высшим образованием составляли 28,5%, в начале 1953 г. – уже 27%. И хотя доля номенклатурных кадров со средним (в том числе неполным средним или средним специальным) образованием уменьшилась на 1,5%, такую динамику нельзя считать положительной, поскольку на 3% увеличился удельный вес номенклату-

ры с начальным образованием. Причина такой ситуации заключается в том, что ежегодно номенклатура высшего эшелона на 62–65% пополнялась за счет людей с низших должностей, в том числе из обкомовской номенклатуры¹. Во-вторых, номенклатура обкомовского списка включала много должностей, сопряженных с работой в народном хозяйстве, для которых важнее было иметь производственный опыт для успешного выполнения государственных планов.

В начале 1950-х гг. новым явлением в статотчетах стало появление граф о наличии партийно-политического образования. На начало 1953 г. его имел каждый пятый представитель номенклатуры ЦК и каждый шестнадцатый представитель номенклатуры обкомов². Потребность в дополнительной идеологической закалке обуславливалась последствиями войны. Обуздание вольнодумства, прозападных симпатий в общественно-политической жизни возлагалось на «ждановщину». Для подготовки номенклатуры была упорядочена деятельность партийных школ: в 1946 г. была создана Республиканская партийная школа, одни областные школы, закрывались, а другие – укрупнялись. Идеологическая обработка с помощью партийных школ преследовала скорее профилактические цели, чем повышение общеобразовательного уровня. Наличие партийно-политического образования служило дополнительным козырем в карьере.

В 1947 г. в номенклатуре ЦК доминировали партийцы с довоенным стажем членства в ВКП(б). В начале 1950-х гг. постепенно увеличилась доля вступивших в партию в 1943–1945 гг. (21%)³. Подобная тенденция была характерна и для номенклатуры обкомов. В 1947 г. крупной категорией являлись работники, вступившие в партию в 1943 г. и позже (21,5%). Второе место по удельному весу занимали члены ВКП(б) с 1939–1940 гг. В 1952 г. ситуация изменилась и первенство уверенно держали лица, вступившие в партию в 1946 г. и позже (23,1%), а также 1943–1945 гг. (22,8%)⁴. Члены партии послевоенного призыва, бывшие фронтовики постепенно вытесняли партийцев сталинского призыва 1930-х гг.

Важным моментом в профессиональной карьере чиновника являлась вертикальная мобильность. Не отрицая существования субъективного фактора, влияющего на продвижение по служеб-

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 67. Д. 53. Л. 1.

² Там же. Д. 54. Л. 1; Д. 394. Л. 1.

³ Там же. Д. 53. Л. 1; Д. 392. Л. 1; Д. 54. Л. 1; Д. 394. Л. 1.

¹ Там же. Д. 53. Л. 2об; Д. 392. Л. 2об.

² Там же. Д. 392. Л. 1; Д. 394. Л. 1.

³ Там же. Д. 53. Л. 1; Д. 392. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 54. Л. 1; Д. 394. Л. 1.

ной лестнице (знакомства, родственные или земляческие связи), по нашему мнению, он не был определяющим. Точкой отсчета для карьеры являлось положение в подконтрольной сфере: для образцового секретаря того или иного партийного комитета, председателя исполкома, директора завода шансы получить повышение были высоки и без протекции.

Как указывают украинские историки А. Лысенко и Т. Першина, комплектование управленческих структур УССР в первые послевоенные годы происходило за счет различных категорий коммунистов – участников партизанского движения, демобилизованных, незначительного количества реэвакуированных. Приоритет «политических качеств» работника над «деловыми» предопределял заполнение руководящих должностей преданными людьми, которые не всегда являлись профессионалами. Отсюда – большой процент сменяемости. Например, в 1945 г. каждый третий среди сменившихся работников в номенклатуре ЦК был освобожден из-за некомпетентности и компрометации¹.

Озабоченность состоянием номенклатуры УССР выражало постановление ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. «По отчету ЦК КП(б)У по подготовке, подборе и распределении руководящих партийных и советских кадров в украинской партийной организации». Оно констатировало, что политика в отношении руководящих кадров проводилась «неудовлетворительно». За последние полтора года до выхода постановления среди руководящих республиканских, областных, городских и районных работников партийных, советских и хозяйственных органов Украины сменился каждый второй. При этом 62% сменившихся руководителей занимали последнюю должность менее года. Особенно большая текучесть наблюдалась в низовых звеньях².

На протяжении послевоенного периода количество ротаций в номенклатуре ЦК имело волнообразную динамику и составляло от 17 до 30% от общего числа работников. Для рассмотрения причин ротаций разделим их на три условные группы: «ротации положительные» (с положительной формулировкой), «негатив-

ные» (с негативной формулировкой) и «нейтральные» (с нейтральной формулировкой). Акцентируем внимание на условности такой классификации, поскольку за многими статьями трудно увидеть истинную причину ротации. К «положительным ротациям» относилась сменяемость с такими формулировками, приведенными в статистических отчетах:

- выдвинуты на большую работу;
- направлены для укрепления отстающих участков работы;
- направлены на учебу.

«Негативные ротации» отражены в статистике следующим образом:

- освобождены как несправившиеся с работой;
- отстранены от работы за нарушение директив вышестоящих органов;
- отстранены от работы как скомпрометировавшие себя.

К «нейтральным формулировкам» относятся такие причины сменяемости, как:

- перемещены для укомплектования вновь созданных должностей;
- призваны в Красную армию;
- умерли;
- освобождены по болезни и семейным обстоятельствам;
- освобождены по другим причинам;

За послевоенные годы по вертикали ЦК КП(б)У группы ротаций поменялись местами: если в 1945–1947 гг. «положительные» (21–28%) уступали «отрицательным» (50–36%), то в начале 1950-х гг. «положительные» причины ротаций (37–36%) опережали «отрицательные» (35–32%). В 1952 г. они снова поменялись местами. Все время среди группы «нейтральных ротаций» достаточно высокие показатели наблюдались по графе «освобождены по другим причинам» (от 10 до 17%), которая имеет скрытый смысл.

По обкомовской номенклатуре статистика позволяет судить только о 1947 и 1952 гг.: показатель сменяемости колебался от 24 до 27%. Данные свидетельствуют о почти равных показателях «положительных» и «отрицательных» ротаций в 1947 г. (соответственно 28,5% против 27,6%) и резкому увеличению увольнений с негативными формулировками в 1952 г. (23,5% против 37,5%)¹.

¹ Лисенко О.Є., Першина Т.С. Відродження державного управління в УРСР (1943–1945 рр.) // Нариси історії державної служби в Україні / [О.Г.Аркуша, Є.І.Бородін, С.В.Віднянський та ін.; редкол.: С.В.Кульчицький (кер. авт. кол.) та ін.]; Київ, 2008. С. 420–424.

² ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прокуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 49–52.

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 67. Д. 54. Л. 2; Д. 394. Л. 2.

Таким образом, статистика свидетельствует о сложном положении в кадровой сфере. Пристальное внимание Москвы к республиканским кадрам несколько улучшило положение в ней. В номенклатуре ЦК почти выровнялись суммарные объемы сменяемости с положительными, отрицательными и нейтральными формулировками. Однако это относилось к главным руководящим кадрам, которые проходили более тщательный отбор при назначении, а страх потерять должность и социальный статус несколько дисциплинировал.

На областном уровне ощущалась нехватка кадров и подобрать замену было сложнее. В 1952 г. до 28% возросло количество освобожденных без одновременной замены, тогда как в номенклатуре ЦК этот показатель равнялся 17%¹. Несмотря на более разнообразные источники комплектования, подобрать замену было не так просто. Такая ситуация являлась следствием войны: учитывались не только место и род занятий кандидата в 1941–1945 гг., но и его ближайших родственников. Всех лучших кооптировало ЦК.

Сложилась интересная ситуация. ЦК ВКП(б) и республиканское ЦК уделяли пристальное внимание подбору номенклатуры. Тем не менее, удалось достичь лишь суммарного выравнивания увольнений с положительными и отрицательными формулировками. Складывается впечатление, что ЦК не могло решить кадровую проблему. Причина низких темпов улучшения показателей сменяемости заключалась в превращении номенклатуры должностей в номенклатуру определенных лиц. То есть по существу перетасовывалась одна и та же кадровая колода. Этот процесс, отмеченный в разных партийных постановлениях, со временем усугублялся.

Таким образом, послевоенные годы ознаменовались существенными качественными изменениями в составе номенклатуры Советской Украины. Окончание войны, постепенное восстановление народнохозяйственного комплекса способствовали улучшению работы с кадрами. К руководящим и ответственным должностям продвигались чиновники послевоенного призыва – прошедшие войну, доказавшие преданность родине и незапятнанность себя сотрудничеством с немцами, вступившие в партию в 1943 г. и позже. Этот набор постепенно вытеснял номенклатуру сталинского призыва второй половины 1930-х гг. Необходимым условием карьерного роста стало наличие партийно-поли-

тического образования, в ходе получения которого в сознание представителей власти внедрялись марксистско-ленинские установки с правками И. Сталина.

Качественные изменения в среде номенклатуры ЦК КП(б)У и областных комитетов партии несколько отличались. Если в первой увеличилось количество людей с высшим образованием, то в номенклатуре областного списка образовательные показатели, напротив, ухудшились. Республиканская партийная, советская, хозяйственная верхушка аккумулировала все лучшее, и естественно, пополнялась из номенклатуры областного списка. Качественные показатели последней улучшались медленно: было труднее подобрать замену, да и назначенные на вакантные должности, как правило, не блистали образованием.

Пристальное внимание к номенклатурным кадрам Советской Украины со стороны ЦК ВКП(б) – КПСС привело к снижению количества увольнений с негативными формулировками. Номенклатура медленно освобождалась от кадров военного времени, назначенных наспех и часто не имевших ни достаточного образования, ни опыта соответствующей работы.

О.В. Булгакова
г. Киев, Украина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УКРАИНЫ "ОТТЕПЕЛИ": ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

История повседневности является сегодня актуальным направлением истории, помогающим сквозь призму отдельных социальных групп переосмыслить те или иные исторические периоды. Жизнь интеллигенции периода «оттепели» (середина 1950-х – первая половина 1960-х годов), как социальной группы нуждается в переосмыслении с позиций сегодняшнего дня, и актуальной проблемы места и роли интеллигенции в жизни страны и общества. Интеллигенция наиболее остро откликнулась на перемены. Именно в это время зарождается движение

¹ Там же. Д. 394. Л. 2об.; Д. 392. Л. 2об.

шестидесятников – молодых людей ищущих новые формы в искусстве и не признающих каких-либо рамок в нем.

Изучением интеллигенции занимаются такие украинские исследователи, как В. Даниленко, Г. Касьянов, Т. Марусик и др. Периоду «оттепели» посвящены научные сборники вышедшие в 1994 и 2006 гг. в Институте истории Украины НАН Украины¹. В целом о периоде 1950–1960-х гг. речь идет в томе 13 серии «Україна крізь віки»². Проблемы социальной истории и истории повседневности социально-профессиональных групп находятся в центре внимания украинских историков: В. Крупины – исследование партийно-государственной номенклатуры; Н. Хоменко, О. Янковской, П. Бондарчука, М. Смолницкой, В. Швыдкого, С. Юсова, Н. Лаас и др.

Середина 1950-х годов характерна коренными сдвигами в жизни страны и общества. Так, по мнению Виктора Крупины «начало «оттепели» разбудило надежды на изменения общественно-политической жизни»³.

Интеллигенция в силу своей роли и миссии поводыря нации, народа одной из первых отозвалась на победы свободы творчества, которые несла «оттепель». «Вечно беспокойная украинская интеллигенция»⁴ с воодушевлением приветствовала общественно-политические преобразования в государстве. Она сразу приобщила к активной деятельности направленной в защиту украинского языка, культуры и истории.

Начало «оттепели» сопровождалось послаблением присущего сталинизму всеобъемлющего страха, жестокого идеологического контроля, прекратился массовый террор относительно инакомыслящих. На некоторое время деятели культуры получили возможность для творчества, самовыражения. Больше вни-

мания уделялось гуманитарным исследованиям. Ослаблялась политика самоизоляции. Постепенно повышался жизненный уровень населения. Морально-политическая атмосфера времен «оттепели» побуждала граждан Украины задуматься над судьбой своей Родины, над декларируемой тогдашней национальной политикой и механизмом ее воплощения, над структурой и принципами построения и функционирования СССР, сопоставлением их с постулатами ряда тогдашних международных хартий и деклараций относительно прав и свобод человека, с опытом других стран, с достоянием мировой цивилизации¹.

Гуманитарная интеллигенция будет рассматриваться нами, как общность социально-профессиональных групп интеллигенции занятых в гуманитарной сфере. Так, исследовательница гуманитарной интеллигенции Т. Марусик включает в ее состав такие социально-профессиональные группы – педагогическую, литературно-художественную, культурно-образовательную, научную (гуманитарная сфера) и духовенство².

Интеллигенция Украины не была однородной социальной группой. Внутри она делилась на подгруппы – условно можно назвать на тех, кто соглашался с властью и стал определенным ретранслятором политики власти. Сегодня этот поведенческий тип в литературе называется конформизмом. Именно эта подгруппа интеллигенции собиралась на встречи с властью, была включена в разнообразные союзы, которые объединяли представителей интеллигенции. Вторая группа включала в себя представителей интеллигенции, которые не соглашались с властью, более того не входили ни в какие союзы, так называемые – неконформисты. И наконец, третьи представители интеллигенции, которые просто работали, не выражая своих убеждений и несогласия с властью.

Именно в этот период происходят изменения условий труда и жизни гуманитарной интеллигенции. Отправной точкой изменений стал XX съезд КПСС. Он стал тем предвестником, который был призван в корне изменить жизнь страны и общества, пробудить его и освободить от иллюзий. После XX съезда КПСС началась либерализация жизни страны. А именно – реабилитация представителей гуманитарной интеллигенции, расширения рамок для работы, открытие архивов, частичное возвращение из

¹ Хрущов М.С. і Україна. Матеріали наукового семінару 14 квітня 1994 р., присвяченого 100-річчю від дня народження М.С. Хрущова. Київ, 1995; Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: зб. ст. Вип. 10: Хрущовська «відлига»: передумови, реалії, наслідки. Матеріали «круглого столу» / відп. ред. В.М. Даниленко. Київ, 2006.

² Баран В.К., Даниленко В.М. Україна в умовах системної кризи (1946–1980-ті рр.). Т. 13. Київ, 1999 (Україна крізь віки: в 15 т.); Касьянов Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960–80-х рр. Київ, 1995.

³ Крупина В.О. Влада радянської України в оцінці громадян (друга половина 1940-х – початок 1950-х рр.) // Український історичний журнал. 2009. №. 6 С. 124–135.

⁴ Даниленко В.М. Українська інтелігенція як об'єкт репресивної політики сталінського режиму в повоєнний період (1946–1953 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип. 7. Київ, 2003. С. 406–420.

¹ Юрчук В.І. Культурне життя в Україні у повоєнні роки: світло і тіні. Київ, 1995. С. 54–55.

² Марусик Т.В. Західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності (40–50-ті рр. ХХ ст.). Чернівці, 2002. С. 12.

небытия представителей гуманитарной интеллигенции и их научных трудов.

Политические изменения периода «оттепели» способствовали культурно духовной жизни страны. Так, по мнению В. Даниленка, «в 1950–60 гг. "украинскость" проникла глубже всего во все поры общества, во все клеточки его жизни»¹.

На рубеже 1950–60-х годов расширились связи Украины с внешним миром. Все чаще за границу выезжали туристские группы, творческие коллективы. В данный период состоялись гастроли Государственного украинского народного хора в ФРГ, Государственного ансамбля танца УССР во Франции, поездка группы деятелей украинской культуры в США и Канаду². Много гастролировал известный оперный певец Борис Гмыря. Так, на выступление в Китае в декабре 1956 года, местная пресса отозвалась: «Все спетое Б. Гмырей – идеально! Его пение – божественное – земные певцы так петь не могут...»³.

Одним из первых вопросов, поднятых интеллигенцией в этот период, стал вопрос об украинском языке. Все чаще на страницах газет, в частности «Литературной Украины», появляются статьи в поддержку украинского языка и очистки его от русизмов. Увеличивается количество периодических изданий на украинском языке.

В 1963 году прошла конференция по вопросам культуры украинского языка. Ее историческое значение заключалось в отбрасывании двуязычности и поддержке украинского языка.

Именно «оттепель» способствовала зарождению движения шестидесятников – представителей преимущественно молодого поколения интеллигенции, которые не соглашались работать в рамках «социалистического реализма» и искали новые формы самовыражения в творчестве, ориентируясь на «самопознание национального». Как отмечал Л. Танюк – «оно (движение шестидесятников О.Б.) – не просто признак определенного исторического промежутка. ...Оно было характерно единством мироощущения, цельностью этики, особенной настроенностью на правду»⁴.

¹ Даниленко В. Політичні зміни в СРСР і Україні в період хрущовської «відлиги» // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика / відп. ред. В.М. Даниленко. Київ, 2008. Вип. 14. С. 3–17.

² Баран В.К. Україна: новітня історія (1945–1991 рр.). Львів, 2003. С. 184.

³ Дневники. Щоденники, (1936–1969) Б.Р. Гмыря; сост. А.В. Принц. Харьков, 2010. С. 533.

⁴ Танюк Л.С. Парастас: Художньо-публіцистичний твір. Київ, 1998. С. 24.

Сами представители движения, по словам культуролога Р. Корогодского, называли себя «наследниками расстрелянного возрождения» 1930-х годов, а своей целью ставили – «создавать качественно новую культуру». Вырос интерес интеллигенции к запрещенным ранее писателям. Представители интеллигенции чувствовали свою неразрывную связь с интеллигенцией 1920–30 гг., чувствовали себя продолжателями традиций: «...Мы – наследники классики, мы – наследники "расстрелянного возрождения". Эту потугу следует научиться воспринимать как связь традиций и собственным творчеством подпереть духовную апсиду национального возрождения хотя бы на одном нам доступном участке – творить качественно новую культуру»¹.

Представители шестидесятников искали новые формы в искусстве, литературе. Совсем не то и совсем не так, как тому учили в институте, рисовали Виктор Зарецкий, Алла Горская, Людмила Семикина, Галина Севрук, Панас Заливаха².

На жизнь, творчество и мировоззрение шестидесятников влияла западная культура. Молодежь увлекалась произведениями А. де Сент-Экзюпери, А. Камю, Ф. Кафки, Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэя. К тому же в это время в мире развернулась научно-техническая революция. Состоялся рывок в таких науках, как кибернетика. Это привело к убеждению, что культура Украины должна рассматриваться в контексте не советской, а мировой культуры.

Наиболее ярко изменения отразились в литературе и искусстве. К этому движению принадлежали: В. Симоненко, Л. Костенко, И. Драч, И. Дзюба, Е. Сверстюк, В. Чорновол, Д. Павлычко, В. Коротич, Б. Олійник, В. Стус, А. Горская, В. Зарецкий, Л. Семикина и др.

С творчества шестидесятников началось культурно-национальное пробуждение Украины. Молодые художники выступали против фальши в изображении советской действительности, стремились сломать шаблоны и найти новые изобразительные формы, переступить через одномерное, одноцветное, догматичное восприятие мира. В их произведениях чувст-

¹ Корогодський Р. Брама світла. Шістдесятники. Київ, 2009.

² Касьянов Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960–80-х років. Київ, 1995. С. 18.

лась боль за человека, за общество, причастность ко всему, что происходило вокруг¹.

В 1962 и 1963 гг. происходили встречи партийного руководства с деятелями интеллигенции, сначала в Москве, а впоследствии совещания прошли и в Киеве. Их итогом стала позитивная оценка деятельности одних представителей интеллигенции (Д. Павлычка, В. Коротича, В. Коломийца) и упреки в адрес других (И. Драча, Л. Костенко, В. Некрасова).

Постепенно критика власти в сторону интеллигенции, в частности представителей шестидесятников становилась все громче. Это привело к тому, что в 1962–1963 гг. либеральная политика власти относительно интеллигенции меняется регламентацией, созданием рамок и препятствий и в конечном итоге жестким контролем.

События в Манеже имели влияние и на художников Украины. Критиковались не только современные украинские художники, но и «бойчукисты». Школа художников, созданная М. Бойчуком, имела особенный, неповторимый колорит. Произведения бойчукистов отмечались лиризмом, поэтичностью, приглушенной тональностью. Полотна и гравюры, выполненные ими, ощущают контрастировали с официальным искусством. Художников называли «врагами реалистических традиций», обвиняли в «контрреволюции», принуждали каяться и «исправляться». В начале 60-х гг. по поручению ЦК Компартии Украины в Музее украинского искусства была устроена закрытая выставка бойчукистов. Произведения М. Бойчука, В. Седяра, И. Падалки, О. Павленко, других художников выставили на обзор аппаратных работников. В 1963 году за «формализм» и «бездушные абстракции», за возрождение бойчукизма критиковались художники П. Бедзира, Ф. Семона, Ф. Манайла, И. Литовченко, В. Патика, Л. Кремницкая и др.²

Как отмечалось выше, по своим общественно-политическим взглядам и поведению интеллигенция была неоднородной и делилась, условно, на три группы. Чем же была наполнена жизнь интеллигенции этого периода?

Конформисты свое творчество направляли исключительно в русле партийных установок и внедряли метод социалистического реализма. Лояльность поощрялась разного рода привилегия-

ми и вознаграждениями. Обязательным был вход в творческий союз соответственно роду деятельности и признания заслуг старших коллег. Материальное благополучие влияло на направленность деятельности. Как отмечала Т. Коржихина: «наступило время «коллективизации» писателей, художников, музыкантов, получивших каждый по своему «колхозу» в лице союзов писателей, художников, музыкантов»¹. Следует отметить, что творческие союзы решали многие бытовые проблемы представителей интеллигенции, которые в них входили, но полностью контролировались властью.

Диаметрально противоположную точку зрения на жизнь и творчество занимали представители второй и третьей условных групп интеллигенции.

Объединение интеллигенции происходило вокруг клуба творческой молодежи «Современник». Сюда входили и научные работники, в частности: историки, переводчики, писатели, поэты, художники. Проводились творческие вечера, ставились пьесы, художественные выставки, вечера молодой поэзии. Интеллигенция начала собираться возле памятника Т. Шевченко.

По-разному складывалась жизнь научно-педагогической интеллигенции. Кто-то из представителей этой социально-профессиональной группы занимался своей деятельностью в русле официальной идеологии. Однако среди научных работников были и те, кто чрезвычайно проникся проблемами и «белыми пятнами» отечественной историей, украинским языком, духовным развитием нации. М. Коцюбинская так вспоминала о повседневной жизни научных работников этого периода: «Общие походы в филармонию, вылазки на природу, в частности на волшебные плесы Матвиевского залива... Мы охотно собирались вместе, сами определяли темы для обсуждения (достаточно далекие от официоза, насколько помню). Организовывали литературные вечера... молодых поэтов. Чувствовалось постепенное раскрепощение мысли, сознательное переступание границ дозволенного, да и расширение этих границ»².

Известный историк Е. Апанович, которая занималась историей Украины XVI–XVIII веков, периодом украинского казачества, вспоминала: «Казачество – это было самопроявление украинского народа не только в милитарном, военном понимании,

¹ Політична історія України. XX століття: У 6 т. Т. 6: Від тоталітаризму до демократії (1945–2002) / О. М. Майборода, Ю. І. Шаповал, О. В. Гарань та ін. Київ, 2003. С. 178.

² Баран В.К. Україна після Сталіна. Нарис історії. 1953–1985 рр. Львів, 1992. С. 52.

¹ Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 21.

² Інститут літератури ім. Т.Г.Шевченка НАНУ 1926–2001: Сторінки історії / відп. ред. та упор. О.В. Мишанич. Київ, 2003. С. 589.

хотя это тоже важно, но и в создании государства. Сначала Запорожская Сечь — казацкая республика, потом Украинское Гетманское государство. Когда казачество стало "идеологическим криминалом", историку запретили над ним работать. Кроме того, в КГБ был составлен проскрипционный список ученых (он был в издательстве Академии наук), которым вообще нигде, даже в газетах, нельзя было печататься»¹.

Художественная интеллигенция жила чрезвычайно насыщенной жизнью. Например, всемирно известный кинорежиссер С. Параджанов, который жил в Киеве, был неким оазисом для творческих людей, которые, приехав в Киев, обязательно посещали его. Он принадлежал к нонконформистам. Как вспоминала Л. Палий, «С. Параджанов жил на шестом этаже на бульваре Шевченко напротив здания цирка. Лифт там почти никогда не функционировал, поэтому всем многочисленным посетителям приходилось карабкаться к нему, как будто на Арарат. Туда приходили сотрудники киностудии, художники, поэты. Дискуссии были пылкими и интересными, Параджанов, однако, царствовал над всеми»².

На киностудии Л. Палий встречала много интересных людей: режиссеров, актеров, художников. Это было время, когда культурная «оттепель» еще не совсем покрылась льдом и студия была тогда еще преисполненная энтузиазма, планов на будущее украинского кино. Собравшиеся говорили все по-украински. Режиссер-украинец, который приехал в Киев из Сибири, хвастался тем, как он очень быстро выучил украинский язык от друзей на студии. Говорили о религии, о крещении своих детей, критиковали оккупацию Чехословакии. Дискуссии происходили обычно в буфете киностудии, когда он был официально закрыт, Параджанов не принимал в них участия. Мечтали тогда о новых хороших украинских фильмах.

Так же, происходило и с художниками. Одни входили в союз художников и занимались творчеством исключительно в духе советского реализма, восхваляя советского крестьянина или рабочего, а другие искали новые формы самовыражения собственного мировосприятия путем кисти и красок.

¹ Овсієнко В. Коли козацтво стало ідеологічним криміналом... Фрагменти неопублікованих спогадів Олени Апанович // Політика і культура. 2000. № 10 (45). 17 березня. С. 41–43.

² Палій Л. Ще про Параджанова та кіностудію імені Довженка // Сучасність. 1985. Вересень. Ч. 9 (293). С. 12–15.

Художники не считались с трудностями и неурядицами, которые были вызваны их независимой общественно-политической позицией. Они проводили выставки своих работ на квартирах. Художники, которые входили в официальный союз художников, имели социальную защиту государства, на чердаках домов располагались их собственные студии. Лейтмотивом жизни гуманитарной интеллигенции могут быть слова Г. Якутовича, который, говоря о тогдашней жизни художников, вспоминал: «Мы верили в будущее»¹.

Повседневная жизнь гуманитарной интеллигенции «оттепели» была довольно насыщенной. Проводимые руководством страны социальные реформы улучшали жизнь граждан, по сравнению с послевоенным периодом. На трансформацию мировоззрения интеллигенции главным образом повлиял XX съезд КПСС, который стал предвестником «оттепели». Уже во второй половине 1960-х годов, жизнь интеллигенции коренным образом изменилась. Власть восстановила свой полный контроль над этой социально-профессиональной группой, постепенно уничтожив все ростки свободы творчества. Был закрыт Клуб творческой молодежи, объединявший шестидесятников, начались преследования инакомыслящих. Но это уже тема дальнейших исследований.

Б.П. Дементьев
г. Пермь

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ

Понятие ценности человека — это понятие социально относительное, но определенно устойчивое. Это отношение человека к материальным и духовным общественным благам, «фундамент», система отношения к миру.

¹ Петрова О. Контрмистецтво шістдесятників // Визвольний шлях. Суспільно-політичний і науково-літературний місячник. Кн.9 (546). Вересень 1993 р. — С. 1144.

Еще более конкретно: ценности — это то, что необходимо человеку для удовлетворения интересов, потребностей, а также идеи и то, что их рождает как идеал, как цель, как норма.

Мир ценностей любого человека и обширен и разнообразен. Но есть определенно фундаментальные ценности, которые являются «несущими конструкциями» в любой жизнедеятельности. Это — доброта, образованность, трудолюбие, толерантность, гуманность. Если утрачивается значимость таких ценностей, то в любой период истории, у любого народа начинает нарастать комплекс проблем.

И какие господствуют ценности, такое и общество, такие и люди. Не случайно, что феномен ценностей, проблема их формирования всегда стоит на первом месте на переходных этапах общественного развития. Именно такой этап характерен для современного российского общества, когда многое еще не стабильно — экономика, социальные отношения, юриспруденция, дезориентация личности и т.д. Налицо и проблема переоценки ценностей. При этом надо понимать, что отрицание прежних ценностей неизбежно в той или иной степени ведет и к отрицанию прежних форм жизни человека и общества в целом.

Поскольку ценности влияют непосредственно и опосредованно на поведение человека во всех жизненных сферах, то самым простым и наиболее понятным для классификации является их конкретно-предметное содержание. По этому критерию ценности могут различаться как политические, экономические, социальные, духовные и т.д.¹ Понятно, что дробление, дифференциация по этому критерию может насчитывать десятки и даже сотни ценностей. Например, по данной классификации могут быть разновидности ценностей как ценность семьи, ценность образования, ценность труда и многое другое.

Кроме ценностей, определяемых на основе их конкретно-предметного содержания, особо следует выделить так называемые базовые ценности. Базовые ценности представляют именно основу, фундамент ценностного мира людей и серьезно влияют и на идеи и на поступки людей в самых различных сферах жизни.

Таких ценностей не так и много и формируются они уже в детском и юношеском возрасте, то есть когда идет первичная социализация индивида и остаются такие ценности стабильными практически на протяжении всей жизни. Хотя радикальные

перемены, кризисы в жизни человека могут не только скорректировать, но и видоизменить достаточно устойчивую систему ценностей, видоизменить не только объем, состав, но и саму структуру ценностей, то есть саму иерархию соотношения ценностей, как индивидуальные, групповые, общественные. И то, что вчера было значимым, сегодня становится менее значимым, а завтра вообще может приобрести низкий статус.

В социокультурном плане ценности могут соотноситься с типом цивилизации, в которой возникли и функционируют. Например:

— ценности традиционные (когда человек подчиняет свое поведение обществу, тем ценностям, которые сложились как общепринятые);

— ценности либерального типа (когда интерес личности имеет приоритет перед интересами общества);

— ценности общечеловеческие (некая попытка гармонизировать традиционные и либеральные ценности, сформулировать ценности необходимые всем и каждому).

Ценности могут быть интегрирующими и дезинтегрирующими, объединяющими людей и разъединяющими их. Чем ценность более универсальная, тем больше функция интеграции и наоборот. Причем однотипная ценность может выполнять различные функции на разных стадиях общественного развития.

Ценности по функциональным основам могут быть одобряемыми и отрицаемыми, то есть которые большинство общества одобряет или отрицает.

На уровне отдельного человека ценности могут определяться как терминальные и как инструментальные. Ценности терминальные — это дальние, целевые ценности. Они в общем плане выражают идеалы, самые важные цели — это самооценочность человеческой жизни, свобода, семья, возможность трудиться, гармоничные межличностные отношения. Ценности инструментальные — это «близкие» ценности, служащие средством достижения дальних, терминальных ценностей. В инструментальных ценностях отражаются средства, нормы, качества индивида, которые позволяют человеку достигать поставленные цели — это инициативность, независимость, авторитетность и т.д. Естественно, что ценности терминальные более устойчивы и более статусны по отношению к инструментальным¹.

¹ Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. СПб., 2008. С. 56.

¹ Устиловский И. Богатство государства. М., 2000. С. 18.

По уровню групп потребностей человека ценности могут быть: витальные, то есть жизненнозначимые (безопасность индивида, его благополучие, комфорт); интеракционистские, то есть ценности, складывающиеся в процессе взаимодействия с другими людьми; социализированные — еще более сложные ценности, складывающиеся из усвоения или неусвоения идеалов, образцов, норм поведения, одобряемых данным обществом; смысловые¹, то есть ценности, которые позволяют человеку сказать себе, что он «не зря прожил или проживает свою жизнь».

В связи с этим, смысловые ценности по принадлежности особенно характерны для современного российского общества, так как для того, чтобы достичь благополучия, реализовать свои способности и таланты необходимо принадлежать к определенному социальному слою, социальной группе, иметь социальные связи.

При этом основные потребности, реализованные в возрасте детства, молодости и усвоенные как важные, необходимые, нередко становятся ценностными приоритетами на протяжении всей жизни. И особенно в молодости люди склонны отдавать приоритет тем потребностям, которые насущны только для сегодняшнего дня. Когда же эти потребности удовлетворены, они утрачивают свою ценность и уступают место другим ценностям.

Специфика ценностей, особенно как феномена молодежной культуры состоит в том, что различные, а иногда ценности и противоположного плана могут уживаться в сознании и поведении одного и того же человека. Дело в том, что каждый человек отождествляет себя не с одной единственной ценностью (пусть даже очень «ценной»), а с определенной комбинацией целей. Ведь в процессе жизни человека ценности взаимодействуют между собой, образуют некую систему самых различных (по важности, необходимости, первостепенности и т.д.) элементов.

Какова у человека система ценностных ориентаций, такова психологическая характеристика зрелости (или незрелости) личности. Система ценностных ориентаций выражает в комплексе содержание отношения человека к обществу и в этом плане довольно четко и направленно определяет мотивацию поведения, оказывает весьма существенное воздействие на все стороны жизни человека. Каждый социум в итоге имеет уникаль-

ную ценностную, ориентационную структуру, в которой отображается самобытность культуры общества.

И поскольку комплекс ценностей, которые человек приобретает в процессе социализации ему прививает именно общество, то именно в современной российской действительности приобретает особое значение механизм этой «трансляции» ценностей. Это особенно актуально в периоды радикальных социальных изменений, когда налицо серьезная неопределенность и неустойчивость общественных и личностных ценностей, а в отношении ценностей личности и общества, личности и государства проявляется немало противоречий.

Почему в современном российском обществе люди склонны иметь именно базовые ценности, как защитительные ценности? Ответ очевиден из нашей истории. В XX веке на жизнь одного (каждого) поколения приходился крах не одной идеологии, не одной «сверхидеи», «сверхцели». Эти суперпроекты сопровождались мощным воодушевлением народа, перенапряжением сил, кровопролитными войнами. Это истощало и генофонд нации, и потенциальные возможности. Поэтому на уровне подсознания людей уже существует своеобразный комплекс опасения «сверхидеи», «сверхцелей». Это защитительная, оборонительная реакция человека, реакция самосохранения.

Поэтому сама по себе «сверхцель» никуда и никого гарантированно не поведет. Она не гарантирует поступательного и плодотворного движения вперед. Вот почему россияне в массе своей сегодня не воспринимают крайние политические и социальные идеи и движения, независимо левые они или правые.

Но и общество и отдельный человек не могут топтаться на месте без какого-либо целеполагания, без системы ценностей. «Выживай, как можешь», «делай деньги» — это не система ценностей. На таких «ценностях» страна, общество не сможет развиваться. А в современном мире если не развиваться, то значит отставать и разрушаться.

Критическое осмысление прежних ценностей в современном российском обществе нередко сопровождается их полным отрицанием и отрицанием всего опыта предшествующих поколений. В связи с этим и констатируется кризис ценностей в общественном сознании. Ценности в современной России действительно могут противоречить друг другу. Жить по-старому не хотят уже многие, но одновременно это сочетается с разочарованием в новых реалиях, целях, которые стали для многих или недостижи-

¹ Распутин К. Возрождение России. М., 2003. С. 45.

мы или фальшивы¹. Ностальгия по великой стране порой спокойно уживается с изоляционизмом и ксенофобией. Восприятие свободы и частной инициативы, с одной стороны, и нежелание брать на себя ответственность, с другой стороны. Желание оградить свою частную жизнь от вторжения государства легко сопровождается желанием «сильной руки, которая наведет порядок». Это лишь некоторые реальные противоречия системы ценностей сегодняшнего дня.

Вообще, сегодня в ментальности россиян в первую очередь актуализированы ценности, которые ассоциируются с деятельностью государства. Одна из основных — это законность. Запрос на законность — это запрос на социальную стабильность, на политическую и экономическую стабильность, на гарантии того, что люди не будут выброшены из привычного жизненного уклада. Причем, ценность закона в понимании россиян — это не общеправовая ценность, а жизненная ценность в конкретно-человеческом смысле, когда государство устанавливает такой порядок в обществе, когда на деле обеспечивается безопасность человека. Отсюда и значимый рейтинг безопасности как одной из главных ценностей витального типа. Это показывает, что в понимании большинства россиян при всех произошедших радикальных переменах все же преобладает отождествление государства с гарантом общественного порядка, распределителя всевозможных благ. Вот почему в настоящее время как гарантия равновесия одним из главных приоритетов, ценностей россиян является ориентация на семью, на достаток, на частную жизнь². В ситуациях кризисов, глобальных и региональных для большинства россиян семья стала той гаванью, тем «убежищем», где человек может укрыться от этих кризисов и оставаться самим собой. Итак, основу ценностей человека в современной России составляют ценности безопасности, законности, семьи, достатка. Эти ценности выполняют структурную, интегрирующую функцию. На периферии ценностей оказываются свобода, демократия, духовность. Такие типично демократические ценности как свобода, собственность в сознании большинства россиян не имеют первостепенного значения. Соответственно, ценности свободы, демократии не особенно популярны в народе. В определенной степени это происходит оттого, что в обществе господ-

ствует убеждение (не совсем обосновательное), что закону не подвластны богатые и властные люди, а раз так, то и на «низах» можно не соблюдать закон. Отсюда, с одной стороны, правовой нигилизм, вседозволенность, настороженное и прохладное отношение к демократии. А с другой стороны, существует реальная потребность на реальную законность как элементарную и необходимую ценность.

И с точки зрения укоренения ценностей законности значительную роль должны сыграть российские элиты. И ценности элиты и общества могут не совпадать, но не должны быть диаметрально противоположны. Наша, например, бизнес-элита став «скоробогатой» и нарочито демонстрирующей богатство не имеет заслуг перед обществом, не пользуется уважением и авторитетом в массах и не может быть духовным лидером. Какие же должны быть ценности элиты в переходной экономике и переходном обществе современной России, где значительная бедность, социальная поляризация населения постоянно воспроизводят популистские ценности и упрощенные рецепты решения всех проблем? Ведь элиты должны понимать, что бедный человек не может быть по-настоящему свободным. Что бедность и чрезмерное социальное неравенство — это питательная среда любого радикализма. Лозунги наведения порядка и социальной справедливости могут ведь служить и делу созидания, мобилизации и делу разрушения, раскола. Стратегические ценности элиты должны состоять в том, чтобы на базе устойчивого экономического развития (а для этого надо инвестировать в собственные предприятия, а не вывозить капиталы за рубеж) создать высококвалифицированные и высокооплачиваемые рабочие места (а для этого надо создавать центры обучения) и уменьшать разрыв социального неравенства (а для этого умирять собственные аппетиты). Только тогда будут создаваться необратимые условия для укоренения ценностей политической и экономической конкуренции. И чем больше людей почувствуют свою выгоду, ценности преобразований, тем необратимей станут и сами преобразования, и устойчивое положение, устойчивый статус элит. Например, беда российских либералов заключается в том, что хорошие, красивые (без кавычек) западные ценности (свобода, парламентаризм, выборы руководителей различного ранга, предпринимательская независимость от государства и т.д.), автоматически перенесенные в 1990-е годы на российскую политическую, экономическую, социальную, культурную почву не только не стали ценностями большинства россиян, но привели к

¹ Беглярова И. Демографическая ситуация — производное состояние общества // Российская Федерация сегодня. 2007. № 11. С. 15.

² Леонов Н. Крестный путь России. М., 2002. С. 32.

обнищанию этого большинства и, следовательно, превратились в «антиценности».

Сегодняшняя элита должна учесть уроки недавнего прошлого. Либо ее ценности будут так или иначе восприняты большинством россиян как необходимые и России и этому большинству ценности, либо элита и властные структуры в целом начнут необратимо терять поддержку масс.

В.А.Порозов
г. Пермь

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Педагоги средней школы являются одними из самых многочисленных представителей интеллигенции, в каком бы контексте мы не рассматривали этот термин – в профессионально-социологическом или оценочно-этическом. В исследовании, проведенном на материалах Западного Урала – Пермского края и Удмуртской Республики в свое время, было показано, что это действительно так и в количественном отношении, и в той социальной роли, которые играют учителя в общественной жизни, особенно на селе.

Так в 1970–1986 гг. общая численность учителей в общеобразовательных школах региона колебалась в пределах от 34,6 тыс. чел. в 1980–81 учебном году до 42,4–42,8 тыс. чел. в 1970–71 и 1985–86 учебном годах¹. При этом численность работников с высшим образованием неуклонно повышалась: если в 1971 году в регионе высшее образование имели 17584 учителя дневных общеобразовательных школ, то в 1985 году – 23581 учитель. Соответственно сокращалась численность учителей, не имеющих специаль-

ного образования: в 1971 году с общим средним образованием работало 2705 учителей, в 1985 году оставалось лишь 339¹.

В контексте социальной мобильности нельзя не отметить фактор неуклонной феминизации системы образования: 1971 год – женщины составляли 80,4 процента педагогов школы; 1985 год – 85,3 процента. Еще более показателен в этом отношении рост числа женщин среди директоров школ: с 40,2 процентов он достиг 59,1 процента². Разумеется, этот фактор с точки зрения оценки роли женщины в общественной жизни можно оценить как прогрессивный, но отрицательных последствий для социального здоровья и перспектив российского общества здесь, безусловно, значительно больше. Если сравнить эти показатели со средними по России (соответственно 78,1 и 82,1; 34 и 51,5³), то очевидно, что, в сравнении с национальными окраинами страны, роль мужчины в обществе с детских лет оказывается приниженой.

И речь идет не только о педагогическом процессе в стенах школы. Повседневная индивидуальная работа с детьми, внеклассная работа по предмету, организация комсомольской и пионерской жизни класса, руководство кружками и секциями, летним отдыхом детей, трудовое воспитание и профессиональная ориентация учащихся, походы, экскурсии и поездки, работа с детьми по месту жительства, с дошкольниками, с преждевременно покинувшими школу учащимися, их трудоустройство после выхода из школы – вся эта по существу обязательная для учителя работа проводилась им в течение ненормированного рабочего дня, за счет личного времени, сил и возможностей, желания выполнить предъявляемые к школе требования. Выполнять же их можно было только при равнодушном отношении к детям, их судьбам, с творческим энтузиазмом. Если же энтузиазма не доставало, то заставить учителя проделать все это в полном объеме было практически невозможно. Финансовая оценка труда шла по урокам, оплата классного руководства была чисто символической – 10 рублей в месяц.

Все больше мероприятий проводилось по краеведческой тематике, изучалась, в различных аспектах, история своего края. Эта работа сочеталась с военно-патриотическим воспитанием, осуще-

¹ Подсчитано по: Народное хозяйство Пермской области в 11-й пятилетке: Стат. сб. Пермь, 1986. С. 173; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Стат. сб. Пермь, 1979. С. 121; Народное хозяйство Удмуртской АССР в 11-й пятилетке: Стат. сб. Устинов, 1986. С. 169.

¹ Подсчитано по: Центральный архив министерства просвещения РСФСР (ЦА МП РСФСР). Ф. 2306. Оп. 76. Д. 3307. Л. 4; Д. 3305. Л. 37; Отчеты Ф. №83-рик по Пермской обл., Удмуртской АССР на 1 октября 1985 г.

² Там же. Данные по дневным общеобразовательным школам, без совместителей.

³ ЦА МП РСФСР. Статотчет по форме РИК №83 на 1 октября 1971 г. в ЦСУ СССР; Итоговый отчет Ф. №83-рик по РСФСР на 1 октября 1985 г.

ствлялась поисковая работа, связанная с историей Великой Отечественной войны. Развивалась система туристических поездок учителей с учащимися по стране во время школьных каникул.

Социальная роль учителя вообще уникальна. Он не только воспитывает подрастающие поколения, но и, в прямом и переносном смысле, формирует будущее страны. В силу своих профессиональных обязанностей он работает с родителями учащихся, оказывает прямое воздействие на систему ценностей, семейные отношения. В силу же своего социального статуса, особенно на селе, он проводит большую общественную работу, формируя микроклимат окружающего социума. В советский период жизни нашего общества это было очевидно. «Особая ответственность, – отмечала в 1980 г. секретарь Еловского райкома КПСС Пермской области Т.А. Калашникова, – возлагается на кадры устной политической агитации в наиболее напряженные периоды сельхозработ (заготовка кормов, уборка урожая). Наоборот, в эти моменты затихает работа нашего идеологического актива. Объясняют это в основном тем, что педагоги находятся в этот период в отпуске, а больше, видите ли, вести эту работу некому»¹.

Практиковалось обучение все более широких кругов интеллигенции в вечерних и заочных университетах марксизма-ленинизма. И здесь учителей оказывалось «больше всех». Так, в 1979/80 учебном году в г. Сарапуле обучалось в данной форме политического просвещения 26 директоров, 14 главных специалистов предприятий, 20 работников учреждений культуры, 30 медицинских работников и 224 учителя². Решено было поддерживать инициативу московских учителей, стремившихся к тому, чтобы у каждого педагога было высшее политическое образование. К началу 80-х гг. в Индустриальном районе г. Перми, например, его имел каждый третий учитель³.

Учитель должен быть в курсе важнейших достижений педагогической науки – проводятся педчтения, теоретические конференции. Ему необходимо уметь обращаться с техническими средствами – организуются специальные семинары. Нужен постоянный обмен опытом работы – совершенствуется деятельность методических объединений, проводятся творческие отчеты учителей и педагогических коллективов. Принимается Постановление ЦК

¹ Государственный архив новейшей истории Пермского края (ГАНИПК). Ф. 84. Оп. 48. Д. 19. Л. 16.

² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 79. Оп. 15. Д. 4. Л. 46.

³ ГАНИПК. Ф. 1. Оп. 98. Д. 25. Л. 122.

КПСС и Совета Министров СССР о сельской школе – и городские учителя налаживают с нею контакты, принимают в своих школах детей и преподавателей, сами выезжают на село. Это принесло бы немалую пользу, если бы горожанам удалось избежать соблазна выступить лишь в роли очередных проверяющих.

В качестве важнейшего направления общественно-политической деятельности интеллигенции рассматривалась лекционная работа среди населения. Практически в каждой средней и восьмилетней школе существовала первичная организация общества «Знание». До половины численного состава лекторов районных и городских организаций составляли учителя. В Удмуртии на 1 января 1971 г. из 15807 членов общества «Знание» 7236 работали в школах и ПТУ¹.

Лекционная работа в рассматриваемый период стала отличаться некоторым разнообразием форм. Лекторы выступали на тематических вечерах, организовывали экскурсии, кинолектории, обзоры, активнее использовали радио и телевидение, участвовали в общественно-политических чтениях, обменивались опытом работы. В практику ряда первичных организаций общества прочно вошла аттестация лекторов. В некоторых школах осуществлялось прослушивание, обсуждение и рецензирование лекций.

За школами в организованном порядке закреплялись определенные предприятия и учреждения для ведения пропагандистской работы в трудовых коллективах. Так, школа №13 г. Чусового имела шесть таких предприятий: автотранспортное, Чусовлес, горгаз и др.² Лучшие лекторы объединялись в городские и районные лекторские группы, включались в число докладчиков райкомов. Некоторые учителя направлялись в производственные коллективы пропагандистами партийной политсети, политинформаторами и агитаторами. В числе самых опытных лекторов, докладчиков, пропагандистов в конце 1960-х – начале 70-х гг. назывались в Пермской области педагоги В.Г. Гомзяков (пос. Суксун), А.П. Козюков (с. Орда), В.А. Лаптев (г. Лысьва), А.А. Мазейна (с. Юрла), Ф.И. Чугайнов (с. Кочевы), Г.С. Шаврин (г. Чердынь) и многие другие³.

В ряде случаев учителя входили в состав районных правлений общества, бюро, секций, научно-методических советов. Сле-

¹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. р1152. Оп. 1. Д. 323. Л. 1; Д. 415. Л. 1.

² ГАНИПК. Ф. 1241. Оп. 51. Д. 26. Л. 24.

³ Там же. Ф. 85. Оп. 57. Д. 2. Л. 116; Ф. 105. Оп. 297. Д. 111; Ф. 2284. Оп. 37. Д. 4. Л. 18.

дует, однако, отметить, что представительство учителей в руководящих органах чаще всего было значительно меньшим, чем в составе всей организации. Столь же «закономерно» меньшее представительство учителей в руководящих органах города в сравнении с их представительством в сельских районах. Разумеется, в городе стать председателем правления учителю было невозможно: на это место был богатый выбор кандидатур из среды преподавателей вузов и техникумов.

Разрыв между отчетными показателями общества «Знание» и реальным положением дел увеличивался. Первичные организации общества теряли свое лицо. В ряде их весьма низким был уровень организационной и методической работы с лекторами. Немало формализма наблюдалось в организации лекций в производственных коллективах. Весьма таинственным феноменом стало «Педагогическое общество РСФСР». Формально все учителя являлись его членами, но вообще с трудом представляли себе, в чем состоит его деятельность. Иногда два добровольных общества сливались в одно и называли его «Педагогическое общество "Знание"» – такой термин встречается как на уровне первичных партийных организаций, так и в документах органов управления¹.

Различные формы политико-массовой работы на практике смешивались: представители идеологического актива, как правило, совмещали обязанности и пропагандистов, и лекторов, и политинформаторов, и агитаторов. Функции агитаторов на практике все сужалось – вплоть до решения некоторых организационных задач в период подготовки к выборам (проверка списков избирателей и т.п.). Погоня за формальными, цифровыми показателями приводила к тому, что каждый выход на аудиторию учитывался по каждой из форм агитационно-пропагандистской работы одновременно, результат – полная дезорганизация статистики в этой сфере деятельности.

Участие учителей в многоплановой общественной работе нередко имело следствием их перегрузку, что отрицательно сказывалось на выполнении ими профессиональных обязанностей. По этой причине городские учителя, как правило, более загруженные профессионально, всячески старались избегать участия в этой работе, оформляя в качестве лекций тематические выступления на родительских собраниях один-два раза в год. Соответственно периодически созываемые родительские собрания выдавались за университеты педагогических знаний.

¹ ЦГА УР. Ф. р565. Оп. 2. Д. 454. Л. 39; ГАНИПК. Ф. 1. Оп. 88. Д. 20. Л. 66.

При огромной загруженности одной части учительского коллектива общественными поручениями как внутри школы, так и вне ее, другая часть, зачастую значительно большая в количественном отношении, не имела желания принимать участие во внеучебной, непроизводительной деятельности вообще. Это также являлось одной из причин «перегрузки» общественников-энтузиастов и некачественного выполнения той или иной работы.

Что касается деятельности других обществ и организаций – ДОСААФ, ОСВОД, Общества охраны памятников истории и культуры, Советского фонда мира и др., то работа в них велась в основном на «верхушечном» уровне освобожденными работниками и узким кругом актива. Одним из важнейших показателей такой работы был сбор членских взносов. Возможность коллективного членства в ряде организаций допускала ситуацию, когда предприятия «откупались» от них, перечислив требуемую сумму. Массовая работа велась опять же главным образом в учебных заведениях, с помощью преподавателей. Заслуживающим доверия представляются следующие выводы руководителей районных организаций Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «Я не ошибусь, если заявлю, что 60–70 процентов работы Общества приходится на учащиеся школ»; «В основном членами общества являются дети»¹. Повышенный интерес широких кругов интеллигенции вызвала деятельность лишь Общества книголюбов, дававшего некоторые привилегии в приобретении дефицитной литературы: доля учителей в его активе, в сравнении с другими общественными организациями, меньше.

Педагоги школы входили в городские и районные комитеты различных смотров, работали общественными инспекторами по охране прав детей, выходили на дежурства в качестве членов добровольной народной дружины, их включали в состав праздничных комиссий, советов по наглядной агитации и т.п. Они привлекались к работе райкомов ВЛКСМ и, независимо от возраста, участвовали в работе их штабов и комиссий; возглавляли работу пионерской организации в ее советах, в которых вообще не было ни одного пионера; аттестовали секретарей комсомольских организаций, проверяли конкурсные сочинения и рефераты. Именно учителей в первую очередь называли организаторами атеистической работы, причем наиболее популярными в этом плане оказывались почему-то учителя химии.

¹ ЦГА УР. Ф. р1533. Оп. 1. Д. 52. Л. 47, 212.

На селе учителя нередко выступали в качестве организаторов и активных участников культурно-массовой и спортивной работы, входили в состав советов домов культуры и клубов, спортивных обществ. В городах проводились учительские спартакиады и смотры художественной самодеятельности педколлективов. Многие из подобных мероприятий посвящались памятным датам в истории государства, республики, городов и имели определенную общественно-политическую направленность.

Важной составляющей работы учительства со взрослым населением стало вовлечение в систему вечернего и заочного образования тружеников города и села. Уроки оплачивались, но парадокс был в том, что деньги учителя получали порой за «мертвые души», т.е. за учащихся по списочному составу, а не за реально занимающихся учеников, что деморализовывало учителей, разрушало систему образования и обесценивало аттестат.

Большая работа проводилась педагогами в период выборов представительных органов власти: избирательные участки располагались также преимущественно в школах. Представители учительства, хотя и в минимальных пропорциях, обязательно избирались в официальные органы государственной власти – Советы народных депутатов, в партийные органы всех уровней. Так, в 1977 г. из 1660 депутатов районных советов в городе Перми 56 были учителями¹. В период избирательных кампаний учителя активно использовали возможности для составления наказов депутатам, обращая внимание, прежде всего, на необходимость строительства школьных зданий и интернатов, укрепления учебно-материальной базы народного образования².

В выборных органах, как правило, интеллигент продолжал заниматься своей профессиональной деятельностью, поэтому учитель (как правило, директор одной из школ) работал в комиссии по народному образованию. Комиссии снова занимались проверками и рассматривали («заслушивали») вопросы деятельности школ. Своего бюджета органы власти на местах фактически не имели. Решения в сфере образования носили преимущественно рекомендательный характер.

Если рабочие и пенсионеры еще требовали от своих избранных наведения порядка хотя бы в сферах торговли и домоуправления, то представителей интеллигенции деятельность депутатов не очень-то интересовала, поскольку их отчеты не дава-

ли никакой новой информации. Директор школы №4 г. Соликамска В.В. Степанова, отчитываясь в своей школе о работе в качестве депутата горсовета, рассказала о том, что она «совершила обход своего района», работала в комиссии по народному образованию, где «ставятся» различные вопросы, проверяла организацию питания школьников в трех школах, присутствовала на сессиях горсовета, входила в одну из депутатских групп, создававшихся по территориальному признаку. Депутату был задан единственный вопрос и высказана просьба – «поговорить» о прачечной самообслуживания. Работа ее была одобрена. В 1976 г. В.В. Степанова была еще и, как говорили, «членом пленума» горкома партии¹. Вероятно, сегодня уже нужно объяснять, что все это свидетельствует о глубочайшем формализме и равнодушии к результату, проявленном той и другой стороной. Неграмотность же выражения «член пленума», сплошь и рядом допускаемая российскими педагогами и даже представителями власти, подчеркивает то, что все понимали: членом райкома человека избирали лишь для присутствия на собраниях и заседаниях. Реальный же райком – это аппарат, здание, где он работает, и учитель здесь в любом качестве был почти что и не при чем.

Самые проверенные «члены пленумов», молодые и перспективные члены советов, комиссий включались в резерв партийных кадров. В результате в нем оказывались профессиональные управленцы с соответствующими понятиями о своем поведении в органах власти и о связи с широкими кругами населения. Если в 1971 г. из 48 заведующих орготделами горкомов и райкомов КПСС Пермской области педагогами по образованию были 4, а среди заведующих отделами пропаганды – 22, то в 1981 г. в 50 горкоммах и райкоммах 11 педагогов работали заведующими орготделами и 32 – заведующими отделами пропаганды и агитации². На 1 января 1981 г. педагогами были 17% всех секретарей окружкомов, горкомов и райкомов партии, 26% всех инструкторов, каждый третий заведующий общим отделом ГК, РК КПСС, почти каждый второй председатель партийной комиссии, каждый одиннадцатый председатель городского или районного исполкома Советов народных депутатов, каждый шестой среди заместителей председателя, каждый шестой инструктор обкома партии и его парткомиссии, четыре из шести консультантов Дома

¹ Государственный архив Пермского края. Ф. р176. Оп. 5. Д. 2225. Л. 88.

² ГАНИПК. Ф. 105. Оп. 297. Д. 80.

¹ Там же. Ф. 7642. Оп. 1. Д. 5. Л. 4об., 45.

² Там же. Ф. 105. Оп. 297. Д. 85. Л. 30, 37; Оп. 327. Д. 1. Л. 29, 38.

политического просвещения, пять из шести лекторов обкома партии¹.

Учителя-коммунисты, работавшие в составе партийных организаций колхозов, совхозов, железнодорожных станций, лес-промхозов, имели своих представителей в партийных комитетах этих организаций. На селе при этом часто занималась должность заместителя секретаря парткома по идеологической работе. Например, в Кизнерском районе Удмуртии на 1 октября 1980 г. из девятнадцати хозяйств лишь в восьми на эту должность были избраны представители других профессий. Девять из одиннадцати «идеологов» занимали эти должности не менее трех лет². Конечно, были случаи, когда, не знакомые в деталях со спецификой сельскохозяйственного производства, они оказывались на заседаниях парткомов в сложном положении, но чаще всего были на высоте стоящих перед ними задач.

Некоторые становились секретарями парткомов, в том числе и на профессиональной основе. Председатель колхоза имени Тельмана Еловского района Пермской области П.К. Мальцев говорил: «Мне, а вернее, всем нам здесь очень повезло на секретаря парткома. Николай Петрович Коробейников – бывший учитель. В хозяйственную деятельность не вмешивается, хотя производство изучил досконально. Он взял на себя другую сферу – человеческий, как сейчас говорят, фактор. Вот так и дополняем друг друга. Оба не забываем при этом советоваться с людьми»³.

Но учителя уходили из школы не только «на повышение». Уходили куда угодно, на любую профессию. Тем самым обесценивая и другие профессии, особенно инженера. Каких только инженеров, по каким направлениям деятельности не было в эту пору! Часто эти должности занимали специалисты с дипломами педагогов.

Количество людей с педагогическим образованием, в школе не работающих, стремительно увеличивалось. В 1976 г. на семи крупных предприятиях г. Ижевска трудилось 1,5 тысячи бывших учителей, а в 1981 г. на одном только заводе им. Ленина в Перми – свыше 2-х тысяч⁴. «Пример» показывали коммунисты. В 1971 г. (на 1 января) разница в числе коммунистов, имеющих педагогическое образование, и коммунистов, работающих в школах, по региону состав-

ляла 6192 человека, в 1978 г. – 9980 человек, а в 1982 г. – уже 12602 человека, т.е. почти в 2 раза больше¹.

С повышением зарплаты учителям к середине 1980-х гг. процесс оттока педагогов из школы несколько затормозился. В тяжелые 1990-е уходить было особо некуда. Но в начале двухтысячных проблема стала актуальной вновь. Сегодня диплом педагогического вуза зачастую вообще не рассматривается как дорога в школу. Будущий специалист ценит в своем педагогическом образовании навыки и умения, связанные с коммуникабельностью, общением, умением работать с людьми. Значительное воздействие на выбор жизненного пути оказываются сложнейшие проблемы в системе образования в целом, общая непрестижность профессии учителя, низкий уровень ее оплаты, особенно на начальной стадии профессиональной карьеры. В результате чем только не занимаются сегодня педагоги по образованию: продажей спортивного инвентаря, риэлтерскими услугами, противопожарной сигнализацией...

Поступление же в вуз, в частности в педагогический, рассматривается многими абитуриентами как социальный лифт, возможность повысить свой общественный статус, покинуть село, перебраться из провинциального города в краевую или республиканский центр. По данным секретаря совета исторического факультета Пермского государственного педагогического университета доцента Н.М. Филатова среди первых 50 поступивших на истфак ПГПИ в 1982 г. студентов только десять человек было из Перми, остальные поровну делились на представителей городов и села Пермской области. Это были, как правило, дети руководителей среднего звена, интеллигентов, но до трети из них имели отцов и матерей рабочих и колхозников.

За 25 лет существования факультета сложилась своеобразная гармоничная система, когда триада – Пермь, города края и село – были представлены точно такой же триадой студентов. По-прежнему на гуманитарный факультет поступали дети среднего сословия, интеллигенции и простых тружеников. В последней категории, правда, всё чаще стояла графа безработных. После окончания вуза многие бывшие сельские жители отнюдь не стремились вернуться в места своего рождения и взросления, предпочитая остаться в городах.

¹ Подсчитано по: Там же. Оп. 327. Д. 1. Л. 5–7, 9, 34, 55, 78, 125, 131.

² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 63. Д. 196. Л. 128.

³ Звезда (г. Пермь). 1988. 25 июня.

⁴ ЦДНИ УР. Ф. 54. Оп. 18. Д. 1. Л. 133; ГАНИПК. Ф. 1. Оп. 96. Д. 29. Л. 109.

¹ Подсчитано по: ГАНИПК. Ф. 105. Оп. 296. Д. 104. Л. 12,13; Оп. 306. Д. 91. Л. 7, 9; Оп. 322. Д. 120. Л. 9,15; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 50. Д. 169. Л. 1, 3; Оп. 59. Д. 332. Л. 1, 6; Оп. 63. Д. 169. Л. 1, 6.

Подобная картина наблюдается на менее «престижном» с точки зрения обывателя естественнонаучном факультете (профильные науки – биология и химия. Проходные баллы здесь значительно ниже. По материалам текущего архива деканата удалось с высокой степенью точности установить место окончания школы у 53 студентов, окончивших в 2012 году первый и второй курсы, из них у 46 – социальное положение родителей. Триада, предложенная Н.М. Филатовым, выглядит так: 16 – Пермь, 15 – города Пермского края и соседних регионов, 22 село.

Что касается социального состава, то 25 студентов являются детьми служащих, причем 11 имеют шанс стать потомственными педагогами, 18 будущих педагогов можно считать выходцами из рабочих семей. Лишь у двоих родители представляют сферу провинциального бизнеса, отец одного студента – фермер. Такими могут быть социальные корни нового поколения российской интеллигенции, при условии работы выпускников по специальности. Но пока в этом мало кто заинтересован, особенно во властных кругах. О прогрессивном значении социальной мобильности по Питириму Сорокину у нас, как всегда, имеется немало рассуждений в теоретическом ключе, но до практической реализации теоретических выкладок дело не доходит.

В целом педагогическое образование вполне может быть рассмотрено как фактор социальной мобильности – как в историческом, так и в современном контексте. Не случайно советское государство, КПСС всегда рассматривали учительство как один из «приводных ремней» к массам в решении политических и воспитательных задач. Методами административного давления и морального поощрения активно стимулировалась работа педагогов школы не только с детьми, но и с их родителями, с широкими кругами населения. В условиях перехода к всеобщему среднему образованию эта сфера воздействия работников школы на общество даже расширилась. Проведенное исследование убеждает в том, что имеющийся опыт не может быть оценен однозначно. Однако многогранность социальных ролей, выполняемых наиболее активными, творчески мыслящими учителями, позволяет утверждать, что в педагогических учебных заведениях, в школьных коллективах формировались общественные деятели, если не готовые, то, во всяком случае, способные к переменам.

Сегодня широкий спектр социальных ориентаций выпускников педагогических учебных заведений сохраняется, хотя в иных направлениях и формах. Это – объективная реальность, которую необходимо изучать и учитывать – как в стенах вуза, так и вне его.

О.Р. Хасянов
г. Ульяновск

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ СЕЛА В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

XX век в истории России был веком масштабных экономических, политических, социальных и культурных изменений. В начале века Россия осуществляла переход от аграрного к индустриальному обществу, а в конце века столкнулась с проблемой формирования основ постиндустриального (информационного) общества. За XX век в результате нескольких модернизационных волн сельский уклад жизни претерпел особенно радикальные изменения в сравнении с городским образом жизни. В жизни людей одни изменения воспринимались как позитивные, иные как деструктивные, и при этом они неоднозначно воспринимались разными поколениями. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время наблюдается определенный дефицит исследований, характеризующих состояние культуры регионов в условиях современной глобализации. Статья посвящена проблемам влияния модернизационных процессов на размывание самобытной сельской культуры в Поволжье, утраты локальной идентичности сельским социумом.

Неотъемлемой частью глобализации является модернизация, ее предтеча, т.к. только современные общества могут занимать лидирующие позиции в глобальном мире¹. Модернизация несет в себе потерю идентичности обществом, осознание своей отсталости и не современности². В России носителями модернизационных идей выступала властная элита, которая традицион-

¹ Федотова В.Г. Модернизация и глобализация // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации. М., 2002. С. 152.

² Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Там же. С. 169–171.

но на основе насильственных способов стремилась приблизиться к западу.

Среднее Поволжье длительное время являлось типичным аграрным регионом страны. В сравнение с городской, сельская культура на протяжении веков формировала особую систему ценностей, характерных черт, стереотипов поведения, поэтому обладала неповторимой самобытностью. Ей были присущи взаимопомощь, милосердие, честь и достоинство, трудолюбие, вера, уважительное отношение к старшим.

В течение столетий хозяйственная и социальная жизнь на селе регулировалась крестьянской общиной. Община направляла здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников во время сева, жатвы, на покосе, или вообще обрабатывала наделы сирот в течение ряда лет.

Взаимопомощь и отзывчивость общинников наиболее ярко проявлялось на так называемых помочах. Традиция приглашать знакомых на помощь в срочных работах, с которыми семья не может справиться сама, существует в некоторых селах по настоящее время. Помочан, приглашали как бы уговаривая: «Пожалуйте к нам кушать хлеба-соли, винца и пивца для гостей будет довольно; только сделайте милость, не оставляйте просьбы нашей: помогите нам сравняться с прочими в работах наших»¹.

Крестьянская этика исключала замечания хозяина, если чья-либо работа его не устраивала. Помочан должен был угощать сам хозяин, тем самым выражалась благодарность за проделанную работу; другие варианты считались обидными.

В Симбирском уезде Симбирской губернии считалось, что «крестьянин, идя на помочь к своему соседу, делает ему одолжение; в благодарность хозяин, делающий помочь, угощает своих соседей-помочан обедом и водкой, не считает после этого себя обязанным им. Если же крестьянин, делающий помочь, не угощает помочан, тогда обязан в благодарность за сделанное ему соседями одолжение явиться по первому приглашению на помочь к соседям, которые были у него на помочи; в этом случае помочь уже считается обязательною»². Работа на таких помочах никому не была в тягость, а польза хозяевам была не малой. Так, всего за один день могли поставить сруб небольшого дома. По-

словица «дружно не грузно, а врозь хоть брось» отражает экономическое, хозяйственное значение обычая. Как видим, в крестьянской среде преобладало коллективное сознание.

Первая волна модернизации российской деревни приходится на начало XX века, когда П.А. Столыпин решил разрушить общину, построить землепользование на основе индивидуализма. Но реформа не удалась.

В конце 20-х годов XX века происходит сталинская насильственная коллективизация, которая коренным образом изменила хозяйственную жизнь крестьян. Одними из первых крупных хозяйств в Ульяновском округе стали артели «Согласие» Николо-черемшанского и «Трудовик» Мелекесского районов, колхоз, образованный в селе Дмитриево-Помряськино Старомайского района.

В Чердаклинском районе в начале 1929 года было 5 артелей. Осенью в селах Енганаево и Поповка возникли колхозы под названиями «12 лет Октября», в Чердаклах – «Путь Ленина»¹. Одновременно с коллективизацией начинается коренное изменение хозяйственной жизни, создаются машинотракторные станции, которые должны были облегчить жизнь селян. Изначально технические нововведения селяне встретили настороженно, а местами и враждебно. Так, в селе Средний Сантимир все жители села вышли к краю поля, чтобы не пропустить на поля трактора, так как, по их мнению, «обработанные машинами поля будут пахнуть керосином».

С середины 50-х годов начинается интенсивное строительство производственных и социально-культурных объектов. Это было связано с тем, что началась подготовка ложа для Волжского водохранилища, ускоренными темпами очищалась прибрежная полоса рек Волги и Большого Черемшана от лесных массивов. Строительство Куйбышевской ГЭС вызвало серьезные географические, картографические и демографические последствия на территории Ульяновской области. Только на территории Чердаклинского района, в зоне затопления оказалось 13 селений, среди них самые старинные и крупные, такие как Старый Белый Яр, Тургенево (родовое имение дворянского рода Тургеньевых), Архангельское, Кайбелы, Крестовое Городище, в кото-

¹ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 42.

² Там же. С. 49–50

¹ Ахметов А.А. История заселения и развития Симбирско-Ульяновского За-волжья (XVII–XX вв.) Ульяновск, 2002. С. 125.

рых проживало 3500 семей. Всего же в зоне затопления оказалось 296 населенных пунктов¹.

В зоне затопления только в Чердаклинском районе Ульяновской области оказались 45273 гектаров земельных и лесных угодий, 8080 гектаров сенокосных угодий². В целом было затоплено 589 тыс. га высокопродуктивных лугов и пахотных земель, лесов³. Ушли под воду заливные луга, на которых велась одна из интереснейших форм коллективного труда, и было занято практически все население сел и деревень. Старики отбивали косы, пожилые женщины готовили пищу, пекли хлеб, подростки сгребали покосы и т.д. Работа сопровождалась купанием, рыбной ловлей, посиделками у костра, шутками и прибаутками. Но главная трагедия населения затопляемых сел и деревень заключалась не только в этом. Под водой оставались дома, в которых жило не одно поколение сельских жителей, культовые сооружения и могилы предков. Таким образом, рвалась вековая связь со своей малой родиной.

Модернизация оказала неоднозначное влияние на сельскую бытовую культуру. Традиционная крестьянская изба в нашем регионе на протяжении веков была одноэтажной, стояла прямо на земле или на сваях, без фундамента. Избы строились из сонового или осинового леса. Крыши до начала XX века крылись соломой, позже – железом и шифером. Изба была низкой, поэтому чистого воздуха в ней было недостаточно. Она в основном состояла из двух частей: задней и передней комнат. Ульяновский краевед Ахметов А.А. отмечает: «Не одно поколение селян теснилось в одной избе: мужчины и женщины, старики и дети, больные и роженицы. Она вмещает и кухню, и столовую, и спальню, и детскую, здесь же стирают, рубят капусту, пекут хлеб и доят корову, здесь же кладут новорожденного и усопшего»⁴. Мебель в основном состояла из стола и лавок. Воду крестьяне брали из колодцев.

Положение начинает меняться примерно во второй половине 70-х годов XX века. В селах стали строить дома по типовым проектам, которые предусматривали отдельную кухню, индивидуальную комнату и гостиную. С этого времени можно говорить о начале трансформации принципа коллективности. К концу XX

века представление о личном пространстве, индивидуальное начало в семейном быту уже полностью преобладало.

С середины XX века в селах начинают проводиться водопроводы, но даже на сегодняшний день в некоторых из них можно наблюдать следующую картину: водопроводную воду используют только для хозяйственных нужд, а для приготовления пищи по-прежнему используется колодезная вода. Сельский дом начала XXI века по своим бытовым условиям мало отличается от городской квартиры: имеется канализация, санузел и новейшая бытовая техника. Дома теперь строят в основном из кирпича, облицовывая современными материалами: сайдингом и металлочерепицей, на окнах – стеклопакеты.

За прошедший век изменился и процесс социализации сельской молодежи. В условиях традиционной культуры представления о детстве как о беззаботном времени практически не существовало. Социализация ребенка сопрягалась с освоением трудовых навыков. Взрослея, ребенок начинал выполнять посильную работу, и приблизительно к двенадцатому году жизни начиналась полноценная трудовая жизнь. Советская модернизация сопровождалась становлением систематизированной системой образования и здравоохранения. В селах открывались детские сады с ясельными группами, начальные и средние школы. В селах за советский период сформировался слой сельской интеллигенции из педагогов, врачей, экономистов и специалистов сельскохозяйственного производства.

В XX веке коренным образом изменился сельский досуг. Вместо летних посиделок на завалинках, у костра досуг приобрел государственно-организованную форму. Изменилось место проведения досуга, переместившись в открывшиеся сельские дома культуры с профессиональными культпросветработниками, различными кружками и регулярными киносеансами.

В конце XX века крушение советского строя и становление новой рыночной экономики сопровождалось тем, что многие сельские жители испытали культурную травму перемен. Колхозы не смогли выжить в новых условиях и обанкротились. Крестьяне, ориентированные на работу в сельском хозяйстве, оказались без средств к существованию, и только подсобное хозяйство спасало их. Они оказались не готовы к очередным масштабным трансформациям, поэтому многие селяне стали терять социальные и духовные ориентиры, а вместе с этим – уверенность в будущем.

¹ Бурдин Е.А. Куйбышевский гидроузел: история создания и последствия. Автореф. канд. дис. Саранск, 2008. С. 20.

² Ахметов А.А. Указ. соч. С. 142.

³ Бурдин Е.А. Указ. соч. С. 20.

⁴ Ахметов А.А. Указ. соч. С. 42.

В начале XXI века в сельской местности довольно остро встала проблема пьянства и алкоголизма, в том числе и среди молодежи. Распространенным стало мнение о вековом повальном пьянстве российского крестьянства. Но оно не имеет под собой исторической основы. Употребление пива и вина среди крестьянства было умеренным, позволялось только по праздникам, при встрече родных и близких. Гостьба – одно из древнейших и примечательных явлений русского быта. Смысл застолья состоял для хозяина в том, чтобы как можно обильнее накормить гостя, а для гостя этот смысл сводился к тому, чтобы не показаться обжорой или пьяницей, не опозориться, не ослабиться. Ритуальная часть гостьбы состояла, с одной стороны, из потчевания, с другой – из благодарных отказов. Этот обычай отразился в одной из старинных песен: «...Не пей, Иванушка, первую чару вина, вылей, Иванушка, коню в копыто». Вторую чару предлагается тоже не пить, а вылить «коню во гриву». После двух-трех отказов гость пригублял, но потом все повторялось. Потчевание, как и воздержание, возводилось в степень искусства. Хозяину вообще нельзя было пить, что связывалось с его особым статусом. Необходимо возрождать эти народные традиции, чтобы воплотить выраженную А.И. Солженицыным национальную идею о «сбережении народа» в условиях современного демографического и духовного кризиса в России.

В 90-е годы прошлого века средства массовой информации настойчиво формировали новые образы престижности – идеализированная городская жизнь с неограниченными возможностями карьерного роста, разнообразной сферой досуга, полная соблазнов и развлечений и т.д. Сельская молодежь стала стремиться переехать из села в город и больше не возвращаться.

Вместе с тем одним из важнейших показателей модернизации является представление о свободной мобильности. Не одно поколение сельской молодежи нашей страны испытывалось на прочность привязанности к селу. С одной стороны, молодежь удерживала ответственность за родителей, которые, старея, могли рассчитывать в основном на помощь детей, поскольку пенсионное обеспечение крестьян появилось позднее, чем в городах. С другой стороны, в стране существовала система стимулирования «возвращенцев» на село. Молодых селян, пожелавших учиться сельским профессиям, поддерживали колхозной стипендией, для них директивно устанавливались лимиты приема в различные, в том числе, престижные вузы. Воспроизводство демографической структуры села осуществлялось эффективно до начала ради-

кальных экономических перемен, формирования новых экономических укладов, форм собственности.

Автору статьи, как человеку, родившемуся и выросшему в селе, печально наблюдать, как пустеет деревня. Демографический вопрос в современной деревне стоит как никогда остро, средний возраст селян приближается к пенсионному. Закрываются детские сады и школы, ликвидируются амбулатории и фельдшерско-акушерские пункты.

Таким образом, мы видим, что в течение последнего столетия сельская жизнь в Поволжье неоднократно менялась. Последствия модернизации однозначно оценить нельзя. На пути к глобальному миру происходило постепенное разрушение сельской самобытной культуры, потери ее идентичности. Особенно губительными оказались радикальные изменения конца XX века.

Е.С. Харин
г. Ижевск

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ – ОБЩИНА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Центральным нервом христианского мира всегда была община. Общиной были апостолы. Через небольшие общины иудейского рассеяния христианство вошло в мир. Исторически сложилось, что и в России первенствующее место в жизни Церкви занимала (и продолжает занимать) община верующих – приход. Что такое «приход»? Определением Поместного Собора 20 апреля 1918 года был утвержден Приходской Устав, в котором было записано: «Приходом в Православной Церкви называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника – настоятеля»¹.

¹ Цит. по: *Абрамов А.П.* Православный приход и его функционирование: URL: <http://www.snosamds.ru/>

За годы Советской власти в Устав об управлении Русской Православной Церкви вносился ряд изменений, соответственно вносились изменения и в Устав прихода. В Федеральном Законе «О свободе совести и религиозных объединениях», принятом Государственной Думой в сентябре 1997 г. слово «приход» отсутствует, но есть понятие «Религиозная организация». В соответствии с этим законом религиозной организацией признается «добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица»¹.

Религиозные организации в зависимости от территориальной сферы своей деятельности подразделяются на местные и централизованные. Местной организацией (а по существу приходом) признается религиозная организация, состоящая не менее чем из десяти участников, достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих в одной местности либо в одном городском, либо сельском поселении.

Очевидно, что общество в России сильно изменилось за последние тридцатилетие. В этой связи было бы небезынтересно сравнить приходскую жизнь советского времени и основные формы деятельности прихода на современном этапе.

«В 70-х гг. церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без потрясений, подобных тем, какие выпали на долю Церкви десятилетие назад, в годы хрущевских гонений. Государственная политика по отношению к Церкви оставалась в основных своих чертах неизменной, какой она сложилась после отставки Хрущева: жесткий, тотальный контроль за всеми проявлениями церковной жизни, противодействие попыткам расширить сферу дозволенного для Церкви, но без массовых репрессий против духовенства или верующих мирян, без массового закрытия церквей и без шумных пропагандистских атеистических кампаний. На общем фоне этой политики репрессивные меры воспринимались уже как эксцессы, но советское государство не могло все-таки вовсе обойтись без подобных эксцессов...» – так характеризует интересующую нас эпоху известный церковный историк протоиерей Владислав Цыпин².

Попробуем выделить основные особенности приходской жизни в этот период. Начать надо с того, что повсеместно в приходах существовала унижительная и незаконная система регистрации всех частных церковных таинств с обязательным уведомлением по месту работы или учебы. С одной стороны, это приводило к снижению обращений за совершением Таинств. С другой – к постоянному росту нелегальный треб на дому (а значит, к росту нелегального дохода духовенства). Здесь власти оказались в неразрешимой ситуации – и разрешить нельзя, и не разрешать – тоже плохо.

Второй проблемой был кадровый вопрос. Известно, что система Уполномоченных по делам религий не разрешала епископам посвящать в духовный сан столько священников, сколько было необходимо. Буквально за каждого кандидата архиерею приходилось сражаться – тут в ход шли все средства – от уговоров до застоллий¹.

Отдельная проблемная зона – реставрация и ремонт церквей. И без того сложно доставаемые в стране Советов стройматериалы для Церкви становились практически недоступны. Здесь заметим, что данный вопрос находился в компетенции церковных старост и всецело зависел от уровня личных отношений приходского казначея и уполномоченного. Автор помнит многочисленные рассказы о том, как уполномоченный по делам РПЦ при Совете министров УАССР даже помогал некоторым приходам в добыче некоторых дефицитных товаров (в частности, в поисках служебного вина).

Существовал целый ряд и внутрприходских сложностей. В частности, запрещалась проповедь, запрещалось оставаться в церкви после окончания богослужения, запрещалось ведение любых бесед на религиозные темы (особенно с молодежью). Автору пришлось еще застать очень настороженное отношение старого духовенства к молодежи, интересующейся церковной жизнью.

Однако при всей сложности в приходской жизни в советский период были и сильнейшие факторы, позволившие не только сохранить церковную организацию, но и спасти главное – христианскую общину. Первый такой фактор – в приходах не было «случайных» людей. В церковную жизнь приходили люди уже имеющие опыт церковной жизни, полученный из семьи или других верующих. Это позволяло общине сохранять сплочен-

¹ Там же.

² Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. М., 2007.

¹ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 378.

ность несмотря не на что. Второй фактор – Церковь стала символом всего антисоветского. Это привлекло в приходы немалую долю интеллигентных, высокообразованных людей, не согласных с существующей системой.

Глобальные изменения политической системы нашей страны, разрушение советского государства не могли не коснуться Церкви (а значит и приходской жизни). Двадцатилетие свободы привело к пересмотру прежних норм приходского бытия.

Что же представляет собой современный городской приход? Каждый церковный приход включает в себя настоятеля, причт и прихожан. Избрание и назначение священно- и церковнослужителей принадлежит епархиальному архиерею (и только ему).

Прихожанами являются лица православного вероисповедания, сохраняющие живую связь со своим приходом. Каждый прихожанин имеет своей обязанностью участвовать в богослужении, регулярно исповедоваться и причащаться, соблюдать каноны и церковные предписания, совершать дела веры, стремиться к религиозно – нравственному совершенствованию и содействовать благосостоянию прихода. На обязанности прихожан лежит также забота о материальном содержании причта и храма. Органами приходского управления являются настоятель, Приходское собрание, Приходской Совет и Ревизионная комиссия¹.

Внутренняя жизнь прихода сильно усложнилась и распределена в зависимости от личных предпочтений настоятеля на ряд направлений. Так сформировались основные типы современных городских приходов. Первый тип – приход «соборный». Он характеризуется с одной стороны хорошими финансовыми возможностями, а с другой – низкой степенью включенности широкого круга прихожан. Это связано просто с большим их количеством. Поэтому основная приходская жизнь (совместные праздники, общая трапеза и др.) осуществляется в основном в среде самих же церковных работников. Несомненным достоинством таких приходов является активная социальная работа, наличие воскресной школы, значительный численный охват населения.

Другой вид прихода – миссионерский. Это, как правило, храм, где есть одаренный проповедник. Обычна и сама община подхватывает миссионерский порыв своего пастыря. Такие приходы обычно имеют свой сайт, финансируют радио- и телепередачи, издают церковные газеты и т.д.

¹ Подробнее об устройстве см. Устав РПЦ

Несколько особняком стоят городские приходы «ведомственного типа». Это общины, созданные в домовых храмах различных учреждений. К числу таких общин, например, относятся молодежные приходы при университетах. Эти общины, пожалуй, самые дружные. Их члены не только молятся, но и работают вместе. Для этих приходов характерна активная внебогослужбная деятельность.

Очевидно, что приходская община вступает сейчас на новый этап своего развития. Уже сейчас можно наметить основные перспективы. Ведущим направлением в будущем представляется уже не миссионерская (как это было, скажем лет 10 назад) деятельность, а активная социальная работа с малоимущими и самыми незащищенными слоями населения. Это связано с тем, что большая часть населения уже получила благодаря развитию СМИ ряд элементарных представлений и ждет от приходов реальных примеров претворения в жизнь христианских идеалов. Другие важнейшие направления деятельности приходов – развитие православного присутствия в системе Internet, организация городских праздников, патриотическое воспитание и т.д.

В заключение остается выразить надежду, что не забудется очевидная истина метко выраженная в народной мудрости «каков поп – таков и приход».

В.А. Коршунков
г. Киров

МАГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕКРЫТИЯ ПУТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ

Среди прочих обрядов, обычаев, повседневных практик, которые в совокупности составляют «дорожную традицию», известен обряд «перерубания дороги».

Вот как бывало в Малмыжском уезде Вятской губернии: «Когда какой-либо из молодых парней думает жениться и едет в другую деревню “искать” невесту, то родные девушки, к которой едет жених, желая выдать за него свою родственницу, после въезда жениха в деревню, “перерубают” дорогу для того, чтобы

парень не уехал, не засватав девушки»¹. Сходным образом обстояло дело в соседней с Вятским краем Нижегородчине. Там в Городецком районе «рубил дорожку» топором, чтобы «испортить» свадьбу. Предполагалось, что тогда конь жениха мог «подломить ноженьки»².

Этнограф А. Кережи в 1992 г. стал свидетелем удмуртского поминального обряда «йыр-пыр сётон» в д. Карамас-Пельга Киясовского района Удмуртии. После жертвоприношения жеребёнка участники поминального действия пошли из деревни в специальное место за кладбищем. Там зажгли костёр и в огонь, а также рядом с ним на снег, бросали те внутренности животного, которые не были съедены на поминальном пиру. Женщины при этом пели свадебную песню (покойный погиб молодым). О дальнейшем Кережи писал так: «Когда все пошли обратно с поляны, руководитель обряда шёл впереди, взяв в руки топор, и когда люди начали выходить на дорогу, он у каждого спрашивал имя и, повторяя имя человека, перед каждым проводил черту топором, как бы огораживая живых от мёртвых»³.

У закамских удмуртов было также принято на похоронах при выносе покойника со двора линию ворот очерчивать железной лопатой или топором. Когда же удмурты справляли свадьбы, то, выехав за полевые ворота, стоявшие в конце деревенской улицы, они проводили металлическим предметом черту между столбами ворот, приговаривая, чтобы нечисть не следовала за свадебным поездом⁴. Вот как об этом писал Б.Г. Гаврилов, характеризуя старинную удмуртскую свадьбу: «Отъехавши немного по выезде из двора, старший дружка проводит черту ножичком поперёк дороги между свадебным поездом и провожающими»⁵.

¹ Балобанова К.А. Коллекция заговоров и средств народной медицины из рукописного архива Малмыжского краеведческого музея: (тексты и комментарии) // Герценка: вятские записки / сост. Н.П. Гурьянова; науч. ред. В.А. Коршунков. Киров, 2002. Вып. 3. С. 112.

² Корепова К.Е. Опахивание в Нижегородском Поволжье // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. матер. науч.-практ. конф. М., 2002. Вып. 4. С. 58.

³ Кережи А. Об одном обряде жертвоприношения животных у южных удмуртов // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня / отв. ред. К.М. Климов. Ижевск, 1996. С. 182.

⁴ Миннихметова Т.Г. «Пограничные» локусы в народных верованиях удмуртов // Живая старина. 2011. № 3. С. 20.

⁵ Гаврилов Б.Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урянсучинского прихода // Тр. четвёртого археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1891. Т. 2. С. 35.

Обрядовое перегораживание пути покойному с кладбища в мир живых проделывалось разными народами. У селькупов, когда близкие умершего возвращались после похорон, они, отъехав на некоторое расстояние от могилы, рисовали головнёй поперечные полосы по своему следу или же перегораживали след прутиками. У энцев после похорон шли к своему стойбищу другой дорогой. А через каждые несколько шагов останавливались и проводили перед собой черту по снегу. Иногда же, отойдя на значительное расстояние, клали поперёк пути палку, около концов которой втыкали по нескольку вешек. При этом, обращаясь к покойному кричали: «Не приходи по нашей дороге, вон там твой путь!» На этом месте разводили костёр, и шаман совершал обряд очищения. У кетов уходили от захоронения, не оглядываясь. Последний должен был положить поперёк тропинки палку, как бы преграждающую умершему путь к живым¹.

Получается, что на пути с кладбища надо было проделать важные обрядовые действия, чтобы преградить дорогу в безопасную жилую сферу загробным обитателям, огораживая свою зону. При этом использовали топор, которым зачерчивали или рубили дорогу, блокируя путь из пространства мёртвых.

Итак, обрядовое перекрытие пути проделывалось у разных народов при свадьбах и погребениях. Но, судя по всему, сходным образом могли действовать и в иных ритуальных случаях.

На Русском Севере, например в Заонежье, известны магические действия, которые обычно именуются у учёных «бросанием крестов». Они производились «знающими» и считались «тяжёлой вещью». Это были особенные колдовские манипуляции с палками, прутьями, клиньями, которые описывались глаголами «забивать, кидать, бросать, рыть». Клинья могли быть берёзовыми, а прутья – ольховыми и рябиновыми, то есть из тех деревьев, ветви которых применялись на Русском Севере как обереги. Если использовались клинья, то их действительно забивали в землю, прутья же бросали крест-накрест. При этом надо было произносить заговорные слова. «Знающие» делали это обычно для того, чтобы проведать о судьбе пропавшей скотины или заблудившегося человека, причём ответ просителям давали на следующий день². В общем, выражение «бросание крестов»

¹ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М., 2005. С. 364, 530, 705.

² Фёдорова С.В., Алексеевский М.Д., Кожевникова Т.М. Материалы Заонежской фольклорной экспедиции Петрозаводского государственного университета //

характеризует лишь один из вариантов этих ритуализированных действий – когда, действительно, путь прутьями как бы закрепляли. При таком варианте могла иметь значение и хорошо представленная во всех сферах народной обрядности магия креста, постоянно поддерживаемая православной обрядовой практикой. А другими разновидностями таких магических действий были забивание и, судя по обрядовой терминологии, закапывание деревянных клиньев, что должно было возвести преграду, перегородить путь. И главное: как пишут собиратели и исследователи, «устойчиво представление о том, что, бросив кресты, знаток “закрепляет” лишние пути, и пропавший, который ступил на худой след (след лешего), выйдет на правильную, “святую” дорогу»¹.

Таким образом, эти действия по смыслу сходны с перегораживанием, перерубанием дороги. А ещё они отражают представления о «своём» и «не своём» пути, о «своём» и «чужом» пространстве: у зверя или лешего – свои пути в «их» пространстве, а человеку в том же, «чужом» для него, внешнем, небезопасном пространстве желательно ходить путями иными, не пересекаясь, к примеру, с лешачьими тропами.

Нечто подобное перегораживанию, перерубанию, «закрепчиванию» дороги практиковалось в русском свадебном обряде – «старинном», как определил записавший его в 1926 г. в Малмыжском уезде Вятской губернии художник и этнограф-любитель А.В. Фищев. При отъезде к венцу жениха и невесты «идут к воротам и хлещут кнутом по дороге, чтобы не испортить оставшуюся в доме родню»². Здесь «испортить» – это, конечно же, навести порчу. Удары кнутом по дороге (может быть, и крест-накрест) должны были загородить подход к дому для злого человека, колдуна, «еретника» и всевозможной порчи. Известно, что у славян и для распознавания ведьмы применялось «преграждение пути»: именно ведьма, как считалось, не могла пересечь преграждённый тем или иным способом путь³.

Вообще же символическое перегораживание дороги практиковалось во многих обрядах и при разных ситуациях. Оно быва-

ло чрезвычайно разнообразным¹. И примечательно тут вот что: эти, описанные здесь весьма архаичные обрядовые практики, которые были распространены у разных народов России, сохранялись до сравнительно позднего времени, в том числе среди русских.

Б.И. Осипов
г. Омск

СЕМЕЙНЫЕ ФОТОГРАФИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В докладе рассматривается значение фотодокументов как источника по истории жизни простого народа и его видения исторических фактов.

Когда-то И.А. Бунин, размышляя о роли разных следов пройденного человечеством пути в сохранении нашей исторической памяти, сказал так:

Молчат гробницы, мумии и кости, –

Лишь слову жизнь дана:

Из древней тьмы на мировом погосте

Звучат лишь письма.

Не без горечи приходится признать, что такое порождение современной цивилизации, как фотография, должно быть поставлено в ряд с гробницами, мумиями и костями. Да, фотоснимок – это документ, документ важный и зачастую уникальный, но, увы, требующий непременно словесного сопровождения, и чаще всего не просто атрибуции, а и более или менее пространного комментария к изображённому на нём эпизоду. Просматривая фотокарточки, отделённые от нас всего лишь какой-нибудь парой десятилетий, мы уже вынуждены прибегать к словесному комментарию даже тогда, когда имеем дело с фотоизо-

Живая старина. 2008. № 1. С. 52–53.

¹ Там же. С. 52.

² Фищев А.В. Вятская старина. Днепропетровск, 1997. С. 28–29.

³ Толстая С.М. Магические способы распознавания ведьмы // Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е. М., 2011. С. 333.

¹ См., наприм.: Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2: Д–К (Крошки). С. 127.

бражениями наших родных и знакомых. Тем более необходима «вербализация» фотодокументов, если мы хотим извлечь информацию общественно значимую. И в этом деле, как, может быть ни в одном подобном, дорого время – возможность получить необходимые сведения от людей, которые ещё помнят не только персонажей, но и обстоятельства появления фотоснимка.

Несколько лет назад мне попал на глаза фотоархив семьи моих родственников, которая в 40–60-х годах XX столетия жила в Хакасии, в селе Ефремкино, и одна на всё село имела фотоаппарат. Фотоаппарат, конечно, любительский – знаменитую в советские годы «Смену», и уровень сохранившихся фотоснимков тоже любительский, и всё-таки это материал, мимо которого я не смог пройти.

Некоторые снимки выразительны сами по себе.

Вот женщины в убогих нарядах на фоне убогих деревенских домишек – впечатляющая картина социалистической деревни, строящей коммунизм.

Вот девушки в резиновых сапогах, в ситцевых платёжках и платочках играют в волейбол на фоне строения, которое напоминает животноводческую ферму, а на самом деле являет собой... сельский клуб.

Однако иногда фотоснимок как будто не представляет собой ничего интересного, а между тем оказывается подлинно историческим документом.

Вот в обычном дворе обычного деревенского дома играют две девочки: одна беленькая, другая черноволосая. Беленькая – моя двоюродная сестра, а её чернявая подружка – узбечка. Откуда узбечка в глухом сибирском селе? Выясняется, что Ефремкино было местом ссылки на протяжении всей сталинской эпохи. Ссылные узбеки, реабилитированные в 1954 году, оставили в деревне немало своих детей. Горькие истории поведали мне сёстры о ссылных калмыках, половина которых при выгрузке из доставившего их поезда оказалась мертвецами, о немцах и эстонцах, как правило, образованных и интеллигентных, но вынужденных работать доярками или кем-нибудь наподобие.

А вот и совсем тривиальный, типичный для семейного альбома снимок – семья, позирующая фотографу: трое детей, мать, отец и дед. Но сидят они на фоне сена. Дед, через четырнадцать лет разлуки приехавший в гости к дочери, счёл своим долгом помочь её семье – вывез сено с дальнего покоса.

Известно, что советское руководство вплоть до брежневской эпохи всячески притесняло личное хозяйство сельских жителей.

Вблизи посёлка, где сделан наш снимок, находится множество перелесков, на полянах и опушках которых поселковые жители всегда могли бы накопить достаточно сена для своих коров. Но посёлок был рабочий, а перелески – «леса местного значения» – принадлежали колхозам. Колхозы же проводили политику в буквальном смысле собаки на сене: они не разрешали рабочим косить на их земле, но и сами не выкашивали эти покосы – из-за недостатка рабочих рук, а главным образом из-за того, что колхозники не были заинтересованы в обеспечении кормами общественного стада, от которого им не было никакого проку. И вот жители рабочих посёлков вынуждены были либо косить в колхозных угодьях на совершенно кабальных условиях, отдавая колхозу половину, а то и две трети накошенного, либо получать покосы в отдалённых кварталах государственных лесов по разрешению лесничеств. Поэтому как заготовка, так и вывозка сена оказывались труднейшей проблемой.

Вот такую страницу строительства коммунизма раскрывает нам фон – всего лишь фон, на котором снимается обычное советское семейство.

Ну, а вместе с тем мы находим в этом фотоархиве и портрет профессора психологии, вошедшего в науку из простой сельской семьи, мы видим фотографии деревенских девчонок, ставших кто доцентом прославленного вуза, кто инженером крупного завода. Впрочем, и тут обнаруживаются следы очень разных судеб. Вот фотоснимок молодого кандидата наук – специалиста по ядерной энергии, чью судьбу сломала утечка информации из его секретной лаборатории. А вот и его сын, тоже ядерщик, но после свержения советской власти вынужденный уйти из обнищавшей атомной науки на службу в коммерческий банк, чтобы купить какую ни на есть квартиру.

Словом, перед нами отголоски советской эпохи во всей её сложности и противоречивости, во всех её достижениях и во всех безобразиях.

По этому материалу мной написана книга, жанр которой я определил термином «фотомонография». Книгу я назвал «История СССР в семейных фотографиях: Страницы строительства коммунизма». В настоящее время она издана как VII выпуск серии «Народные мемуары», издаваемой мной в Омском университете с 1995 года¹.

¹ Подр. об этой серии см.: Литература и документ: теоретическое осмысление темы. (Материалы «круглого стола») // Литературная учёба. 2009. № 1.

Думаю, что подобные источники, позволяющие дать не только описательное, но и зримое изображение эпохи, могут обнаружиться во многих семьях и, при возможности получения необходимого текстового материала к ним, способны послужить основой для создания большого числа книг из того ряда, который теперь принято называть «литературой нон-фикшн» (буквально «литература без вымысла»). Термин этот иногда приравнивают к термину «документальная литература», но его содержание несколько шире. Авторы воспоминаний далеко не всегда опираются на документы, в мемуарах не исключены элементы домысла, семейных преданий, не всегда достоверных, но всё же нет прямой ориентации на вымысел. И если в чисто фактографическом плане такая литература требует критического осмысления специалистов-историков, то как свидетельство народного видения тех или иных фактов (или, иногда, их игнорирования), оценки этих фактов источники такого рода имеют уникальную ценность. И надо сказать, что этот вид литературы вполне заслуженно вызывает всё больший интерес не только специалистов историко-филологического профиля, но и самых широких читательских кругов.

Компьютерная техника, избавившая полиграфистов от нужды в цинкографии и других дополнительных технологиях для тиражирования изопродукции, значительно облегчила издание иллюстрированных книг, и долг всех, кому дорога история страны, её народов, — использовать эту новую возможность как можно в более полной мере. Да, «лишь слову жизнь дана», но и слово получает новую силу и убедительность, когда сопровождается зримыми картинками прошлого.

С. 203–204. Прежние выпуски серии: «Народные мемуары»: Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова (1995); Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь» (1997); Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У. Астафьева «Записки изгоя» (1998); Солдатские воспоминания Н.Ф. Шулыгина и Г.П. Еланцева (2000); Воспоминания А.Н. Белозёрова «Записки районного служащего» (2002); Мемуары врача К.Г. Акелькиной (2007). Все тексты сопровождаются вступительными статьями и комментарием издателя.

Ф.Ф. Мазитов,
г. Уфа

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА О СОЦИАЛЬНОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Общие проблемы истории различных категорий населения Оренбургской губернии нашли отражение уже в трудах исследователей XVIII в. В их трудах содержатся ценные сведения и наблюдения об экономике, истории, этнографии; о расселении, хозяйстве, социальных отношениях, положении, быте, нравах и обычаях населения.

Ценные наблюдения о горнозаводских крестьянах содержат «описания» заводов, составленные в конце XVIII – начале XIX в. И.Ф. Германом¹. В 1809 г. появилось еще одно «описание» (издано только в 1956г.), автором которой являлся Берг – инспектор П.Е. Томилов. Это «Описание заводов хребта Уральского» содержит сведения о 87 лично самим П.Е. Томиловым обследованных заводах Пермской и Оренбургской губерний². Представляет интерес его наблюдения об экономических связях заводов с сельскохозяйственной округой, уровне развития торговли, ценах на хлеб, обеспеченности горнозаводских крестьян пашнями и сенокосами. Материалы по истории основания предприятий, об их топливно-энергетической базе, численности, материально-бытовом, социально-правовом положении, заработной плате

---

¹ Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797–1801. Ч. 1–3; Он же. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих. Екатеринбург, 1808; Он же. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810.

² Томилов П.Е. Описание заводов хребта Уральского // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956.

горнозаводских крестьян содержатся также в работах, вышедших в 40-е гг. XIX в.¹

В дореформенный период в различных периодических изданиях и сборниках были напечатаны статистические исследования Е. Зябловского, И. Дебу, К.И. Арсеньева, П.А. Кеппена, В.А. Новикова, И.Ф. Штукенберга, Я. Ханькова и др., которые содержат данные о географическом и экономическом положении Оренбургской губернии, ее уездов, о численности и хозяйственной деятельности различных категорий населения и др.². Ценные сведения о населении, состоянии сельского хозяйства, скотоводства, торговли, промыслах жителей региона и т.д. приводятся в материалах экономико-географических, историко-топографических и статистических описаний различных ведомств, обществ (Министерства государственных имуществ, Департамента Генерального штаба, Статистического отделения МВД, Русского географического общества и др.)³.

¹ Платонов. Описание медеплавильного производства Воскресенского и Архангельского заводов // Горный журнал. 1842. Ч. 2. Кн. 4. С. 124-152; Мевцус Ф.П. Описание заводов Симского и Миньярского // Там же. 1843. Ч. 1. Кн. 3. С. 341-359.

² Зябловский Е. Российская статистика. СПб., 1832. Ч. 3; Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837; Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848; Кеппен П.А. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году, СПб., 1857; Он же. О потреблении хлеба в России. СПб., 1839; Он же. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1852; Новиков В.А. Материалы для земледельческой статистике Оренбургской губернии. Оренбург, 1859; Штукенберг И.Ф. Статистические труды. СПб., 1857. Т. 1. Статья II. С. 1-43; Ханьков Я. Географическое обозрение Оренбургского края // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839. Отд. II. С. 1-42; Веселовский К.С. Пространство и степень населенности Европейской России // Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Императорского русского географического общества. СПб., 1851. Кн. 1. С. 1-29; Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, изданный Департаментом сельского хозяйства МГИ. СПб., 1852; Чоглоков П. Историческая заметка о крепостном населении Оренбургского края // Оренбургские губернские ведомости. 1859. № 18-20, 22; Кеппен П.И. О потреблении хлеба в России. СПб., 1839; Он же. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1852; Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по X народной переписи. СПб., 1861.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемые по Высочайшему повелению при I-м отделении Департамента Генерального штаба. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 2; Материалы для статистики, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858-1872. Вып. 1-4; Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1841. Т. 2. Отделение IV; Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, изданный Департаментом сельского хозяйства МГИ. СПб., 1852.

В обозрении сельского хозяйства удельных имений за 1832 и 1833 годы представлена характеристика экономического положения удельных крестьян, данные о системе земледелия, об источниках расширения посевных площадей, о севообороте, состоянии общественных полей, сенокосных угодий, орудиях труда, системе хозяйства селян, уборке хлеба и его хранении, состоянии животноводства¹. Общей чертой подобных обозрений и статистических описаний является сугубо справочный характер изложения, отсутствие аналитических оценок статистического материала. Среди них заметно выделяются работы Я. Ханькова и В.М. Черемшанского. В статье Я. Ханькова все горнозаводское население частных оренбургских заводов (1. казенные мастера и рабочие, вечно отданные заводам; 2. неприменные работники; 3. крепостные люди) определяется как крестьянское сословие². Согласно его данным, по развитости хлебопашества особо выделялись крестьяне Воскресенского, Верхоторского, Преображенского, Архангельского, Симского, Юрюзанского, Катавского и Белорецкого заводов; по уровню развития животноводства - крестьяне Троицкого и Усень-Ивановского; по степени распространенности торгово-промышленной деятельности - крестьяне Благовещенского, Троицкого, Преображенского и Катавского заводов. Автор признавал значительную роль в жизни заводских крестьян земледельческого производства, животноводства, торгово-промышленных занятий, но при этом Я. Ханьков заключал, что доходы от сельскохозяйственного производства «уступают доходу посредственно зажиточного помещичьего крестьянина»³, т.е. главным источником существования горнозаводского населения являлась заработная плата на заводах. В статье исследователем подробно рассмотрены виды работ, повинности заводских крестьян, система управления горнозаводским населением.

В.М. Черемшанский широко использовал как опубликованные, так и не изданные документы того времени⁴. В его книге представлена разносторонняя характеристика народонаселения

¹ Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах. СПб., 1836. С. 132-146.

² Ханьков Я. Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 году // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1841. Т. 2. Отделение IV. С. 66.

³ Там же. С. 71.

⁴ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

края: численность и социальный состав, размещение и разделение её по занятиям. Автор дает подробное этнографическое описание народов, населяющих Оренбургскую губернию, в том числе и крестьян разных национальностей. Отдельные разделы книги посвящены описанию разных отраслей сельского хозяйства, торговли, промыслов, отходничества, распространенных среди крестьян губернии. Ценны его наблюдения о переходе крестьян в другие сословия, распределении поземельной собственности в крае¹. Подробно описана система земледелия в губернии, сельскохозяйственные орудия крестьян, хозяйственные постройки, использование наемного труда в сельском хозяйстве, крестьянские повинности и бюджет. В.М. Черемшанский попытался показать реальное материальное и правовое положение горнозаводских крестьян по отдельным отраслям заводского хозяйства Оренбургской губернии². По широте охватываемого круга вопросов книга и статья В.М. Черемшанского выходят далеко за рамки обыкновенного статистического исследования и не имеют себе равных среди работ дореволюционного времени.

Источниками для составления перечисленных «историко-географических», «историко-статистических» и «хозяйственных» описаний послужили правительственные указы, извлечения из законов, делопроизводственных и ведомственных материалов. В этой связи данные статистические работы ценны в качестве опубликованных источников.

Круглый стол :

«НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ»: СУДЬБА НОВАЦИЙ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1960–1970-Х ГОДОВ

В.Д. Камынин
г. Екатеринбург

СУДЬБА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В.В. АДАМОВА (1914–1985) – ГЛАВЫ УРАЛЬСКОЙ ГРУППЫ «НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ»

В.В. Адамов в 1960-е – начале 1970-х гг. руководил на историческом факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького кафедрой истории СССР, читал студентам общие и специальные курсы по отечественной истории. Он явился одним из организаторов в мае 1969 г. в Свердловске Всесоюзной научной конференции «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)», был ответственным редактором и автором предисловия сборника материалов конференции «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности», увидевшего свет в 1972 г.

Эта конференция и сборник послужили толчком к началу шельмованию научных воззрений ученого, отстранению его от административной и преподавательской работы. Авторы сборника обвиняли в том, что в их статьях утверждалось, что «империализм в России составлял лишь часть капиталистического уклада, а последний в свою очередь представлял собой только один из укладов многоукладной экономики страны», что они поставили вопрос «о необходимости уяснения характера общественно-экономического

¹ Там же. С. 273–274.

² Черемшанский В.М. Хозяйственно-статистическое описание Воскресенского медеплавильного завода // Оренбургские губернские ведомости. 1855. № 1. С. 307–308; №2. С. 3–5; № 3. С. 6–7; № 4. С. 10–12; № 5. С. 14–16; № 6. С. 17–19.

строю предоктябрьской России на основе изучения взаимодействия существовавших в ее экономике укладов»¹.

Уральские историки критиковали В.В. Адамова за неправильное понимание трудов В.И. Ленина. Д.В. Гаврилов указывал: «В.В. Адамов заявлял, что В.И. Ленин оперировал термином "оригинальный строй" по отношению к Уралу якобы в недостаточно "определенном смысле". Но так ли это? В книге В.И. Ленина "Развитие капитализма в России" содержится исчерпывающий ответ на вопрос, что понимал В.И. Ленин под "оригинальным строем" Урала»². Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногов писали: «Как и его единомышленники, В.В. Адамов, ссылаясь на В.И. Ленина, дает "новое толкование" его произведений. Вырвав из текста слова: Урал представляет "из себя оригинальный строй промышленности", автор на этом основании приписывает В.И. Ленину взгляд на горнозаводскую промышленность, как крепостническую». В.В. Адамова и его сторонников обвиняли в «отходе от марксистской методологии» и наличии в их произведениях «антимарксистских выводов, искажающих историческую правду». По мнению данных авторов, «члены редакции и большинство авторов тому сборника об основном развитии капитализма в России в период империализма заслонили рассуждениями об укладах домонополистического капитализма, об укладах раннего капитализма, феодально-крепостного хозяйства, патриархального уклада и прочими». Сторонников «нового направления» упрекали в том, что «эти рассуждения с точки зрения марксистско-ленинской методологии не выдерживают никакой критики» и «отказ от марксистской методологии приводит авторов сборника к нелепым антимарксистским выводам, искажающим историческую правду»³.

Развернувшуюся критику нужно рассматривать как часть кампании по разгрому целой группы историков, ничего общего не имевшую с научной дискуссией и стремлением понять аргументы оппонента. В ней использовались различные методы: подтасовка фактов, приписывание историкам тех выводов, ко-

торые они не делали и т.д. Ответить на критику не было возможности, ибо по итогам «разбора» научных трудов сразу принимались оргвыводы, исследователей отстраняли от работы под видом реорганизации научных учреждений. Некоторые из них ушли из жизни (среди них был В.В. Адамов) и не дожили до реабилитации.

Реабилитация исследователей, принадлежавших к «новому направлению» произошла в преддверии 70-й годовщины Октябрьской революции. Однако, уже в годы «перестройки» в исторической науке развернулась достаточно острая дискуссия о месте «нового направления» в отечественной историографии.

Некоторые исследователи попытались не просто восстановить доброе имя представителей «нового направления», но и представить их как своеобразных диссидентов, пострадавших от советского тоталитарного режима. Ю.Н. Афанасьев подчеркивал, что для того чтобы освободиться от его наследия, «надо иметь мужество, ощущая свою боль, понять и боль другого: когда мы говорим о тех жертвах, которые понесли советская литература и наука, мы должны помнить и о погромах, которые учинялись и в исторической науке, начиная с дела Тарле и Платонова и кончая мрачным периодом трапезниковщины, когда травили Тарновского, Волобуева, Гефтера, долгое время издевались над Поликарповым»¹.

Сторонники традиционных взглядов на историю и в период «перестройки» продолжали критиковать приверженцев «нового направления», прежде всего, за их концепцию многоукладности, за недооценку ими наличия объективных предпосылок социалистической революции в России².

В годы «перестройки» впервые стали писать о научном наследии В.В. Адамова. Оценки, данные его взглядам, соответствовали духу того времени. В 1990 г. Т.К. Гуськова и Л.В. Ольховая отметили: «Применяя на практике метод партийного подхода к науке, глубоко убежденный коммунист, всей своей жизнью доказавший верность идеям партии, В.В. Адамов никогда не уходил от дискуссий, высказывая свою точку зрения (нередко противоречащую общепринятой) четко, последовательно, аргументированно. Опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, он творчески применял марксистскую методологию, неизменно

¹ Бовыкин В.И., Волин М.С., Кирьянов Ю.И., Лаврычев В.Я., Пушкарева И.М., Тютюкин С.В. Изучение проблем истории России периода империализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1978. С. 87.

² Гаврилов Д.В. Об «оригинальном строе» Урала // XXIII Герценовские чтения (Межвуз. конф.). Краткое изложение докл. Вып. 1. Ист. науки. Л., 1970. С. 10.

³ Быстрых Ф.П., Кривоногов В.Я. За строгую научность и историческую правду // Урал. рабочий. 1973. 4 марта.

¹ Афанасьев Ю.А. Перестройка и историческое знание // Иного не дано. М., 1988. С. 498.

² См.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 93–111.

стремился как можно глубже понять, а порой и по-новому осмыслить высказывания классиков марксизма-ленинизма, в первую очередь В.И. Ленина, об истории России и Урала»¹.

О.А. Васьковский писал: «Пристальное внимание исследователь сосредоточил на раскрытии конкретного содержания высказываний В.И. Ленина об оригинальном строе горнозаводского производства. Установлено, что после отмены крепостного права и даже в условиях монополистического капитализма в экономике края сохранялись феодальные пережитки, которые делали невозможной победу социалистической революции без предварительных буржуазно-демократических преобразований»².

Совсем по-другому стали оцениваться заслуги В.В. Адамова перед исторической наукой в первой половине 1990-х гг. Критика марксизма сделала актуальным поиск «инакомыслящих» историков советского времени. В 1994 г. научная общественность Уральского университета отметила 80-летие со дня рождения В.В. Адамова. В связи с этим событием были поставлены вопросы, связанные с «новым направлением», его судьбой в 1970-е гг., принципиально изменилась оценка творческого наследия В.В. Адамова.

Уральские исследователи стали рассматривать взгляды В.В. Адамова как составную часть «нового направления» в отечественной историографии, «подвергнутого в 1970-х гг. разгрому со стороны конъюнктурщиков и чиновников от науки»³. По словам Б.Б. Овчинниковой и Л.В. Ольховой, «отсутствие в 70-х гг. возможности сосуществования различных научных концепций привело фактически к запрещению так называемого "нового направления". Обсуждение поставленных вопросов было прекращено сугубо административными методами, что, несомненно, затормозило изучение социально-экономической истории Урала и России». Авторы писали, что «выводы В.В. Адамова об отсутствии на Урале условий для социалистической революции и о необходимости буржуазно-демократических реформ повлекли за собой определенное "гонение" на автора»⁴.

¹ Гуськова Т.К., Ольховая Л.В. В.В. Адамов как историк Урала периода империализма // Летописцы родного края (Очерки об исследователях Урала). Свердловск, 1990. С. 86–87.

² См.: Уральскому университету – 70 лет. Свердловск, 1990. С. 134–135.

³ Проблемы истории России. От традиционного к капиталистическому обществу. Екатеринбург, 1996. С. 4.

⁴ Овчинникова Б.Б., Ольховая Л.В. Владимир Васильевич Адамов – ученый-историк и педагог // Там же. С. 6.

Желание доказать оппозиционность взглядов В.В. Адамова догматическому марксизму привело к тому, что они стали подвергаться модернизации, то есть вырываться из конкретно-исторических условий и оцениваться с позиции сегодняшнего дня. С.Я. Бугаева, оценивая взгляды историков «нового направления», писала: «Научные поиски отечественных историков в 60-70-х гг. выводили отечественную гуманитарную науку на европейский уровень, способствовали созданию отечественного варианта теорий модернизации»¹.

Наблюдая за процессом переосмысления отечественной истории, который происходил в первой половине 1990-х гг., мы вместе с Е.Б. Заболотным пришли к выводу, что несмотря на восстановление доброго имени историков «нового направления», оно произошло лишь внешне и «их идеи в очередной раз оказались не ко времени»². Автору данной статьи и сейчас кажется это мнение справедливым по отношению к тому времени.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с утверждением подлинного научного плюрализма наследие историков «нового направления» стало изучаться более активно. Современные исследователи высказывают различные мнения о характере исторических возрений В.В. Адамова. Спектр этих мнений находится между полюсами – он был подлинно «инакомыслящим историком» советской эпохи, выдвинувшим оригинальную концепцию горнозаводской промышленности и рабочего класса Урала, и – он был «диссидентствующим историком», ничего по-настоящему оригинального не сделавшим.

Некоторые авторы справедливо полагают, что «новое направление» не выходило за рамки марксистско-ленинской методологии. Р.Г. Пихоя признает: «Пожалуй, В.В. Адамову был свойственен социологический подход к изучению истории»³. Говоря о творчестве К.Н. Тарновского, Н.А. Иванова подчеркивает: «Работая, как и все другие советские историки, в рамках марксистско-ленинской методологии, он искал объяснение многим фактам и явлениям, которые не укладывались в общепринятые тогда в науке схемы и положения. Одно из направлений поисков было связано с переходом к изучению взглядов В.И. Ленина не в статике, а в развитии, в объяснении тех многоаспект-

¹ Бугаева С.И. Перечитывая работы В.В. Адамова... // Там же. С. 41

² Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. К вопросу о месте «нового направления» в отечественной историографии // Там же. С. 115

³ См.: Пихоя Р.Г. Воспоминания о студенческих годах на истфаке УрГУ // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 204

ных и неоднозначных оценок, которые встречались в ленинских работах»¹.

Ученые пытаются объяснить, почему историки, пытавшиеся в период «оттепели» отказаться от замшелых догм сталинской концепции истории, в тоже время не выходили за рамки марксистско-ленинской методологии. По словам В.В. Поликарпова, «в середине 60-х гг. у реформаторски настроенных историков-коммунистов еще сохранялась вера в демократическое обновление партийной политики, в необратимость перемен, начавшихся «развенчанием культа личности Сталина». Поиск путей «назад, к подлинному Ленину», убежденность в конечном торжестве справедливости (символизируемом, прежде всего, реабилитацией «героев Октября») естественно сочетались с кажущейся ныне, может быть, наивной апологией революции»². М.Н. Руткевич пишет про исследователей этого поколения: «Идейные установки авторов, конечно, различались. Среди них можно было найти и апологетов старых жестких порядков, только без репрессий и обожествления личности, и сторонников решительных перемен. Однако и самые решительные экономисты (Либерман, Лисичкин), социологи (Левада, Ядов), философы и психологи (Ильенков), историки, правоведы и т.д. не ставили под вопрос ни достижения Советского Союза во всех областях жизни, выведшие страну в разряд сверхдержав, ни преимуществ социализма как общественного строя, на базе которого эти успехи были достигнуты, ни роли партии как стержня государственной организации, ни творчески понимаемого марксизма как теоретической основы дальнейшего движения вперед по пути совершенствования социализма»³. Тем более не мог этого делать В.В. Адамов – коммунист, участник и инвалид Великой Отечественной войны, занимавший в Уральском университете руководящие посты, в том числе и в партийных органах.

Любопытно, что даже часть исследователей, которые в годы «перестройки» выдавали историков «нового направления» за диссидентов тоталитарного режима, во второй половине 1990-х гг. изменили свое мнение. Ю.Н. Афанасьев пишет, что сторонники «нового направления» «были озабочены вполне научной

задачей: они хотели основательно посмотреть на проблему предпосылок Октябрьской революции». Он полагает, что основная заслуга П.В. Волобуева и «близких к нему историков» заключалась лишь в том, что они высказали «несколько оригинальных мыслей (совсем не сокрушительного содержания) об уровне развития капитализма в России» и за это были подвергнуты «критике и научной расправе»¹.

Анализ выпедшей в последние годы литературы приводит к выводу, что многие современные авторы, высказываясь о творчестве В.В. Адамова, по-прежнему, нарушают принцип историзма. Другими словами, труды В.В. Адамова вырываются из того времени, когда они были написаны, подвергаются сильному модернизаторству, автору приписывается то, что он никогда не писал и даже не подразумевал.

Н.Н. Алеврас таким образом характеризует наследие «нового направления»: «В истории исторической науки это наследие должно занять адекватное ее новаторскому потенциалу место. Нельзя к тому же не заметить, что в среде "нового направления" формировался подход, совпадавший по основным параметрам с идеями теории модернизации, выраженными западноевропейскими учеными в 60–70-е гг. XX в. С. Блэком, А. Гершенкроном, У. Ростоу и др. Исходя из этого, методологические поиски "новонаправленцев", в том числе В.В. Адамова, можно рассматривать в качестве отечественного варианта подобных теорий, а их творчество воспринимать как предтечу современного переосмысления российского индустриального феномена, который трудно представить без уральской промышленности»².

Л.В. Сапоговская пыталась доказать, что использование трудов классиков марксизма-ленинизма было для В.В. Адамова своеобразной ширмой, за которой он скрывал свои вольные мысли. Она писала: «Работы В.В. Адамова также отягощены характерным для того времени цитированием классиков марксизма-ленинизма, но в этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что термин "оригинальность" в историографических текстах неизменно в противоположность ленинскому, закавыченному, в названиях статей В.В. Адамова от кавычек свободен, а, обращаясь к проблеме особенностей горнозаводской промыш-

¹ Иванова Н.А. Тарновский Константин Николаевич // Историки России XVIII–XX вв. М., 1997. Вып. 4. С. 819.

² Поликарпов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 350.

³ Руткевич М.Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70-е гг. XX в.). М., 2003. С. 21–22.

¹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. С. 36, 27.

² Алеврас Н.Н. В.В. Адамов и проблемы индустриальной модернизации горнозаводского Урала // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 23.

ленности Урала, самой оригинальностью В.В. Адамов не ограничивается, добавляя "расширение": "и некоторых особенностях развития". Эти штрихи, но прежде всего суть выдвинутых В.В. Адамовым идей позволяют сделать вывод о его внутренней свободе и осознанном стремлении выйти за рамки неких шаблонов в рассмотрении проблемы, представить ее новое видение»¹.

А.И. Прищепа, анализируя творчество В.А. Адамова, пытается представить его и других сторонников «нового направления» диссидентами советского тоталитарного режима. Он прямо называет В.В. Адамова «ревизионистом», научные взгляды которого рассматривались как «идеологическая диверсия» и причисляет его к инакомыслящим². Автор пишет по поводу его взглядов: «В 60-е гг. он и группа московских исследователей, специалистов по истории СССР конца XIX – начала XX вв. – П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, Л.М. Иванова, И.Ф. Гиндин и др., получившие название «новое направление», – предприняли попытку пересмотреть ряд установившихся стереотипов в оценке предыстории и истории Октябрьской революции. Они пришли к выводу, что степень зрелости ее материальных предпосылок в советской историографии явно завышалась, а блок политических и классовых сил, совершивших революцию, был гораздо шире, чем это утверждалось в официальной науке. Подобные взгляды рассматривались властью как покушение на освещенную господствующей идеологией концепцию». Автор обращал внимание, что именно Свердловск в 1969 г. «стал местом сбора инакомыслящих историков»³. Этот факт А.И. Прищепа объясняет тем, что «в пересмотре официальной доктрины степени зрелости объективных предпосылок Октябрьской революции даже в группе историков "нового направления" В.В. Адамов занимал, пожалуй, наиболее радикальную позицию». По его мнению, утверждение историка о том, что экономика России накануне революции носила переходный характер, следует рассматривать как «откровенно антиленинскую позицию»⁴. Говоря о месте В.В. Адамова в отечественной историографии, А.И. Прищепа

¹ Сапоговская Л.В. Оригинальность «оригинального строя» горнозаводской промышленности Урала по В.В. Адамову // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. С. 62

² Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале (сер. 1940-х – сер. 1980-х гг.). Сургут, 1998. С. 69.

³ Прищепа А.И. Инакомыслящий историк В.В. Адамов // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Мат. регион. науч.- практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 69.

⁴ Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале (сер. 1940-х – сер. 1980-х гг.). С. 70.

пишет, что он сыграл заметную роль «в преодолении декретированных сверху оценок и концепций, подготовке основ нынешнего методологического обновления в социальных науках»¹.

Автор данной статьи согласен с мнением Т.К. Гуськовой, которая так пишет по поводу подобных размышлений: «Фактически не изучены не только концептуальные, но и общие исторические и методологические взгляды В.В. Адамова, нередко получающие самые противоречивые оценки. Только этим, а также недостаточным знакомством с работами В.В. Адамова и его биографией можно объяснить появление (в том числе на страницах научных изданий) утверждений об "антиленинизме" или "диссидентстве" историка, попытки показать его "неверие в революцию на Урале" или представить В.В. Адамова чуть ли не "предтечей русского варианта модернизма". Разумеется, для такого рода утверждений нет никаких оснований»².

Спорность отнесения историков «нового направления» к диссидентам советского политического режима подтверждается еще и тем, что некоторые из них, дожившие до реабилитации, продолжали отстаивать марксистское понимание истории и после нее. По словам П.В. Волобуева, группа историков «нового направления» «далее всего отошла от сталинских схем и продвинулась по пути освоения ленинского наследия и понимания противоречивой действительности кануна и огненных лет революции»³. Выступая на «круглом столе», организованном 22–23 октября 1988 г. Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» «Россия 1917 год: выбор исторического пути», П.В. Волобуев не согласился с мнением Ю.Н. Афанасьева, который утверждал, что классики марксизма-ленинизма переоценивали зрелость современного им капитализма и созданным им материальных предпосылок для перехода к социализму⁴. П.В. Волобуев указывал, что, говоря о «просчетах» Маркса и Ленина, не следует забывать о том, что «марксистский прогноз оказался в целом теоретически и практически верным в главном. Социализм приходит на смену капитализму, не ожидая "полного" созревания всех материальных предпосылок социализма, как ответ на кри-

¹ Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале (сер. 1940-х – сер. 1980-х гг.): Автореф. докт. дис. Сургут, 1999. С. 31.

² Гуськова Т.К. Востребовано временем // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. С. 41

³ Волобуев П.В. Великий Октябрь // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 11.

⁴ См.: Афанасьев Ю.А. Перестройка и историческое знание. С. 501.

зис капиталистических отношений на одном из витков исторической спирали»¹. В период начавшейся острой полемики вокруг личности Ленина и его роли в истории России П.В. Волобуев выступил с защитой традиционного понимания места Ленина в истории².

Что касается мнения о «ревизионизме» историков «нового направления», то по этому поводу В.Л. Телицын пишет, что этот миф придумали в отделе науки ЦК КПСС в марте 1973 г., который осудил «новое направление» как ревизионистское». По словам автора, «чтобы "доказать", что "новое направление" — это отход от марксизма, противники прибегли к старому, испытанному приему — навешиванию ярлыков и фальсификации того, что говорили и писали его сторонники»³.

Автор данной статьи не может согласиться с утверждением Д.В. Гаврилова о том, что в годы «перестройки» историки «нового направления» отказались от своих взглядов. По его словам, «в 1988–1989 гг. были предприняты энергичные попытки возродить "новое направление", но все они оказались тщетными, безуспешными и безрезультатными. Сам "глава" "нового направления" П.В. Волобуев, ставший академиком АН СССР, решительно отмежевался от "нового направления"»⁴.

Тут нужно учитывать, что между 1960–1970-ми гг., когда были сформулированы основные идеи «нового направления» и второй половиной 1980-х гг. прошла целая эпоха, начала меняться ситуация в исторической науке в нашей стране, были востребованы достижения западной историографии. Именно П.В. Волобуев одним из первых в стране начал разрабатывать теорию альтернативности исторического развития, применять к изучению истории России начала XX в. теорию эшелонов капиталистического развития. Он писал о том, что «концепция "Россия как второй эшелон капитализма, догоняющего и зависимого развития", должна быть взята на вооружение». По его мнению, «она дает возможность понять суть ленинской концепции предпосылок революции, в частности, отсутствие в России к началу

революции необходимой и адекватной материальной базы социализма. Но зрелость субъективного фактора, громадная сила революционных классов — позволила нам начать "с другого конца" — с завоевания государственной власти и затем уже на ее основе подтянуть культуру и экономику до современного уровня»¹.

Любопытно заметить, что критика идей «нового направления» в современной историографии звучит и прямо с противоположной стороны. Мы имеем в виду критику со стороны тех историков, которые полностью отрицают заслуги советских исследователей. Разделяя мнение Ю.Н. Афанасьева, А.А. Искендерова и др. авторов о «феномене» советской историографии, А.П. Логунов пишет: «Я совершенно искренне не понимаю, как можно говорить о *научности* и *науке*, если историографии были присущи все названные выше признаки? Имена Зимины, Гефтера мало что меняют»². Он резко критикует мнение Г.Д. Алексеевой за то, что та осмелилась причислить историков «нового направления» к историкам 60–80-х гг. XX в., которые пытались «творчески применять марксизм к анализу всемирного исторического процесса»³.

В последнее время высказывается мнение о том, что никакого «нового направления» в советской исторической науке никогда не существовало. Д.В. Гаврилов, немало сделавший для критики взглядов В.В. Адамова еще в советское время, считает, что для выделения самостоятельного историографического направления необходимы как минимум общая концепция и устойчивый коллектив ученых, отстаивающих общие взгляды. По его словам, «теория многоукладности», выдвинутая историками «нового направления», может именоваться теорией лишь условно, поскольку за нее обычно принимается ряд разрозненных, не связанных друг с другом, расплывчатых и противоречивых положений, высказанных в разное время отдельными историками по разным поводам, не представляет собой четко сформулированной, законченной системы взглядов, ясно изложенной, цельной и определенной научной концепции, т.е. атрибутов, которые позволили бы считать ее действительно научной теорией». Кроме того, Д.В. Гаврилов полагает, что «до сих пор нет ясности в том, кого из историков (за исключением нескольких фамилий)

¹ Россия 1917 год: выбор исторического пути. М., 1989. С. 20–21.

² См.: Волобуев П.В. Ленин // Политические деятели России. 1917: Биограф. словарь. М., 1993.

³ Телицын В.Л. Волобуев Павел Васильевич // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 829.

⁴ Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности» // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Мат. V регион. науч. конф., дек. 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 10.

¹ Россия 1917 год: выбор исторического пути. С. 21.

² Логунов А.П. Отечественная историографическая культура // Образы историографии. М., 2001. С. 17.

³ Алексеева Г.Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80-е гг. // Историческая наука в России в XX в. М., 1997. С. 276–277.

следует с достаточным на то основанием считать историками «нового направления», поскольку многие историки, которых за какое-нибудь высказывание причисляют к этому направлению, в целом не разделяли его взглядов»¹.

По нашему мнению, Д.В. Гаврилов указал на не до конца решенные вопросы, связанные с идентификацией «нового направления» как особого научного направления в отечественной историографии. В то же время с его выводами по поводу полного отсутствия продуманной концепции у историков «нового направления» нельзя согласиться.

Некоторые исследователи также указывают на слабую теоретическую проработанность концепции многоукладности. По словам Н.А. Ивановой, историками «нового направления» «проблема многоукладности применительно к истории дореволюционной России в столь широких масштабах была поставлена впервые, а потому многие вопросы оказались мало разработанными или только намеченными, а диапазон высказанных точек зрения и мнений был велик»².

По нашему мнению, неверно сводить теоретические представления историков «нового направления» лишь к концепции многоукладности. В.Л. Телицын правильно отмечает, что «многоукладность интересовала их прежде всего как фактор, породивший ту сумму социальных противоречий, без которой нельзя понять остроту и масштабы общественно-политического кризиса, растянувшегося в России почти на 20 лет и породившего революции 1905–1907 и 1917 гг.»³.

Нам представляется, что при характеристике исторических взглядов В.В. Адамова, как и других представителей «нового направления», не следует прибегать к их модернизации, нарушая принцип историзма, приписывая советским исследователям конца 1950-х – 1960-х гг. то, что хотел бы видеть тот или иной современный автор в зависимости от собственных идеологических пристрастий. В.В. Адамов придерживался ряда концепций, в том числе концепции о сохранении до октября 1917 г. полуфеодальных отношений в промышленности Урала в форме горнозаводских округов, унаследовавших черты вотчинного хозяйства даже в ходе акционирования; концепции о преобладании у уральских рабочих сословных черт и характеристик над классовыми.

выми, в результате которых пришел к выводам о существовании насущной необходимости буржуазно-демократических (а не социалистических) преобразований на Урале; о том, что ряд уральских горнозаводских округов, в том числе и самых крупных, оставался в руках феодальных магнатов до октября 1917 г., а во всех образованных акционерных компаниях прежние владельцы сохранили значительный, если не решающий вес. Именно эти взгляды В.В. Адамова требуют внимательного изучения с применением принципа ценностного подхода.

Таким образом, в современной историографии можно выделить три этапа по отношению к идеям «нового направления». Идеализация этой группы историков, наблюдавшаяся в годы «перестройки», сменилась в первой половине 1990-х гг. практически их забвением. Лишь со второй половины 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени мы наблюдаем своеобразный «ренессанс» их идей, хотя отношение к ним продолжает оставаться неоднозначным. Спор вокруг «нового направления» не завершен.

С.Ю. Шишкина
г. Тюмень

СУДЬБА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.Я. АВРЕХА (1915–1988)

Литература об историках «нового направления» с анализом их творчества стала публиковаться после их реабилитации в годы «перестройки». Хотя по этому вопросу написано уже немало работ, существует еще достаточно проблем, которые нуждаются в уточнении или в дальнейшем изучении. Очень много неясного остается по поводу состава историков «нового направления», объединяющих их принципов. Совершенно очевидно, что сам термин «новое направление» носит искусственный характер и не имеет ничего общего с таким понятием как «направление в исторической науке», которым привычно оперируют историографы. Известно, что само это понятие пришло в отечественную науку из зарубежной советологии после того как американский

¹ Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности». С. 6.

² Иванова Н.А. Указ. соч. С. 818.

³ Телицын В.Л. Указ. соч. С. 828.

исследователь А. Гершенкрон, оценивая дискуссии 1960-х гг. в советской исторической науке, написал о том, что в них произошло столкновение «старой» и «новой» школы советских историков, «догматиков» и «свободомыслящих»¹.

Вопрос о персональном составе «нового направления» уже ставился историографами. В.Д. Камынин в очерке об уральском представителе этого сообщества В.В. Адамове пишет: «Анализ современной литературы показывает, что в ней можно встретить различный набор имен историков, которых те или иные авторы относят к "новому направлению"»². Он приводит мнения на этот счет как московских историков В.В. Поликарпова, В.Л. Телицына, так и периферийных авторов, в том числе А.И. Прищепы.

В.В. Поликарпов в «новое направление» включает группу историков, «преимущественно работающих в Институте истории СССР АН СССР и занимающих официальное должностное положение»: П.В. Волобуева, Л.М. Иванова, А.М. Анфимова, К.Ф. Шацилло, а также научных сотрудников этого Института: И.Ф. Гиндина, К.Н. Тарновского, А.Я. Авреха, Ю.И. Кирьянова и др. и сотрудников других научных учреждений страны: М.Я. Гефтера, В.В. Тимошенко (Белоруссия), Л.П. Минарик и др.³ В другом месте автор перечисляет среди сторонников «нового направления» В.В. Адамова (Свердловск), П.Г. Галузо (Алмата), А.Л. Сидорова, В.С. Дякина⁴. В.Л. Телицын уточняет, что «основной "костяк" "нового направления" составляли бывшие ученики А.Л. Сидорова». К «генераторам новым идей» он относит П.В. Волобуева, К.Н. Тарновского, И.Ф. Гиндина, в само «новое направление» он включает В.П. Данилова, В.В. Адамова, Л.М. Иванова, А.Я. Авреха, П.Г. Галузо, А.М. Анфимова, К.Ф. Шацилло, М.С. Симонову⁵. По мнению А.И. Прищепы, к «новому направлению» относились прежде всего П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, А.Я. Аврех, Л.М. Иванов, И.Ф. Гиндин и В.В. Адамов⁶.

¹ См.: Развитие советской исторической науки 1970–1974. М., 1975. С. 183.

² Камынин В.Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012. С. 27.

³ Поликарпов В.В. «Новое направление» 50-70-х гг. последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 392.

⁴ См.: Там же. С. 389, 379.

⁵ Телицын В.Л. Волобуев Павел Васильевич // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 828.

⁶ См.: Прищепа А.И. Инакомыслящий историк В.В. Адамов // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Мат. регион. науч.- практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 69.

Наше внимание в этих наблюдениях привлекло то, что во всех случаях упоминается имя А.Я. Авреха. Этот факт особенно интересен, если рассмотреть вопрос о том, по какому принципу историки объединялись в «новое направление». Данный вопрос не менее важен, чем персональный состав этого научного сообщества. Актуальность рассмотрения этого вопроса повышается в связи с утверждением уральского историка Д.В. Гаврилова о том, что «самозвано присвоив себе такое название, сторонники "нового направления" в "эпоху застоя", в условиях тоталитарного режима не создали какой-либо новой исторической доктрины, выходящей за рамки советской официальной идеологии и принципиально отличавшейся от нее. Все их теории строились на своеобразной интерпретации цитат из работ классиков марксизма-ленинизма, и, таким образом, по сути, оставались одним из ответвлений советской исторической науки»¹.

За ответом на поставленный вопрос о том, по какому принципу историки объединялись в «новое направление», следует обратиться прежде всего к самим историкам «нового направления». Не секрет, что представление о данном научном сообществе, которое отличалось по своим взглядам от подавляющего большинства советских историков, создал К.Н. Тарновский. В своей историографической работе, опубликованной еще в середине 1960-х гг., он писал об историках, объединенных изучением экономических вопросов истории российского империализма. По мнению К.Н. Тарновского, таких вопросов было несколько: «изучение капитализма в отдельных районах, история развития отдельных отраслей промышленности и сложившихся в них монополий; развитие финансового капитала, акционерных предприятий и деятельность банков; вопросы взаимоотношения государственного аппарата с капиталистическими монополиями и проблема государственно-монополистического капитализма в России; финансовое положение страны, степень зависимости экономики страны и правительства от международного империализма; характер российского империализма и его особенности (вопрос о военно-феодальном империализме)»². Можно заметить, что хотя проблематика, которая разрабатывалась этими исследователями, была достаточно широка, все-таки она находилась в русле экономической истории.

¹ Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005. С. 7.

² Тарновский К.Н. Советская историография периода империализма. М., 1964. С. 146.

В новейшей историографии этот факт признается многими исследователями. В.В. Поликарпов уточняет, на каком именно *новом направлении* сосредотачивались усилия одноименной группы историков. Он пишет: «Раньше упор делался на изучение "зрелых форм" капитализма, в первую очередь, монополий. Теперь настало время заняться проблемой взаимодействия и переплетения военно-феодальной и капиталистической эксплуатации... "сращивания" "передового" капитализма с его примитивными формами и остатками докапиталистических укладов»¹.

Более широкое понимание «нового направления» предлагает В.Д. Камынин. Он относит к этому научному сообществу исследователей, занимающихся «самыми различными проблемами истории России эпохи капитализма: экономическое развитие, история рабочего класса, крестьянства, буржуазии, царизма, революционного движения, теории исторического процесса и т.д.». Исследователь отмечает: «Естественно, что их труды очень трудно подвести под какой-то единый знаменатель; отличаются выводы, к которым пришли авторы. С другой стороны, как бы вне «нового направления» остаются многие историки, которые занимали схожие позиции в 1950–1960-е гг., но не разделявшие судьбу историков «нового направления» в дальнейшем. Речь может идти о гораздо более широкой группе исследователей Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири, Казахстана, Белоруссии, Прибалтики и других регионов страны, которые, поверив в решения по разоблачению культа личности Сталина, стали отходить от догм сталинской идеологии в решении вопросов об уровне развития России накануне и в период революционных событий 1917 г., расстановки политических сил и характера революционного движения»².

Под это определение полностью подходит творчество А.Я. Авреха, чьи научные интересы лежали в области изучения политической истории России начала XX в. между двумя русскими революциями 1905–1907 гг. и революцией 1917 г. По нашему мнению, его объединяет с историками «нового направления» несколько обстоятельств.

Во-первых, А.Я. Аврех относился к послевоенному поколению советских историков, которые свои исследования начали после XX съезда КПСС и которые все свои усилия затратили на избавление исторической науки от сталинских догм. Его основ-

ные труды начали выходить в 1960-е гг., когда «новое направление» переживало расцвет¹. А.Я. Аврех нашел себе нишу, не занятую другими исследователями. Признанный глава этого научного сообщества П.В. Волобуев писал, что «А.Я. Аврех был в числе тех, кто положил начало *новому направлению* (разрядка наша – С.Ш.) в советской историографии – исследованию политической надстройки (царизма) и ее эволюции в органической связи с политикой либерально-буржуазных и реакционных помещичьих партий в 1907–1917 гг.»².

Во-вторых, А.Я. Аврех высказывал идеи, схожие со взглядами историков «нового направления». Будучи специалистом широкого профиля, а его научные интересы хронологически простирались вплоть до истории русского абсолютизма XVIII в., ученый выступал против устоявшегося в советской исторической науке понимания характера русского абсолютизма как архаичной формы абсолютной монархии, являющейся одним из главных феодальных пережитков, тормозивших развитие капиталистического строя. Несколько его работ по данному вопросу, опубликованных в журнале «История СССР» на рубеже 1960–1970-х гг.³, положили начало дискуссии по этому вопросу, которая в условиях «застоя» не смогла завершиться.

В-третьих, как и историки «нового направления», А.Я. Аврех подвергался преследованию со стороны советских официальных структур за свои взгляды. Историки феодального периода критиковали его «спорные суждения» «о крестьянстве как массовой опоре царизма», о полубуржуазной природе русского абсолютизма⁴, историки периода империализма за то, что он доказывал, что «русская буржуазия не только не стремилась к захвату власти, но более того, – боялась, что государственная власть окажется у нее в руках и, исходя из этого опасения, не столько

¹ См.: Аврех А.Я. Царизм и третьиюнская система. М., 1966; Он же. Столыпин и третья дума. М., 1968.

² Волобуев П.В. Об авторе этой книги // Аврех А.Я. Массоны и революция. М., 1990. С. 5.

³ См.: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в установлении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2; Он же. Утраченное равновесие // Там же. 1971. № 4.

⁴ Гутнова Е.В., Чистозвонов А.Н. Советская медиевистика // Развитие советской исторической науки 1970–1974. М., 1975. С. 183; Черепнин Л.В., Пашуто В.Т., Назаров В.Д. Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1982. С. 33; Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / под ред. И.И. Минца. М., 1982. С. 247.

¹ Поликарпов В.В. Указ. соч. С. 354.

² Камынин В.Д. Указ. соч. С. 28.

раскачивала царизм, сколько была озабочена его сохранением»¹. В результате этой критики у официальных идеологов сложилось мнение об А.Я. Аврехе как о неблагонадежном историке и, как пишет П.В. Волобуев, он превратился в «невъездного» исследователя². В то же время, нельзя не заметить, что в отличие от большинства историков «нового направления», чье творчество было искусственно прервано в начале 1970-х гг., А.Я. Аврех продолжал публиковать свои работы³. Крупные работы данного автора увидели свет в годы «перестройки» после его смерти⁴.

После реабилитации историков «нового направления» в уральской литературе развернулась дискуссия по вопросу о значении идей «нового направления» для современной исторической науки. Начало этой дискуссии положила статья Е.Б. Заболотного и В.Д. Камынина, опубликованная в середине 1990-х гг. Авторы высказали мысль, что, несмотря на восстановление доброго имени историков «нового направления», интерес к их творчеству носил чисто внешний характер и «их идеи в очередной раз оказались не ко времени»⁵.

Мнения исследователей по вопросу о востребованности идей «нового направления» разделились.

Большинство современных историков считает, что идеи «нового направления» востребованы современной наукой. Так, Н.Н. Алеврас считает, что идеи «нового направления» «можно рассматривать как актуальное живое наследие, позволяющее использовать наблюдения, выводы, методологический багаж в изучении особенностей как общего модернизационного процесса в России, так и уникальных социальноэкономических явлений уральской истории»⁶. Л.В. Сапоговская признавала, что «мето-

дологическое наследие "нового направления" актуализировано современными проблемами российского общества»¹.

Следует заметить, что с позиции принципа ценностного подхода к анализу историографического факта «востребованность» означает не только то, что ценного имеется в произведениях того или иного ученого, и не только то, как оно актуально, а то, как это ценное воспринимается и используется исследователями последующих поколений. Е.Б. Заболотный и В.Д. Камынин выделяют в современной историографии три этапа по степени востребованности идей «нового направления». По их наблюдениям, «идеализация этой группы историков, наблюдавшаяся в годы перестройки, сменилась в первой половине 1990-х гг. практически их забвением. Лишь со второй половины 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени мы наблюдаем своеобразный ренессанс их идей, хотя отношение к ним продолжает оставаться неоднозначным»².

О значении идейного наследия А.Я. Авреха стали писать так же в годы «перестройки». Историки отмечали, что ученым «были заложены основы современного подхода к изучению истории царизма в его взаимоотношениях с либерально-буржуазными и реакционно-помещичьими партиями, третьиюньской системы»³. П.В. Волобуев, раскрывая вклад А.Я. Авреха в историческую науку, подчеркнул, что автору удалось показать, что «и царизм, и буржуазно-либеральные партии, прежде всего кадеты (официальное название – Партия народной свободы), оказались неспособными реформистскими средствами решить исторические задачи, стоявшие перед Россией (аграрный вопрос, создание буржуазно-парламентского строя и т.п.), и без «революционных потрясений» вывести ее из тупика и отсталости. Октябрьская революция предстает в трудах А.Я. Авреха как закономерная расплата за провал этих реформистских потуг господствующих классов и правящих верхов буржуазно-помещичьей России»⁴.

В новейшей историографии продолжается процесс не только восстановления доброго имени А.Я. Авреха, но и изучения его творческого наследия. В различных энциклопедических спра-

¹ Корелин А.П., Пушкарева И.М., Шацлло К.Ф. Советская историография истории России периода империализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 408–409.

² Волобуев П.В. Указ. соч. С. 7.

³ См.: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981; Он же. Распад третьиюньской системы. М., 1985.

⁴ См.: Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989; Он же. Массоны и революция. М., 1990; Он же. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

⁵ Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. К вопросу о месте «нового направления» в отечественной историографии // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 115.

⁶ Алеврас Н.Н. В.В. Адамов и проблемы индустриальной модернизации горнозаводского Урала. К вопросу о значимости и востребованности научного наследия // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова: сб. ст. Екатеринбург, 2004. С. 23.

¹ Сапоговская Л.В. Оригинальность «оригинального строя» горнозаводской промышленности Урала по В.В. Адамову // Там же. С. 69.

² Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Современная историография о феномене «нового направления» // Там же. С. 57.

³ Вопросы истории. 1989. № 3. С. 190.

⁴ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 6–7.

вочниках описаны основные вехи его жизненного пути. Становление творчества ученого связывается с научной школой А.Л. Сидорова. В.Л. Телицын относит А.Я. Авреха к ученикам Сидорова, получившим «позднее известность благодаря своим серьезным научным исследованиям»¹. На фоне этого высказывания несколько легковесно выглядит оценка А.Я. Авреха как члена «школы Сидорова», данная П.Н. Зыряновым. Он относит А.Я. Авреха к «солипсистам», беспринципным ученым, который в своих произведениях только и делает, что ругает царя и меньшевиков, а вот большевиков не трогает «по понятным причинам»².

В.Л. Телицын пишет о работе А.Я. Авреха в секторе капитализма Института истории АН СССР и его вкладе в пересмотр некоторых «устоявшихся представлений» и поиск новых подходов «к решению ряда ключевых проблем отечественной истории»³. В.Д. Камынин и А.А. Чернобаев отмечают вклад этого ученого в изучение характера «государственности и внутренней политики России в эпоху империализма»⁴.

Однако, по нашему мнению, процесс освоения творческого наследия А.Я. Авреха для современной науки находится в начальной стадии. Хотелось бы обратить внимание на анализ историографической традиции, которая занимается изучением проблем организации власти в России на рубеже XIX–XX вв., с точки зрения использования в ней идей А.Я. Авреха.

Интересной представляется попытка оценить значение работ А.Я. Авреха при исследовании проблемы организации власти в позднимперской России, предпринятая оренбургским историком С.В. Любичанковским. Он рассматривает творчество А.Я. Авреха на фоне развития советской исторической науки в период ее кризиса. Он полагает, что в советской науке «проблематике состояния власти как таковой не придавалось серьезного значения. Ситуация стала меняться только в 80-е гг. XX века, что связано, в первую очередь, с появлением работ А.Я. Авреха». Исследователь видит заслугу ученого в том, что он «свой анализ сосредото-

чил на царизме начала XX века как автономной системе, что объективно актуализировало тему дореволюционной власти»¹.

По нашему мнению, утверждение о том, что в советской литературе проблема состояния власти не изучалась совершенно, будет неверным. Советские ученые в соответствии с постулатами марксистско-ленинской теории при изучении предпосылок революции 1917 г. делали упор как на действие социально-экономических факторов, так и на изучение противоречий между властью и обществом. О «кризисе верхов» писали Е.Д. Черменский, Г.З. Иоффе, В.С. Дякин и другие советские ученые². В обобщающих трудах по истории аппарата государственного управления дореволюционной России, созданных учеными ленинградской школы (Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.С. Дякин, Б.Б. Дубенцов, С.И. Потолов), рассматривались ключевые проблемы власти и ее взаимоотношения с обществом³.

А.Я. Аврех, как и другие историки «нового направления», выход из историографического тупика, в который зашла советская историческая наука, видел в «новом прочтении Ленина». Объясняя свой интерес к царизму, автор писал: «Переход от исследования на макроуровне к изучению на микроуровне есть всеобщий закон развития науки. Исторической науке до результатов, достигнутых в этом направлении естественными науками, еще, к сожалению, далеко. Но начало этому пути положено и здесь. Был, в частности, в советской историографии период, когда царизм и буржуазию рассматривали как единое целое. Потом был сделан очень важный шаг вперед – господствующей стала ленинская концепция трех лагерей в революции. На этой теоретической основе создано немало ценных исследований.

Теперь настало время сделать следующий шаг, определяемый отнюдь не субъективными пристрастиями и вкусами, а объективной потребностью исторической науки, достигнутым ею уровнем развития. Поставленная задача, равно как и состояние

¹ Любичановский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара: Оренбург, 2007. С. 10–11.

² См.: Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1959; Он же. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Иоффе Г.З. «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // Исторические записки. М., 1984. Т. 110; Он же. Великий Октябрь и эпизод царизма. М., 1987; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Он же. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3 и др.

³ См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. М., 1984.

¹ Телицын В.Л. Указ. соч. С. 825.

² Зырянов П.Н. «Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника // Acta Slavica Japonica. Sapporo, 1995. Т. 13. С. 256 – 271.

³ Телицын В.Л. Указ. соч. С. 827 – 828.

⁴ Русская историография XI - начала XXI века: учеб. пособие / под ред. А.А. Чернобаева. М., 2010. С. 350.

литературы по этому вопросу, строго лимитирует и отбор объектов исследования. Все внимание сосредоточивается на изучении собственно царизма»¹.

С публикацией работ А.Я. Авреха С.В. Любичанковский связывает появление в отечественной науке «авреховской» парадигмы, представители которой основное внимание уделяют изучению царизма как целостной, автономной системы, и качеству работы конкретных звеньев государственного механизма, который представляется как многоуровневый².

А.Я. Аврех действительно понимал царизм как автономную социально-политическую систему. Он писал: «Царизм как социально-политическая система в последнее десятилетие своего существования представлял собой единство четырех основных составляющих: собственно царизма, т.е. верховной власти, официального правительства, поместного дворянства и третьиюньской Думы, которую В.И. Ленин определял также как особую политическую систему». По признанию автора, «имелись и другие весьма важные элементы этой системы, такие, как армия, церковь, чиновнический аппарат, полиция», которые сам автор в своих работах не рассматривал, поскольку целью его исследования являлось «изучение царизма именно в социально-политическом плане, начиная от носителя верховной власти и его непосредственного окружения в лице камариллы и кончая социальной опорой режима»³. С.В. Любичанковский подчеркивает, что «призыв А.Я. Авреха переходить к анализу предреволюционного царизма на микроуровне был коллегами-историками услышан и начал плодотворно реализовываться»⁴.

Анализ литературы показывает, что востребованными в современной историографии являются мнение А.Я. Авреха о рассогласованности в годы Первой мировой войны связей между императором и его министрами⁵, его позиция по вопросу сочетания корыстных и идейных начал в деятельности правительства Российской империи 1914–1917 гг.⁶ и др.

Еще одну заслугу А.Я. Авреха перед отечественной исторической наукой современные исследователи видят в том, что в трудах ученого была поставлена проблема кризиса власти как одной

из составляющих общего кризиса дореволюционной России¹. А.Я. Аврех содержание этого кризиса видел в том, что «принципы государственного управления (под которым в данном случае понимается управление в наиболее общих интересах господствующего класса) заменяется управлением по принципу сосредоточения власти в руках узкой клики и в интересах клики, оторванной не только от народа, но и в значительной мере от своей собственной социальной опоры»².

Автор данной статьи полагает, что в настоящее время слишком идеализировать взгляды А.Я. Авреха нельзя. Он был человеком своего времени и, как все историки «нового направления» до конца оставался верным марксистско-ленинской методологии. Даже в своих последних книгах, увидевших свет в годы «перестройки», он весьма часто цитировал работы В.И. Ленина и рассматривал их в качестве методологической основы своей работы. Почему-то некоторые современные почитатели творчества А.Я. Авреха при цитировании его работ выпускают те места, где ученый для подтверждения своих мыслей ссылается на соответствующие мысли В.И. Ленина.

Так, в частности, С.В. Любичанковский, приводя в своей работе пространную цитату А.Я. Авреха о царизме как целостной социально-политической системе, выпускает из нее, во-первых, то, что историк писал о царизме «в последнее десятилетие своего существования», во-вторых, слова В.И. Ленина о третьиюньской Думе³. Соответствующие места в цитате А.Я. Авреха С.В. Любичанковский заменяет отточиями. Если пропуск первой части цитаты А.Я. Авреха можно объяснить тем, что С.В. Любичанковский пытается его характеристику царизма распространить на весь период позднеимперской России, который исследует автор в своей работе, то пропуск слов Ленина о третьиюньской Думе нельзя объяснить ничем иным, как желанием подчеркнуть независимость творчества А.Я. Авреха от официальной идеологии. Между тем из контекста данной цитаты совершенно очевидно, что А.Я. Аврех свою концепцию царизма как целостной социально-политической системе вывел именно из высказывания Ленина.

В современной историографии идет дискуссия по вопросу о компетентности различных уровней власти в дореволюционной России. Многие авторы разделяют мнение американского исследова-

¹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 10.

² Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 12.

³ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 11.

⁴ Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 14.

⁵ См.: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 174.

⁶ См.: Там же. С. 77–78, 247–248.

¹ Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 19.

² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 174.

³ Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 11.

дователя Р. Роббинса, который высоко оценивает компетентность российских чиновников на рубеже XIX–XX вв., указывает на увеличивающуюся профессионализацию губернаторского корпуса. Автор полагает, что в это время возросшие требования к кандидатам на должность губернаторов способствовали улучшению качества губернского управления¹.

Уральский исследователь О.Н. Богатырева, характеризуя деятельность вятских и пермских губернаторов, заключает, что источники по этому вопросу опровергают ставшие привычным для советской историографии «взгляд на губернаторов как на надменных и невежественных чиновников»². По ее словам, «губернаторский корпус состоял из вполне квалифицированных, компетентных и принципиальных чиновников, честно выполнявших свой профессиональный долг»³.

Между тем, А.Я. Аврех, изучая Российскую империю последних лет существования, пришел к выводу, что правящий слой в это время страдал «синдромом некомпетентности, который увеличивается в размерах по принципу зарастающего ряской пруда. Каждый день площадь зарастания увеличивается вдвое». В полном соответствии с канонами советской историографии А.Я. Аврех писал, что «бюрократия с первых же шагов начинает превращаться в оторванную от общества касту со своими собственными узкими корыстными интересами, противоречащими не только интересам общества в целом, но и в какой-то мере и интересам господствующего класса»⁴.

Таким образом, судьба творчества советского историка А.Я. Авреха полностью совпадает с общей судьбой историков «нового направления». Всплеск интереса к нему наблюдался в годы «перестройки», о чем свидетельствует посмертная публикация его работ. Затем, после некоторого забвения, наблюдается усиление внимания современных исследователей к идеям А.Я. Авреха. Но оно носит пока избирательный характер.

¹ См.: Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 209–210.

² Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917 г.). Екатеринбург, 2004. С. 171.

³ Там же. С. 173.

⁴ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С. 248.

В.В. Пузанов, С.Л. Мельников
г. Ижевск

«ПРОБЛЕМА МНОГОУКЛАДНОСТИ» В ТРУДАХ М.М. МАРТЫНОВОЙ (1922–2003)

Основная сфера исследовательских интересов Марии Михайловны Мартыновой – аграрные отношения в Вятской губернии конца XIX – начала XX в. и удмуртская община (бускель)¹. Ученица известного советского историка Владимира Васильевича Адамова, М.М. Мартынова принадлежит к знаменитому «новому направлению», оформившемуся в советской историографии в 1960-е гг., последователи которого перенесли акцент с изучения зрелых форм капитализма в России начала XX века, на анализ «взаимодействия» и «срачивания» передовых форм капитализма с остатками докапиталистических укладов. В этой связи по иному представала роль различных социальных слоев в революционных потрясениях, в том числе и крестьянства².

По иному предстала социально-экономическая история нашего региона и в трудах М.М. Мартыновой. Ее предшественники, не уделяя должного внимания комплексному изучению источников, использовали общепринятые в советской историографии выводы о процессе развития капитализма в аграрном секторе для характеристики местных условий. Без должных оснований постулировалось положение об интенсивном развитии капиталистических отношений в удмуртской общине, ярко выраженной классовой дифференциации в среде крестьянства и, как следствие, о вполне сложившейся удмуртской сельской нацио-

¹ Впервые основные положения данного выступления были изложены в статье: Мельников С.Л., Пузанов В.В. К 80-летию Марии Михайловны Мартыновой // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1. С. 6–12.

² О связи «нового направления» с другими новационными явлениями в советской историографии 1960–70-х гг. см.: Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре: Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 3–10.

нальной буржуазии, безжалостно эксплуатирующей сообщинников. Попытки отдельных этнографов указать на наличие пережиточных институтов родовой организации в удмуртской деревне подвергались жесткой критике.

М.М. Мартынова не только подошла к проблеме с методологических позиций, отстаиваемых представителями «нового направления», но и положила в основу своих исследований твердые факты, впервые в столь полном объеме введенные в научный оборот. Не отрицая общих единых закономерностей развития капитализма в сельском хозяйстве Европейской России, она показала специфику этих процессов в Вятской губернии. Ключом для понимания этой специфики стала в ее исследованиях удмуртская община (бускель), которую она рассмотрела в контексте развития общинной организации у русских и татарских крестьян губернии. Широкий сравнительный социологический и конкретно-исторический анализ позволил ей сделать вывод об особенностях бускеля, определяемых как социально-экономическими, так и национально-психологическими параметрами. Поэтому, хотя для удмуртской общины были характерны те же процессы капиталистического развития, что и для русской, протекали они более медленными темпами, а многоукладность была выражена ярче. Патриархальные общинные традиции в большей степени связывали удмуртского крестьянина, чем русского или татарского. Отсталость орудий труда, способов ведения хозяйства, зависимость (во многом, патриархально-родового характера) от верхушки деревни сковывали инициативу основной массы удмуртских крестьян. В свою очередь, зажиточные крестьяне державшие в руках административную и культурную власть в общине, стремились сохранить пережитки докапиталистического уклада, создававшие для них определенные преимущества¹. «Стремление к определенной национальной замкнутости в удмуртской общине», по мнению М.М. Мартыновой, объяснялось и постоянным преследованием традиций, обрядов и обычаев удмуртов со стороны русской церкви и чиновничества². В таких условиях, заключала исследовательница, «на

¹ Мартынова М.М. Удмуртская община (бускель) в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 313–324; Она же. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: Автореф. канд. дис. Свердловск, 1970 и др.

² Там же. С. 321.

территории Удмуртии не могло сложиться ни национальной промышленной буржуазии, ни национального пролетариата»¹

Особое место в научной деятельности М.М. Мартыновой занимает изучение столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии, месте и роли земств в ее проведении². Одной из причин существенных издержек в реформировании, она считает то обстоятельство, что правительство Столыпина, пытаясь создать социально-экономическую опору в лице кулака, «не учитывало уровня капиталистического развития деревни в различных районах России. В Вятской губернии, несмотря на заметное классовое расслоение, размывание середняка проходило медленно, зажиточный крестьянин часто сохранял не только старые формы эксплуатации, но и старую технику и культуру ведения хозяйства, не спешил переходить к новым интенсивным методам»³. Столыпинская реформа, не учитывавшая этой специфики края, не смогла уничтожить в Вятской губернии патриархальные и феодальные пережитки, не привела к радикальным изменениям⁴. В то же время она не отрицала и положительных последствий реформы: распространение улучшенного инвентаря в хозяйствах зажиточных крестьян, некоторый рост товарного производства хлеба и др.⁵

Значительное внимание М.М. Мартынова уделяла структуре поземельных отношений, развитию производительных сил в сельском хозяйстве Вятской губернии, межэтническим контактам, социальной и этнической психологии. Она первой применительно к нашему региону, и одной из первых в стране, стала обращать пристальное внимание на скрытую, глубинную, неотрафлированную часть общественного сознания, ее влияние на социально-экономическое развитие деревни. Благодаря этому взгляд на ту или иную научную проблему у М.М. Мартыновой

¹ Она же. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. С. 20.

² См.: Мартынова М.М. Столыпинская аграрная реформа в вятской губернии // Сборник материалов научной сессии вузов уральского экономического района. Свердловск, 1963; Она же. К вопросу о роли вятского земства в проведении столыпинской аграрной реформы // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Она же. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. С. 18 и др.

³ Она же. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. С. 18 и др.

⁴ Там же. С. 11–21.

⁵ Там же. С. 11, 17 и др.

получается объемным, цельным и удивительно образным. В то же время, Мария Михайловна будучи человеком скромным и добросовестным, отмечала приоритет в постановке ряда этих вопросов дореволюционными исследователями: «Проблема многоукладности в удмуртской общине, вопросы национальной психологии, нормы “обычного права”, специфика личностных отношений при знакомстве с общиной бускель поднималась уже в дореволюционной историографии, в исследованиях Г.Е. Верещагина, И.Н. Смирнова, П.Н. Луппова, К.Ф. Хакова»¹. Указывала она и на исследования 1930-х гг. этнографа М.Н. Мартынова, в которых удмуртская община конца XIX – начала XX в. «рассматривалась в качестве одного из пережиточных институтов родовой организации, к которым автор относил и остатки “большой семьи”»².

М.М. Мартынова была активным участником знаменитой конференции «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)», организованной Институтом истории СССР, научным советом по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Уральским государственным университетом, состоявшейся в мае 1969 г. в Свердловске. Конференция стала научным триумфом «нового направления» и, одновременно, его «лебединой песней». Оппоненты активизировались. Они не могли простить «многоукладникам» «методологической вольности», которая сокрушала устоявшиеся десятилетиями ортодоксальные концепции отечественной истории. Не одержав виктории в научном споре, они задействовали административный ресурс. В марте 1973 г., Отдел науки ЦК КПСС, по докладу СЛ. Трапезникова, принял постановление, обвинившее «новое направление» в ревизионизме, в отступлении от ленинского анализа движущих классовых сил в Октябрьской социалистической революции и т.п. Меры, принятые по защите марксизма от «наветов многоукладников», оказались зубодробительными. Направление было разгромлено, а главный рассадник «ереси», сектор истории СССР периода империализма Института истории

¹ Она же. Удмуртская община (бускель) в советской исторической науке /Актуальные проблемы историографии дореволюционной России: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1992. С. 132–134. См. также: *Мартынова М.М.* Аграрные отношения в Вятской губернии периода империализма в советской историографии // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917–1987 гг.). Свердловск, 1967.

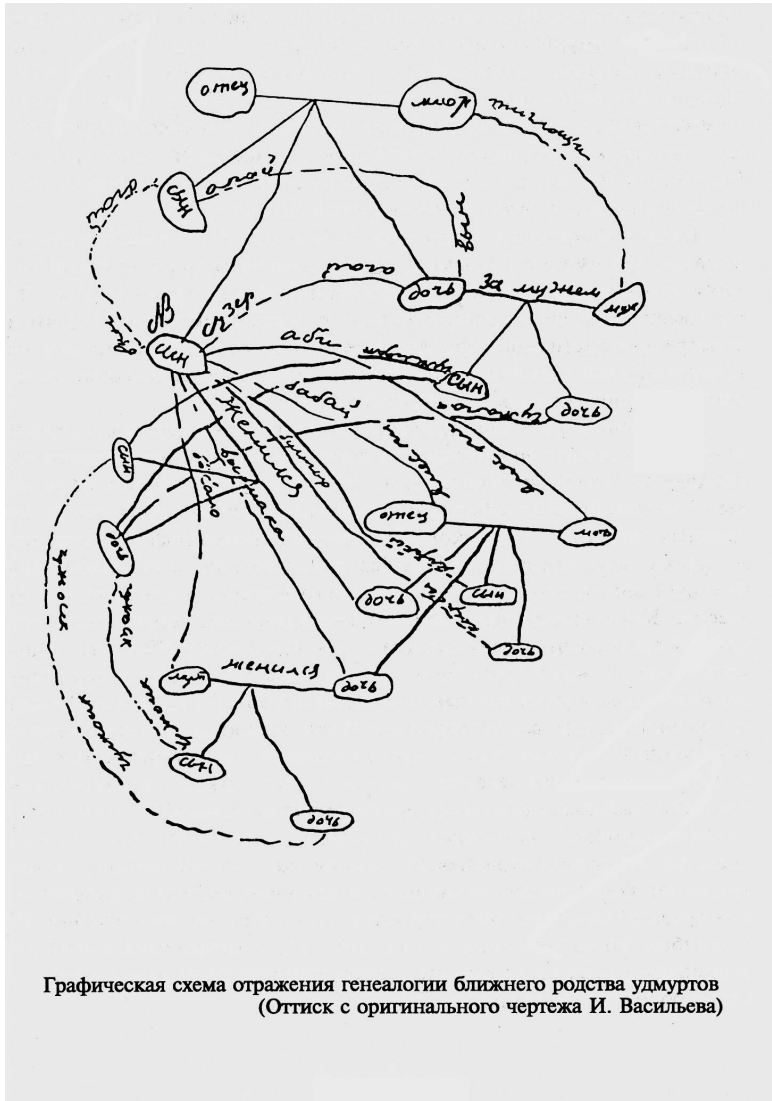
² Она же. Удмуртская община (бускель) в конце XIX – начале XX в. С. 315; Она же. Удмуртская община (бускель) в советской исторической науке С. 130.

СССР АН СССР – расформирован. Учитель М.М. Мартыновой – В.В. Адамов, подвергавшийся, пожалуй, наиболее ожесточенной критике, был отстранен от должности заведующего кафедрой истории СССР Уральского государственного университета.

Мария Михайловна тяжело переживала эти события. Ни тогда, ни после, она не отказалась от своих научных убеждений, не изменила самой себе, не предала памяти своего учителя (до конца дней своих она была уверена в том, что «сердце Владимира Васильевича не выдержало обрушившихся на него гонений» и это ускорило его кончину). И в последующих публикациях¹, и в учебной работе, она продолжала развивать идеи «нового направления», прививая студентам творческий подход к исследовательской деятельности, свободный от устоявшихся в науке догм и формализма.

¹ См., наприм.: *Мартынова М.М.* Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX в. // Аграрные отношения в Удмуртии в конце XIX – начале XX в. Ижевск, 1981. С. 3–45.

Приложение 1 к статье А.Е. Загребина «Удмуртская семья и система родства в историографии рубежа XIX–XX вв.»

СОДЕРЖАНИЕ

Мельников С.Л., Пузанов В.В. (г. Ижевск) Мария Михайловна Мартынова (1922–2003).....	3
Долгов В.В., Пузанов В.В. (г. Ижевск) Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998).....	5
Халявин Н.В. (г. Ижевск) Б.Г. Плющевский: обзор архива ученого в Центре истории образования, науки и культуры УдГУ.....	13
Трещев В.С. г. (Ижевск) Личные фонды ММ. Мартыновой и Б.Г. Плющевского в ГКУ «ЦДНИ УР».....	17
Жих М.И. (г. С.-Петербург) Славянская знать догосу дарственной эпохи по данным начального летописания.....	19
Несин М.А. (г. С.-Петербург) Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии.....	38
Кузнецов А.А. (г. Нижний Новгород) Мобильность в среде Рюриковичей в последней трети XII в. (на примере Михалка Юрьевича).....	49
Соловьева К.Н. (г. Ижевск) Социальные координаты «мужей» в древнерусском обществе.....	58
Ильин М.С. (г. Пермь) Поведенческие модели средневекового монашества по материалам агиографической литературы («играющий» и «трудящийся» как статусы средневековья).....	68
Пузанов Д.В. (г. Ижевск) Антиудейская полемика в Древней Руси.....	77
Козловский С.О. (г. Львов, Украина) Торговля и купечество как «социальный лифт» в коллективной ментальности средневекового общества Западной Европы (XII–XV вв.).....	91
Парунин А.В. (г. Курган) Модель смерти и умирания в «Повести об убиении князя Михаила Черниговского».....	97

- Дулова М.А.** (г. Ижевск) Новгородские ушкуйники: генезис и социальные характеристики.....105
- Макаров Л.Д.** (г. Ижевск) Историография источниковедения русской колонизации Вятского края в XII–XV вв.....115
- Терёхина Ю.В.** (г. Казань) Социальные передвижения в группе служилых людей «по прибору» в XVI–XVII вв.....121
- Гладков А.К.** (г. Москва) «Ученые сообщества» и пути социальной мобильности в средневековой Западной Европе.....130
- Выбирал З.** (г. Брно, Чехия) Политическая коммуникация в эпоху Коменского – формы и перемены.....134
- Долгов В.В.** (г. Ижевск) Антропологическая проблематика в трудах по древнерусской истории первой четверти XIX в.: Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой.....140
- Петров А.В.** (г. С.-Петербург) О некоторых особенностях историографии «варяго-русского вопроса» и возможностях его дальнейшего обсуждения.....147
- Котышев Д.М.** (г. Троицк) Стадиальные и типологические характеристики древнерусской государственности: историографические и методологические заметки.....156
- Блащук С.Н.** (г. Киев, Украина) Русская Правда в трудах В.П. Любимова.....166
- Халыгин Н.В.** (г. Ижевск) Проблемы становления Новгородской епископии в трудах по истории церкви.....175
- Дербин Е.Н.** (г. Ижевск) Земско-вечевая теория политического устройства Древней Руси и время её возникновения.....186
- Козловский С.В.** (г. Ижевск) Былина о гибели Святогора: историография, интерпретация, реконструкция.....193
- Герасимова Е.А.** (г. Москва) Проблемы источниковедения: уровни непонимания древнерусского текста.....206
- Мусихин А.Л.** (г. Нижний Новгород) Индивидуализирующий метод интерпретации исторических источников: на примере изучения Вятского летописца.....212

- Сердюк И.А.** (г. Полтава, Украина) Социальная мобильность детей в городском населении Гетьманщины XVIII в. (на примере Стародуба).....220
- Обухова Г.И.** (г. Ижевск) Общинная и частная аренда оброчных мельниц крестьянами и купцами Глазовского уезда Вятской губернии в конце XVIII – 70-е годы XIX века.....229
- Колзина П.В.** (Ижевск) Коллективный портрет чиновников Петербургского Цензурного Комитета в 1810-х гг. на основании формулярных списков.....237
- Мельников С.Л.** (г. Ижевск) Крестьянский отход как проявление социальной мобильности: современное прочтение трудов Б.Г. Плющевского.....245
- Иванова Н.Н.** (г. Ижевск) Демографическая ситуация и социальные проблемы в Вятской губернии в пореформенный период (по материалам земских врачей).....253
- Казакова Н.В.** (г. Ижевск) Досуг в Вятской губернии во второй половине XIX века по мемуарным источникам.....261
- Шайхисламов Р.Б.** (г. Уфа) Социальный облик и статус горнозаводского населения южного Урала до реформы 1861 г.....266
- Загребин А.Е.** (Ижевск) Удмуртская семья и система родства в историографии рубежа XIX–XX вв.....273
- Ульянов А.Е., Тетерина Е.А.** (г. Пенза) Забытые обычаи и традиции пензенских татар в конце XIX – начале XX в. (на примере татарского села Кикино).....281
- Суслов А.Ю.** (г. Казань) Социалистические партии и модернизация России в первой трети XX в.: современное понимание.....285
- Дмитриев П.Н.** (г. Ижевск) Анархические группы на территории Удмуртии в период социальных трансформаций (конец 1917 – середина 1918 гг.).....297
- Сулимов В.С.** (г. Тобольск) Помощь учащимся школ Ново-Николаевска деревне в 1916 году.....306
- Леконцев О.Н.** (г. Глазов) Расслоение крестьянской общины Вятской губернии и Вотской области в середине 1920-х гг.....314
- Крылов Е.В.** (г. Ижевск) Провинциальная научная интеллигенция в период социальной трансформации 1920-х гг. (на примере казанских историков и археологов).....324

Крупьна В.А. (г. Киев, Украина) Динамика социопрофессиональных характеристик номенклатуры советской Украины в 1946–1953 гг.....	334
Булгакова О.В. (г. Киев, Украина) Повседневная жизнь гуманитарной интеллигенции Украины “оттепели”: трансформации жизни и мировоззрения.....	343
Дементьев Б.П. (г. Пермь) Традиционные ценности в современном российском обществе: проблема адаптации.....	351
Порозов В.А. (г. Пермь) Педагогическое образование как фактор социальной мобильности.....	358
Хасянов О.Р. (г. Ульяновск) Проблема сохранения культурной самобытности села в модернизирующемся обществе.....	369
Харин Е.С. (г. Ижевск) Православный приход в России на современном этапе – община в меняющемся мире.....	375
Коршунов В.А. (г. Киров) Магические способы перекрытия пути в традиционной культуре народов России.....	379
Осипов Б.И. (г. Омск) Семейные фотографии как элемент историографии.....	383
Мазитов Ф.Ф. (г.Уфа) Статистические исследования первой половины XIX века о социальном и экономическом положении населения Оренбургской губернии.....	387
Круглый стол: «Новое направление»: судьба новаций в советской историографии 1960–1970-х гг.....	391
Камынин В.Д. (г. Екатеринбург) Судьба научного наследия В.В. Адамова (1914–1985) – главы уральской группы «нового направления».....	391
Шишкина С.Ю. (г. Тюмень) Судьба творческого наследия А.А. Авреха (1915–1988).....	403
Пузанов В.В., Мельников С.Л. (г. Ижевск) Проблема многоукладности в трудах М.М. Мартыновой (1922–2003).....	415
Приложение 1 к статье А.Е. Загребина «Удмуртская семья и система родства в историографии рубежа XIX–XX вв.»	420

Социальная мобильность в традиционных обществах история и современность

материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20–21 ноября 2012 г.

Отв. ред. и сост. В.В. Пузанов

Дизайн обложки В.В. Долгов

Авторская редакция.

Подготовка оригинал макета – В.В. Пузанов

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 23,8. Усл. печ. л. .

Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет».
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7(3412) 500–295, e-mail: editorial@udsu.ru

